

Развитие ономастического направления исследований в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН, где работают авторы этой книги, началось в 1970-х годах. За прошедшие полстолетия на основе ежегодных полевых экспедиций создана одна из крупнейших в России научных топонимических картотек. Работающим под руководством И. И. Муллонен коллективом исследователей разработаны основные положения ареально-типологической методики исследования топонимии, на основе которой проведена реконструкция средневековой этноязыковой карты Карелии и смежных областей. Исследованы механизмы контактирования топонимических систем родственных и неродственных языков и способы интеграции прибалтийско-финских названий в русскую топонимическую систему, что позволило провести этимологическую интерпретацию значительного числа субстратных топонимов Русского Севера. Реконструированы многие элементы древнего вепсского и карельского некалендарного именованья, а также выявлен корпус народных вариантов православных имен. Результаты исследований опубликованы в 10 монографиях и словарях, а также нескольких сотнях статей.

Е. В. Захарова, Д. В. Кузьмин,
И. И. Муллонен, Н. Л. Шибанова

ТОПОНИМНЫЕ
МОДЕЛИ КАРЕЛИИ
В ПРОСТРАНСТВЕННО-
ВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

S T U D I A P H I L O L O G I C A

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

*Е. В. Захарова, Д. В. Кузьмин,
И. И. Муллонен, Н. Л. Шибанова*

ТОПОНИМНЫЕ
МОДЕЛИ КАРЕЛИИ
В ПРОСТРАНСТВЕННО-
ВРЕМЕННОМ
КОНТЕКСТЕ

Издательский Дом ЯСК
Москва 2018

УДК 80/81
ББК 81-3*81.2
3 38

Монография подготовлена в рамках гранта
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), № 14-0400243а
«Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте»

Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 18-112-00031, не подлежит продаже

Рецензенты:

д. ф. н. Н. В. Кабинина, к. и. н. А. Ю. Жуков

Захарова Е. В., Кузьмин Д. В., Муллонен И. И., Шибанова Н. Л.

3 38 Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте / Под ред. И. И. Муллонен. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 272 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-6040760-4-0

Монография посвящена исследованию топонимных моделей на материале географических названий Карелии и сопредельных областей с целью выявления и анализа принципов наименования географических объектов, роли типовых моделей в процессе номинации и механизмов формирования топонимической системы территории. Для доказательства высказанных положений анализируются т. н. качественные топоосновы, входящие в число типовых и характеризующие размер, форму и относительное местоположение объекта.

В работе доказывается принципиально важная роль моделей в процессе номинации, которая зависит от образцов, существующих у носителей, населяющих определенную территорию в определенный момент времени. При этом устанавливается, что мода на модель обуславливается целым рядом обстоятельств, в том числе уровнем общественного развития коллектива номинаторов, ландшафтно-географическими особенностями территории, языковыми факторами и т. д. Выявляются отраженные в топонимии особенности номинации, свойственные разным этноязыковым коллективам, населявшим Карелию: саамам, вепсам, карелам, русским.

На основе проведенного исследования уточняется формирование этноязыковой карты Карелии и смежных областей. Предложен целый ряд новых авторских этимологий топонимов, в том числе бытующих в регионе Русского Севера.

Работа адресована специалистам в области ономастики, а также всем интересующимся вопросами топонимики Российского Северо-Запада.

**УДК 80/81
ББК 81-3*81.2**

*В оформлении переплета использован
фрагмент Плана Петрозаводского уезда Олонецкой губернии 1897 г.*

ISBN 978-5-6040760-4-0

9 785604 076040 >

© Коллектив авторов, 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Введение. Топонимический метод в исследовании этноязыковой истории Карелии.	13
Глава 1. Типовые топоосновы для отражения размера географического объекта	29
1.1. Типовые атрибутивные прибалтийско-финские топоосновы	29
1.2. Типовые топоосновы со значением ‘большой’	32
1.2.1. <i>Suuri-</i> ~ <i>Šuuri-</i> / <i>Сур-</i>	33
1.2.2. <i>Tobie-</i> ~ <i>Tobd’-</i> / <i>Тоб-</i>	34
1.2.3. <i>Jalo-</i> / <i>Ял-</i>	36
1.2.4. <i>En(ä)-</i> ~ <i>Än-</i> / <i>Ян-</i>	40
1.2.5. <i>Великий</i> vs. <i>Большой</i>	48
1.3. Типовые топоосновы со значением ‘маленький’	50
1.3.1. <i>Pieni-</i> , <i>Pikku-</i> , <i>Pikkaraini-</i>	51
1.3.2. <i>Vähä-</i>	53
1.3.3. <i>Pič-</i>	56
1.3.4. <i>Пинега</i> — ‘маленькая река’?	56
Глава 2. <i>Кривые озера</i> и <i>Толстые мысы</i> : типовые топоосновы, характеризующие форму географического объекта	65
2.1. Типовые топоосновы со значением ‘длинный’	67
2.1.1. <i>Kuk(as)-</i> / <i>Кук-</i>	67
2.1.2. <i>Pitkä-</i>	72
2.2. <i>Тонкий</i> vs. <i>Узкий</i>	74
2.2.1. <i>Noikka-</i>	75
2.2.2. <i>Kaita-</i>	77
2.3. <i>Толстый</i> vs. <i>Широкий</i>	80
2.4. Типовые топоосновы со значением ‘круглый’	85
2.5. Типовые топоосновы со значением ‘кривой’	89
2.5.1. <i>Kovera-</i> / <i>Ковер-</i>	90
2.5.2. <i>Viärä-</i> / <i>Вур-</i>	97

2.5.3. <i>Polvi-</i>	114
2.5.4. <i>Kolmisoppi, Kolmikolkka</i>	117
2.6. Образная номинация в обозначении формы географического объекта	122
Глава 3. Модельные топоосновы, характеризующие относительно расположение географического объекта	
3.1. Топоосновы, обозначающие расположение объекта на местности по сторонам света	146
3.2. Топоосновы со значением 'передний' и 'задний'	153
3.2.1. <i>Taga- ~ Taka-</i>	154
3.2.2. <i>Perä-</i>	157
3.2.3. <i>Oeäa- ~ Oeäi-</i>	160
3.3. «Ближние» и «дальние» топонимы	162
3.3.1. <i>Sydän- ~ Syväin-</i>	163
3.3.2. <i>Perse- ~ Perze-</i>	167
3.4. Топоосновы со значением 'расположенный между или напротив'	168
3.4.1. <i>Väli-</i>	168
3.4.2. <i>Poikki-</i>	169
3.4.3. <i>Yliäi-</i>	172
3.4.4. <i>Kohta- ~ Kohtu-</i>	172
3.5. «Верхние» гидронимы Карелии	175
3.5.1. Гидронимная основа * <i>Ylä-</i> и ее фонетические варианты	176
3.5.1.1. * <i>Ylä-</i> в сочетании с диминутивным / атрибутивным формантом	179
3.5.1.2. * <i>Ylä-</i> в сочетании с суффиксом, имеющим суперлативную семантику	181
3.5.1.3. * <i>Ylä-</i> в сочетании с суффиксом *- <i>kse-</i>	186
3.5.2. <i>Latva- ~ Ladva- / Ладв-</i>	192
3.5.3. * <i>Kerak- / Керак-</i>	193
3.5.4. <i>Piä- ~ Pää-</i>	193
3.5.5. <i>Oiva-</i>	195
3.5.6. <i>Kač- / Кач-, Ketse-</i>	196
3.5.7. <i>Kuš- ~ Kuž-</i>	197
3.6. Топоосновы с 'боковой' семантикой	198
3.6.1. <i>Lap- / Лан-</i>	198
3.6.2. <i>Piele- / Пул- ~ Пел- ~ Пял- ~ Пал-</i>	205
3.7. Топоосновы с 'поперечной' семантикой	212

Заключение	215
Список сокращений	228
Список литературы и источников	232
Указатель топонимов	240
Список детерминантов прибалтийско-финских топонимов	267

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мир географических названий богат и разнообразен. Чем более освоена территория, чем богаче рельеф местности, тем шире список топонимов. Полевые сборы топонимии в Карелии и на смежных территориях Северо-Запада России свидетельствуют о том, что в окрестностях одного куста поселений удастся зафиксировать до 400–500 названий — от наименований отдельных частей населенного пункта, окружающих его водных объектов до топонимов, называющих полосы в полях, одиночные камни или деревья. На первый взгляд может показаться, что выбор названий произволен, свободен от всякого рода ограничений. Однако анализ принципов называния убеждает в том, что он ограничен многими обстоятельствами. Топоним образуется и существует не сам по себе, но в рамках определенной системы, по образцам, моделям, используемым в данное время и на данной территории. Эти образцы человек усваивает вместе с языком и обращается к ним, когда сам оказывается в ситуации имитационности — присваивает названия географическим объектам, в том числе и на вновь освоенных территориях. Поэтому выявление и последующее картографирование топонимов, дифференцирующих определенный этноязыковой коллектив, позволяет реконструировать исторические границы этнических ареалов или пути, по которым происходило освоение новых территорий. Для эффективной реконструкции принципиально важно вычленив из топонимического массива территории те структуры (топоосновы или форманты), которые несут в себе такой этноисторический заряд.

В отечественной ономастике довольно основательно разработаны отдельные позиции общей теории формирования и функционирования топосистем (например, бинарная оппозиция, мотивы номинации и проч.). Однако понятие *топонимной модели*, которая имеет временные и географические рамки существования и опосредует процесс называния новых объектов, до сих пор не внесено в ряд ключевых. Показательно, что даже термин «модель» практически не получил использования применительно к топонимическим основам. Между тем понимание формульности топонимии как основополагающего принципа организации топонимической системы (как на уровне структу-

ры названий, так и использования топооснов, в том числе образных, и стоящих за ними мотивов номинации) способствует познанию такого феномена, как топоним. Значимость теоретического обоснования роли модельности в топонимии заключается в том, что оно устанавливает критерии истинности топонимической этимологии. Этимологизироваться должно не одно отдельно взятое название, но название как элемент целостной системы, с учетом существовавших в регионе на время появления топонима моделей номинации, набора топооснов.

В предпринятом исследовании «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте» выявляются и описываются те модели названия, которые использовались в топонимии Карелии и смежных территорий для характеристики формы, размера и относительного расположения озерных объектов¹. Выбор обусловлен массовостью этих групп топонимов в Карелии, а также возможностью проверить топонимическую информацию картографической — обликом (размер, форма, взаимное расположение и т. д.) названных объектов на топографических картах, что является критерием надежности анализа. На обширном материале сделана попытка доказать, что номинация происходит в рамках известных в данное время и на данной территории моделей именования — морфологических типов, лексических топооснов, семантических классов. В свою очередь, ареальные и временные рамки бытования моделей позволяют использовать их для реконструкции этноязыковой и историко-культурной ситуации.

Исследование основано на полевых материалах, собранных сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН и хранящихся в Научной картотеке топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН (более 300 тыс. единиц хранения), и создающейся на ее основе ГИС «Топонимия Карелии», позволяющей проводить геокодирование топонимов с привязкой названия к объекту названия и тем самым отслеживать образы, лежащие в основе номинации. Кроме того, привлекались материалы Национального архива Республики Карелия, данные топографических карт и атласов, письменных источников XV–XIX вв., а также материалы картотек Топонимической экспедиции УрФУ (г. Екатеринбург) и Научного топонимического архива Финляндии (Suomen nimiarkisto, KOTUS), электронных ресурсов karttapaikka.fi, retkikartta.fi.

¹ Под озерными объектами, помимо собственно озер, понимаются острова, мысы, заливы, проливы — т. е. географические объекты, являющиеся частью озерной системы.

В ходе работы осуществлено картографирование ряда выявленных моделей (подготовлена 21 топонимическая карта), что позволило обосновать их распространение, проанализировать причины ареальной дистрибуции некоторых из них. На основе ареально-типологического метода исследования прослеживаются ареальные связи модельных топооснов на прибалтийско-финской и русской (обрусевшей) территориях Карелии, предлагаются подходы для определения относительного возраста моделей и дается этноязыковая интерпретация полученных ареалов.

Работа включает в себя теоретическое введение — «Топонимический метод в исследовании топонимии Карелии», в котором изложены основные положения методики, разработанной авторским коллективом с использованием предшествующих наработок российских и финляндских исследований, а также собственных изысканий. Она основывается на том, что присвоение названия географическому объекту происходит не произвольно, но опосредовано существующей на данной территории в данное время у данного этноязыкового коллектива топонимической системой, по готовым моделям и образцам, усвоенным создателем топонима вместе с языком. Это делает топонимию надежным языковым и этноисторическим источником.

Во втором разделе введения также предложен обзор некоторых результатов, полученных авторским коллективом в применении ареально-типологической методики анализа топонимов для реконструкции этнокультурной истории региона.

В главе 1, «Типовые топоосновы для отражения размера географического объекта», анализируются типовые качественные модели, характеризующие размер водных объектов и их частей. В центр внимания вынесены их частотность, приоритеты в назывании определенных типов объектов, ареалы бытования и относительная хронология. Доказывается хронологическая и географическая приуроченность некоторых из названных топооснов (*Enä-, Jalo-, Vähä-, Tobie-, Pikkaraini-*), которая использована как критерий для реконструкции путей проникновения моделей и, соответственно, стоящего за ними этноязыкового коллектива, а также границ этнических ареалов в прошлом.

Во второй главе, «*Кривые озера и Толстые мысы: типовые топоосновы, характеризующие форму географического объекта*», выявляется и описывается набор топооснов, которые используются в топонимах для характеристики формы объектов — относительно небольших, позволяющих эту форму увидеть. Список включает как прямые, так и обратные, метафорические названия. Последние существенны в плане

отражения народной картины мира. Как и в первой главе, выявление типовых топооснов и характерных моделей названия сопровождается их ареальным анализом, который выводит на реконструкцию этноисторических процессов. С точки зрения теории ономастики важна доказанная в ходе исследования привязка определенных топонимных моделей к определенному виду ландшафта.

Теоретические проблемы ономастики поднимаются и в третьей главе, «Модельные топоосновы, характеризующие относительное расположение географического объекта», в связи с обнаружением избирательности топонимической системы в ситуации выбора топооснов из ряда семантически равнозначных лексем. Основной же пафос этой главы вновь нацелен на ареальный анализ моделей и вытекающую из него реконструкцию этноисторических процессов. Наряду с прибалтийско-финским материалом рассматриваются и некоторые древние маркерные единицы, имеющие доприбалтийско-финские корни. В связи с этим предложен ряд финно-угорских этимологий, опирающихся, с одной стороны, на реальное расположение названных объектов внутри водной системы, с другой — на праязыковые (фонетические) закономерности (топоосновы *Iles-* / *Илекс-* ‘верхний’, *Piele-* ~ *Päl-* / *Пел-* ~ *Пял-* ‘боковой’ и др.). Добавим, что этимологические изыскания проводятся во всех трех главах исследования. При этом значение прибалтийско-финских лексем, к которым восходят топонимы и их элементы, приводится по словарям карельского, вепского и финского языков без указания на конкретный источник. Список привлеченных для этих целей словарей размещен в разделе «Список словарей и источников».

ВВЕДЕНИЕ

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

Обращение к топонимам как к надежному источнику реконструкции этнических и культурных процессов, происходивших в прошлом, имеет давние и прочные традиции. «Язык земли», как образно называл географические названия русский ученый Н. И. Надеждин, востребован и в исследовании этнического прошлого территории Русского Севера. Уже в ранних публикациях отмечается многослойность топонимии северных территорий как свидетельство многоэтапности их освоения. Наиболее убедительных результатов в исследовании субстратной топонимии Русского Севера достигла, безусловно, уральская топонимическая школа во главе с А. К. Матвеевым [Матвеев 2001–2007]. Свои наработки, связанные с топонимическим ландшафтом примыкающих к Русскому Северу территорий Обонежья, Поморья и Приладожья, предложены карельскими исследователями (см., например, [Муллонен 2002; Kuzmin 2014; Захарова 2015]). Интересные и чрезвычайно перспективные для дальнейшего исследования результаты достигнуты в последнее время финляндскими топонимистами.

Этнолингвистический потенциал топонимии базируется на целом ряде объективно присущих ей особенностей. Массовость топонимического материала позволяет оперировать большим количеством названий, что выгодно характеризует топонимию на фоне отрывочных и в массе своей поздних письменных источников или этнически плохо интерпретируемых и к тому же обычно неполных археологических свидетельств.

Чрезвычайно ценным в связи с возможностью функционирования топонима как адреса даже после утраты создавшего его языка является то, что в топонимических системах тех территорий, на которых происходило или происходит языковое контактирование, присутствуют топонимы иноязычного происхождения. Именно они являются одним из наиболее существенных источников этноязыковой информации.

Язык происхождения топонимов традиционно использовался в истории ономастики для решения этногенетических проблем. К настоящему времени выработан целый ряд методов анализа субстратной топонимии, обеспечивающих большую надежность этимологической интерпретации (см., например, [Матвеев 1986; Saarikivi 2006]), а также осознана необходимость выявления принципов усвоения иноязычной топонимии топонимической системой-преемником. Без этих систематизирующих знаний этимологическое исследование лишается необходимого каркаса в виде закономерностей языкового взаимодействия контактирующих топосистем.

Ценность топонимии как этноисторического источника вытекает также из того, что топоним при происхождении мотивирован, а слово, положенное в основу названия, отражает определенный признак, качество названного объекта. При этом выбор признака для наименования определяется уровнем общественно-исторического развития того коллектива, который создает топонимическую систему. При кажущемся разнообразии топонимов на самом деле набор их достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов, причем чем шире территориальные границы привлекаемого материала, тем больше повторений. В условиях единой культуры, сходных естественно-географических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах едины. А это значит, что создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных участках территории. Замечено, например, что названия, созданные народом, экономика которого основана на промысловой культуре, нередко нагляднее и образнее, а топонимы, указывающие на какие-либо события, связаны в большей степени с кочевым бытом, чем с земледельческим. Установление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований, в которых фиксируется имя владельца или его социальное положение. Анализ типовых основ вепской топонимии характеризует ее как имеющую утилитарную направленность. Вепская топонимия достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. Основной пафос номинации — географическая реальность как объект хозяйственного использования. В соответствии с этим одни объекты ландшафта получают названия, другие — нет. В регионе вепского Межозерья мало безымянных водоемов: даже те из них, что располагались в глубинах лесов, далеко от поселений, были функциональны в качестве, например, водных дорог или мест рыбалки. В то же время огромные лесные массивы не имеют особых названий: очевидно,

нужды населения обеспечивались лесами, прилегавшими к поселению. Возвышенные участки рельефа (горки, холмы, кряжи) в силу того, что к ним привязываются и поселения, и сельскохозяйственные угодья, интересуют вепсскую топонимию значительно больше, чем низинный рельеф. Из всего многообразия мира флоры в топонимии закрепились, прежде всего, те его представители, которые имеют определенную практическую ценность для человека. Какая-нибудь неприметная *вахта трехлистная* (лат. *Menyanthes trifoliata*, вепс. *vehk*) оказывается для топонимии значительно важнее многих прочих растений, поскольку широко применялась в жизни местного населения. Ее использовали в народной медицине, корень ее в голодные годы добавляли в хлеб. Именно этим обусловлены многочисленные *Вехкозера* и *Вехкручы* на вепсской и смежной обрусевшей территории. Топооснова *vehk-* входит в число четырех самых частотных вепсских топооснов из мира флоры. Такая утилитарная направленность вепсской топонимии продиктована, очевидно, производщим характером культуры вепсского населения. Сельское хозяйство — основа экономики, и этим определяется во многом взгляд на окружающий мир [Муллонен 2002].

С другой стороны, выбор признака, положенного в основу географического названия, диктуется не только уровнем социального развития и экономическими приоритетами общества. Использование топонимии в целях этноисторических исследований должно опираться на знание закономерностей онимической номинации, на то, что отражение реального мира и реальных отношений преломляется через призму топонимической системы как определенного организующего начала образования и функционирования географических названий. Следует учитывать, что основная функция названия — адресная. Топоним идентифицирует объект, отличает его от ряда подобных, а не описывает его свойства. Поэтому при акте номинации приходится принимать во внимание окружающую топонимию, особенно названия объектов одного разряда, и отказываться от тех возможностей называния, которые уже реализованы. В противном случае адресность не будет выполняться. Это не значит, однако, что за основу номинации может быть взят некий нереальный, несуществующий признак. Выбор происходит в рамках реально существующих особенностей географического объекта. Это означает, что единый для ряда однородных географических объектов признак редко кладется в основу номинации. Из двух расположенных рядом круглых по форме озер лишь одно может быть названо *Круглым*, второе же должно идентифицироваться по какому-то другому признаку: рыбности, цвету и качеству воды, освоенности берегов и т. д.

Выбор признака объекта, отраженного в топониме, обусловлен, таким образом, рядом обстоятельств (следует отметить человеческий фактор, временной фактор, природные особенности), среди которых важная роль принадлежит закономерностям ономастической системы. Носитель языка вместе с языком усваивает и систему окружающих его топонимов. Последняя становится для него моделью, когда он сам оказывается перед необходимостью имятворчества, т. е. вынужден присваивать имена географическим объектам.

Термин «*модель*» традиционно используется в российской топонимике применительно к топонимическому словообразованию [Подольская 1978: 99], хотя, например, в славянской ономастике содержание его шире и включает и лексико-семантическую составляющую. В свое время об этом писал Э. Эйхлер, отмечая, что топонимическая модель является единством исходной (наименования объектов посредством определенных лексем) и словообразовательной моделей, а Р. Шрамак обращал внимание на временной и пространственный фактор бытования топонимических моделей.

Понятие «*модели*» является одним из основополагающих в прибалтийско-финской топонимической науке (см., например, [Kiviniemi 1977]), которая исходит из того, что новые топонимы создаются в рамках существующих морфологических типов, лексических топооснов, семантических классов. Бытование таких моделей оказывается чрезвычайно ценным для этнолингвистических изысканий, поскольку часть их имеет достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть увязано с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д.

В данной работе термин «*модель*» используется широко: не только применительно к топонимическому словообразованию, морфологическим типам, как это традиционно принято в российской топонимике, но и к лексическим топоосновам — в русле прибалтийско-финской топонимической школы. Собственно, проблема топонимической модели тесным образом соприкасается с проблемой типовых топооснов — наиболее характерных лексических элементов, апеллятивов, которые, подвергаясь топонимизации, реализуются в наибольшем числе топонимов. В силу того, что основной структурной моделью в прибалтийско-финской топонимии являются сложные названия, выделяются типовые атрибутивные элементы и типовые детерминанты. Высшим проявлением модельности можно, видимо, считать устойчивые сочетания, комбинации детерминанта и определяющего его атрибута. В них, с одной стороны, реализуется типовая структурная модель сложных

топонимов, с другой — типовые топоосновы, которые к тому же организованы в наиболее частотные комбинации (*Levie/lakši* ‘Широкий залив’, *Paksu/niemi* ‘Толстый мыс’, *Viärrä/koski* ‘Кривой порог’, *Toraz/järvi* ‘Поперечное озеро’ (саамская модель) и т. д.) и многократно повторяются в топонимии Карелии или отдельных ее районов. При этом выявляется, что некоторые комбинации, которые, казалось бы, вполне укладываются в закономерности номинации, тем не менее, оказываются не востребуемыми топосистемой. Залив может быть широким (*Levie/lakši*), но не толстым, в то время как мыс, наоборот, определяется как толстый (*Paksu/niemi*), но не широкий. Понятно, что топонимия не сводится только к моделям, однако это объективная тенденция, и исключения только подтверждают ее. В данном исследовании в центр анализа вынесены модели озерной гидронимии, идентифицирующие объекты по форме, размеру и взаимному расположению. Это объемный и в достаточной степени разнообразный материал, представленный как прибалтийско-финским, так и более древним финно-угорским списком топооснов. При этом модели не универсальны, они варьируются территориально и хронологически.

По мере углубления ономастических исследований становится очевидным, что топонимия является элементом системы, предполагающей образование географических названий по моделям, характеризующимся временной и географической приуроченностью. Определенные модели именования продуктивны определенное время, и это дает исходную возможность к поиску хронологических рамок бытования той или иной топонимной модели. Исходя из того, что ойконимы *-l*-ового типа (*Rahkoil*, *Ozroil*, *Vingl*) в вепсском ареале функционируют практически исключительно как названия, образованные от нехристианских имен, есть основания полагать, что модель рано утратила здесь свою продуктивность. Если к этому добавить, что в большинстве случаев это названия гнезд поселений, при этом ареал модели в значительной степени накладывается на ареал средневековых приладожских курганов X–XIII вв., то относительная хронология модели может приблизиться к абсолютной, а выявление полного ареала топонимов, образованных по искомой модели, позволяет уточнить предполагаемые границы археологического ареала.

Существование таких моделей оказывается чрезвычайно ценным для этнолингвистических изысканий, поскольку часть их (т. е. моделей) имеет достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть увязано с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д. В ходе колонизации

новых земель люди естественно опирались на ту систему топонимов, которая была им известна, и в рамках ее присваивали имена в освоенном ареале. Использовались те же структурные модели (например, набор суффиксов), те же семантические и лексические типы (к примеру, модели метафорических топонимов типа *Железные Ворота* для речных порогов или *Kukoinhar*'j, букв. 'петушинный гребень' для названия возвышенностей и др.), которые были известны и на материнской территории. Наиболее адекватно суть термина «модель» отражает как раз повторяемость топонимов, перенос и неоднократное использование их как готовых образцов на новых местах.

Для исследования истории заселения территории наиболее продуктивно использование моделей, которые характеризуются хронологической и географической приуроченностью, т. е. популярных лишь в какой-то ограниченный промежуток времени или представляющих топонимическую систему определенной локальной группы населения. В этом случае их ареал не размыт и поддается интерпретации. Использование ареально-типологического метода, основанного на этнолингвистической интерпретации ареалов бытования отдельных топонимных моделей, в последние годы значительно расширило представление о происходивших в прошлом (отдаленном и не столь отдаленном) на территории Европейского Северо-Запада этноисторических процессах.

Далее коротко представлены основные наработки авторского коллектива в использовании ареально-типологической методики для реконструкции этноязыковой карты Карелии и смежных областей.

Карельское наследие на этноязыковой карте территории представляет собой верхний нерусский пласт многослойной топонимии. Археологические свидетельства надежно привязывают формирование карельского этноса на рубеже I–II тысячелетий н. э. к территории Северо-Западного Приладожья [Кочуркина 2012; 2017], природно-климатические и ландшафтно-географические особенности которого предопределили образование этой «колыбели» (по Д. В. Бубриху) карельского этноса. Среди последних — система водно-волоковых путей, обеспечивавших выход в Приботнию и на Финский залив. Исключительную роль в формировании карельского этноса сыграла т. н. ладожская регрессия, связанная с подъемом суши и, соответственно, понижением уровня воды у северного побережья озера. Отступившая вода освободила плодородные ложбины, которые были позднее превращены в сельскохозяйственные угодья и сыграли ведущую роль в формировании карельского этноса и становлении системы его расселения. Здесь, на берегах заливов

с плодородной почвой, на рубеже I и II тысячелетий н. э. образуется устойчивая во времени система поселений. Показательно, что маркированные крепостями ключевые места старинной карты, сформировавшейся еще на древнекарельском этапе освоения территории, оставались неизменными на протяжении многих столетий, несмотря на перипетии истории. Деревни, зафиксированные в Писцовой книге Водской пятины 1500 г. — наиболее полным и раннем письменном источнике, описывающем территорию карельского Приладожья, повторены на шведской карте XVII в. и благополучно дожили до середины XX в. При этом в источнике 1500 г. большинство поселений является разросшимися многодворными образованиями, что свидетельствует об их появлении в более раннее время. Дополнительным обстоятельством для формирования традиционной карельской системы расселения, приуроченной к озерным заливам, была предоставляемая ландшафтом возможность организации их защиты от нападений с помощью системы укреплений, крепостей, располагавшихся на возвышенных участках побережий или островах, запиравших вход в залив.

Современная диалектная карта карельского языка охватывает более обширную территорию, чем та, которая реконструируется в Приладожье к началу II тысячелетия. Она формировалась в ходе неоднократных волн переселения карелов из Приладожья, вначале как промысловое освоение, а затем и оседлое заселение в XIII–XVIII вв. Особую роль в процессе переселения карелов на территорию современной Карелии и далее на юго-восток сыграло, как известно, многовековое русско-шведское противостояние, превратившее на многие столетия коренные карельские земли в поле боевых действий.

Приток карельского населения на восток происходит особенно активно в XVII в. из попавшего под власть Швеции в 1617 г. Корельского уезда. Карелы уходят из родных мест в Северном Приладожье, и именно в это время Карелия становится по-настоящему карельской. При этом с целью скрыть перебежчиков от шведских властей воеводе поручалось отсылать их из пограничных уездов к Москве, на Белоозеро, на Вологду и в другие отдаленные от границы места. Карелы селились в монастырских владениях Белоозерского края и Двинского уезда, уже в 20-х гг. XVII в. они встречаются во владениях Соловецкого монастыря в Каргопольском уезде. Значительное количество переселенцев жило в отдаленном северном Антониево-Сийском монастыре и на его землях по Северной Двине.

Привлечение топонимического материала позволяет очертить широкий ареал карельского расселения к востоку от Онежского озера,

на территории Русского Севера. Показательны в этом отношении топонимы с этнической основой *Карел-* / *Корел-*: *Кореловщина*, *Корелка*, *Карелин лес*, *Карельский ручей*, *Карельское озеро*, *Карельские острова*, *Карельщина*, *Карельский островок*, *Корелово*, *Карелы*, *Карельский Конец*, *Корелова гора*, *Карельская деревня*, *Подкарельская деревня*, *Карельский бор*, села *Большекорельское* и *Малокорельское* и др. Речь, как правило, идет о микропонимах — наименованиях незначительных по размерам и социально малозначимых объектов, хорошая сохранность которых должна быть увязана с их относительно молодым возрастом. Ареал обозначенной топоосновы тянется от Восточного Обонежья до бассейна Северной Двины. Как правило, топонимы этого типа маркируют большие или меньшие очаги карельских переселенцев XVII в. на территорию, занятую русским, в некоторых случаях вепским населением. Обрусев, сменив этническое самосознание на русское, карельские мигранты сохранили о себе память в традиционной культуре и местных русских говорах этого обширного региона.

Карелы, судя по всему, расселялись дисперсно, подселяясь в уже бытовавшие поселения или образуя новые. «Карельскость» проявляется в определенных очагах, но не покрывает территорию равномерно. В качестве примера такого очага можно привести култ поселений *Фоймогуба* в Заонежье. По Писцовым книгам Обонежской пятины XVI в. [ПКОП: 147] известно, что в то время здесь появляется несколько новых семей («вновь прибывшие»), при этом родовые патронимы (еще не фамилии) новопоселенцев позволяют утверждать, что они являются карельскими выходцами и их появление в глуби Заонежского полуострова вызвано нестабильностью обстановки на Карельском перешейке в связи с русско-шведскими войнами: Кипр Иванов *Кярзин* (ср. карел. *kärzä* ‘рыло; некрасивое лицо’), Ушак *Пекуев* (*Рекoi*, *Рекui* — карельский вариант русского календарного мужского имени Петр), братья Манулко и Иванко *Патракеевы* (*Патракей*, ср. карел. *Patro*, *Patroi* — именно этот карельский оригинал закрепился в названии деревни *Патрово* в Фоймогубе), Якимко Яковлев *Лонаков* (карельский прозвищный патроним, происхождение которого не вполне ясно). Упомянутые в документе исторические персонажи сохранили память о себе в названиях деревень, ими основанных в местности Фоймогуба: *Кярзино*, *Пековка*, *Патрово*, *Лонаково*. Возник, таким образом, карельский очаг в центре к тому времени уже русского Заонежского полуострова.

«Кореляне», судя по нашим материалам, продвигались на восток, на территорию современной Карелии и Русского Севера, разными

путями, которые возможно реконструировать, применяя ареальный анализ дистрибутирующих карельских топонимных основ. Так, северный путь, тянущийся из Приладожья в Поморье по путям карельской экспансии, использовавшимся в Средневековье, демонстрируют топонимы с основой *Nilas-* ~ *Nilos-* / *Нилакса*, в которых закрепился карельский географический термин *nilas* или *nilos* (основа *nilakse-* ~ *nilokse-*) со значением ‘подводная или омываемая водой скала’ [Кузьмин 2007].

Другой путь — обонежский, выходявший по внутренним водным путям через Онежское озеро в Заволочье. Он подтверждается, к примеру, ареалом карельской топоосновы *Jylmäkkä-* (*jylmäkkä* ‘гора с крутыми склонами’). Будучи плотным и насыщенным в Северном Приладожье, по мере продвижения на восток он редет, но доходит до р. Онеги [Захарова, Муллонен 2012].

Исследования последнего времени надежно доказывают, что вместе с карельскими переселенцами на восток оттягивалось и некоторое количество этнически финского населения. Об этом свидетельствуют топонимы с основой *Ruotsi-*, букв. ‘швед, шведский’, но карелы обозначали словом *ruotsi* и финское население, подданных Шведского королевства. Эти названия представлены вдоль основных путей карельской экспансии, подтверждая тем самым, что среди переселенцев были и финны — представители саво. Вопрос о продвижении жителей Саво (саволаксов) на территорию Карелии до сих пор специально не ставился, поскольку в распоряжении исследователей не было надежного дистрибутирующего материала. Исследования в области топонимики предоставляют такой материал, показывая, в частности, что топонимы с дифференцирующими саволакскими моделями обнаруживаются не только в западных областях Карелии, но и в Поморье, и в небольшом количестве в Обонежье [Кузьмин 2011].

Карельская топонимия на территории Русского Севера представляет собой верхний пласт многослойной субстратной топонимии. При этом произошло ее наложение на более раннюю, близкородственную в языковом отношении, вепсскую топонимию этого региона. В силу значительного тождества двух родственных топосистем их идентификация, особенно в условиях русской адаптации, вызывает сложности. Тем не менее усилиями как карельских, так и работающих в области субстратной севернорусской топонимии екатеринбургских исследователей к настоящему времени выявлены некоторые маркеры, позволяющие это делать.

Исследования в области вепсской топонимии доказывают, что она представлена далеко за пределами ареала современного вепсского

расселения и реконструирует, таким образом, историческую вепскую этническую территорию, которая занимала область с центром в Обонежье. Ранний этап (конец I тыс. н. э.) в ее формировании был связан, судя по известным археологическим памятникам — курганам, к нижней, приустьевой части рек Юго-Восточного Приладожья. Одновременно, однако, уже намечались основные направления дальнейшего освоения территории — Обонежье и Белозерье. Археологически они маркированы памятниками приладожской курганной культуры рубежа I–II тыс. н. э. При этом археологический ареал накладывается на ареал одной показательной топонимной модели, и это обстоятельство позволяет уточнить границы первоначальной вепской территории. Имеются в виду названия поселений с формантом *-l*, который в ходе русской адаптации преобразовался в *-ичи* / *-ицы*: *Karhil* — *Каргиничи*, *Reboil* — *Ребовичи*, *Terl* — *Тервиничи*, *Namaral* — *Гоморовичи*, *Vingl* — *Винницы* и др. Это названия своеобразных вепских «родовых» деревень, центров, откуда происходило затем вторичное заселение территории. Два топонима этой модели — «в Тервиничех» и «у Вьюнице» — упомянуты уже в XIII в. в приписке к Уставу Святослава Ольговича — самом раннем из известных науке документов по территории вепского Присвирья. Важно, что данная топонимная модель маркирует земледельческий тип поселений.

Дальнейшее освоение вепсами территории и границы этого продвижения в Обонежье с выходом на Онежско-Беломорский водораздел на севере, западные притоки реки Онеги на востоке и северное Белозерье на юге также реконструируются по данным топонимии [Муллонен 2012]. При этом оказалось, что границы вепских топонимных ареалов коррелируют с границами Обонежской пятины — исторического административного подразделения, образовавшегося в XV в. в связи с присоединением новгородских земель к Москве. Это обстоятельство позволяет предполагать, что указанная административная единица объединяла земли с вепским населением. Иначе говоря, административные подразделения, существовавшие на территории средневековой Карелии, могли носить этнический характер. Топонимический материал позволяет увидеть то, что невозможно проследить по письменным источникам. Восточная граница исторической вепской территории, судя по топонимическим материалам, проходила в восточном Поонежье, с выходом из верхнего Поонежья, от р. Онега через оз. Лача к Белому озеру. Ее формирование обусловлено, конечно, древнерусским продвижением в Белозерье и далее через транзитный Ухтомский волок к верховьям реки Онеги и затем вниз по Онеге в Поморье. Оно подпирало

с юго-востока вепское расселение и препятствовало его распространению в бассейн Онеги и Белого озера.

Другой новый для вепсологии вывод, вытекающий из ареального анализа вепской топонимии, касается экономических предпосылок освоения вепсами северных территорий. Традиционно на основе анализа археологических материалов считалось, что вепское продвижение на север Обонежья было продиктовано промысловым освоением. Однако картографирование вепских топонимов не вполне подтверждает этот вывод. Оказалось, что из карты в карту северная граница вепских топонимных ареалов пересекает центральную Карелию и проходит от северо-западного угла Ладожского озера на западе к Выгозеру на востоке, т. е. по северной границе Онежско-Ладожского водораздела. Почему вепсы в своем движении на север остановились тут и не пошли дальше? Ответ, видимо, заключается в том, что северный предел исторического вепского этнического ареала, маркированного дистрибутивными вепскими топонимными моделями, повторяет очертания северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов, а также южной климатической зоны. Иначе говоря, вепское расселение на север определялось, видимо, ландшафтно-географическими и климатическими факторами, что связано не столько с промысловым, сколько с сельскохозяйственным характером освоения средневековыми вепсами северных территорий. Природная граница оказывается и культурной, отделяющей территорию, наиболее благоприятную для ведения земледелия в северных условиях, от районов, где таковое малоэффективно. Сельскохозяйственный, а не промысловый характер культуры сформировал северную границу вепской территории.

Если верхние пласты субстратной топонимии региона обследования — карельский и предшествовавший ему вепский — при всех имеющихся вопросах все-таки интерпретируются в целом однозначно, то анализ более ранних пластов наталкивается на значительные сложности. Установление того особого языкового типа, а вернее, тех особых языковых типов, которые бытовали на Русском Севере, — самая актуальная задача в области субстратной топонимии этого региона в настоящее время. Вопросы, поставленные уже первыми исследователями Европейского Севера России (Русского Севера), остаются по-прежнему актуальными: с каким дославянским населением соприкоснулись новгородцы, продвигаясь на восток по транзитным водно-волоковым путям, на каком языке говорила заволочская чудь, можно ли отождествлять весь с вепсами и как далеко на юг распространялись в прошлом саамы? На эти вопросы современные исследователи

отвечают по-разному. Однако при всем разнообразии подходов в них всех есть общее — констатация некоего языкового состояния, для интерпретации которого необходимо привлечь данные родственных, территориально смежных финно-угорских языков. Благодаря исследованиям А. К. Матвеева широкое распространение получила саамская теория, в соответствии с которой обширные пространства на Европейском Севере — от Скандинавии на западе до Урала на востоке — были населены предками современных саамов. Она основана на широком бытовании здесь топооснов, этимологизирующихся из саамского языка. Однако исследования последнего времени свидетельствуют о том, что поиски саамского наследия должны быть сопряжены с решением проблемы этногенеза саамов. Известно, что в саамском языке существует два принципиально важных пласта лексики: финно-угорский, единый с прибалтийско-финскими (и в целом финно-угорскими) языками, и субстратный, истоки которого затемнены. В последнее время он определяется многими исследователями как палеоевропейский [Aikio 2012]. Иначе говоря, саамские и прибалтийско-финские языки восходят к единым праязыковым истокам, однако в саамских, в отличие от прибалтийско-финских, присутствует субстратный элемент — языковое наследие того автохтонного населения, которое было поглощено финно-угорскими переселенцами в ходе продвижения на север. В связи с этим показательно, что картографирование выявило важную закономерность в ареальной дистрибуции саамских топооснов. Оказалось, что ареал топонимных основ, восходящих к финно-угорскому наследию, значительно смещен на юго-восток на фоне ареала топооснов, в которых представлена саамская лексика, не имеющая параллелей в прибалтийско-финских и вообще финно-угорских языках. На эту особенность обратил внимание финляндский исследователь Янне Саарикиви [Saarikivi 2004].

Другими словами, саамский язык понимается как образование, возникшее на территории Карелии, с юго-восточной границей в Обонежье, в результате наложения финно-угорского языкового типа на субстратный. В последнее время удалось уточнить языковое наполнение финно-угорского пласта. На место термина *прибалтийско-финско-саамский праязык* (фин. *varhaiskantasuomi*, англ. *Proto-Finnic*) пришла дефиниция *западная ветвь уральской языковой семьи*, т. е. такой праязык, который может считаться общим предком прибалтийско-финских, саамских и мордовских языков [Saarikivi 2014].

В этом контексте встает вопрос о правомерности отнесения к сугубо саамскому наследию той финно-угорской топонимии на территории

современной Архангельской области, которая традиционно интерпретируется как саамская. Видимо, речь должна идти не о собственно саамском, а о квазисаамском, т. е. древнем финно-угорском, языковом наследии, едином для прибалтийско-финских, саамских и мордовских языков, которое на более западных территориях преобразовалось в результате поглощения субстратного языкового элемента в прасаамский язык.

По мере накопления новых материалов о дославянском этноязыковом ландшафте Русского Севера становится понятным, что на этой обширной территории проживали разные финно-угорские коллективы, языки которых занимали промежуточное положение между пермскими, волжскими и прибалтийско-финско-саамскими языками. При этом топонимия в силу обозначенных выше причин рассматривается в качестве основного источника реконструкции языковой ситуации региона в I тысячелетии н. э. Ведется поиск топооснов и формантов, дистрибутирующих разные языковые типы, выявление т. н. бинарной оппозиции, когда в одном значении использованы разные топоосновы. Примером такой бинарной оппозиции, позволяющей говорить о границе двух этнических ареалов в Белозерье, может служить ареальное противостояние топонимных элементов *-солово* и *-сарь*, использующихся активно в названиях островков на болоте. За первым стоит, очевидно, древний ландшафтный термин, выступающий в ряде прибалтийско-финских языков (финские говоры *salo*, эстонский *salu*), а также в саамском (*suolo* < **sōlj*) в значении 'остров, в том числе на болоте' [SSA]: *Чёлсолово, Карсолово, Кейбосолово, Шаньшолово*. При этом с позиций фонетического облика он не может быть интерпретирован как прибалтийско-финский. Ареал топонимов с элементом *-соло(во)* тянется от р. Суды на восток к Белому озеру. Кроме того, к востоку от Белого озера обнаруживается еще два, более компактных очага этой модели — в районе оз. Воже и верховьях р. Моши на западе Архангельской области. Существенно важно в этой ситуации, что севернее в той же функции используется элемент *-сарь*, имеющий явные вепсские корни, ср. вепс. *sar* 'остров': *Сосарь* 'болотный остров', *Койсарь* 'березовый остров', *Персарь* 'задний остров'. Граница, разделяющая две названные модели — вепсскую и финно-угорскую, более конкретные истоки которой не определяются, проходит от северного берега Белого озера к оз. Воже. Знаменательно, что эту же границу повторяют ареалы некоторых других финно-угорских в широком плане топооснов. Данный белозерский ареал в комплексе с этимологической трактовкой термина, а также выявленной ареальной оппозицией *-сарь* и *-солово*

позволяет предполагать в *-солово* языковое наследие древнего невеличкого населения данной территории [Макарова, Захарова 2016].

Наука постепенно продвигается в понимании происходивших на севере процессов и в этимологической интерпретации отдельных топонимов. К примеру, расшифрованы истоки топоосновы *Ухт-*, воплотившейся в названиях многих десятков больших и малых рек на Европейском Севере России (*Ухта*, *Ухтама*, *Ухтинжа*, *Уфтюга*, *Ухтынгирь* и мн. др.). Дискуссия о данной топооснове давно велась в топонимических исследованиях, было доказано, что она всякий раз привязывается к волокам и, таким образом, восходит к финно-угорской лексеме **ukti* ‘перешеек, волок’ [Sammallahti 1988: 537; Saarikivi 2006: 38; Муллонен 2002: 208–215]. Финляндский исследователь П. Рахконен предлагает для основы более конкретные меряно-муромские истоки, опираясь на ее ареал, тянувшийся от Верхневолжья на юго-востоке до карельского Поморья и северной оконечности Ботнического залива Балтийского моря на северо-западе [Rahkonen 2013]. Парадоксально, что столь важный культурный термин оказался утраченным большинством живых финно-угорских языков, сохранившись лишь в далеких угорских языках. Однако методы исторической фонетики позволяют реконструировать его с безупречностью, а доказательством истинности реконструкции служат как раз речные наименования, привязанные к местам прохождения древних волоков. Достаточно вспомнить знаменитый *Ухтомский волок* между двумя реками с названиями *Ухтомка* и *Ухтомица* в восточном Белозерье или менее знаменитый, но от этого не менее важный для местных жителей волок между заливами Унская губа и губа *Ухта* на Онежском полуострове в Поморье, позволявший пересечь полуостров по суше в самой узкой его части. В Карелии знаменитое село *Ухта*, переименованное в середине XX в. в Калевалу, расположено в устье одноименной реки, которая в нижнем течении делает довольно крутое колено, при этом движение здесь осложнено несколькими порогами. Чтобы спрямить путь и миновать пороги, путники, продвигавшиеся вниз по реке, высаживались из лодок выше порогов и, преодолев пешком несколько километров (= сухопутный волок), выходили на берег оз. Куйто, где могли продолжить путь по воде в другой лодке. Расшифровка топоосновы несет и важное историко-культурное содержание, поскольку реконструирует древние, еще дославянского времени, водно-волоковые пути на территории Европейского Севера.

Однако многочисленные субстратные топонимы остаются по-прежнему нерасшифрованными, что связано с исключительной сложностью

задачи с большим количеством неизвестных. Для ее решения необходим учет типологии номинации, данных исторического языкознания, процессов поэтапного языкового контактирования. Один из важных инструментов — это анализ маркерных топооснов, типовых для топонимии, а поэтому повторяющихся неоднократно и формирующих ареалы, которые могут быть подвергнуты этноязыковой интерпретации. При этом есть понимание того, что топонимия — наиболее системный, а поэтому и наиболее достоверный источник по языку и древней этнокультурной истории края.

В данной работе будет предложен анализ ряда таких маркерных топооснов, реализованных в озерных и речных наименованиях Карелии и сопредельных областей, иными словами, топонимных / гидронимных моделей.

ГЛАВА 1

ТИПОВЫЕ ТОПООСНОВЫ ДЛЯ ОТРАЖЕНИЯ РАЗМЕРА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА

1.1. Типовые атрибутивные прибалтийско-финские топоосновы

К числу типовых относятся т. н. атрибутивные, или качественные, топоосновы, характеризующие свойства объекта: его размер (*Suuri*- ‘большой’, *Pieni*- ‘маленький’), форму (*Kaita*- ‘узкий’, *Viärä*- ‘кривой’, *Puõrie*- ‘круглый’, *Levie*- ‘широкий’, *Pitkä*- ‘длинный’), цвет (*Musta*- ‘черный’, *Valkie*- ‘белый’, *Ruskie*- ‘красный’), глубину (*Šyvä*- ‘глубокий’, *Matala*- ‘мелкий’) и другие показатели.

Часто названия географических объектов, находящихся в непосредственной близости друг от друга, образуют микросистемы, в которых называемые объекты с помощью атрибутивных основ могут противопоставляться друг другу по какому-либо признаку (широкий — узкий, большой — маленький, белый — черный и т. д.). При этом такой показатель, как, например, длина или долгота объекта, вероятно, воспринимался создателями названий, прежде всего, как параметр его формы (вытянутости), а не величины, поскольку часто *долгие* объекты представлены в оппозиции с *круглыми* или *кривыми*.

Группа топонимов с качественными основами является одной из наиболее представительных в прибалтийско-финской топонимии. В то же время продуктивность основ, выраженных прилагательными, различна.

В таблице ниже приведен список наиболее частотных атрибутивных топооснов на разных прибалтийско-финских территориях. Данные по топонимии северной Карелии приводятся по [Kuzmin 2014: 51–52], южной Карелии — [Мамонтова 1982], велеским территориям — [Муллонен 1994], Финляндии — [Kiviniemi 1990], южной Эстонии — [Saar 2008].

север Карелии	юг Карелии	вепские территории ¹	Финляндия	южная Эстония
<i>Šuuri-</i> 'большой'	<i>Suuri-</i> 'большой'	<i>Sur-</i> 'большой'	<i>Iso-, Suuri-</i> 'большой'	<i>Suur-</i> 'большой'
<i>Pitkä-</i> 'длинный'	<i>Kovera-, Viäry-</i> 'кривой'	<i>Must-</i> 'черный'	<i>Pieni-, Pikku-</i> 'маленький'	<i>Väikene, Väiku, Väikse</i> 'маленький'
<i>Mušta-</i> 'черный'	<i>Pitky-</i> 'длинный'	<i>Pük-</i> 'длинный'	<i>Pitkä-</i> 'длинный'	<i>Korgõ</i> 'высокий'
<i>Šyvä-</i> 'глубокий'	<i>Pieni-</i> 'маленький'	<i>Vouged-</i> 'белый'	<i>Vanha-</i> 'старый'	<i>Vana-</i> 'старый'
<i>Valkie-</i> 'белый'	<i>Uuzi-</i> 'новый'	<i>Pen-, Piçoi-</i> 'маленький'	<i>Uusi-</i> 'новый'	<i>Vahtsõ(nõ), Uvvõ-</i> 'новый'
<i>Kaita-, Hoikka-</i> 'узкий'	<i>Kaidu-</i> 'узкий'	<i>Korged-</i> 'высокий'	<i>Musta-</i> 'черный'	<i>Pikk: Pikä</i> 'длинный'
<i>Pieni-, Pikku-</i> 'маленький'	<i>Mustu-</i> 'черный'	<i>Kover-</i> 'кривой'	<i>Hoikka-, Kaita-</i> 'узкий'	<i>Tsõõrik, Ümārik, Hõõrik</i> 'круглый'
<i>Uuši-</i> 'новый'	<i>Jyrky-</i> 'крутой'	<i>Kuiv-</i> 'сухой'	<i>Korkea-</i> 'высокий'	<i>Must</i> 'черный'
<i>Levie-</i> 'широкий'	<i>Syvä-</i> 'глубокий'	<i>Syvä-</i> 'глубокий'	<i>Syvä-</i> 'глубокий'	<i>Kuld</i> 'золотой'
<i>Viärä-, Kõyry-, Kovera-</i> 'кривой'	<i>Laççu-</i> 'плоский, низинный'	<i>Paha-</i> 'плохой'	<i>Paha-</i> 'плохой'	<i>Valgõ</i> 'белый'

<i>Окончание таблицы</i>				
север Карелии	юг Карелии	вепские территории ¹	Финляндия	южная Эстония
<i>Kuiva-</i> ‘сухой’	<i>Valgei-</i> ‘белый’	<i>Kaid-</i> ‘узкий’	<i>Kylmä-</i> ‘холодный’	<i>Süvä, Sükäv</i> ‘глубокий’
<i>Korkie-</i> ‘высокий’	<i>Kaunis-</i> ‘красивый’	<i>Kehker-</i> ‘круглый’	<i>*Autio-</i> ‘заброшенный’	<i>Palanu</i> ‘сгоревший’
<i>Matala-</i> ‘мелкий’	<i>Vanhu-</i> ‘старый’	<i>Leved-</i> ‘широкий’	<i>Väärä-</i> ‘кривой’	<i>Lakõ</i> ‘ровный’
<i>Paha-</i> ‘плохой’	<i>Lagei-</i> ‘открытый, ровный’	<i>Rusked-</i> ‘красный’	<i>Valkea-</i> ‘белый’	<i>Raba</i> ‘непроходимый’
<i>Kylmä-</i> ‘холодный’	<i>Korgei-</i> ‘высокий’	<i>Vihand-</i> ‘зеленый’	<i>Puna(inen)-</i> ‘красный’	<i>Hall, Hahk</i> ‘серый’
<i>Kaunis-</i> ‘красивый’	<i>Madal-</i> ‘мелкий’	<i>Hobed-</i> ‘серебряный’	<i>Kuiva-</i> ‘сухой’	<i>Verrev</i> ‘красный’
<i>*Kelta-</i> ‘желтый’	<i>Paha-</i> ‘плохой’	<i>*Vezi-</i> ‘влажный, мокрый’	<i>Pyöreä-</i> ‘круглый’	<i>Kõvvõr</i> ‘кривой’
<i>Pyörie-</i> ‘круглый’	<i>Pyöri-</i> ‘круглый’	<i>Käbed-</i> ‘красивый’	<i>Leveä-, Laaja-</i> ‘широкий, обширный’	<i>Külm</i> ‘холодный’

¹ По вепским территориям только первые десять топонимов расположены в порядке убывания их частотности.

Приведенные в таблице данные показывают, что доля прилагательных в прибалтийско-финской топонимии достаточно велика. В то же время только часть из обозначенных выше топооснов представлена относительно широко. Так, например, названия с топоосновами *Šuuri- ~ Suuri-* ‘большой’, *Mušta- ~ Mustu-* ‘черный’, *Valkie- ~ Valgei-* ‘белый’, *Pitkä- ~ Pitky-* ‘длинный’ и *Pieni-* ‘маленький’ составляют более 60 % всех названий с атрибутивными основами в топонимии Карелии.

Таблица свидетельствует также о том, что во всех представленных прибалтийско-финских топорсистемах во главе списка находится топооснова *Suuri-* ‘большой’, поскольку именно размер объекта часто является наиболее естественным дифференцирующим признаком. В соответствии с нашими подсчетами, в карельской топонимии названий с атрибутом *Pieni-* ‘маленький’ в два раза меньше в сравнении с топонимами на *Suuri-* ‘большой’. Финляндский исследователь Ээро Кивиниemi отмечает, что подобная ситуация характерна и для финской топонимии. В качестве объяснения он приводит тот факт, что для топоосновы *Suuri-* совсем не обязательно противопоставление с атрибутивной частью *Pieni-* [Kiviniemi 1990: 151].

Далее будет представлен анализ типовых для топонимии Карелии и смежных территорий топооснов, отражающих размер географического объекта. Рассматриваться будут и те топонимы, в основе которых выступают лексемы, практически или полностью утраченные современными говорами карельского и вепского языков, а также ряд топооснов субстратного и русского происхождения.

1.2. Типовые топоосновы со значением ‘большой’

К типовым топоосновам со значением ‘большой’ относятся следующие: приб.-фин. *Suuri- ~ Šuuri-* с субстратным вариантом¹ *Syp-*, карел. *Tobie- ~ Tobd'* — с русскоязычным вариантом *Tob-*, приб.-фин. топооснова *Jalo-* с субстратным вариантом *Ял-*, в которой выступает практически, а порой и полностью утраченная часть говоров карельского и вепского языков лексема *jalo*, топооснова с доприбалтийско-финскими истоками *Än- ~ En-* — в русском употреблении *Ян- ~ Эн-*. В эту же группу

¹ Под субстратным вариантом понимается перешедшая в русскую топорсистему и подвергшаяся механизмам адаптации со стороны русского языка топооснова дорусского происхождения, функционирующая в современной топорсистеме русскоязычных территорий Карелии и сопредельных областей.

входят топонимы-словосочетания, состоящие из географического термина и определения, выраженного русскими по происхождению лексемами *Большой* и *Великий*.

1.2.1. *Suuri- ~ Šuuri- / Сур-*

Из числа типовых топооснов с семантикой ‘большой’ наиболее востребованной оказалась основа, выраженная прилагательным *suuri ~ šuuri* (карел.), *sur*’ (вепс.). Она представлена во всех ареалах вепсского (см. примеры бытования основы в вепсской топонимии в [Муллонен 1994: 34]) и карельского языка, выступая при этом как в названиях макрообъектов, так и в микротопонимии региона. Отдельные ее следы присутствуют также и на сопредельных, ныне русскоязычных, территориях в виде субстратной основы *Сур-*, ср., например, зал. *Сургуба* (Конд, Янишполе)², мыс *Сурнаволок* (Петр, Кончезеро). Субстратных названий немного, поскольку топооснова легко переводилась на русский язык. На территории Финляндии в той же функции часто выступает топооснова *Iso-* ‘большой’, которая в топонимии Карелии в границах 1939 г. фиксируется всего один раз на самом севере, в бывшей Олангской волости, ср. возвышенность *Isovuara* (букв. ‘большая гора / возвышенность’) (Кест, Боровская). К сожалению, данный топоним в момент сбора не был картографирован, поэтому его привязка к карте затруднена. Видимо, речь идет о находящейся в пограничье возвышенности, большая часть которой принадлежала в то время территории сопредельной Финляндии. На эту мысль наводит тот факт, что данная топооснова более нигде в Карелии не фиксируется, включая территории, где влияние финского языка проявляется достаточно сильно. В то же время лексема *iso* неоднократно представлена в топонимии карельских областей Финляндии — как в Приладожской или Приграничной Карелии (фин. *Raja-Karjala*), так и в Кайнуу. На этих территориях карелы проживали в течение нескольких столетий бок о бок с финским населением, что и стало причиной усвоения финского прилагательного *iso* в местные карельские говоры, а также

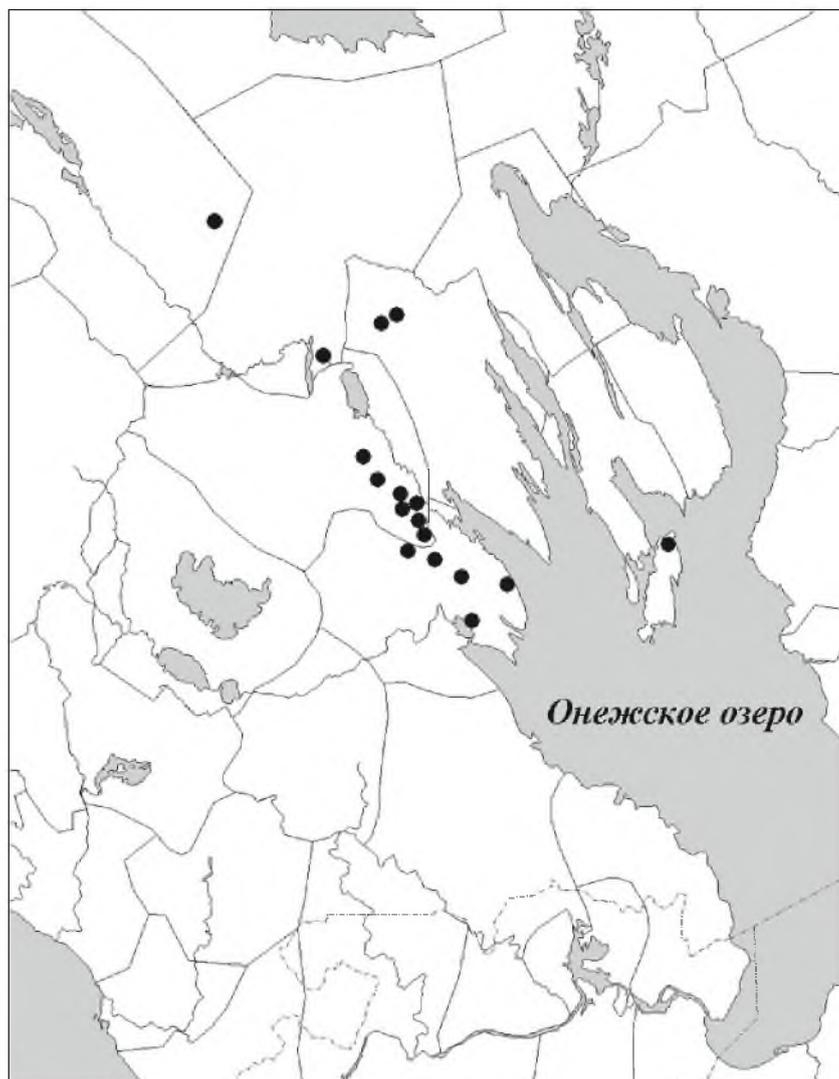
² Административно-территориальная привязка топонимов (название района и населенного пункта) дается согласно положенному в основу структуры Научной картотеки топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН и ГИС «Топонимия Карелии» СНМ Карельской АССР 1926 г., АТУЛО 1933 г., по территории Финляндии и Приладожья, входившего в 1917–1940 гг. в состав Финляндии — в соответствии с административно-территориальным членением, использующимся в Топонимическом архиве Финляндии. См. Список сокращений.

использования его при наименовании объектов на местности: ср. оз. *Iso Särkilampi* (Ф, Кайнуу, Хиедаярви), оз. *Iso-Juortana* (Ф, Кухмо, Римпи), о. *Iso-Nilo*, о. *Iso-Vihkamoi* (Ф, Салми), г. *Isokul'lu* (Ф, Суояр, Хаудувуару), дер. *Isokylä* (Ф, Суояр, Вегарус), г. *Isočärkkä* (Ф, Суйст, Алатту), уг. *Iso-opota* (Ф, Соан, Юпякко), г. *Iso Kauluumägi* (Ф, Имп, Руоогоярви), лес *Isokorbi* (Ф, Имп, Пуровуара), оз. *Iso-Hosko* (Ф, Иломанси). При этом картографирование основ *Iso-* и *Suuri-* засвидетельствовало их четкую ареальную оппозицию: *Iso-* фиксируется на большей части территории Финляндии, *Suuri-* — в ее юго-восточной части, в историческом карельском ареале [Klemettinen 2010].

1.2.2. *Tobie-* ~ *Tobd'-* / *Тоб-*

В карельских говорах юга Карелии используется еще одно прилагательное со значением 'большой': ск. *tobie*, *tobia*, *topie*, ливв. *tobei*, *tobju*, *tobd'u*, люд. *tobd'*, *tobje*. Несмотря на то что лексема присутствует во всех наречиях карельского языка, в топонимии она представлена, прежде всего, в ареале расселения северных карелов-людиков (карта 1): ср. дер. *Tobd'kylä*, букв. 'большая деревня' (Конд, Лычный Остров), уг. *Tobd'obod* (Конд, Кондозеро), уг. *Tobd'adnurmed* (Конд, Ригосельга), луда *Tob(d')luodo* (Конд, Тавойгора), бол. *Tobd'suo* (Петр, Уссунa), о-ва *Tobd'atsuares* (*Tob'*-) (Конд, Лижмозеро), оз. *Tobjed'ärv*, уг. *Tobjepaltege* (Петр, Гомсельга), мост *Tobd'sild* (Петр, Мунозеро), камень *Tobd'kivi* (Петр, Пуйгуба), луда *Tobd'luodo* (Петр, Галлезеро), г. *Tobd'(e)mägi* (с вариантом *Suurimägi*) (Прион, Намоево), бол. *Tobd'asuo* (Прион, Соломенное). Она обычна в роли определения в составных топонимах: г. *Tobd'Hadarmägi* (Конд, Тивдия), о. *Tobd'Murtsuor'* (Конд, Каягина Сельга), оз. *Tobd'Pertlambi* (Конд, Кавгора), оз. *Tobd'Rugizlambi* (Петр, Готнаволок), оз. *Tobd'Haugilambi* (Петр, Юркостров), уг. *Tobd'Heinmatkobod* (Петр, Пялозеро), дер. *Tobd'Voroniou* (Конд, Вороново).

Густота сетки названий свидетельствует о том, что данная модель зародилась на территории проживания северных людиков, соответствующей современному Кондопожскому району Республики Карелии. Она отсутствует у средних и южных карелов-людиков. Ареал модели выходит, тем не менее, за восточные и западные пределы современной территории людиковского расселения, что, видимо, можно рассматривать как маркер былого людиковского присутствия в более обширной зоне. Модель фиксируется, например, в топонимии южных собственно карельских территорий, ср.: о. *Tobiesuari* (Петр, Койкары), порог *To-*

Карта 1. Ареал топоосновы *Tobie-/Тоб-*

bie Kallivokoski (Медв, Совдозеро), а также в Прионежье и Заонежье, ср.: камень *Тобот* (< **Tobd*) (Прион, Суйсарь), уг. *Тобий* (Велик, Кургеницы), руч. *Тобийручей* (Велик, Кижы). В совокупности с рядом других людиловских признаков в здешней топонимии данный факт может свидетельствовать о связях указанных территорий с людиловским ареалом. Нельзя исключать, что топооснова имела ранее более широкое бытование в топонимии, однако подверглась переводу на русский язык в ходе русской адаптации карелоязычных названий. Следы ее бытования обнаружены и в топонимии юго-западного побережья Белого моря в окрестностях деревни Вирма (руч. *Тобручей*).

1.2.3. *Jalo-* / *Ял-*

Анализ ряда топонимов с основой *Jalo-* позволяет реконструировать в ней изначальную семантику ‘большой’, утраченную прибалтийско-финскими языками.

Слово известно в функции прилагательного и наречия большинству прибалтийско-финских языков, при этом в его семантике наблюдается значительный разброс, ср. фин. *jalo* ‘большой, обильный, прочный; смелый, благородный; хороший, отличный, выдающийся; красивый, прекрасный; гордый, благонамеренный, возвышенный; хвастливый, неводержанный, авантюрный’, карел. *jalo* ‘сильный, большой, капризный, сердитый, злой; бесстрашный, отважный; желание, похоть’, *jalosti* ‘громко; правильно, наверняка, хорошо’, люд. *nalo, jalo* ‘хорошо, очень, слишком’, *naloli, nalos* ‘очень, очень сильно’, эст. (архаичное, диалектное) *jalu* ‘нетерпеливый, страстный’ [SSA]. В этом же ряду присутствуют вепс. *jalo* ‘быстрый, бойкий’, *jalomba* ‘быстрее, бойчее’, *jalos, g'alos* ‘очень, сильно’ [СВЯ]. В свое время финляндский исследователь Марти Рапола, обративший внимание на варьирование значений лексемы, предложил для объяснения зависимость семантики прилагательного от его функционирования в сочетаниях с определяемым словом, а также от тех коннотаций (положительных и отрицательных, этических и эстетических), которые возникают в связи с его функционированием [Rapola 1947: 184–185]. Так, семантика ‘быстрый’, присущая и вепсскому слову, развилась, по мысли Рапола, из первоначального значения ‘большой’ через семантику ‘сильный’ (большой размер предполагает физическую силу), которая, в свою очередь, породила следующее звено в цепочке семантического развития — ‘быстрый’: физическая сила позволяет быстро передвигаться, ср. широко известное в финской языковой практике выражение *on jalo menemään*, букв. ‘способен быстро идти’.

Видимо, в этом контексте надо рассматривать семантику лексемы *jalo* в поговорке (*Katsotaan sutta suuhun, neittä päähän, jalkoin jaloa miestä* ‘волка отличают зубы, девушку лицо (здесь голова), быстрого мужчину ноги’ [Rapola 1947: 191–192]). Следующий этап в развитии семантики ‘бойкий’ логично вырастает из ‘быстрого’. Первоначальная семантика, связанная с большим размером, угадывается еще и в наречиях *jalos*, *g'alos* ‘очень, сильно’, исторических производных от основы *jalo*.

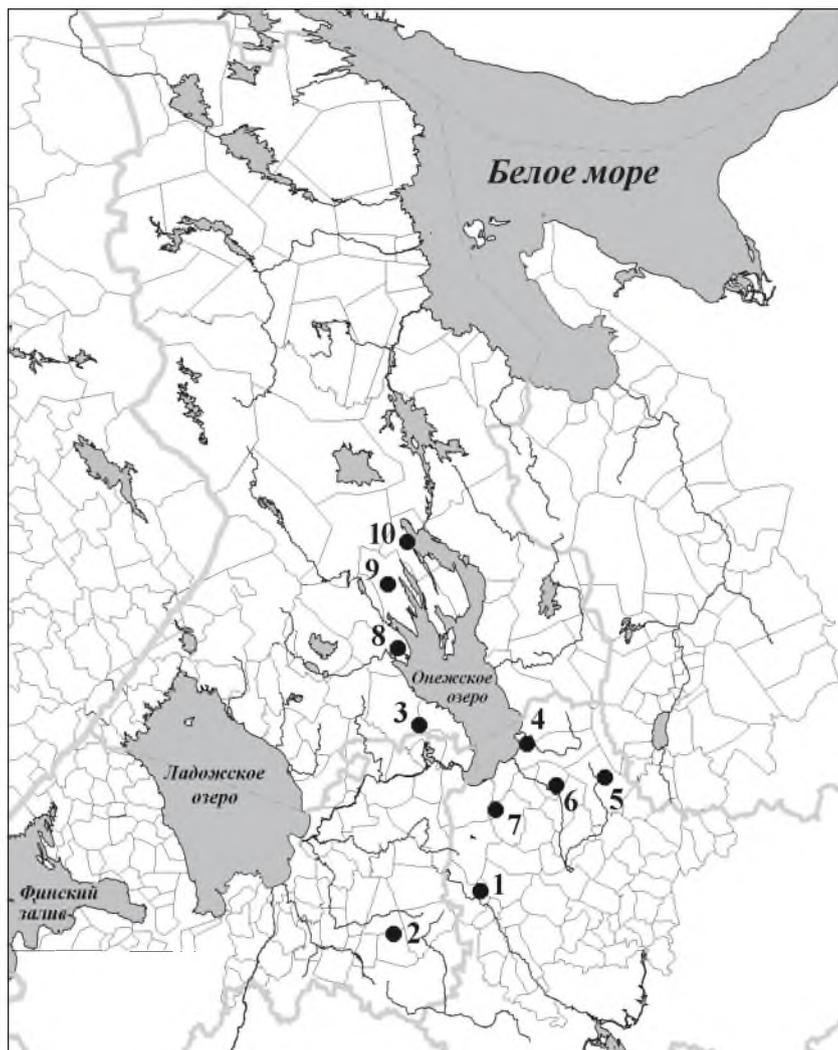
Значительное (практически полное) размывание первоначальной семантики Мартти Рапола связывает с тем, что изначально слово не было стилистически нейтральным. Видимо, на фоне синонимичных *suuri* и *iso* ‘большой’ ему изначально были присущи аффективность и экспрессивность, выражавшиеся в дополнительном оттенке значения: ‘очень большой, слишком большой’, что могло повлечь за собой те семантические сдвиги, которые отличают данную лексему.

Видимо, в силу этой же экспрессивности, топооснова была не слишком характерна для топонимии. Она практически не оставила следов в финской топонимии. Однако на вепсской и смежной с ней территории обнаруживаются некоторые следы ее бытования, прежде всего в гидронимах, свидетельствующие об относительной древности *Jalo-*. Ввиду немногочисленности примеров, приведем все (не только озерные) зафиксированные в Научной картотеке топонимов названия с указанной топоосновой в современном и историческом вепсском языковом ареале (карта 2):

1. г. *Jalam* ~ *Jalaam*, уг. *Jalaamonpeedod* (Ленинградская обл., Бокситогорский район). С учетом южновепсских закономерностей более ранний облик топонима, возможно, был **Jalalma*, с конечным суффиксом *-lma*, характерным для ландшафтной терминологии [Nakulinen 1968: 138–139].

2. р. *Jalažm* / рус. *Явосьма*, левый приток р. Паша; в топониме основа *Jalo-* оформлена «речным» формантом *-žm-*. Река образуется в результате объединения двух рек — Ретеши и Тутоки, и в этом контексте может рассматриваться как большая, образовавшаяся из двух более маленьких рек. Кстати, у реки есть и другое название — *Саранжа* или *Саранзя*, в котором как раз заключена идея слияния речных потоков, ср. вепс. *sara* ‘рассоха, место соединения двух рек’.

3. р. *D'alaid'ogi* / рус. *Елай* ~ *Елайрека* ~ *Елайручей*, бассейн р. Ивина (приток р. Свирь) (Прион, Ладва). В соответствии с северновепсскими фонетическими особенностями инициальный *j* перешел в палатализованный *d'*.

Карта 2. Ареал топонимов с основой *Jalo-*

4. р. *Ялега*, впадает в Онежское озеро с юго-востока, исторически вепсской территории, и протекает в низовьях через озеро с названием *Большое*. С учетом данной связки допустимо реконструировать в основе *Ялеги* вепсский оригинал **Jaleg* < **Jal'jogi* < **Jalojogi* (-*jogi* 'река'), а топоним оз. *Большое* считать переводной калькой **Jaløjärv* 'Большое озеро'. При этом название закрепилось первоначально, видимо, за озером, действительно крупным на фоне окрестных незначительных по размерам лесных озер, а затем перешло на реку. Этот пример — свидетельство того, что по крайней мере часть топонимов с основой *Jalo*-могла, будучи переведенными, исчезнуть в ходе русской адаптации.

5. бол. *Ялойское болото* (Л, Выт, Прокшино).

6. дер. *Ялосарь* (Л, Выт), на берегу Новинского водохранилища, входящего в Беломорско-Балтийский канал. Очевидно, отражает ландшафтные особенности местности до строительства канала, вепс. **Jalosaŗ* 'Большой остров'.

7. руч. *G'aloja* / рус. *Елайручей*, зал. *Ялойская Кара* (басс. р. Ошта).

8. зал., дер. *Jallaht'* ~ *D'allaht'* ~ *D'allahtenguba* / рус. *Ялгуба* (Прион, Ялгуба), деревня на берегу одноименного залива Онежского озера, в бывшем людиковском языковом ареале. Финляндский топонимист В. Ниссиля связывал истоки топонима с карельским *jalg, nalg* 'нога', полагая, что в основе ассоциация по форме: длинный узкий залив по форме напоминает ногу [Nissilä 1967: 24]. Однако в плане типологии наименований эта интерпретация малоперспективна. Значительно продуктивнее сопоставлять *Ялгубу* с названием соседнего залива *Пиньгуба*, в котором в полном соответствии с закономерностями фонетической адаптации прибалтийско-финских топонимов к русской системе географических названий топооснова *Пинь-* восходит к карел. *pieni* 'маленький'. На фоне незначительной по размерам, особенно по протяженности, *Пиньгубы Ялгуба*, имеющая длину около 6 км, является большой, что и закрепилось в ее названии (рис. 1). Кстати, истоки топонима *Пиньгуба* оказались

Рис. 1. Заливы *Ялгуба* и *Пиньгуба*

для В. Ниссиля непонятными, что, видимо, не позволило ему увидеть основу *jalo* в *Ялгубе*.

9. зал. *Jallahti* / рус. *Ялгуба*, обширный залив оз. Сандал (Конд. Лычный Остров).

10. зал. *Ялгуба*, залив на западном берегу Повенецкого залива (Медв. Тунатрека).

Ранняя утрата значения размера отразилась в том, что основа практически отсутствует на современной вепсской территории в микротопонимии, обнаруживаясь в то же время на окраинах вепсского языкового ареала — обрусевших и карелизированных — как свидетельство разрушившегося ареала.

Особенно интересны три *Ялгубы* в северном Обонежье, в том числе *Ялгуба* практически на северной оконечности Онежского озера, на старом водно-волоковом пути из вепсского Прионежья в Поморье. При этом в окрестностях присутствуют и другие вепсские дифференцирующие признаки в культуре, что позволяет видеть в топониме вепсский след на транзитном водно-волоковом маршруте в Поморье.

Обонежскому, в истоках своих вепсскому, ареалу противостоит северный — карельский — ареал, тяготеющий к бассейну р. Кемь:

р. *Jalajoki* (Ухт, Контокки), руч. *Jalo-oja* (Ухт, Ювалакша), порог *Jalonniska* (Кем, Подужемье), руч. *Jaloja* < **Jalo-oja* (на топографической карте название представлено в форме *Ялоручей*) (Кемир, Рудометово), оз. *Jaloizjärvi* ~ *D'aloizd'ärvi* (Ругоз, Ледмозеро), о. *Jaloizsaari* (Ругоз, Ругозеро), мыс *Ялокорга* (Сегеж, Надвоицы).

Можно предположить присутствие данной топоосновы еще в ряде названий географических объектов на территории Карелии: ср. оз. *Jäljjärvi* / рус. *Ялюзеро* (Ухт, Алозеро), оз. *Jiäl'järvi* / рус. *Яляярви*, р. *Jiäl'joki* ~ *D'ial'joki*, мыс *Jiäl'niemi* (Ухт, Шомбозеро). Видимо, переход конечного гласного атрибутивной топоосновы *-o-* в *-i-* мог спровоцировать изменение качества гласного звука первого слога: *-a- > -ä- ~ -iä-*.

Два ареала формировались самостоятельно, оба в тот период, когда примарная семантика прилагательного *jalo* 'большой' еще не размылась и слово активно использовалось для характеристики природных объектов.

1.2.4. *En(ä)- ~ Än- / Ян-

В топонимии Карелии сохранилось еще одно реликтовое прибалтийско-финское прилагательное для обозначения большого размера — **enä*, которое представлено сейчас, как правило, в наречиях: карел. *enämpi*,

вепс. *enamb*, фин. *enempi* ‘больше’, ср. также эст. *enamus* ‘большинство’. Уже в этимологическом словаре финского языка в словарной статье *enä* приводится вепсский топоним *Enarv* < **Enäjärvi* как пример реконструкции семантики ‘большой’ у вепсского слова [SKES]. Его русский эквивалент — *Вонозеро*, образовавшийся в соответствии с фонетическими закономерностями севернорусских говоров эпохи освоения новгородцами севера, позволяет предполагать, что и другое озеро с названием *Вонозеро*, расположенное в истоках Яндебы, на свирско-оятском водоразделе, бывшей вепсской территории, обрусевшей относительно недавно, тоже содержит в основе вепсское прилагательное **enä* ‘большой’. На фоне окружающих небольших по размеру лесных озер оба присвирских Вонозера в соответствии с этимологией действительно отличаются своими значительными размерами. Список может быть расширен за счет речного наименования *Enojogi* с вариантами *Enoja*, *Jenjogi*, *’enoja*, рус. *Генуя*, которым называется верхнее течение реки Капши, от ее истоков до впадения в оз. Капшозеро (басс. р. Свирь). При этом название имеет вариант *Sur’jogi* ‘большая река’, подтверждающий истинность этимологии топоосновы *En(ä)*- [Муллонен 1994: 58].

В последнем примере налицо неустойчивость вепс. *e* в начальной позиции (*Enojogi* ~ *Jenjogi* / рус. *Генуя*), являющаяся отражением характерной для вепсских говоров тенденции к нарастанию *j* в начале слова. С учетом отмеченной фонетической закономерности можно реконструировать топооснову **Enä*- в названии мыса *Jennet* (вепс. *net* ‘мыс’) на оз. Шимозеро, а также, возможно, в наименовании ручья *Енуя* (вепс. *Änoja*, *’änjogi*) в бассейне верхней Ояти, оз. *Енойское* ~ *Еновское* ~ *Еное* в бассейне Викшеньги (басс. р. Паша), руч. *Енручей* в нижнем течении Шокши (басс. р. Оять), руч. *Еноручей* с вариантом *Ендручей* в басс. р. Пидьма, а также, возможно, руч. *Гение* или *Генинский*, вытекающий из обширного Важевского болота в бассейне р. Шапша [СГС].

Наряду с фонетическим вариантом **En(ä)*- (*Enar’v*, *Enojogi*) в гидронимии вепсской территории сохранились следы использования варианта **Än*- (*Än’järv*, *Änine*), в том числе с выросшим *j* (*’änjärv* ~ *Jänjärv*, *Jänotägi* и др.), при этом за варьированием могут стоять разные процессы: как разные языковые истоки, так и звукопереходы, происходившие внутри вепсских говоров, а также в ходе вепсско-русского языкового контактирования. Действительно, в соответствии с историческим финно-угроведением более открытый на фоне прибалтийско-финского *e* звук *ä* может являться наследием того древнего довепсского — условно прасаамского — языка, который бытовал в Обонежье и был

родственен вепсскому (см. подробнее [Муллонен 2002: 271–282]). Возможно, именно к этому языку восходят и *Änine* ~ *änine* — вепское название Онежского озера, и наименования других больших на окружающем фоне озер и рек, таких как *Än'järv*, *Яндозеро*, *Яндама* и др. в бассейне р. Свирь. С другой стороны, варьирование в восточных вепских говорах *äi* ~ *ei* ‘много’, *mägi* ~ *megi* ‘гора’ и др., возникшее, очевидно, как следствие русского языкового воздействия, дает основание предполагать изначальное *ä* на месте современного *e* и в ряде гидронимов. В то же время русская по употреблению топонимия Обонежья являет многочисленные примеры взаимозаменяемости *e* ~ *я*, которые затрудняют реконструкцию изначального гласного в топооснове.

Есть одно косвенное обстоятельство, указывающее на то, что вариант *Än-* был явным фактом вепской топонимии и его семантика осознавалась носителями топосистемы. В топонимии южного Обонежья обнаруживается несколько фактов бинарной оппозиции ‘большой’ — ‘маленький’, в которой семантика ‘большой’ выражена топоосновой *Än-*, а ‘маленький’ — вепскими прилагательными *piču* и *vähä*: на верхней Ояти рядом с обширным озером *Än'järv* / рус. *Яндозеро* располагается маленькое оз. *Vähärv* / рус. *Вязозеро* (**vähä* ‘маленький’, см. ниже) (рис. 2), в Шимозерье оппозиция представлена соответственно как *ändärv* ~ *Jändärv* / рус. *Яндозеро* и *Pičar* (*piču* ‘маленький’). Бытование связок такого рода предполагает, что оба их члена возникали внутри одного языка или, по крайней мере, создатели вепских «маленьких» гидронимов осознавали связь топооснов *En-* и *Än-*.

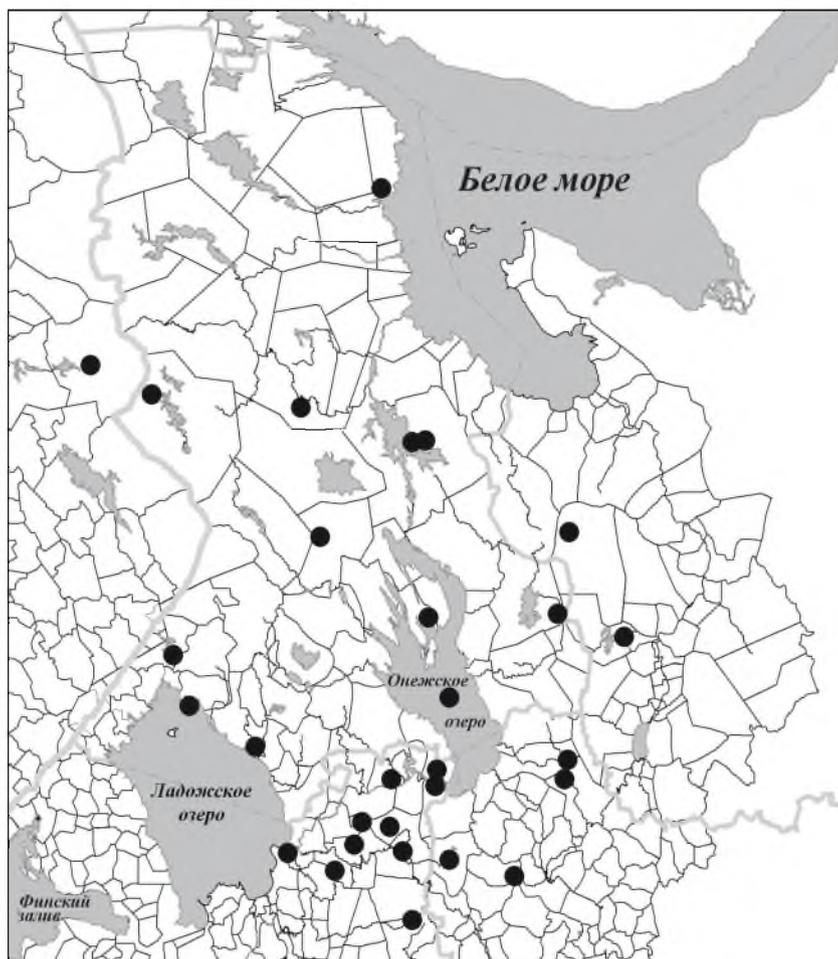

Рис. 2. Оппозиция *Än-* — *Vähä-*

Список топонимов может быть расширен за счет названий притоков Свири — рек *Янега*, *Яндема* (о генезисе *d* в этом и других гидронимах этой группы см. [Муллонен 2002: 272–275]), тем более, что последняя вытекает из оз. *Вонозеро* < **Enäjärv* (см. выше), р. *Янасарь*, руч. *Яндручей*, а также расположенных в восточном и юго-восточном Обонежье р. *Янсорка*, р. *Яниш*, оз. *Янишевское*, бол. *Янишево* (с вариантом *Великое*). В этом же ряду зал. *Вянегуба*, р. *Вянярека* ~ *Вяньрека*, о. *Яниостров* ~ *Янцостров* (Сегеж, Тиконицы), два острова с названием *Янестрова* ~ *Янострова* на Выгозере, о. *Яностров* (Сегеж, Пулозеро), бол. *Янемох*, оз. *Янозеро* ~ *Янеозеро* (Пуд, Луза), уг. *Енесполе* ~ *Енисейские поля*, о. *Денесье* (А, Онеж, Челозеро), оз. *Янчозеро* (Повен, Щепина Гора), дер. *Янишполе* (Конд, Янишполе), уг. *Янежполе* (Шунг, Шилово), дер. *Вянишполе*, о. *Вяньостров* ~ *Венишостров* (Велик, Вегорукса), р. *Ендрека* в Пудожье, руч. *Ендручей*, вытекающий из оз. *Большое*, в Кенозерье, оз. *Яндомозеро*, стекающее по реке *Яндама* в залив Онежского озера — губу *Великая*, в Заонежье. Наконец, здесь же название Онежского озера, вепс. *Änine* ~ *‘änine*, а также самого крупного озера Северного Приладожья *Jänišjärvi* (карта 3). Несколько разрозненных примеров известно в Приладожье, среди них оз. *Jänišjärvi* (см. ниже), р. *Enäjogi* ~ *Änjogi* (рус. р. *Яна*), р. *Энема* ~ *Инема*. В Поморье известен мыс *Енякорга* ~ *Енекорга* ~ *Янискорга* (Кем, Поньгома).

В силу обозначенных выше причин на предложенную карту вынесены оба фонетических варианта топоосновы. При этом понятно, что генезис их может быть несколько различен. Лексема **enä* имеет древние финно-угорские корни и широко представлена в финно-угорских языках [SSA]. Она убедительно восстанавливается в топонимии мерянского, муромского и мещерского происхождения на территории Верхневолжья [Rahkonen 2009: 206–209; Смирнов 2017: 230–233]. Не исключено, что в Обонежье столкнулись две языковых разновидности топоосновы: та, что бытовала в финно-угорском языке довепского населения территории, и прибалтийско-финская. Семантически идентичные и близкие по звучанию, они сосуществовали в рамках единой территории.

При интерпретации названия Онежского озера стоит исходить из вепского варианта *Änine* ~ *‘änine* ~ *Jänine* (с основой *Äniž-* ~ *‘äniž-* ~ *Jäniž-*) > фин. *Ääninen*, *Äänišjärvi*. Долгое *ää* в финском варианте — это дань народной этимологии, связывающей название с вепс. *än*’, фин. *ääni* ‘голос’, *ääninen* ‘звучный’ [Фасмер], т. е. ‘шумное, бурливое, бурное’ озеро.

Карта 3. Ареал топонимов с основой *En-* ~ *Än-*

Качество начального гласного *ä* в *Änine* сближает гидронимную основу скорее с саамскими, нежели с волжскими или прибалтийско-финскими данными. Очевидно, звук, близкий саамскому праязыковому **ɛ*, воплотившийся позднее в диалектных *eä, ie, æ, jää, jie*, был усвоен в вепское употребление как *ä*, что, кстати, укладывается в нормы адаптации, выявленные на основе анализа достаточно обширного круга саамских заимствований в финские говоры [Franz 1908: 51]. Согласно им, саамский дифтонг передается в финских говорах через *e* и *ä*, при этом

двойная возможность связана с тем, что в финских говорах отсутствует звук, абсолютно идентичный саамскому дифтонгу.

Возможность подобного двойного усвоения надо иметь в виду, переходя к решению следующей проблемы, связанной с русским вариантом названия — *Онежское озеро*: почему прибалтийско-финскому начальному *ä* в русском варианте соответствует *о*, а, например, не *я*, как в гидронимах типа *Яндозеро* (< *Ändärv*)? Причину надо искать, во-первых, в разном времени усвоения: *Онежское озеро* относится к числу наиболее архаичных русских (т. е. русского употребления) географических названий на территории Российского Севера, когда в вепском не развилось еще йотирование гласного переднего ряда в начале слова, спровоцированное длительным и активным русским воздействием, и, следовательно, появление *я* [ja] в русском варианте, фиксирующееся в значительно более поздних по времени адаптации гидронимах, было невозможно. С другой стороны, однако, известно, что в древнерусском *о* появлялось закономерно на месте заимствованного *e*, чему обнаруживаются примеры и в топонимии Присвирья: вепс. *Enar'v* → рус. *Онозеро* → *Вонозеро*. Случаи же передачи прибалтийско-финского *ä* русским *о* не зафиксированы [Kalima 1919], что, впрочем, не означает невозможности подобного развития. Круг прибалтийско-финских лексем с начальным *ä* достаточно ограничен, что уже само по себе делает вероятность попадания их в русское употребление минимальной. Если к этому добавить, что и семантически, судя по данным СВЯ, эти слова не представляют тех групп лексики, которые обычно заимствуются, то выявление закономерностей в отражении прибалтийско-финского *ä* в русских говорах в древнерусский период действительно затруднительно. Может статься, что *Äniž-* ~ *Онежское* — один из редких (если не единственный) примеров проявления адаптационной закономерности. Последняя, кстати, выглядит вполне оправданной в контексте артикуляционной близости фонем *e* и *ä*: ср. с упомянутой выше передачей саамского *æ* в финских говорах через *e* или *ä*, а также сосуществование в вепских говорах фонетических вариантов *äi* ~ *ei* 'много', *äipäi* ~ *eipäi* 'пасха', *ajäk* ~ *ejäk* 'сколько', в топонимии Присвирья *Äim(ä)jogi* ~ *Eimjogi*. Исходя из отражения прибалтийско-финского *e* в древнерусском через *о*, а также из близости в звучании прибалтийско-финских *e* и *ä*, логично предполагать, что и *ä* заимствований передавалось через *о*. Так прибалтийско-финская основа *Äniž-* породила древнерусское *Онеж-*. Надо полагать, что основа *Онеж-* примарна — как это ни парадоксально с точки зрения русского формообразования — по отношению к *Онег-*

(Онего), которая возникла как недостающее звено на фоне пар типа Ладога — Ладожское озеро, Волга — Волжский.

В прибалтийско-финском топониме *Änine* выделяется две части: собственно топооснова **Äne-* (~ *Jäne-*) и суффикс *-ine* (*-iž*), для которого можно предложить несколько этимологических решений. С одной стороны, речь может идти о диминутивном прибалтийско-финском суффиксе, бытующем в ряде древних лимнонимов в ономастической функции, в частности, для адаптации иноязычных топонимов [Муллонен 1994: 20]. С другой стороны, нельзя исключать того, что суффикс мог присоединиться (так же в собственно ономастических целях, например, как элемент, замещающий собой детерминант) еще на доприбалтийско-финском этапе жизни топонима. В связи с возможной саамской интерпретацией топоосновы наиболее естественно выглядит саамский диминутивный *-š*, родственный прибалтийско-финскому *-ise* (вепс. *-iž*). Конечное *-ine* в вепс. *Änine* — это в таком случае уже результат собственно вепсского этапа в жизни топонима. Данное предположение поддерживается известными в южном Обонежье лимнонимами *Яргыш*, *Ландыш* и др., в которых конечный элемент *-(ы)ш* может интерпретироваться как саамский диминутивный суффикс.

Аналогичную структуру (топооснова **Äne-* + суффикс *-ine* (*-iž*)) можно предположить и для потамонима *Янишевка* — названия реки, впадающей с севера в Кемозеро и вытекающей из оз. *Янишевское* ~ *Янишево*, рядом с которым расположено оз. *Малое*. Правда, при этимологии данного конкретного названия надо иметь в виду, что на восточном берегу озера располагалась дер. *Янишево* (ср. вепс. *jäniž* ‘заяц’), название которой могло быть первичным по отношению к лимнониму. С другой стороны, в наименовании озера, являющегося, безусловно, самым крупным в микрорегионе, вполне естественно закрепление топоосновы, отражающей этот приметный и к тому же продуктивный в смысле топонимной номинации признак. Концовка *-иш-* в топооснове *Яниш-* в таком случае может иметь как прибалтийско-финское, так и более раннее происхождение. В гидронимии Онежско-Белозерского водораздела фиксируется еще по крайней мере два примера, в которых указанная топооснова может быть связана с первоначальным древним этимомом с семантикой ‘большой’. Это бол. *Янишево* с вариантом *Великое*, а также озера *Большой*, *Средний* и *Малый Яниш* в истоках р. *Яниш* (басс. р. Базега). Эту же основу в сочетании с оформляющим ее суффиксом заманчиво видеть в лимнониме *Янисъярви* / *Jänisjärvi*, названии, безусловно, самого крупного озера Северного Приладожья. Появление *j* может иметь разное

объяснение, в том числе оно могло быть спровоцировано карельским диалектным воздействием, в соответствии с которым долгий саамский праязыковой **ee* > **aa* > *ea* ~ *iä*, или же карельский дифтонг восходит непосредственно к представленному в саамских говорах дифтонгу. В месте впадения протекающей через озеро р. *Янисъеку* / *Jänisjoki* в Ладожское озеро находится зал. *Janaslahti* и остров с названием *Janatsuar'*, второй элемент которого *suar'* значит 'остров', а в первом просматривается та же основа, что и в названии озера и реки, но с характерным карельским оформлением *-t* (< *-s*).

Явно формантный генезис демонстрирует и элемент *-uc-* (< карел. *-is-* < *-ise-* ~ *-ine-*) в названии мыса *Янискорга* (*корга* 'мыс'), который убедительно выявляется при сопоставлении с параллельно бытующим вариантом *Енякорга* (Кем, Поньгома).

Кроме упомянутых здесь топонимов, в северной и центральной Карелии фиксируется еще целая серия названий, в которых также закрепились топооснова *Jänis-* ~ *Jäniz-*: оз. *Jänisjärvi*, р. *Jänisjoki* (Ухт, Кентозеро; Лоух, Вычетайбола), оз. *Jänisjärvi* (Ухт, Суднозеро; Лоух, Боярская; Кемир, Кургиево; Ругоз, Ругозеро), о. *Jänisšuari* (Ухт, Хайколя; Ухт, Луусалми; Лоух, Пильдозеро; Лоух, Воронская; Лоух, Вычетайбола; Ругоз, Барышнаволок; Лоух, Булдыри; Кемир, Пезозеро; Реб, Реболы; Реб, Туженя; Реб, Лужма; Медв, Совдозеро; Сегоз, Баранова Гора), зал. *Jänislakši* (Ругоз, Барышнаволок; Лоух, Булдыри), порог *Jäniskoški* (Лоух, Булдыри; Ф, Соан), мыс *Jänisniemi* (Кемир, Пезозеро), пролив *Jänisšalmi* (Реб, Реболы). Нельзя исключать того, что некоторые из них превратились в «заячьи» именно в результате народной этимологии.

Топооснова со значением 'заяц, заячий' уместна для называния микрообъектов, например полей, небольших горок, ручьев и т. д. Однако она сомнительна в названиях относительно крупных географических объектов. Таким образом, можно предположить, что топооснова *Jänis-* / *Заячий* в названиях крупных географических объектов — это результат народного переосмысления топоосновы *Än(iž)-* 'большой'.

Названия с топоосновой *En-* ~ *Än-* фиксируются главным образом в южных и восточных частях Карелии, на бывших вепских территориях, а также в западной части Архангельской области. Дальнейшие поиски могут уточнить ареал основы, прежде всего его восточные границы.

Некоторые топонимные факты с территории центральной Карелии — оз. *Eningilambi* (большое по размерам озеро, появление в названии которого элемента *-lambi* 'лесное озерко, ламба') можно объяснить только расположением его непосредственно на берегу обширного

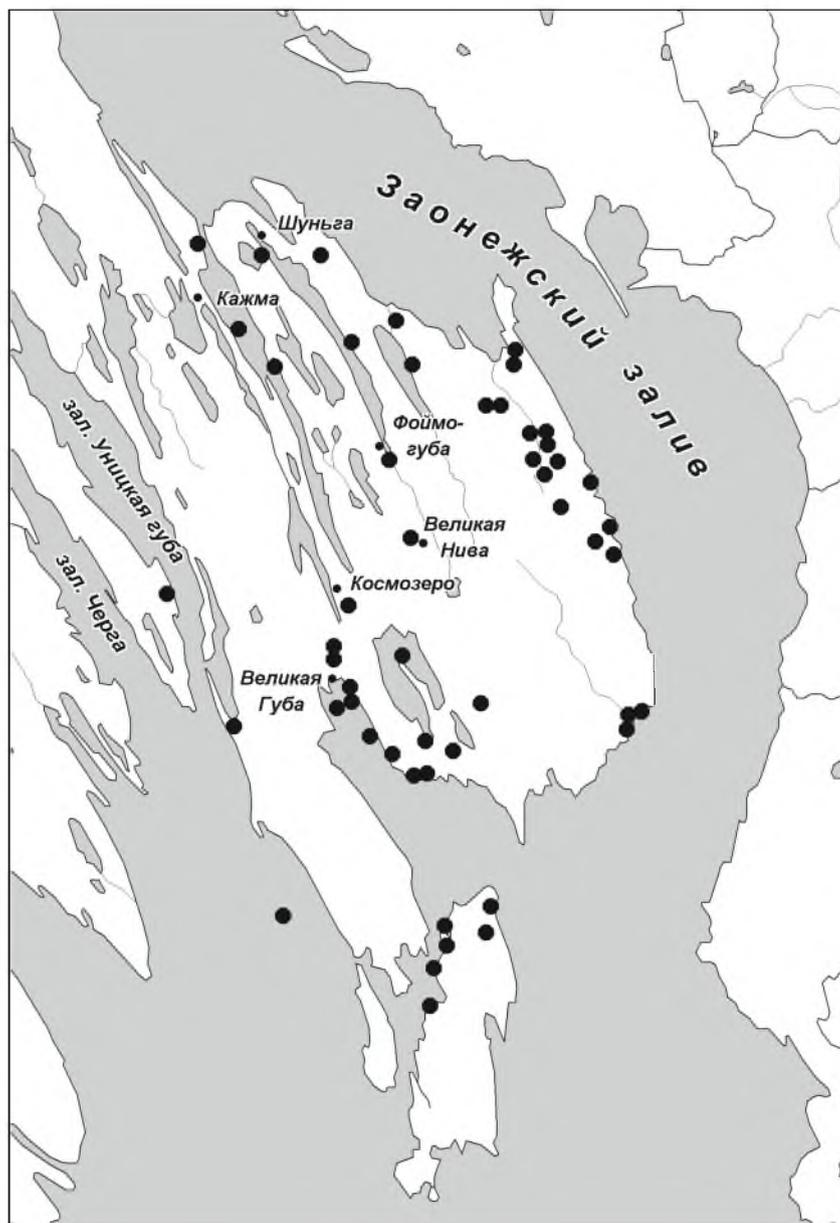
озера Селецкого) в Сегозерье, р. *Eninginjogi* в бассейне р. Лендерки, оз. *Enin(g)järvi* в окрестностях Ондозера и др., в которых основа оформлена формантом *-ngi*, свидетельствующим о неприбалтийско-финских истоках основы, — кажется, можно рассматривать как результат интеграции в карельское употребление саамских «больших» топонимов. Саамское *a* (< **ε*) перешло здесь в карельский язык в виде *e*.

Традиция использования древней топоосновы **Enä-* была известна не только прибалтийско-финской и саамской топонимическим системам. Она бытовала и у других финно-угров. В частности, в мордовской топонимии известна р. *Инсар* (*Ин-* < морд. *ине* ‘большой’, *сар* ‘ответвление, приток’ [Цыганкин 1993: 120]). Целый ряд речных наименований с основой *Ин-* зафиксирован в бассейне Оки, в ареале современного и прежнего проживания мордвы, а также на сопредельной бывшей мерянской территории, в том числе *Инелей*, *Иниляй*, *Инобожь*, *Инокуша*, *Иנותынка*, *Инсара*, *Иночь*, *Инюха* и др. [Смолицкая 1976: 325–326; Матвеев 2015; Смирнов 2017: 230–233]. К ним примыкают сложные по структуре озерные наименования с элементом *-ero*, *-erke* ‘озеро’: *Инерка*, *Инорка*, *Инарка*, *Инорское*, *Инеры* и др. [Ahlqvist 1998: 39–40]. Арья Алквист считает возможным видеть древнюю уральскую основу **Enä-* в ее мерянском варианте и в целом ряде верхневолжских гидронимов, среди которых, в частности, оз. *Неро* (< **Inero*), оз. *Нерон* или *Мирон*, в котором, возможно, реконструируется древнее название оз. Плещеево, две реки под названием *Нерль* и др., в которых в связи с оттяжкой ударения на второй слог инициальный *i* исчез.

1.2.5. *Великий* vs. *Большой*

В русской топонимии Карелии определение ‘большой’ выражается двумя прилагательными: *большой* и *великий*, специфика в употреблении которых далее рассмотрена на примере Заонежья — одного из ареалов традиционного русского расселения в Карелии.

Определение *Великий* в составе топонимов-словосочетаний в Заонежье образует ареальное противостояние с определением *Большой*. Оно сложилось в результате того, что идея ‘большой по размеру’ выражалась в новгородской традиции словом *великий*. Со временем, однако, данная лексема выходит из активного употребления и сменяется лексемой *большой*. В результате оба слова могут использоваться в одном ареале, но маркировать названия с разными хронологическими рамками существования: топонимы, в состав которых входит лексема *великий*, появились раньше и существуют дольше, чем топонимы с элементом

Карта 4. Ареал топонимов с элементом *Великий*

большой. В Заонежье большинство «великих» топонимов тяготеет к восточному побережью Заонежского полуострова, где неоднократно фиксируются: *Великая Лядина*, *Великая Орга*, *Великий Мох*, *Великая Нива*, *Великий камень*, *Великий бор*, *Великая Щельга* и др. На карте (карта 4) видно, что ареал тянется от дер. Великая Губа вдоль побережья до дер. Шуньга, не углубляясь внутрь полуострова. В контексте хронологической дистрибуции определений *великий* и *большой* подобное ареальное членение может быть интерпретировано так, что русское освоение продвигалось вдоль Заонежского залива. Какой-то более слабый колонизационный поток шел на губу Чергу и на Уницкую губу. Центральная же часть полуострова на ранних этапах оставалась вне интересов русского освоения. Здесь качественное определение *Великий* как маркер раннего освоения либо отсутствует полностью, как, например, в Карасозерской волости, либо представлено одним единственным примером на волость, ср. *Великая Грязь* (Фоймогуба), *Великая Нива* (Космозеро), *Великая Грязь* (Кажма), притом что модельное определение *Большой* входит здесь в число приоритетных. На территории Великонивской волости, судя по нашим материалам [СТЗ], бытовал только один «великий» топоним — название центрального поселения самой волости — *Великая Нива*. В связи с ареальной оппозицией *великий* — *большой* стоит обратить внимание на то, что отмеченные в центральном Заонежье топонимы *Великая Грязь* и *Великая Нива* входят в число устойчивых образований, неоднократно воспроизведенных в заонежской топонимии. Видимо, они сохраняли свою топонимическую активность еще в то время, когда сама лексема *великий* уже вышла из повседневного употребления, что позволило им в виде исключения воплотиться на территории вторичного освоения в Заонежье.

1.3. Типовые топоосновы со значением ‘маленький’

В прибалтийско-финской топонимии Карелии для обозначения небольшого размера географических объектов используется ряд топооснов: *Pieni-*, *Pikku-*, *Pikkaraini-*, *Vähä-*, *Piç(uine)-*, *Pen’-*, *Muçu(ine)-*, *Paheine-*. При этом продуктивность и ареалы их различаются. В топонимии карельского языкового ареала представлены топоосновы *Pieni-*, *Pikku-*, *Pikkaraini-*, *Muçu(ine)-*, *Paheine-*, в то время как топонимическая система территорий бывшего и современного расселения вепсов в той же функции фиксирует названия на *Pen’-*, *Piç(uine)-* и *Vähä-*.

1.3.1. *Pieni-, Pikku-, Pikkaraini-*

Антонимической парой для лексемы *suuri* ‘большой’ как в карельском языке, так и в топонимии выступает слово *pieni* ‘маленький’. Топооснова *Pieni-* представлена в большом количестве географических названий на территории всех диалектов карельского языка.

Аналогичным образом основа *Pen’-* со значением ‘маленький’ активно бытует в вепсской микротопонимии, при этом довольно часто в качестве определения в оппозиционной паре ‘большой’ — ‘маленький’: бол. *Pen’so* (Шелт, Тихоништа), ср. рядом бол. *Sur’so* (*sur’* ‘большой’), г. *Pen’ Čuhu*, ср. рядом г. *Sur’ Čuhu* (Л, Винниц, Шондовичи), оз. *Pen’ Ahvjär’v*, ср. рядом оз. *Sur’ Ahvjär’v*, г. *Pen’kal’l’iin’e* (Шелт, Каскесручей), ср. рядом г. *Sur’kal’l’*, ур. *Pen’ed L’etkuded* (Шелт, Погост), оз. *Pen’gär’v* (Л, Шол, Пондала), руч. *Pen’oja* (Л, Шол, Пондала) и др.

В собственно карельском наречии в значении ‘маленький’ фиксируется также лексема *pikku*. Она спорадически представлена и в говорах ливвиковского наречия, а также у карелов-людигов: ср. *pikku, pikoi* ‘малюсенький’. Кроме этого, она может использоваться в качестве усиительной частицы и наречия со значением ‘совсем’. В топонимии основа *Pikku-* используется как в северной, так и в южной Карелии. В Беломорской Карелии основной ареал тяготеет к ее западной окраине, граничащей с территорией Финляндии. Единичные названия представлены в центральной части ареала, а также за его южными пределами, в топонимии бывших Ребольской и Паданской волостей: мыс *Pikkuniemi*, уг. *Pikkupelto* (Ухт, Ювалакша), уг. *Pikkupelto* (Ухт, Хайколя), руч. *Pikkioja* (Ухт, Юшкозеро), о. *Pikkušuari* (Ухт, Вокнаволок), порог *Pikkukoški* (Ухт, Вокнаволок), оз. *Pikkulampi* (Ухт, Ценанаволок), о. *Pikkušuari* (Ухт, Ладвозеро), о. *Pikkušuari* (Ухт, Каменное Озеро), мыс *Pikkuniemi* (Ухт, Тихтозеро), уг. *Pikkupala* (Ухт, Катошлампи), о. *Pikkušuari* (Реб, Реболы), оз. *Pikkulambi* (Сегоз, Юккогуба). При этом модель отсутствует в других частях карельского Беломорья и в то же время очень продуктивна в топонимии северной Финляндии, с которой граничит Беломорская Карелия. Видимо, ее появление на севере Карелии связано как с переселением финского населения на территорию России в XVIII в., так и с активными межэтническими контактами, происходившими в карело-финском пограничье в XVIII–XIX вв., что, в свою очередь, могло способствовать более активному использованию данной атрибутивной основы в образовании топонимов в Беломорье.

На этом фоне не вполне понятен генезис модели на юге Карелии. Она представлена спорадически в бывших Ведлозерской и Сямозерской

волостях, а также у северных и средних карелов-людиков. Кроме этого, модель фиксируется на сопредельных с лудиковскими русскоязычными территориях в Кондопожском и Медвежьегорском районах. Основа в виде *Pikku-*: уг. *Pikkupeldo*, берег *Pikkurandu*, мыс *Pikunniemi* (Видл, Салостров), тоня *Pikunabajat* (Видл, Кибриннаволок), в виде *Pikoi-*: оз. *Pikoijärvi* (Сямоз, Гарболова Сельга), бол. *Pikoosuo* (Конд, Кавгора), бол. *Pikoisuo* / рус. *Пику-* ~ *Пико-* ~ *Пикайболото* (Конд, Тавойгора), дер. *Pikuoinekyllä* ~ *Pikuinekyllä* (Петр, Гомсельга), тоня *Pikuo* (Свят, Пелдожи).

Присутствует модель и на бывших карельских в этноязыковом плане территориях Финляндии (фин. *Raja-Karjala*, рус. Приграничная Карелия): дер. *Pikkukylä* (Ф, Салми, Пелдойне), порог *Pikkukoski* (Ф, Имп, Мурсула), луды *Pikkuluvvot* (Ф, Имп, Койриноя), уг. *Pikkupalsta* (Ф, Имп, Руогоярви), о. *Pikkusuari* (Ф, Имп, Хунтила), оз. *Pikkulampi* (Ф, Илом, Ахвенъярви), оз. *Pikkulammit* (Ф, Илом, Кивилахти), г. *Pikkutöyry* (Ф, Иломантси), мыс *Pikanniemi* (Ф, Суояр, Вегарус), оз. *Pikanlambi* (Ф, Корп, Аглиярви).

Видимо, в этот же ряд входят следующие названия с основами *Pikku-* ~ *Pikoi-*: бол. *Пикаяболото* (Конд, Ватнаволок), уг. *Пикуосуо* (Конд, Ватнаволок), ур. *Пикай* (Велик, Саньковская), ур. *Пикай* ~ *Пикая* (Велик, Кондобережская), оз. *Пиккозеро* ~ *Пикозеро*, р. *Пиккорекка* (Сегеж, Воренжа), руч. *Пиккоручей*, бол. *Пиккомох* (на карте *Пихкамох*) (Сегеж, Тайгиницы), оз. *Пикозеро* (Сорок, Нюхча).

Возникает, таким образом, вопрос: могло ли появление модели на юге Карелии быть связано с переселенцами с территории Финляндии, например из Приграничной Карелии, или же она появилась здесь самостоятельно? Не давая окончательного ответа, предположим осторожно, что основа могла иметь здесь исконные истоки.

Несколько другую ареальную ситуацию демонстрируют топонимы с основой *Pikkaraini-* ~ *Pikkaraine-*, которая восходит к активно используемому в диалектах карельского языка прилагательному *pikkaraini* ~ *pikkaraine* 'маленький'. В топонимии она малопродуктивна и зафиксирована преимущественно в собственно карельском ареале, ср.: о. *Pikkarainišuari* (Лоух, Боярская), оз. *Pikkaraine Lavoizlambi* (Ругоз, Большое Озеро), мыс *Pikkaraineniemi* (Петр, Кудагуба), мыс *Pikkaraineniemi* (Петр, Рочезеро), бол. *Pikkarainesuo* (Петр, Усуна), у тихвинских (бол. *Pikkarainešuoht*, бор *Pikkarainekangaš*, уг. *Pikkarainesolmovane*, бол. *Pikkarainešuoht*) и тверских карелов (уг. *Pikkarainepeldone*).

На территории проживания карелов-ливвиков и карелов-людиков известны лишь единичные примеры бытования модели. Они могут

быть связаны, например, с подселением сюда переселенцев с собственно карельских территорий. На собственно карельские истоки топоосновы указывает и присутствие модели в карельской топонимии на территории Ленинградской и Тверской областей. При этом все же не совсем понятно, насколько широко топооснова могла быть распространена на родовой территории карелов в Приладожье, откуда, как известно, в XVII в. часть из них переселилась на тверские и новгородские земли. Возможно, массовый исход карелов из Приладожья нарушил естественный процесс функционирования данной модели, и со временем она была вытеснена на новоосвоенных территориях синонимичной топоосновой *Pieni-*. Принимая это во внимание, можно предполагать, что современные спорадические фиксации на обширной территории являются свидетельствами возможного бытования данной модели в карельском Приладожье в XVII в.

С другой стороны, учитывая тот факт, что лексема *pikkaraini ~ pikkaraine* имеет общекарельское распространение, нельзя также исключать возможности ее независимого появления в разных диалектных зонах.

1.3.2. *Vähä-*

Кроме рассмотренных выше атрибутивных топооснов, в Карелии и на сопредельных с ней территориях фиксируются топонимы с основой *Vähä-*. Прилагательное *vähä* известно в говорах карельского языка в значении ‘небольшой, маленький, незначительный’. В карелоязычной топонимии Карелии лексема непродуктивна. Она представлена здесь всего двумя фиксациями: оз. *Vähärvi* (Сегоз, Сяргозеро), оз. *Vähärvi* (Олон, Сармяги).

На вепсских территориях в антонимической паре с основой **En- ~ Än-* ‘большой’ в топонимии использовалась основа *Vähä-*, восходящая к сохранившейся в вепсских говорах в качестве наречия лексеме **vähä* ‘маленький’: *vähä, vähän* ‘мало, немного’, *vähäd* ‘чуть (не), едва’ и др. [СВЯ]. Следы данной основы в топонимии незначительны и представлены в верховьях Свири и ее притока Ояти несколькими гидронимами. Выше упоминалась уже пара озер *Än'järv* и *Vähärvi* на верхней Ояти, в этом же районе в окрестностях дер. Ладва есть небольшое озерко *Vähäč*. Видимо, в данный ряд входит название ручья *Вязкуй*, впадающего в р. Шокша (правый приток Ояти), современный облик которого сформировался в ходе русской языковой адаптации вепсского оригинала **Vähäoja*. Видимо, название ручья воспроизводится в русском виде в наименовании озера *Малого*, расположенного в русле реки

Шокши при впадении в нее ручья *Вязкого*. Доказательством предлагаемого вепсского оригинала является и название соседнего притока Шокши *Енручей* (< **Еноја* или **Аноја* ‘большой ручей’). Очевидно, и здесь имеется бинарная оппозиция (рис. 3).

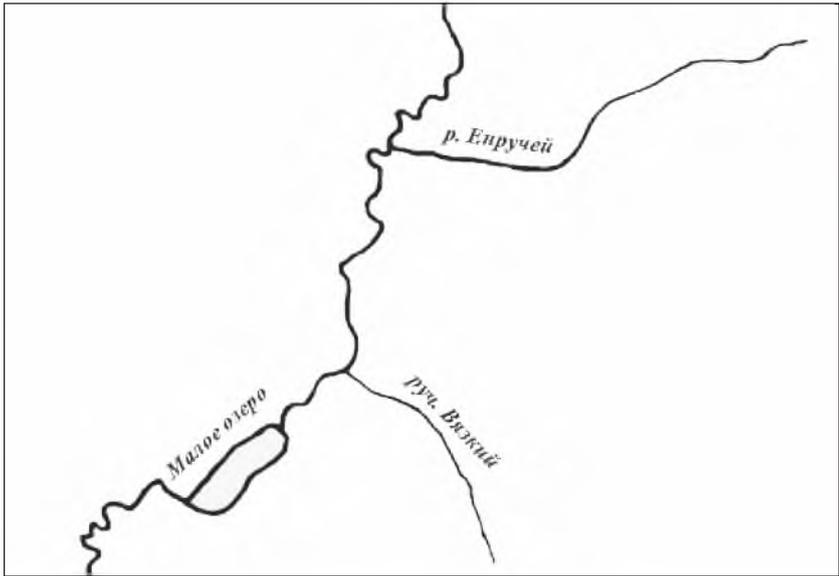

Рис. 3. Оппозиция **En-* vs. *Vähä-*

Она же реконструируется в основе названий двух островов на верхней Свири: небольшого по размерам *Вязострова* и соседнего, значительно более крупного острова, именуемого в настоящее время *Иваньков остров* — по располагавшейся на нем одноименной деревне. Однако названия смежных с островом объектов сохраняют его прежнее наименование **Яностров* (**Änsar'*): впадающий напротив указанного острова в р. Свирь южный приток — руч. *Янручей*, а также располагавшаяся на мысу, на северном берегу Свири напротив острова дер. *Яннаволок* (наволок ‘мыс’). Здесь вновь воспроизводится ситуация связки топооснов **En(ä)*- ~ **Än(ä)*- ‘большой’ и **Vähä-* ‘маленький’, а в основе *Вязострова* восстанавливается цепочка: вепс. **Vähäsar'* > **Vähsar'* > **Väsar'* > рус. *Вязостров* (рис. 4).

Финляндский исследователь Паули Рахконен, который обратил в свое время внимание на последнюю связку, полагал, что топооснова

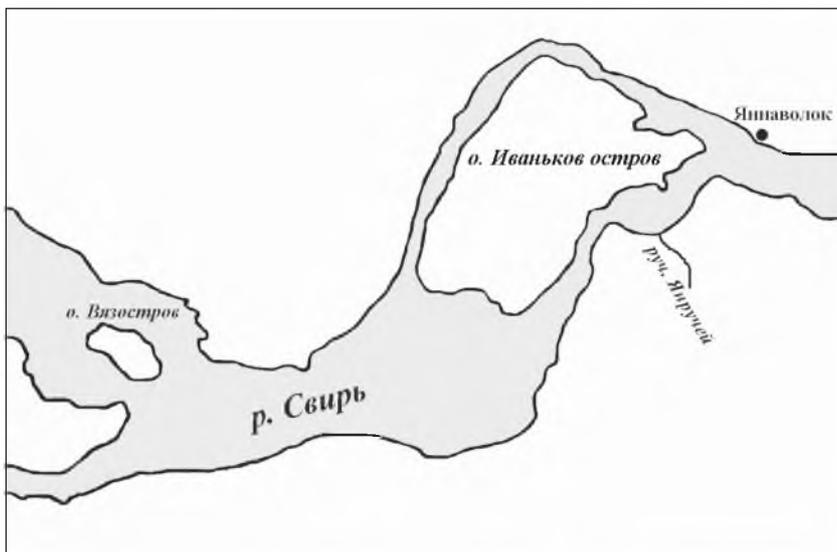

Рис. 4. Оппозиция *En- ~ Än- vs. Vähä-

Вяз- имеет в ней мерянские корни [Rahkonen 2009: 175], на основе топонимии Верхневолжья он восстановил древнюю мерянскую топооснову в виде **Väz-*. В действительности анализ позволяет восстановить древний вепсский источник топонима.

Немногочисленность фиксаций названий с рассматриваемой топоосновой не позволяет говорить что-либо определенное о генезисе модели. Нельзя, например, исключать того, что в топонимии карельского ареала мотивом номинации географических объектов могла быть и маловодность озер в разные времена года, поскольку в диалектах карельского языка слово *vähä* фиксируется в том числе в значении 'что-либо небольшое по объему, количеству'. Кроме этого, единичные фиксации в карелоязычной топонимии юга Карелии могут быть свидетельствами «разрушившегося» ареала, который объединял ранее коренные вепсские территории, где сейчас модель присутствует в топонимии, и те территории, которые были освоены вепсами в более позднее время. Этому, по крайней мере, не противоречит факт расположения карельских деревень (в топонимии которых данная модель фиксируется) в пределах зоны бывшего вепсского присутствия, что подтверждается и некоторыми другими вепсскими топонимическими маркерами.

1.3.3. *Pič-*

Небольшой размер географического объекта может передаваться с помощью прилагательных *pič*, *pičci*, *pičoi*, *pičuine* ‘маленький’, ср. карельские примеры: лес *Piččikangas*, оз. *Piččulambi*, часть озера *Piččuriä*, бол. *Piččusuo* (Олон, Гора), зал. *Pičoiğuba* (Видл, Ведлозеро), оз. *Pičoilambi* (Петр, Готнаволок), вепские: оз. *Pičuin'e Sepatg'är'v* (Л, Шол, Пондала), руч. *Pičoi* (Л, Винниц, Мягозеро), оз. *Pičugärv* (Л, Ошт, Кривозеро), в Шимозерье обнаруживается оппозиция: оз. *Pičar* и оз. *Ändärv ~ Jändärv* / рус. *Яньдозеро*. На обрусевшей вепской территории оз. *Пичозеро* и руч. *Пичручей*, оз. *Пичуя ~ Печуя*, бол. *Пичуское* в верхнем течении р. Паша, в северном Присвирье речка *Пичиняра ~ Печеняра*, букв. ‘маленькая Няра’ — приток р. *Няра* [СГС: 6]. Видимо, в одном ряду следует рассматривать и модификацию *Peč-* в северновепском руч. *Pečei* (Шелт, Вехручей). В топонимии русских территорий Карелии (в Заонежье и Пудожье) топооснова *Pič-* представлена в виде субстрата в следующих названиях: оз. *Пичозеро*, руч. *Пичаручей* (Пуд, Колодозеро), мыс *Пичесельга* (Велик, Сев. Леликово).

Топооснова *Pič-* ареально приурочена к вепским и ливвиковским территориям, а также к районам Русского Севера, где наличие вепского субстрата в языке и культуре подтверждается многочисленными фактами. Все это позволяет видеть в рассматриваемой основе вепский источник.

1.3.4. *Пинега* — ‘маленькая река’?

В контексте анализа типовых моделей, использующихся для названия маленьких по размеру объектов, стоит вернуться еще раз к одному из самых известных топонимов Русского Севера — названию реки *Пинеги*, которое со времен Кастрена и Шегрена возводится к прибалтийско-финскому прилагательному *pieni* ‘маленький’, оформленному т. н. речным суффиксом *-ga*, рудиментом приоб.-фин. детерминанта *-jogi* ‘река’. По мнению А. К. Матвеева, данное название можно возвести к прибалтийско-финскому источнику [Матвеев 2007: 122]: **Peneg* < **Pen'jogi* ‘маленькая река’, а появление рус. *и* — закономерный рефлекс приоб.-фин. *e* или *ie*.

Исследователи, чье внимание привлекало название широко известного притока Северной Двины реки *Пинеги*, видимо, не знали о том, что, во-первых, на Европейском Севере России есть еще около десятка рек с этим названием, а, во-вторых, всем им свойственен один

характерный признак, который мог быть положен в основу названия. На окраинах современного вепсского языкового ареала, на территории, бывшей в прошлом вепсской, обнаружилось три реки *Пинеги*. Это, во-первых, две небольшие лесные речки, впадающие в Папу в ее нижнем течении, при этом обладающие сходной характеристикой. Истоки первой из них находятся в непосредственной близости от р. Шижня и отделены от последней длинным узким болотом с названием *Лухта* (вепс. *luht* 'заливной покос'). Название болота говорит о том, что во время половодья болото затоплялось и по нему было возможно передвигаться на лодках. Об этом рассказывали и наши информанты четверть века назад. Иначе говоря, по Пинеге проходил местный водный маршрут, соединяющий реки Папу и Шижню. С ним, очевидно, связано и название деревни *Ладвуши*, которая располагалась на Шижне в том месте, откуда мог начинаться водный путь через болото Лухта и реку Пинегу на Папу. Оно явно указывает на верховье реки (вепс. *ladv* 'верховье, вершина реки'), хотя поселение и не находилось в истоках Шижни. Но если предполагать, что здесь располагался исходный пункт водного маршрута, то тогда топоним характеризует его абсолютно адекватно. Пинега, таким образом, оказывается связующим звеном, соединяющим две реки (рис. 5).

Чуть выше в Папу впадает вторая река с названием *Пинега*, которая течет параллельно Папе, и в истоках ее располагается узкое и длинное болото *Пинега*, которое вторым своим концом выходит к берегу Паши, приблизительно в 20 км выше устья Пинеги. Если Папа в этом промежутке делает довольно ощутимый поворот, то Пинега течет прямо и явно укорачивает маршрут, что и использовали местные жители для поездок (рис. 6).

Эти два примера свидетельствуют о том, что топоним *Пинега* присваивался рекам, являвшимся

Рис. 5. Река *Пинега*, соединяющая р. Папа и р. Шижня

Рис. 6. Река *Пинега* — приток р. Паша

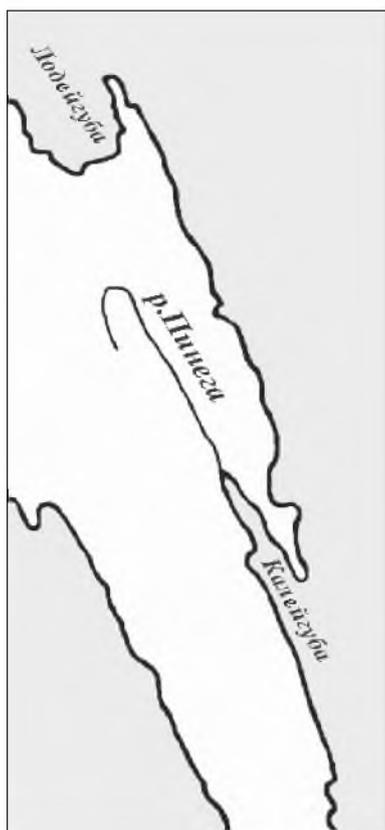

Рис. 7. Река *Пинега*
в Заонежье

участками водных (водно-волоковых) путей и служившим для сокращения дороги, для продвижения «напрямую».

Данной характеристике соответствует и урочище с названием *Пинега* в западной части Заонежского полуострова, в окрестностях дер. Пегрема. Оно находится в узком основании мыса, который с одной стороны омывается заливом Лодейгуба (заонеж. *лодьга* 'лодка'), с другой — Калейгуба, куда впадает безымянный ручей, берущий начало в урочище *Пинега* (рис. 7). Собразуясь с данной ландшафтной характеристикой, можно полагать, что через урочище *Пинега* проходил прямой маршрут из Лодейгубы в Калейгубу, который значительно сокращал путь по сравнению с тем, который приходилось проделывать, чтобы обогнуть мыс, узкий у основания, но широкий в конце. Он (путь) мог быть как водно-волоковым, так, возможно, и водным — при высокой воде. Учитывая, что топоним *Пинега* практически по-

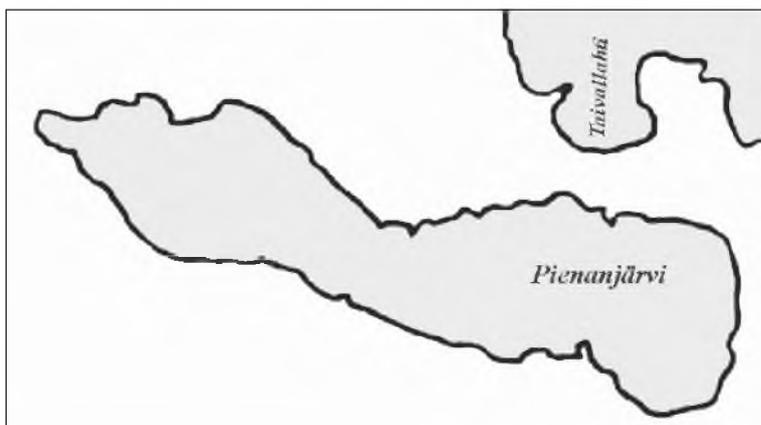

Рис. 8. Озеро *Pienanjärvi* (Финляндия)

всеместно является речным наименованием, можно полагать, что и в окрестностях Пегремы он первоначально называл ручей, впадающий в Калейгубу, а затем перешел на смежное урочище.

Ареал топонима *Пинега* простирается от Обонежья и на восток, и, видимо, на запад, хотя и не отличается особой насыщенностью. Из западных примеров стоит отметить название озера *Pienanjärvi* в бассейне р. Оулунъюки в центральной Финляндии. Оно отделяется узким перешейком (ширина около 400 м) от расположенного севернее оз. Пуокиоярви. При этом залив оз. Пуокиоярви, граничащий с перешейком, имеет название *Taivallahti*, т. е. ‘дорожный или путевой залив’, напоминающее о пути (волоке) через перешеек (рис. 8). Топоним привлек в свое время внимание финляндского исследователя Алпо Ряйсянена, который считал, что в основе — северносаамская лексема *beana* ‘собака’, хотя и признавал наличие определенных фонетических сложностей для такой этимологии [Räisänen 2003: 106–107]. Кроме того, такая интерпретация имеет и семантические проблемы.

Несколько рек с названием *Пинега* известно на юге и востоке от Обонежья. Среди них река *Пинега*, приток р. Угла (бассейн Шексны). В то время как русло Угли делает большой крюк, Пинега практически пересекает образованное Углой полуокружье, позволяя спрямить путь на десятки километров (рис. 9). На то, что эта лесная река использовалась в прошлом в качестве водной дороги и играла важную роль в жизни территории, указывает расположенное в ее истоках большое село Покровское, бывший волостной центр.

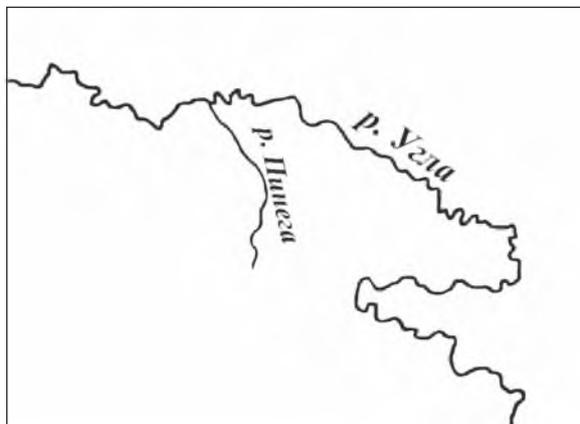

Рис. 9. Река *Пинега* — приток р. *Угла*

Подобную ситуацию отражает и ландшафтная характеристика реки *Пинега* в районе архангельского Шенкурска. Она впадает в Вагу в основании длинной, многокилометровой, но узкой петли, которую делает р. Вага (рис. 10). Надо полагать, что Пинега использовалась для пересечения перешейка, образуемого петлей Ваги, на что указывает, кстати, название поселения *Кучематка*, ср. приб.-фин. *matka* имело изначально семантику ‘сухопутный отрезок пути, перешеек между водными участками’, на противоположном от устья Пинеги берегу Ваги.

Наконец, самая известная *Пинега* на Русском Севере — приток Северной Двины, впадающий в реку в ее низовьях, в притяжении Архангельска. Из Двины по Пинеге попадали через короткий волок в реку Кулой, которая выводила на Ледовитый океан. Упомянутый волок — один из самых известных на Русском Севере, он упоминается уже в письменных документах XIV в. Длина волока между

Рис. 10. Река *Пинега* — приток р. *Вага*

Рис. 11. Река *Пинега* — приток Северной Двины

Пинегой и Кулоем не превышала полукилометра, и весной, при высокой воде, этот путь можно было преодолеть на лодке. В 1920-х гг. на месте волока был прокопан канал, предназначенный для сплава (рис. 11, 12).

Таким образом, очередной раз *Пинега* — это река при волоке. Видимо, такая устойчивая связь не может быть случайной. Спрашивается, могла ли семантика ‘маленький’ применительно к названиям рек восприниматься как ‘короткий’, имея в виду, что Пинеги, судя по их характеристике, укорачивали путь? Прибалтийско-финские лексические данные предлагают и другую возможную лексику в качестве этимона для топоосновы: *riena* ‘поперечный брусок, доска, служащие для устойчивости, для закрепления расположенных к ним под прямым углом досок, балок и т. д.’ [SSA], т. е. обыгрываются две семантические характеристики: поперечный и соединяющий, что, в принципе, как раз отличает реки с названием *Пинега*.

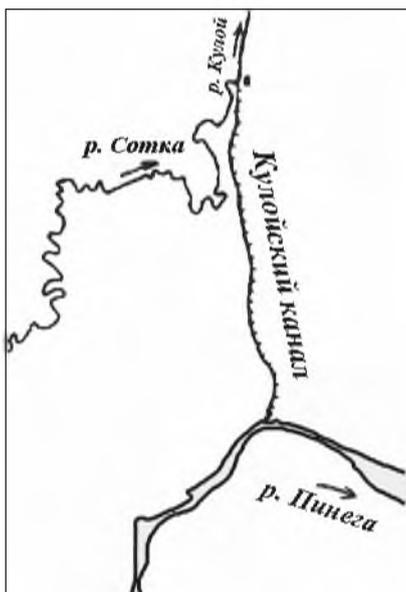

Рис. 12. Кулойский канал

В топонимии Карелии основа использована, к примеру, в названии поля *Pienapelto* с характерным расположением в основании трех других полевых участков, объединяемых этим поперечным участком в единое целое. Вместе с тем настораживает отсутствие топонимов, в которых топооснова *Пине-* выступала бы без форманта *-га* или в сочетании с каким-либо другим речным формантом. Впрочем, не исключено, что они есть, но не попали еще в исследовательское поле.

На Русском Севере следует, видимо, обратить внимание и на топонимы с основой *Пен(е)-*. Так, например, в Пудожье обнаруживается название *Пеньнаволок* ~ *Пененаволок* (Пуд, Канзанаволок), которое присвоено достаточно крупному, выделяющемуся на фоне остальных мысу на западном берегу оз. Водлозеро. Видимо, в данном названии отражено значение 'короткий, сокращающий путь', поскольку от мыса пролегает самый короткий путь от западного берега оз. Водлозеро до таких крупных, бывших некогда жилыми островов у восточного берега, как о. Колгостров и о. Канзанаволок. Дополнительным подтверждением служат линии связи, проложенные с обозначенного мыса до указанных островов по наиболее оптимальному маршруту.

На данном этапе устойчивый облик приведенных выше топонимов позволяет предполагать в основе некий термин из утраченных финно-угорских языков, семантика которого была связана с водно-волоковыми путями. Кроме того, надо иметь в виду, что абсолютное большинство относительно крупных рек на Русском Севере не этимологизируется из прибалтийско-финских языков, что также подвергает сомнению предложенные прибалтийско-финские интерпретации. Приходится констатировать, что при устойчивой ландшафтной характеристике убедительный этимон пока что не обнаружен.

Подводя итог, можно констатировать, что идентификация по размеру представлена в топонимии Карелии целым рядом лексем, однако далеко не все из них имеют в топонимии широкое бытование. Наиболее многочисленными по представительству являются общераспространенные атрибутивные основы карел. *Suuri-* ~ *Šuuri-* и *Pieni-*, вепс. *Sur'-* и *Pen'-*, в то время как все остальные фиксируются достаточно ограниченно. При этом названий с атрибутивной частью *Pieni-* 'маленький' в топонимии в два раза меньше по сравнению с топоосновой *Suuri-* ~ *Šuuri-* 'большой', что объясняется, в частности, тем, что для топоосновы *Suuri-* совсем не обязательна бинарная оппозиция. Кроме этого, в южной части Карелии фиксируется локальная топонимическая модель с атрибутом *Tobd'-* ~ *Tobje-* 'большой', которая ограниченно

представлена, прежде всего, на территории проживания северных людигов и, видимо, является людиковской инновацией. Появление в топонимии исследуемой территории топоосновы **Än-* / *Ян-* со значением ‘большой’ следует относить к доприбалтийско-финскому периоду. Ее прибалтийско-финский эквивалент имеет облик *En-*. К прибалтийско-финскому периоду освоения исследуемого региона относится топооснова *Jalo-*, первоначальная семантика которой на современных карело- и вепсоязычных территориях уже практически забыта.

Для обозначения небольшого размера географических объектов в карельском языковом ареале использовались топоосновы *Pieni-*, *Pikku-*, *Pikkaraini-*, в то время как на вепсских территориях фиксируются топоосновы *Vähä-*, *Piç(uine)-* и *Pen’-*. Представленная в субстратной топонимии Русского Севера модель речного наименования *Пинега*, видимо, восходит к доприбалтийско-финскому периоду освоения региона и включает в себе семантику ‘короткий’ — как модификацию значения ‘маленький’.

В Научной картотеке топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН зафиксирован еще ряд тополексем со значением ‘маленький, небольшой’, продуктивность которых крайне мала. По причине единичных фиксаций названий с данными топоосновами сложно говорить что-то определенное об истоках их появления в топосистеме региона. Среди таковых, например, лексема *palukka(ni)* ‘небольшой кусочек чего-либо’, которая засвидетельствована в окрестностях дер. Тухкала на севере современной Карелии в названии небольшого острова *Palukkaisensuuri* (рус. *Маленький остров*). В то же время не совсем понятно, что за этим названием может стоять — действительно ли маленький размер данного острова или же, например, антропоним (прозвище человека), на что может указывать генитивная форма названия.

Размер географического объекта мог передаваться и метафорически. В Приладожье зафиксированы микросистемы, в которых величина объекта выражается, например, через образы старшинства в семье. Так, самый большой из трех расположенных рядом островов называется о. *Ukonsaari* (*ukko* ‘старый) мужчина, муж, дед’), средний — о. *Poikasaari* (*poika*

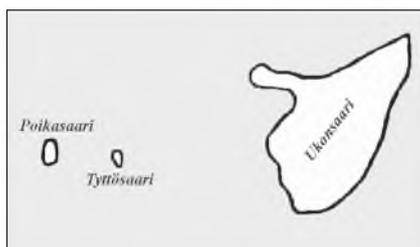

Рис. 13. Микросистема
о. *Ukonsaari* — о. *Poikasaari* —
о. *Tyttösaari*

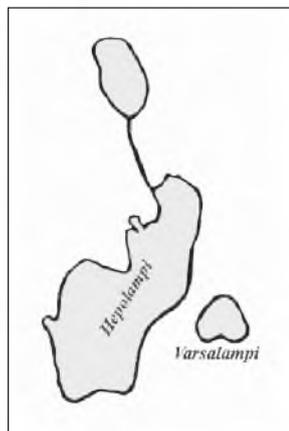

Рис. 14. Микросистема
о. *Hepolampi* —
о. *Varsalampi*

‘сын, мальчик’), самый маленький — о. *Tyt-tösaari* (*tyttö* ‘дочь, девочка’) (рис. 13). Использована также оппозиция *взрослое животное* — *детеныш*, ср.: большее по размерам оз. *Hepolampi* (*hepo* ‘лошадь’) противопоставляется меньшему оз. *Varsalampi* (*varsa* ‘жеребенок’) (рис. 14).

Анализ топонимического материала выявил наличие в одном регионе целого ряда моделей для выражения больших и малых размеров географических объектов. Существование нескольких семантически идентичных моделей в топосистеме определенной территории свидетельствует о разном времени их функционирования, а также различных этноязыковых истоках моделей, что подтверждается ареалами последних.

ГЛАВА 2

КРИВЫЕ ОЗЕРА И ТОЛСТЫЕ МЫСЫ: ТИПОВЫЕ ТОПООСНОВЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ФОРМУ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА

Исследования как по славянской, так и по финно-угорской топонимии доказали, что в число обязательных топооснов входят определения, характеризующие свойства объектов [Кабинина 2011: 163–192, Kiviniemi 1990: 150]. Они фиксируют отличительный дифференцирующий признак, выделяющий данный объект из серии однотипных. Сопоставление может идти по величине, по форме, цвету и др. При этом, как правило, содержание названия подтверждается географической характеристикой объекта. Довольно хорошо верифицируются названия водных объектов, в основе которых лежит указание на их форму.

Топоосновы, характеризующие форму объектов, входят в список типовых в топосистемах самых разных языков. Понятно, что названия этой семантической группы присущи прежде всего небольшим по размерам объектам — островам, малым озерам, сельскохозяйственным угодьям и др., форма которых в силу малого размера объекта просматривается, осознается носителями топонимической системы и используется ими в процессе номинации. При этом, однако, в основе необязательно визуальный образ, но и тот, который формируется в ходе передвижений на местности — пространственное видение было хорошо развито у наших предков, жизнь которых была теснейшим образом связана с окружающим пространством. В результате по форме идентифицируются нередко и относительно крупные объекты.

Картографические данные показывают, что водные объекты исследуемой территории могут иметь разнообразную форму (от четких геометрических контуров круга или треугольника до самых причудливых и извилистых), но все они могут быть условно поделены на несколько больших групп: *длинные, круглые, кривые, толстые, широкие, тонкие и узкие*. При этом в каждой группе обнаруживается ряд семантически тождественных топооснов, например группу со значением 'кривой'

представляют прибалтийско-финские топоосновы *Viärä-* (с субстратным вариантом *Vur-*), *Kovera-*, *Polvi-*, *Kolmisoppi*, *Kolmikolkka*. В эту же группу можно включить и целый комплекс топооснов, метафорически передающих «кривизну» объекта: *Kirvez-* ‘топор’, *Tappara-* ‘боевой топор с широким лезвием’, *Lapie-* ‘лопата’, *Kantele-* ~ *Kannel-* ‘кантеле’ и др. Все приведенные топоосновы указывают на извилистую береговую линию называемого объекта, но топооснова *Viärä-* фиксируется в названиях относительно крупных озер, тогда как остальные помечают небольшие озера, что может свидетельствовать о том, что топооснова *Viärä-* является более древней по сравнению с основами *Kovera-* и *Polvi-*, а также с образными топоосновами.

Противопоставление объектов может происходить по следующим параметрам: *длинный* — *круглый* — *кривой*, *длинный* — *круглый*, *длинный* — *узкий* (рис. 15, 36, 37). Примечательным является последний пример, когда в основу названий двух расположенных рядом практически одинаковых озер (вытянутых и узких) положены разные признаки: у одного длина, у другого — ширина. Одной из причин такой номинации может быть их близкое расположение (а находящиеся рядом объекты при всей идентичности их свойств, параметров и характеристик не могут быть названы одинаково), но, скорее всего, основная причина кроется в освоении или использовании данных озер. Вероятно, пути насельников края пролегли так, что одно озеро просматривалось вдоль, а другое поперек, что и было взято за основу названия.

Анализ топонимических данных выявил еще одну особенность номинации: отдельные атрибуты характеризуют определенный вид объектов, так, определение «толстый», как правило, выступает в названиях мысов, в то время как определение «широкий» чаще обнаруживается в названиях заливов, т. е. под толщиной объекта подразумевается высота берега, а под шириной — его протяженность. Именно поэтому среди «широких» объектов преобладают *губы* (заливы), а среди «толстых» — *носы* (мысы).

Для идентификации формы объектов в топосистеме региона широко использовалась метафора. С помощью лексики предметного мира

(орудия труда, посуда, выпечка, одежда, части тела, музыкальные инструменты и др.) назывались объекты с характерными очертаниями.

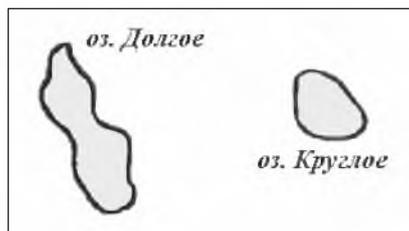

Рис. 15. Пример семантической оппозиции

2.1. Типовые топоосновы со значением ‘длинный’

Данные Научной картотеки топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН показывают, что топосистема Карелии и сопредельных территорий включает несколько сотен озерных наименований с семантикой ‘длинный’, восходящих к разным этноязыковым источникам.

В прибалтийско-финской гидронимии присутствует типовая модель *Pitkäjärvi ~ Pitkjärv* ‘Долгое озеро’, которая воспринята в русское употребление как *Питкозеро, Питозеро, Пикозеро*, хотя чаще все-таки переводится и имеет вид *Долгозеро* или *Долгое озеро*. В саамской топонимии идея ‘длинный’ выражается прилагательным *guhkki* (прасаам. **kukkē*) и его суффиксальным производным *guhkes*. В Карелии и на смежных территориях Русского Севера указанная тополекса воплотилась в многочисленных наименованиях на *Kuk(as)- / Кук-*. Кроме того, в топосистеме региона зафиксировано большое количество названий с топоосновой *Долг-* (зал. *Долгая Губа* (Шунг, Лахново), оз. *Долгая Ламбина* (Сегеж, Коросозеро), зал. *Долгая Лахта* (Сорок, Нюхча), о. *Долгий* (Велик, Волкостров), бол. *Долгий Мох* (Шунг, Белохино), мыс *Долгий Наволок* (Велик, Мижостров), оз. *Долгое* (Пуд, Паларучей) и др.). Названия с данной топоосновой представлены как на прибалтийско-финских, так и на русских территориях исследуемого региона, поэтому не всегда ясно, является ли то или иное название на *Долг-* русским по своему происхождению или переводным, т. к. соответствующая модель именования имела в саамской, прибалтийско-финской и русской топосистемах и, по всей вероятности, легко переводилась.

2.1.1. *Kuk(as)- / Кук-*

Топооснова *Kuk(as)- / Кук-* на территории Карелии и сопредельных областей может иметь тройное происхождение. В наименованиях высоких участков рельефа местности — гор, холмов, сопок (г. *Kukoimägi* (Видл, Кавгозеро), г. *Кукагора* (Пуд, Куганаволок), г. *Кукойгора* (Конд, Кондопога) и др.) — она восходит к прибалтийско-финскому ландшафтному термину, ср. карел. *kukku* (*kukkula, kukkura, kukkuri*), вепс. *kukkaz* (< **kuk-*) ‘крутая гора, холм; вершина горы или сопки’. В ойконимах — дер. *Kukei ~ Kukoimättaz* (Шелт, Погост), дер. *Kukoiniemi* / рус. *Кукойнаволок* (Олон, Лояницы) и др. — логично возводить ее к прибалтийско-финскому антропониму *Kukko, Kukkoï, Kukoi* ‘петух’ [Nissilä 1975]. Наконец, для гидронимов должна учитываться третья возможность: прасаам. **kukkē*, сев.-саам. *guk'ke*, ин. *kukke*, колт. кильд. *ku'kk*

‘длинный’ [Матвеев 2004: 169; Lehtiranta 1989]. Тополексема саамского происхождения воплотилась в наименованиях вытянутых по форме озер, озерных заливов и островов на территории Карелии, сопредельных районов современных Ленинградской, Вологодской [Муллонен 1988; 2002], Архангельской [Матвеев 2004: 169] областей, Финляндии [SP: 200], а также Кольского полуострова [Керт 2002: 152]. Этимология хорошо подтверждается географически (рис. 16–19).

В топонимии Карелии указанная топооснова представлена в виде фонетических вариантов *Kuk-*, *Kukas-*, *Kukkas-*, *Kukat-*, *Kukon-*, *Kukua-*, *Kuukas-*, *Kuukkas-*, *Kuikkaan-*, *Kukkaus-*, *Kukkom-* и *Kukkato-*: оз. *Kuikanlampi*, оз., дер. *Kukasjärvi* (Кест, Плагона), о. *Kukatsuari* (Кест, Кестеньга), о. *Кукуат* (Кест, Кизрека), пролив *Kuikinsalmi* (Лоух, Ниж. Кумозеро), оз. *Кукумозеро* (Тунг, Ушково), о. *Kuukkasuari* (Тунг, Пертозеро), оз. *Бол. и Мал. Кукуозеро* (Шунг, Лазарева), оз. *Кукуозеро / Долгое* (Сегеж, Кяменицы), оз. *Kuukjärvi* ~ *Kuukajärvi* / рус. *Верх. и Ниж. Кукуярви*

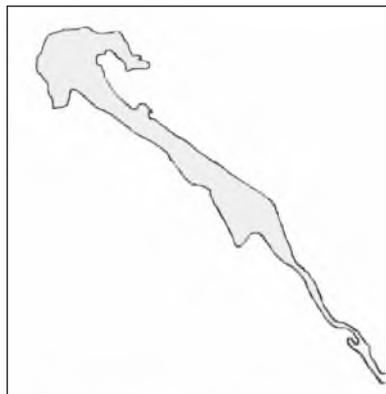

Рис. 16. Озеро *Kukkausjärvi*

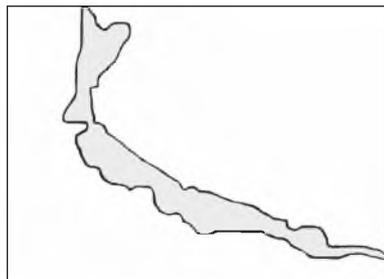

Рис. 17. Озеро *Kukkamojärvi*

Рис. 18. Озеро *Kuujärvi / Долгое*

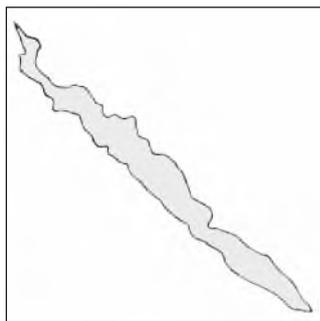

Рис. 19. Озеро *Kuunjärvi*

(Петр, Святнаволок), оз. *Кукумасозеро* (Пуд, Янгозеро), зал. *Kuukanlah-ti* (Валаам), оз. *Долгое* (**Kuivjärvi*) (Олон, Михайловская), оз. *Кукозеро* в верховьях Капши, оз. *Кукаское*, в которое впадает р. *Кукаса* ~ *Куказое* (басс. р. Оять), залив *Кукаскара* на оз. Сякозеро (басс. р. Оять) и др. За фонетическим многообразием стоят разные причины, в том числе этимологическая затемненность топоосновы, ее переход из одного языка в другой в процессе адаптации названия к новой языковой среде (например, саамский → карельский / вепский → русский). Среди приведенных топонимов специального комментария требует людиковское название озера *Kuivjärvi* с полудолгим гласным *u* в основе. В. Ниссиля считал, что на стыке морфем произошло упрощение, затушевавшее первоначальный облик **Kuivjärvi* 'сухое озеро'. В качестве доказательства автор приводит примеры подобного фонетического развития в других топонимах, в частности вепских [Nissilä 1967: 43–44]. Но если учесть русский вариант названия *Долгое озеро*, а также то, что в Писцовых книгах Обонежской пятины озеро названо *Гулкозером* (? < **Kuivjärvi*) [ПКОП: 88], то введение топонима в саамский ряд кажется вполне вероятным.

В ряде случаев основа осложнена атрибутивным суффиксом *-s*, реже суффиксом *-to* < саам. **-te* с неясной семантикой [Aikio 2003: 23]¹. Оба являются продуктивными топоформантами, при этом, с точки зрения саамского топонимического наследия, особенно интересны формы основы на *-s* (< саам. *kukkes* 'длинный'), поскольку они «отражают одну из самых своеобразных по типологии языка и загадочных в историческом плане морфем самостоятельного развития саамского языка» [Saarikivi 2006: 201]. Суффикс *-s* может служить своеобразным маркером «саамскости» топоосновы, по основам с данным суффиксом, по мнению Я. Саарикиви, возможно проследить историческое максимальное распространение собственно саамской топонимии [Ibid.: 220]. Ареал рассматриваемой топоосновы интересен тем, что он практически не выходит на восток за пределы Карелии, на юге границей служит Белозерье. При этом южной границей распространения варианта на *-s* может считаться Присвирье и Обонежье, что косвенным образом указывает на некую этническую и языковую границу.

Вопрос о древних границах встает в связи с тем, что саамское прилагательное при всей его самобытности на самом деле имеет глубокие финно-угорские истоки, являясь суффиксальным производным от древней основы **kuwa*, воплотившейся и в прибалтийско-финской лексеме

¹ О возможном генезисе *-ta-* см. в 3.5.1.

kauka- ‘далеко’ [Aikio 2000]. Данная этимологическая интерпретация позволяет связать саам. *guhkki* ‘длинный’ с морд. *kuvaka* с тем же значением и видеть в обоих суффиксальное образование от древней финно-угорской основы **kuwa-kka*, которая воплотилась в нескольких топонимах Двинско-Волжского водораздела, в частности в названии одного из наиболее известных озер Вологодской области — *Кубенского*. Даже на картах обычного масштаба отчетливо видно, что озеро длинное и узкое, т. е. название полностью отвечает семантике лежащего в его основе древнего финно-угорского слова. Бибиальный *w* закономерно перешел в русской языковой практике в *б*. Со временем название озера закрепилось и за рекой *Кубеной*, дополнившись характерным русским речным суффиксом (ср. *Сухона*, *Шексна*, *Кубена*), а затем — уже в качестве речного наименования — вновь вернулось к озеру. Предложенная здесь этимология для лимнонима подтверждается наличием определенного ареала, в который входят, видимо, верхневолжские оз. *Кубыча*, расположенное в северо-западной части Тверской области в окрестностях Удомли, а также потамоним *Кобожя* — приток р. Молога. В названии узкого и вытянутого с севера на юг более чем на 10 км озера *Кубыча*, видимо, закрепилось суффиксальное **kuwakka*, претерпевшее определенные звуковые изменения в ходе многовековой жизни топонима. Впрочем, конечный элемент *-ча* (как и *-жа* в речном наименовании *Кобожя* — см. далее) может быть реминисценцией прафинского диминутивного суффикса [Rahkonen 2011: 238]. Эту же основу заманчиво восстанавливать в названии реки *Кобожя*, притока р. Молога. Возведение к финно-угорскому источнику **kuwa(kka)* не однозначно, однако оно учитывает взаимозаменяемость *o ~ y* (ср. *Кувак* и *Кобака* на р. Ока), принципиальную возможность введения конечного *-жа* в один ряд с *-кка* и *-ча* в *Кубыча*. Мотивом же номинации, как и в предыдущих примерах, могла послужить форма озера — истока *Кобожи*. Река вытекает из оз. Великое, отличительной особенностью которого, наряду с размером, является форма. В таком случае в названии реки сохранилась память о сменившемся в ходе многовековой истории названии этого узкого и длинного озера.

В этом же ряду внимание привлекает озеро *Кубицкое* в Новгородской области, р. *Кувьяка* и, возможно, р. *Кубань* в Костромской области, р. *Кубжа* или *Кобжа* и р. *Кувьякино* в Московской области и некоторые другие. Хотя идентификация по форме не является для названий рек типовой, определенное количество «долгих» рек встречается в топосистемах разных языков и территорий, см., например, неоднократное название р. *Долгуша* в каталоге р. Ока [Смолицкая 1976: 317].

Верхневолжский ареал соприкасается, с одной стороны, с ареалом топоосновы в ее мордовском виде, с другой — в саамском. Южная граница наименований длинных озер, в которых выступает саамская топооснова *Kuk(as)- /K̄uk-* ~ *Кукас-*, проходит, как отмечалось выше, приблизительно в районе северного Белозерья. В свою очередь, гидронимы с основой мордовского типа *Кубак-* ~ *Кобак-* распространены на север вплоть до Верхневолжья. Показательны, к примеру, названия следующих водных объектов: *Кувак*, *Кувакужка*, *Кувацкой*, *Кувековской*, *Кобака*, *Кобяка*, *Ковакса* и некоторые другие в бассейне реки Оки [Смолицкая 1976]. Вырисовывается, таким образом, обширный непрерывный ареал в лесной полосе Восточной Европы, отражающий финно-угорский этап в истории этой территории.

Здесь есть смысл обратить внимание на многослойность представленного материала, формировавшуюся в рамках тысячелетней финно-угорской истории региона. Очевидно, название *Кубенского озера* в его примарном варианте имеет более древние и несколько иные языковые — в рамках финно-угорских — истоки, чем восходящие к саамской основе лимнонимы, имеющие на юге ареала не собственно саамские, а, скорее, прасаамские (возможно, праприбалтийско-финско-саамские) корни. В свою очередь, далекая северная граница мордовской топоосновы объясняется, возможно, не собственно мордовским, а мерянским языковым наследием. На последнюю возможность указывает, в частности, то обстоятельство, что основа закрепляется в наименованиях незначительных по размерам водных объектов, что особенно бросается в глаза на фоне представленной выше истории гидронима *Кубенское озеро*.

Априорно можно предполагать, что саамских 'долгих' озер в исследуемом регионе могло быть больше. Однако эта универсальная, выступающая во всех известных в ареале Европейского Северо-Запада России (саамская, прибалтийско-финская, русская) топосистема основа, очевидно, легко переводилась в вепсской и карельской языковой среде, точно так же, как позднее, в процессе прибалтийско-финско-русского контактирования, последовательно происходило с прибалтийско-финскими 'долгими' озерами: приб.-фин. *Pitkajärvi* ~ *Pitkjäv* → рус. *Долгозеро* или *Долгое озеро*. Так что за приб.-фин. *Pitkajärvi* ~ *Pitkjäv* и рус. *Долгозеро* вполне могут скрываться бывшие саамские **Kuhkesjavr*. На этом фоне сохранение саамской топоосновы выглядит скорее как исключение из общего правила, для которого должны быть свои причины. В качестве некоего препятствующего переводу момента могло выступить закрепление саамской основы в наименованиях вытекающих

из озер рек (ср. расположенное на северной границе Присвирья оз. *Кукас*, из которого вытекает р. *Кукас*), поскольку потамонимы (на фоне, например, лимнонимов) как раз переводятся редко — видимо, в силу того, что они часто этимологически затемнены, не выработалась традиция их перевода. Определенному консерватизму потамонимов способствовала и такая особенность рек, как их протяженность.

2.1.2. *Pitkä-*

Прибалтийско-финская топооснова *Pitkä-* ‘длинный’ входит в число продуктивных: по данным интернет-ресурса *retkikartta.fi*, только озер, содержащих ее в названии, в Финляндии насчитывается более 400. Они представлены на всей территории, но наибольшее их количество сконцентрировано в восточной части страны. В Карелии данная модель именования географических объектов тоже относится к разряду популярных и широко представленных: оз. *Pitkäjärvi* (Кест, Оланга; Кест, Кестеньга; Лоух, Кереть; Реб, Реболы; Ухт, Контокки; Ухт, Вокнаволок; Петр, Поросозеро; Ф, Суоярви; Сямоз, Сямозеро; Ф, Сортавала; Ф, Салми), оз. *Pitkälampi* (Лоух, Кереть; Ухт, Вокнаволок; Кем, Поньгома; Ухт, Контокки; Ухт, Юшкозеро; Петр, Поросозеро; Медв, Мяндусельга; Ф, Корписелья; Ф, Суоярви; Сямоз, Сямозеро; Конд, Кондопога; Ф, Рускеала; Ф, Сортавала; Ф, Суйстамо; Ф, Импилахти; Ф, Салми; Видл, Видлица; Видл, Ведлозеро; Свят, Святозеро; Олон, Рыпушкалицы), зал. *Pitkälähti* (Ф, Куркиеки), зал. *Pitkäguba* (Петр, Пертнаволок), зал. *Pitkälakši* (Ухт, Суднозеро), мыс *Pitkäniemi* (Кемир, Лежево; Тунг, Березово; Свят, Лижма; Петр, Мартнаволок; Прион, Карельская), о. *Pitkäsuari* (Тунг, Риговарака), о. *Pit'ksuar* (Конд, Сопоха) и др.

Топооснова *Pitkä-* присутствует в названиях разных по размеру озер (и достаточно крупных, и относительно небольших ламбушек), что косвенно указывает на ее давнее функционирование в топосистеме региона. По своей форме озера данной группы могут быть довольно узкими и практически прямыми (рис. 20), а также относительно широкими и извилистыми (рис. 21), но для всех характерной чертой является вытянутость или долгота.

Выше уже отмечалось, что длина озерных объектов исследуемого региона, по всей вероятности, воспринималась местным населением не как параметр размера, но как параметр формы, т. е. существенной была долгота объекта, которая противопоставлялась более округлым, а также более извилистым очертаниям береговой линии соседних объектов. В Карелии часто оппозиционной парой для географических

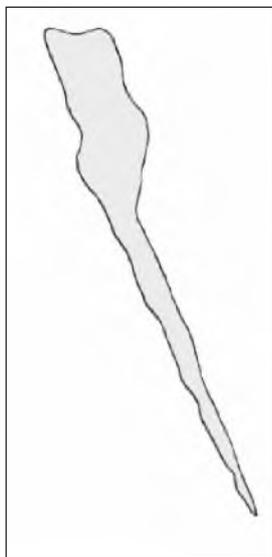

Рис. 20. Озеро
Долгая Лампи

Рис. 21. Озеро
Питкяярви

объектов с названием на *Pitkä-* ‘длинный’ выступают те, в названиях которых представлены топоосновы *Puðred-* ‘круглый’ или *Kaita-* ‘узкий’, но не *Lyhyt-* ‘короткий’ (по данным КТК, обнаружился всего лишь один пример подобного противопоставления: о. *Lyhytsuuri* — о. *Pitkäsuuri* (Тунг, Ушково), сходные по форме, однако различающиеся протяженностью, *Lyhytsuuri* гораздо короче, чем *Pitkäsuuri* [КТК]).

В целом топоосновы со значением ‘короткий’ в топонимии Карелии и сопредельных областей не получили широкого распространения: руч. *Короткий* (Пуд, Вама), мыс *Короткий Наволок* (Шунг, Анисимовщина), зал. *Lyhytkuar* (Олон, Лояницы), тonya *Lyhydabai* (Конд, Тавойгора), мыс *Lyhytniemi* (Кемир, Лежево), о. *Lyhytsaari* (Видл, Кучой), о. *Lyhytsuuri* (Тунг, Ушково).

В топонимии Финляндии насчитывается около 40 названий с основной *Lyhyt-* ‘короткий’ на фоне сотен топонимов с основной *Pitkä-* ‘длинный’, при этом практически все объекты с названием на *Lyhyt-* выступают в качестве оппозиции объектам с основной *Pitkä-* (рис. 22, 23), последние же такой оппозиции не требуют (согласно данным Э. Кивиниеми, в топонимии Финляндии ‘длинному’ противопоставляется не ‘короткий’ [Kiviniemi 1990: 151]). Приведенные факты позволяют

Рис. 22. Семантическая оппозиция
Lyhyt — *Pitkä*

Рис. 23. Семантическая оппозиция
Lyhyt — *Pitkä*

сделать вывод об относительно молодом возрасте и вторичном характере топоосновы *Lyhyt*.

В случае, когда «длинному» объекту противопоставляется «узкий», следует, видимо, обращать внимание на то, откуда номинаторы смотрели на данные объекты и как их использовали. Так, оба расположенных рядом озера могут быть узкими и длинными, но в одном случае внимание будет сосредоточено на долготе объекта, в другом — на его ширине (рис. 24).

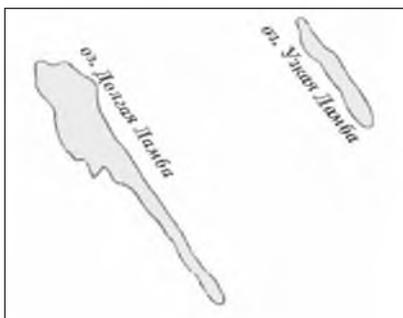

Рис. 24. Семантическая оппозиция 'долгий' — 'узкий'

2.2. Тонкий vs. Узкий

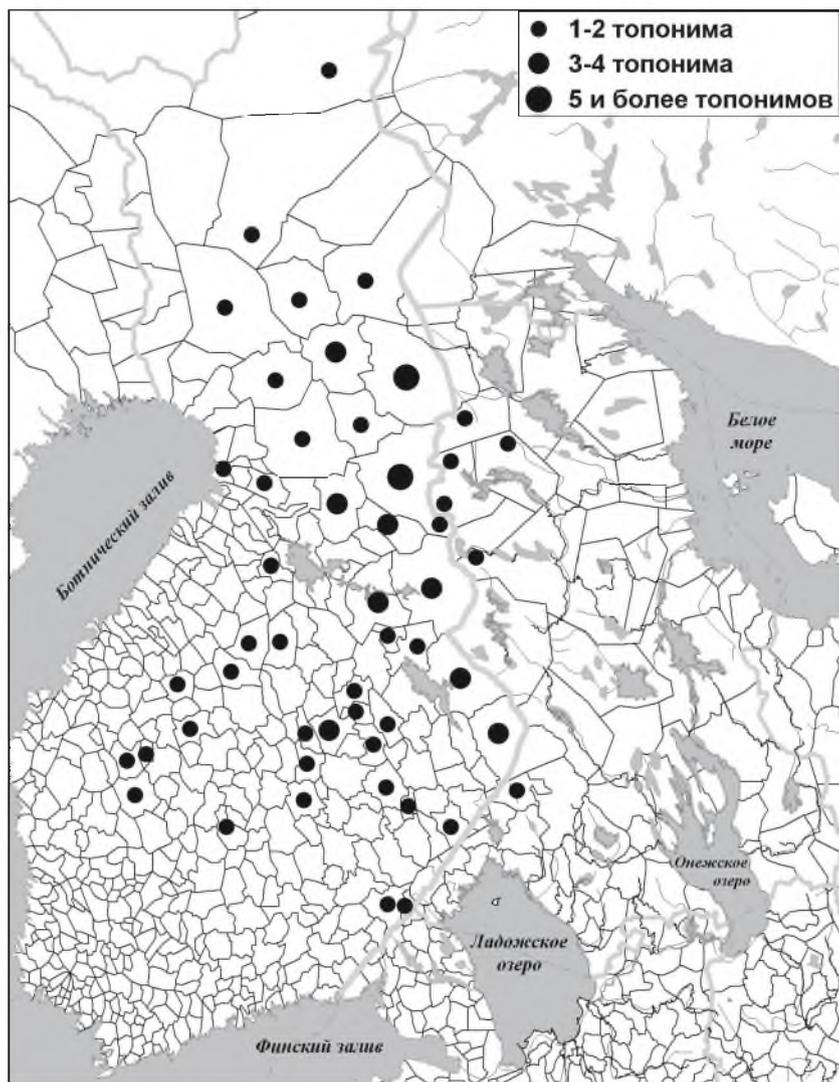
В тесной связке с «длинными» объектами идут «тонкие» и «узкие», поскольку и те, и другие характеризуют объекты примерно одинаковой формы, но семантика, заложенная в названии, позволяет противопоставлять идентичные по своим характеристикам объекты, более того, она отражает характер видения / использования данных объектов.

Что касается топооснов *Hoikka*- ‘тонкий’ и *Kaita*- ‘узкий’, воплотившихся в названиях узких по форме озер, они представляют собой так называемую ареальную семантическую оппозицию, когда одна и та же идея выражается разными этноязыковыми коллективами по-разному.

2.2.1. *Hoikka*-

Картографирование топонимического материала показывает, что топооснова *Hoikka*- ‘тонкий’ широко представлена в провинции Саво (Финляндия), практически вписываясь в ее границы (карта 5). Она особенно продуктивна, судя по густоте сетки названий *Hoikkajärvi* и *Hoikkalampi*, в восточном Кайнуу. Можно полагать, что именно отсюда модель проникла на восток, в Беломорскую Карелию, где представлена шестью фиксациями в деревнях Кандонаволок, Регозеро, Лапукка, Войница, Хиетаярви и Минозеро. Озера с названиями *Hoikkajärvi* и *Hoikkalampi* группируются на самом западе беломорского ареала и практически неизвестны за пределами этой территории. Все остальное Беломорье, а также карельские территории к югу от него, вплоть до Приладожья, используют в названиях узких озер модель *Kaitajärvi*. Исходя из этого, можно полагать, что топооснова *Hoikka*- в западной Беломорской Карелии может быть связана с саволакскими корнями и противостоит собственно карельской модели *Kaita*- (несколько озер в Приладожье с названием *Hoikkalampi* также, вероятно, маркируют отток саволакского населения с территории Финляндии в Приладожскую Карелию). Карта Клаеса Клаессона 1650 г. по территории Кайнуу и смежных районов Беломорской Карелии позволяет высказать некоторые соображения о времени появления данной саволакской модели в западном Беломорье. На этой карте отмечено озеро под названием *Hoika jerfui* (**Hoikkajärvi*) в окрестностях беломорской деревни Лапукка [КА, МН 107/2 D 3/1]. Из этого следует, что уже в середине XVII в. модель была известна в Беломорье и не могла, видимо, появиться здесь раньше второй половины – конца XVI в., когда, как известно, начинается освоение Кайнуу со стороны Саво [Räisänen 1990: 107]. Таким образом, ареал гидронимной модели *Hoikkajärvi* объединяет Беломорскую Карелию с восточной Приботнией, позволяя предполагать единые истоки модели и, соответственно, населения.

Количество топонимов с основой *Hoikka*- на территории Карелии невелико, но есть основания предполагать, что часть из них была в свое время переведена на русский язык и сейчас функционирует в виде *Худое* и *Тонкое*.

Карта 5. Ареал топонимы *Hoikka*

Среди «худых» озер (оз. *Худое* (Пуд, Колодозеро), оз. *Худое* (Пуд, Корбозеро), оз. *Худое Зимнее*, оз. *Худое Летнее* (Конд, Уница), оз. *Худое / Полотенце* (Шунг, Ютнаволок), оз. *Худое* (Шунг, Баев Наволок), оз. *Худое* (Сорок, Ендогуба)), вероятно, есть те, семантика которых отражает не форму, а отсутствие в них крупной рыбы («в озере водится черный горбатый окушок» [КТК], «в нем ловится мелкая рыба» [КТК]). Но часть названий, вероятно, все-таки связана с формой (рис. 25), показателен в этом отношении пример, в котором параллельным названием к *Худому* выступает метафора *Полотенце* (рис. 26).

Озера с названием *Тонкое* в основном сконцентрированы в Беломорье (оз. *Тонкая Ламбина* (Сорок, Ендогуба), оз. *Тонкое* (Сорок, Нюхча), оз. *Тонкое* (Сорок, Ендогуба) и др.), что дает основание предполагать в них переводной вариант саволакской основы *Hoikka-*.

Кроме того, в топонимии Восточного Обонежья зафиксирован ряд названий субстратного происхождения, в которых заманчиво видеть прибалтийско-финскую топооснову *Hoikka-*, в которой в ходе русского освоения произошло оглушение *z*, вызванное ассимилирующим влиянием геминаты *kk* внутри слова: бол. *Гойпахта* (А, Плес, Спищина), оз. *Койк-озеро* (Плес, Качикова Горка), руч. *Койкручей* (Плес, Бу халово), руч. *Койкручей* (Пуд, Нижний Падун), г. *Койкагора* (Пуд, Куганаволок) и др.

2.2.2. *Kaita-*

Топооснова *Kaita-*, в отличие от *Hoikka-*, относится к продуктивным, она широко и довольно равномерно представлена в топонимии Карелии (карта 6): оз. *Kaidalambi*, оз. *Kaitalampi* (Кест, Оланга), оз. *Kaitajärvi*, оз. *Kaitalampi* (Кест, Кестеньга), оз. *Kaitajärvi* (Лоух, Кереть),

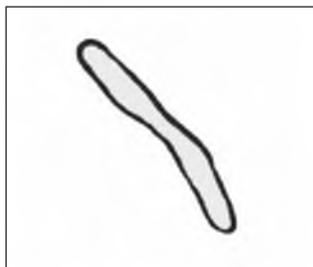

Рис. 25. Озеро *Худое*

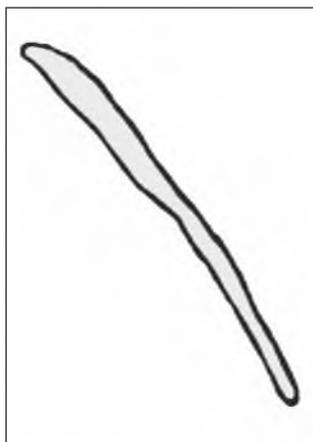
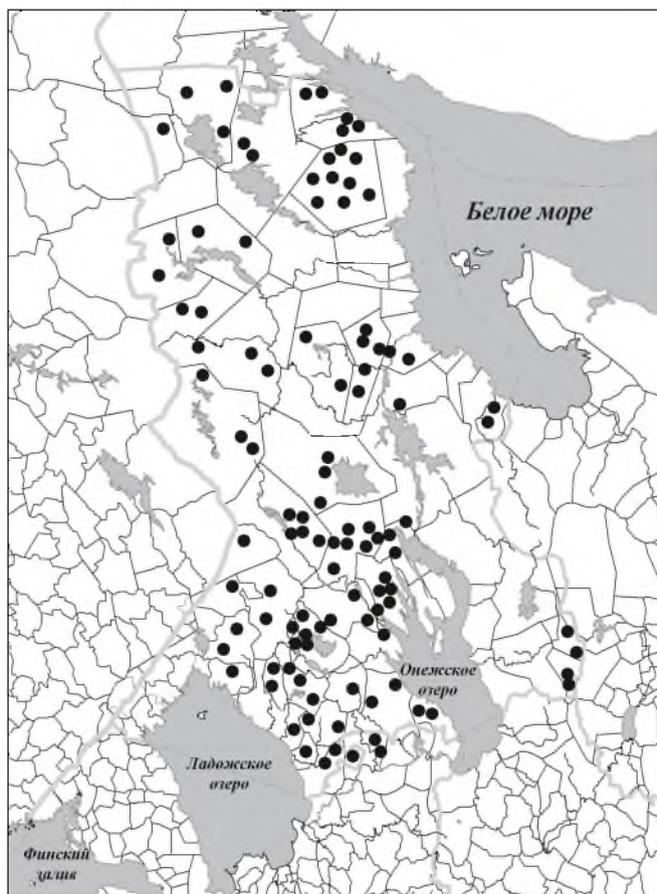

Рис. 26.
Озеро *Худое / Полотенце*

Карта 6. Ареал топонимы *Kaita*- в Карелии

оз. *Kaitalampi*, оз. *Koidjärvi* (Ухт, Вокнаволоок), оз. *Kaitalammit* ~ *Kajjalammit*, оз. *Kaitalampi* (Ухт, Ухта), оз. *Kaidalambi*, оз. *Kaitalampi*, оз. *Kaidajärvi* (Лоух, Вычетайбола), оз. *Kaidalampi* (Ухт, Контокки), оз. *Kaidani*, оз. *Kaidalampi* (Ругоз, Ругозеро), оз. *Kaidalampi* (Тунг, Тунгуда), оз. *Kaidalampi* (Сорок, Сорока), оз. *Kaidalampi* (Сорок, Лапино), оз. *Kaidalampi*, оз. *Kaidajärvi* (Реб, Реболы), оз. *Kaidulampi* (Сорок, Нюхча), оз. *Kaidalampi*, оз. *Kaidajärvi*, оз. *Kaitajärvi*, оз. *Kaidulampi* (Петр, Поросозеро), оз. *Kaidajärvi*, оз. *Kaidalampi* (Медв, Мяндусельга), оз. *Kaitalampi* (Ф, Иломанси), оз. *Kaidulampi* (Ф, Корписелькя), оз. *Kaitalampi*, оз. *Kaitalammet* (Ф, Суоярви), оз. *Kaitalampi* (Ф, Суйстамо), оз. *Kaitalampi*

(Ф, Импилахти), оз. *Kaidadärvi*, оз. *Kaidulambi*, оз. *Kaidulampi*, оз. *Kaitajärvi* (Сямоз, Сямозеро), оз. *Kaidulampi* (Видл, Видлица), оз. *Kaidzeri*, оз. *Kaidulampi* (Видл, Ведлозеро), оз. *Kaidojärvi* (Свят, Святозеро), оз. *Kaidulampi* (Олон, Рыпушкалицы), оз. *Kaidulampi* (Олон, Коткозеро), оз. *Kaidulampi*, оз. *Kaidd'är'* (Олон, Мегрега) и др. Столь же продуктивна основа и в вепской топонимии. Так, в бассейне р. Свирь — современной и исторической вепской территории — около двух десятков озёр с ней [СГС].

Еще одним отличием этих двух семантически идентичных топооснов является размер и форма именуемых ими объектов: озера с названием *Hoikkajärvi* и *Hoikkalampi*, как правило, небольшие по величине и достаточно узкие, тогда как среди озёр, в названии которых воплотилась модель *Kaita-*, встречаются и маленькие ламбушки, и озера внушительных размеров, при этом не обязательно прямые и узкие по форме (рис. 27, 28). Присутствие данной топоосновы в названиях крупных озёр позволяет относить ее к разряду старых.

В топонимии Карелии, помимо топонимов на *Kaita-*, встречаются названия небольших узких и длинных озёр с основой *Koit- ~ Koid-*, ср., например, оз. *Koidjärvi* (Ухт, Вокनावолок). П. Рахконен считает, что они относятся к наименованиям саамского типа, поскольку прибалтийско-финская лексема *kaita* 'узкий', являющаяся древнегерманским заимствованием, могла проникнуть и в древние южносаамские языки, и фонетически закономерный этимологический ряд мог выглядеть следующим образом: прагерм. **gaidō-* > приб.-фин. **kaita* > прасаам. **kōjtē*. В современных саамских языках эта лексема уже не фиксируется [Rahkonen 2013: 177, 179].

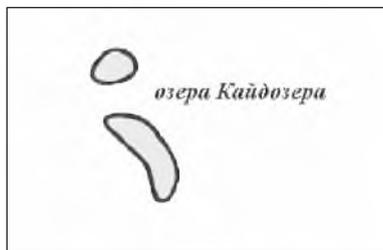
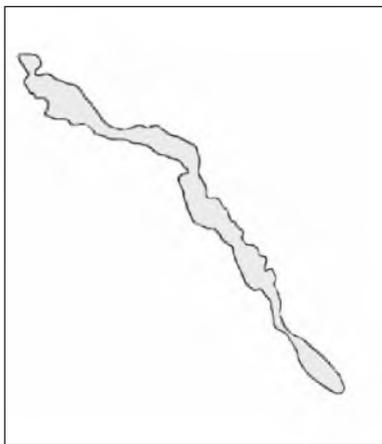

Рис. 28. Озёра *Кайдозера*

Рис. 27 (слева). Озеро *Кайдаярви*

2.3. Толстый vs. Широкий

В данном разделе предлагается проанализировать мотивы номинации объектов, в названии которых отобразились русские и прибалтийско-финские топоосновы с семантикой ‘толстый’ и ‘широкий’. Наиболее плотно топоосновы *Толст-* и *Широк-* проявились в топонимии Заонежья, где зафиксировано около двух десятков топооснов, идентифицирующих объекты — озера, их заливы, мысы, острова, а также болота, сельскохозяйственные, а иногда и лесные угодья — по форме [Муллонен 2008: 61–82]. Среди них есть как русские, так и прибалтийско-финские примеры. При этом наблюдаются явные предпочтения в выборе отдельных топооснов для характеристики объектов определенного разряда. Так, метафорическая основа *Толстый* (*Толстой*, *Толстяк*, *Толстик*) применяется прежде всего в наименованиях озерных мысов: мыс *Толстик* (Шунг, Никитина), мыс *Толстой* (Велик, Узкие), мыс *Толстой наволок* (Велик, Подъельники), мыс *Толстой наволок* / *Толстяк* (Шунг, Ладозеро), мыс *Толстой мыс* / *Толстяк* / *Круглый мыс* (Шунг, Хабаровская), мыс *Толстый наволок* (Велик, Клименицы; Шунг, Федотово), мыс *Толстый нос* (Велик, Типиницы), мыс *Толстяк* (Конд, Мелойгуба) [СТЗ]. В заонежских примерах обнаружилось только одно название залива *Толстая губа* (Велик, Ламбасручей), которое на самом деле может быть вторичным, связанным с названием горы *Толстая цельга*.

Заонежские фиксации входят в обширный, хотя и не очень насыщенный, севернорусский и более широкий русский ареал². По данным картотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН, *Толстые носы, мысы и наволоки*, а также топонимы *Толстяк* и *Толстик* бытуют в Поморье, Пудожье, на Вытегре. Показательно, что основа здесь везде используется практически исключительно для характеристики озерных, морских и речных мысов, за этой устойчивой связью стоит образ, характеризующий особенность названных мысов. Однако, исходя из интерпретаций наших информантов, этот образ уже в значительной степени размыт. Топографическая мотивация затерялась в достаточно широком спектре мотивов: от «растут толстые сосны» до «жил какой-то толстяк» [КТК]. Между тем именно топографическая характеристика лежит в основе номинации, что подтверждается бытованием в беломорских говорах термина *толстик* ‘крутой возвышенный морской мыс’ [Дуров 2011]. На топографических картах относительно крупного масштаба *Толстые*

² См., например, фиксации в бассейне р. Ока — Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.

носы Заонежья — это широкие, неглубоко вдающиеся в озеро мысы, округлые по форме и, как правило, высокие. Толщина в данном случае есть прежде всего ширина, большая протяженность в поперечнике, значительный диаметр в сочетании с высотой как вторым параметром образа (рис. 29, 30).

Рис. 29.
Мыс Толстый Нос

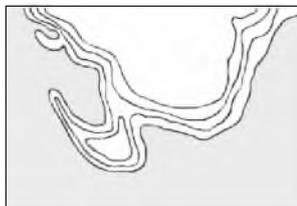

Рис. 30.
Мыс Толстяк

Выделенные параметры подтверждаются вариантами заонежских названий: мыс *Толстый нос* (Велик, Типиницы) известен также под названием *Тупой нос*, а *Толстой мыс* в Толвуде иначе называли *Круглым* [СТЗ]. Кроме того, показательна пара смежных мысов *Толстый наволоок* и *Тонкий наволоок* (Шунг, Федотово). Видимо, признак высоты, заключенный в содержании топоосновы, препятствует ее использованию в наименованиях озерных заливов, отличающихся шириной, здесь предпочтение отдается модели *Широкая губа* (напр., Конд, Колгостров; Шунг, Пигмозеро). «Широкими» могут быть также другие «плоскостные» объекты — *Широкое поле*, *Широкая нива*, *Широкий бор*. Но «широкими», как свидетельствует заонежская топонимия [СТЗ], могут изредка быть и мысы, ср. мыс *Широкуша* (Шунг, Хабаровская) или мыс *Широкий наволоок* (Велик, Клименицы). Во втором случае название обусловлено характерной формой мыса, узкого у основания и широкого в конце. Мыс *Широкуша*, наоборот, широк у основания, через которое шла дорога, и в названии отразился, таким образом, взгляд со стороны материка, а не воды, как в *Толстых мысах*. В одном ряду с толвудской *Широкушей* в смысле идентификации объекта может быть *Лейнаволоок* — наименование значительного по размерам мыса в южном Заонежье (Велик, Типиницы). Мыс резко расширяется при продвижении от вдающегося глубоко в озеро узкого конца к основанию, через которое проходила дорога, соединявшая два исторических поселенческих центра — Усть-Яндому и Типиницы. Для преодолевающего путь по этой дороге мыс действительно широкий,

что и отразило его название — *Лейнаволок*, ср. карел. *levie, levei* ‘широкий’. Утрата *v* из карельского оригинала в ходе русского усвоения носит закономерный характер, ср. мыс *Суйнаволок* (Велик, Типиницы) < **Suvi-* (карел., вепс. *suvi* ‘лето; юг’) или дер. *Сайпелда* (Шунг) < **Savipeldo* (приб.-фин. *savi* ‘глина’). Сопоставление *Толстых* и *Широких* мысов высвечивает вновь один из существенных параметров первых: они не только широкие, но и относительно высокие.

Аналогичными свойствами характеризуется и семантическое поле соответствующей собственно карельской метафорической топоосновы *Paksu-* ‘толстый’. Озерные мысы с названием *Paksuniemi* ‘Толстый мыс’ широкие и короткие, часто округлые по форме, относительно высокие (рис. 31), фиксируются неоднократно в Приладожье и реже на территории центральной и северной Карелии — в ареале собственно карельского расселения, однако отсутствуют полностью в ливвиковско-людиковской южной Карелии (карта 7).

Топонимический ареал, очевидно, детерминирован лексическим,

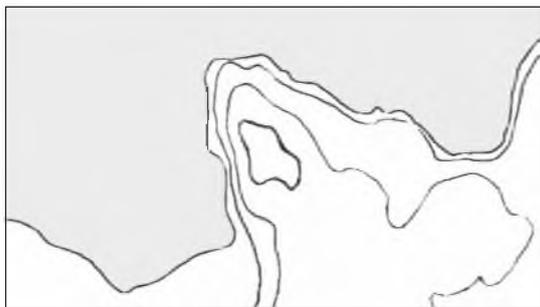
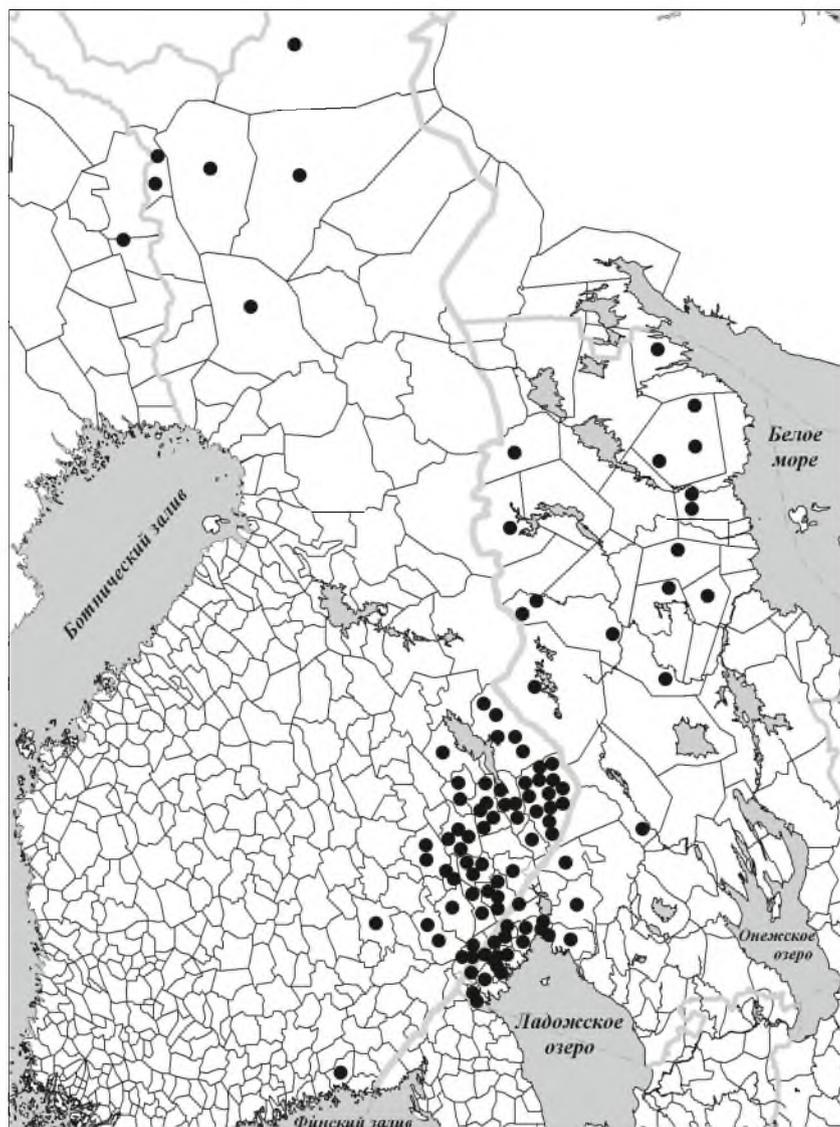

Рис. 31. Мыс *Paksuniemi*

а именно семантикой лексемы *paksu* в двух южных наречиях карельского языка: *puaksu* (*poaksu, puaks, poaks, puoks*) ‘частый, густой’, ср., кроме того, наречие *puaksuh* ‘часто; густо’. По-видимому, истоки такого семантического развития были заложены уже на прибалтийско-финском праязыковом уровне, поскольку оно просматривается по крайней мере в эстонском и вепсском языках, в то время как в финском и собственно карельском наречии карельского языка значение *paksu* — ‘толстый’ [SSA]. Более того, дистрибуция в семантическом наполнении карельской лексемы, с одной стороны, на собственно карельскую, с другой — на ливвиковско-людиковскую, может быть спровоцирована

Карта 7. Ареал топоосновы Paksu-

вепским субстратным наследием — сохранением вепсской семантики лексемы в ходе вепско-карельского контактирования на Онежско-Ладожском перешейке (ср. вепс. *paks* ‘толстый’).

Ареал топонимной модели *Paksuniemi* свидетельствует о ее безусловных карельских истоках и одновременно об узких хронологических рамках ее бытования. Она не отмечена на путях ранней карельской экспансии на систему Сайменских озер, а группируется компактно в прибрежной полосе и вдоль известного северного маршрута на Пиелисьярви (ареал модели в Приладожье укладывается в значительной степени в границы исторического Корельского уезда Водской пятины) и далее очень разреженно проникает в российскую среднюю и северную Карелию. Такая конфигурация ареала, видимо, увязывается с тем, что модель появилась относительно поздно, но уже к XVI–XVII вв. стала утрачивать свою продуктивность, именно последним обстоятельством объясняется ее малая активность в Карелии. Это подтверждают и еще более редкие фиксации модели на северо-восточной периферии Приладожской Карелии (Импилахти, Суйстамо, Суоярви и др.), которая, как известно, осваивалась в ходе внутренней миграции не ранее XV–XVI вв., с одной стороны, с северного побережья Ладожского озера, с другой — с территории ливвиковского Сязозерья [Näimynen 2011: 25]. Некие условные хронологические параметры бытования модели *Paksuniemi* могут быть заданы границами Ореховецкого мира начала XIV в., ко времени заключения которого она еще не приобрела популярности и поэтому непродуктивна на Сайме, а также Столбовского мира начала XVII в., когда продуктивность ее уже идет на убыль. В эти же временные рамки вписывается, очевидно, проникновение модели на северо-запад Финляндии, которое подтверждается рядом других топонимных типов (напр., основы *Karjala-*, *Lakkapää*, *Nilos-*) с карельскими корнями в этом регионе [Vahtola 1980: 317, 349, 371], а также сведениями о присутствии карелов на севере Финляндии и Швеции [Kuzmin 2014: 302–308]. При этом показательно отсутствие «толстых» мысов в других прибалтийско-финских топосистемах, что в контексте древнерусского влияния на карельский язык ставит вопрос о возможном воздействии соответствующей русской топонимной модели *Толстый мыс / нос / наволоок*. В свою очередь, в Беломорской Карелии бытование карельской модели могло поддерживаться русскими поморскими *толстиками*.

Модели *Paksuniemi* ‘Толстый мыс’ противостоит в собственно карельском языковом ареале модель именованья заливов *Levielaksi* ~ *Leveälähti* ‘Широкая губа’ (рис. 32), и это противостояние проходит

здесь, пожалуй, даже последовательнее, чем в русском Заонежье.

Levielaksi — типовая модель, в то время как *Levieniem* ‘Широкий мыс’ встречается только в виде исключения, главным образом как результат метонимического переноса наименования смежного залива, ср. *Levielaksi* и *Levieniem* в Реболах или Алаярви. Здесь же, в собственно карельском ареале, неоднократно фиксируется модель для называния озерных заливов *Kaitalaksi* ~ *Kaidalaksi* ‘Узкий залив’ при минимальном *Kaitaniemi*

Рис. 32. Залив *Levedlahti*

‘Узкий мыс’. Причины того, что не сложилась антонимическая пара *Paksu-* ‘толстый’ и *Kaita-* ‘узкий’, кроются, конечно, в признаке ‘высокий’, присущем топооснове *Paksu-*, помимо признака ‘широкий’.

На фоне четко структурированной собственно карельской системы с типовыми моделями ливвиковско-людиковская практически не сложилась — в силу отсутствия здесь идентификации как озерных и речных мысов по их «толщине» (заметим, что и ливв. *järei*, *sangei* ‘толстый’ не оставили заметного следа в топонимии), так и заливов по ширине³. Аналогичная ситуация наблюдается и в вепсской топонимии. Ее корни следует искать не только (и, видимо, не столько) в том, что в южной Карелии, как и на примыкающей к ней с юга вепсской территории, значительно меньше озер и, следовательно, меньший спектр дифференцирующих топооснов для называния их частей, но и в стереотипизации признаков пространства, имеющей свою специфику в каждом этноязыковом ареале.

2.4. Типовые топоосновы со значением ‘круглый’

Топоосновы с семантикой ‘круглый’ входят в число продуктивных в прибалтийско-финской топонимии и, как правило, используются не только для обозначения круглых по форме объектов, но и для именования озер, расположенных в непосредственной близости от «долгих» или «кривых», в качестве оппозиционной пары (рис. 33).

³ В Научной картотеке топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН отложилось только одно название «широкого» залива в южной Карелии — *Levedguba* (Конд, Лижм-озеро).

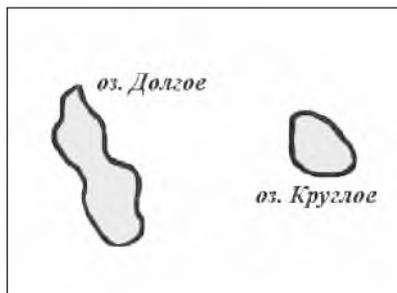

Рис. 33. Семантическая оппозиция 'долгий' — 'круглый'

В топонимии Карелии семантика 'круглый' может передаваться несколькими прибалтийско-финскими топоосновами: однокоренными *Puõreä-* (с фонетическими вариантами *Puõrie-*, *Puõroi-*, *Puõry-*, *Puõrö-*, *Puõrä-*), *Puõrikkö-* (*Puõräkkö-*, *Puõrykkä-*, *Puõrikkä-*), *Puõryžy-* (*Puõryzy-*, *Puõrzy-*); *Kehker-* (*Kehra-*, *Kiehker-*, *Kiehra-*, *Kehkra-*, рус. *Кех-*, *Кехк-*) и рядом метафорических моделей (см. раздел 2.6.).

Самой распространенной является группа однокоренных топооснов *Puõrie-*, *Puõrykkä-*, *Puõryžy-*, при этом основным ареалом бытования топонимов с основой *Puõreä-* является Беломорская Карелия: оз. *Puõrielambi* (Кем, Стаффилла), оз. *Puõrielampi* (Ухт, Кантониemi; Ухт, Чикша; Ухт, Алаярви; Лоух, Чу́па; Лоух, Сонострoв), оз. *Puõrälampi* (Ф, Сортавала; Ф, Суояр, Леппясюрья), оз. *Puõröilambi* (Видл, Пертозеро; Видл, Гавриловка; Видл, Пертнаволок; Видл, Аланго), оз. *Puõridisjärvi* ~ *Puõrielampi* (Ухт, Ладвозерo), оз. *Puõrieislambi*, о. *Puõriesuari* (Петр, Поросозерo), о. *Puõrissuari* (Кест, Лайдасалми), о. *Puõrie Den'gasuari* (Реб, Кимоваара), зал. *Puõrielaksi* (Лоух, Чу́па) и др. Топонимы с основой *Puõrikkö-* представлены главным образом в южной части центральной Карелии: оз. *Puõrykkä* (Петр, Соймигора), оз. *Puõräkkölampi* (Сямоз, Эльмитозерo; Петр, Спаская Губа; Петр, Вохтозерo; Петр, Кивасозерo; Сегоз, Евгора; Сегоз, Хирвиниemi), оз. *Puõrykänlampi* (Ф, Сортавала), оз. *Puõrikkölampi* (Сегоз, Петельнаволок), оз. *Puõrykkälampi* (Реб, Челкки) и др. Большая часть названий на *Puõryžy-* фиксируется в Олонецкой Карелии: оз. *Puõrzy* (Сямоз, Эссойла), оз. *Puõryzlampi* (Сямоз, Эссойла; Сямоз, Вешкелица; Свят, Вашаково), оз. *Puõryžlampi* (Сямоз, Логинсельга), оз. *Puõrzylampi* (Видл, Юргилица), оз. *Puõrzyjärvi* (Свят, Котчура; Видл, Кормилисто), оз. *Puõryzajärvi* ~ *Puõrzänjärvi* (Тунг, Демозенвуара) и др. (рис. 34, 35). Иначе говоря, выявляется ареальная дистрибуция внутри карельского в языковом отношении ареала, которая в значительной степени накладывае́тся на карту диалектного членения карельского языка.

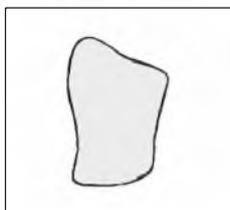

Рис. 34.
Озеро *Pyöreälampi*

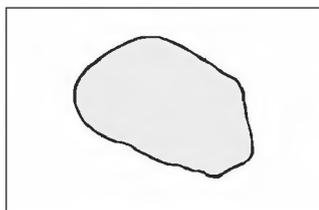

Рис. 35.
Озеро *Pyörkänlampi*

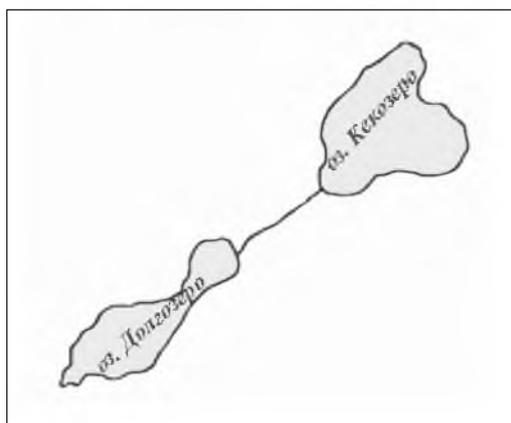
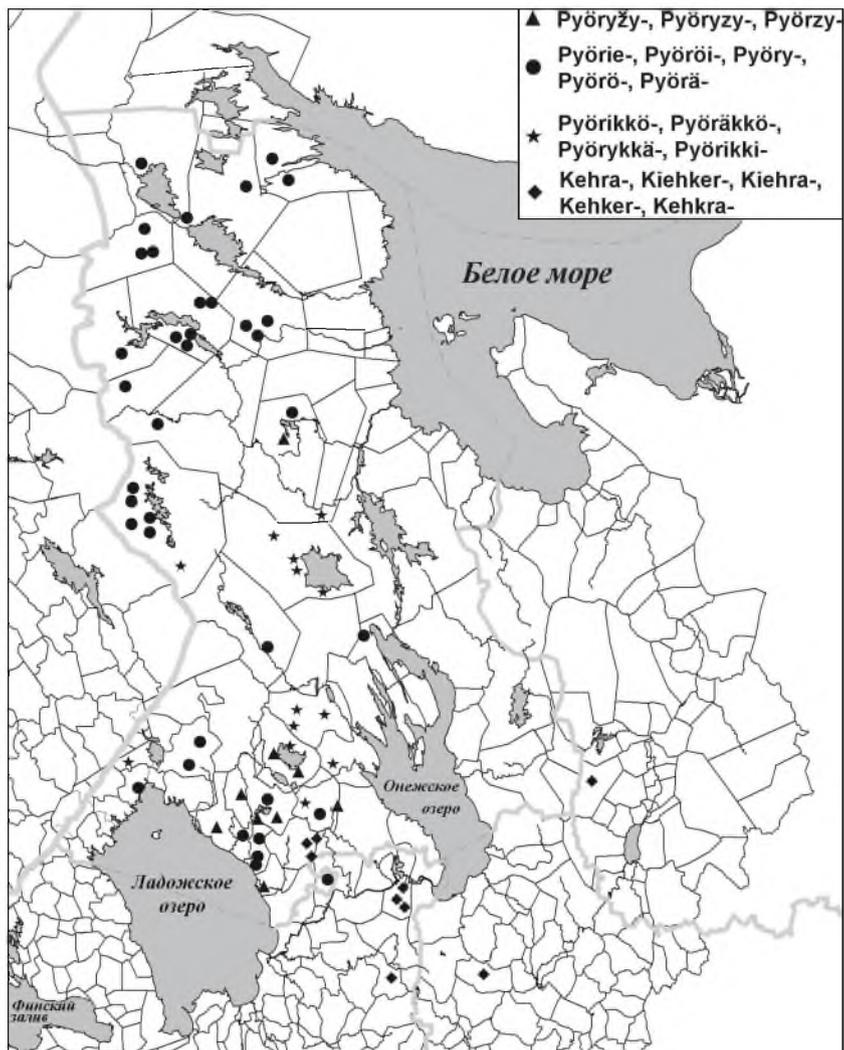

Рис. 36. Семантическая оппозиция 'долгий' — 'круглый'

Рис. 37. Семантическая оппозиция
'круглый' — 'долгий' — 'боковой' — 'кривой'

Карта 8. Ареал топооснов с семантикой 'круглый'

Топооснова *Kiehker-* (*Kehra-*, *Kiehra-*, *Kehker-*, *Kehkra-*) имеет узкую локализацию, она представлена на территории южной Карелии (в зоне карело-вепсского контактирования), в Архангельской и Вологодской областях (в собственно вепсском ареале), что позволяет возводить ее к вепсскому источнику: оз. *Kehragärf* (Л, Шол, Войлахта), оз. *Kiehkerlambi* (Свят, Лижма), о. *Kiehransuar'* (Олон, Новинка), оз. *Kiehradärvi* (Олон, Новинка) и др. В виде субстратной топоосновы модель представлена и на обрусевших территориях Восточного Обонежья: оз. *Кекозеро* (Пуд, Колодозеро), оз. *Кехкозеро* ~ *Кехозеро* (А, Карг, Кайсаровская). Этимология приведенных субстратных топонимов подтверждается формой называемых ими географических объектов, которые к тому же составляют оппозицию «долгим» или «кривым» озерам, ср. оз. *Долгозеро* — оз. *Кекозеро*; оз. *Кекозеро* — оз. *Долгое* — оз. *Вирозеро* (рис. 36, 37).

С позиций формирования карельской этноязыковой карты показательно проникновение вепсской модели на ливвиковско-людиковскую территорию в южной Карелии. Оно отражает участие вепсского компонента в формировании двух южных наречий карельского языка (карта 8).

2.5. Типовые топоосновы со значением 'кривой'

Форма природных объектов, в нашем случае озерных, достаточно редко бывает приближена к идеальным геометрическим формам, в ряде случаев она может быть более округлой, продолговатой, треугольной и проч., но в большинстве своем озера, мысы, заливы, острова имеют все же достаточно извилистые, неровные береговые очертания. Видимо, поэтому «кривизна» географических объектов нередко становится той характерной чертой, которая ложится в основу наименования. При этом в прибалтийско-финской топосистеме обнаруживается целый комплекс как прямых, так и образных, иносказательно передающих неровную форму объекта топооснов с семантикой 'кривой', тогда как в русской системе именования идея кривизны не получила такого развития. Видимо, вследствие этого многие «кривые» объекты прибалтийско-финского происхождения сохранили свое исконное название, не подвергшиеся переводу, а лишь адаптированное к русскому употреблению.

Вероятно, наличие в карельской топосистеме широкого круга топооснов, передающих «кривизну» объекта, способствовало то обстоятельству, что в самом карельском языке существует немало соответствующих лексем: ср. *keimerä*, *kenkelö*, *kenkura*, *kečkakko*, *ketkäšči*,

kiero, kiber(y), kiverä, koukero, koukelo, koukuža, kovera, krenkiškö, käiverä, kämbyrä, känkerä, kärčäkkä, lymmäkkö, lynkä, lyymie, šlinkka, slingu, šlängä, viärä, vonkelo и др. При этом далеко не все из них востребованы в топонимии. К числу наиболее продуктивных принадлежат топоосновы *Kovera-* и *Viärä-*, которые к тому же бытуют и на территории соседней Финляндии, а также у вепсов, т. е. несут в себе признаки топонимической универсалии, указывающей на представление древних прибалтийских финнов о том, какие топонимические модели могли быть использованы при наименовании «кривых» по форме объектов.

2.5.1. *Kover(a)- / Ковер-*

Наиболее представительной в семантической группе «кривых» названий является топооснова *Kover(a)- ~ Koveru-* / *Ковер-* ‘кривой; изогнутый; извилистый’. В карельском языке лексема представлена в собственно карельском и ливвиковском наречиях, хотя и не во всех говорах, что, видимо, может быть следствием неравномерности сбора лексического материала. В топонимии фиксируются также фонетические варианты *kovero*⁴ и *koveri*. У карелов-людиков слово *kover(a)* словарями не зафиксировано. В то же время в лудиковских говорах известна лексема *koveruz*, встречающаяся, например, в выражении *ištuda koveružis* ‘сидеть сутуло, сгорбившись’, а также глагол *koverduda* ‘низко кланяться’ [LMS]. Эти лексические данные свидетельствуют, таким образом, что прилагательное *kover(a)* могло в прошлом бытовать и в лудиковском наречии карельского языка. Кроме этого, в суоярвском говоре карельского языка лексема *kovera* известна также в качестве существительного в значении ‘излучина, поворот реки’ [KKS].

Большинство топонимов на *Kover(a)-* (в русском варианте *Ковер-*) в Карелии – это названия озер (рис. 38, 39). Топооснова фиксируется также в названиях мысов, заливов, рек, скал, порогов, болот и сельскохозяйственных угодий: оз. *Koverjärvi* (Олон, Саримяги; Олон, Унойла; Петр, Вендеры; Петр, Мьяндукса; Свят, Сигнаволок; Конд, Тивдия), бол. *Koversuo* (Олон, Унойла; Свят, Пряжа), оз. *Koverit(lammit)* (Олон, Печная Сельга), порог *Koverinkoski* (Олон, Сарипорог), оз. *Koverilambi*

⁴ В ухтинском и кестеньгском говорах карельского языка лексема *kovero* также означает ‘скобель’, что, видимо, допускает возможность того, что некоторые географические объекты, например мысы, могли получить свои названия в силу их сходства по форме с бытовым предметом.

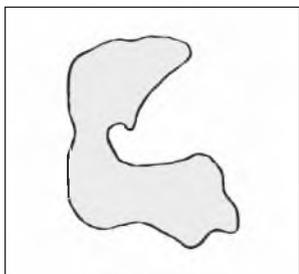

Рис. 38.
Озеро *Koverolampi*

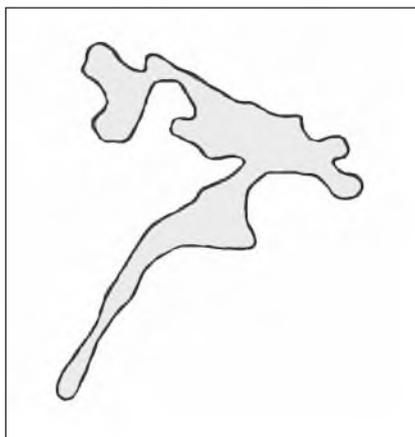

Рис. 39 (справа). Озеро *Koverolampi*

(Видл, Видлица; Олон, Сорочья Гора), оз. *Koverlambi* (Олон, Утозеро; Олон, Саримяги; Петр, Вендеры; Петр, Мьяндукса; Петр, Нимозеро; Петр, Красная Речка; Свят, Лижма; Свят, Пряжа; Тунг, Тунгуда), порог *Koverankoski* (Видл, Колатсельга), оз. *Kover(an)lambi* (Сямоз, Пунчево), оз. *Koverojärvi* ~ *Koveranjärvi* (Сямоз, Вешкелица), оз. *Kodi-Koverjärvi* (Петр, Вохтозеро), порог *Koverkoski* (Олон, Яковлевская), мыс *Koveranniemi* (Свят, Кашканы; Свят, Лижма), оз. *Koveranlambi* (Свят, Чарнаволок), бол. *Koveransuot* (Свят, Чарнаволок), оз. *Koveranjärvi* ~ *Koveraine*, бол. *Koveransuo* (Свят, Лижма), оз. *Koverjärvi* ~ *Kober*, оз. *Koverinlambi* (Свят, Пелдожа), мыс *Koverniemi* (Прион, Виданы), оз. *Koverolambi* (Петр, Гомсельга; Ругоз, Кучезеро; Ф, Имп, Керисюрья), бол. *Koverosuo* (Петр, Гомсельга), скала *Kover(an)kal'lo* (Петр, Мунозеро), плес *Koveranliebie* (Петр, Линдозеро), оз. *Koverane* (Петр, Поросозеро), оз. *Koveralambi* (Петр, Святнаволок; Медв, Совдозеро; Сегоз, Сельги; Сегоз, Гонгинаволок; Сегоз, Пелкула; Ругоз, Евжозеро; Ругоз, Ругозеро; Тунг, Березово; Тунг, Шагозеро; Тунг, Ноттоварака; Кемир, Лежево; Лоух, Вычетайбола), р. *Koverinjogi* (Медв, Совдозеро), берег *Koveraranda* (Сегоз, Сельги), оз. *Koverajärvi* (Сегоз, Лазарево; Реб, Севастьяннаволок), порог *Koverakoški* (Реб, Реболы; Ругоз, Лувозеро; Тунг, Машозеро), руч. *Koveraoja* (Ругоз, Ругозеро; Лоух, Вычетайбола), зал. *Koverolaksi* (Тунг, Тунгудский), бол. *Koveransuo* ~ *Koverošuo* (Тунг, Ноттоварака), бол. *Koveransuo* (Тунг, Удозеро; Кемир, Лежево), зал. *Koveralaksi* (Ухт, Ухта), оз. *Koveranlampi* (Кест, Тунгозеро), руч. *Koverinoja* (Кест, Тунгозеро), оз. *Коверозеро* ~ *Кавераозеро* (Канд, Княжая Губа), оз. *Коверозеро* (Повен, Волозеро), дер. *Kovero* (Ф, Салми,

Мийнала), оз. *Koveralambi* ~ *Koverolambi* (Ф, Суоярви), порог *Koveronkoski* (Ф, Суояр, Вегарус), оз. *Kovero(järvi)* (Ф, Суйст, Муанто), г. *Koveronselkä* (Ф, Суйст, Муанто), г. *Koveronsärkkä* (Ф, Суйст, Муанто), оз. *Koverajärvi* ~ *Koverojärvi* (Ф, Корп, Толваярви), оз. *Koverojärvi* ~ *Koveranjärvi* (Ф, Корп, Корписелькя), оз. *Koverojärvi* (Ф, Соан, Куйкка), руч. *Koveropuro* (Ф, Илом, Кокконахо) и др.

Ареал топонимов выходит на востоке и юго-востоке за пределы территории современной Карелии. Основа хорошо известна вепсской топонимии в ареале традиционного вепсского расселения на территории современных Ленинградской и Вологодской областей⁵. Судя по материалам КТЭ УрФУ (г. Екатеринбург), названия с субстратной основой *Kover-* представлены в русской топонимии в Архангельской и Вологодской областях: уг. *Kóvéрихи*, уг. *Глебова Кóvéриха*, ур. *Подковоериха* (А, Кон, Вершинина); пороги на р. Онега *Верхняя / Нижняя Кóверница*, мыс *Кóверница* (А, Онеж, Порог), уг. *Ковербóнга* (Влг, Выт, Алексеевская), уг. *Кóверни* (Влг, Выт, Степановская), дер. *Коверá* (Влг, Кад, Подосинник)⁶ и др.

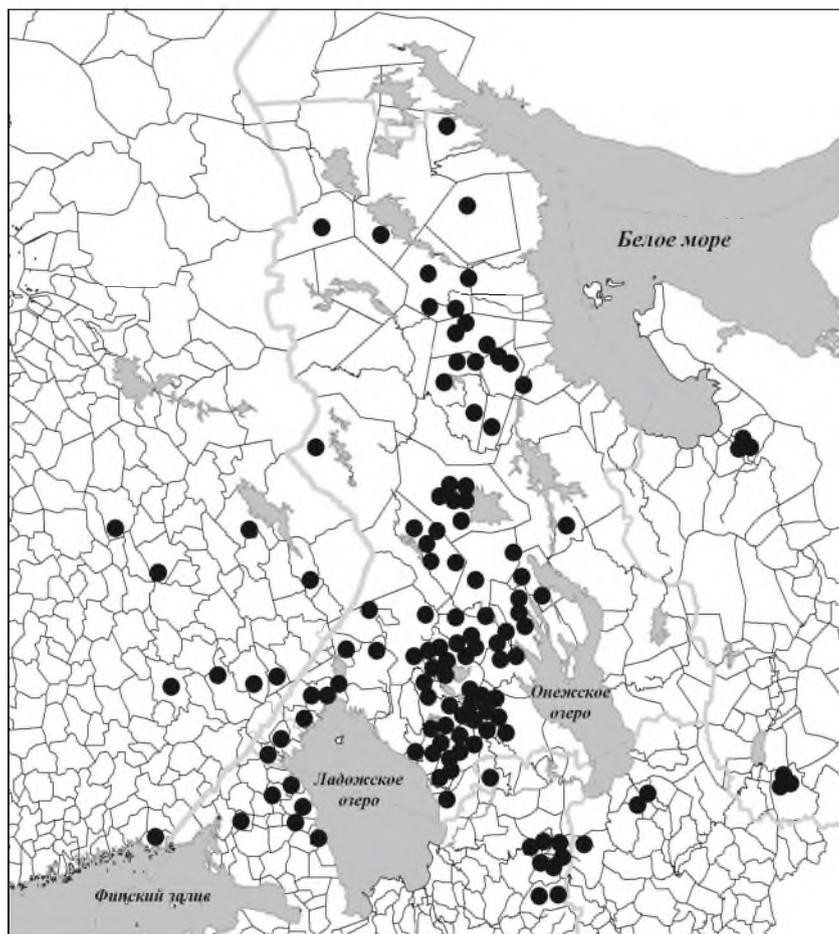
Топонимы с атрибутивной частью *Kover(a)-* могут быть в Карелии достаточно старыми. На это указывает ареал названий в Приладожье, которое является территорией формирования древней корелы. Например, деревня *Kovero* в коммуне Тууповаара (бывший Корельский уезд, Задняя Корела⁷) появилась уже в Средние века [Saloheimo 1971: 61; Meri 1943: 120], к этому же времени относится и появление одноименной деревни *Kovero* в приходе Салми в Приграничной Карелии (фин. Raja-Karjala) [Kiviniemi 1977: 117].

Карта-схема распространения топонимов (карта 9) свидетельствует, что на родовой территории карельского этноса названия фиксируются прежде всего в Передней Кореле или, иначе, в южной части Приладожской Карелии. К северу от нее — в Задней Кореле — фиксации имеют единичный характер, что, видимо, указывает на их вторичность

⁵ В вепсском Прионежье, в северновепсском языковом ареале, очевидно, в силу чрезвычайной малочисленности озер основа *Kover-* не зафиксирована.

⁶ В данном случае приводится современное административно-территориальное членение, положенное в основу КТЭ УрФУ: Влг — Вологодская область, Выт — Вытегорский район Вологодской области, Кад — Кадуйский район Вологодской области.

⁷ Деление приладожской Корельской земли на Переднюю Корелу (ближнюю к Новгороду область) и Заднюю Корелу, с границей по реке Вуоксе, появилось во времена Великого Новгорода, и оно было поддержано после завоевания последнего Москвой [Жуков 2013: 44].

Карта 9. Карельская топооснова *Kover(a)-*

здесь на фоне южных пределов бывшего Корельского уезда. Из истории известно, что Передняя Корела сильно обезлюдела в XVI в. из-за усиления налогового гнета (податей), опричнины и военных действий [Жуков 2013: 417–419]. Можно предположить, что отток части населения в северное и восточное Приладожье повлек за собой и появление здесь данной топонимной модели.

Картографирование топонимов на *Kover(a)- / Ковер-* показывает, что основная масса названий бытует на территории проживания карел-ливвиков, карелов-людиков, а также в средней Карелии. По мере

продвижения на север частотность модели снижается. В Беломорской Карелии, за исключением ее восточной части, модель представлена слабо. Собственно, и сама лексема *kovera*, и названия с этой топоосновой не фиксируются у карелов в Тверской и Ленинградской областях. Такая ареальная дистрибуция может быть свидетельством того, что на территориях, освоенных карелами в период после заключения Столбовского мирного договора 1617 г., топооснова уже вышла из активного употребления и в топонимообразовании не использовалась. Это обстоятельство позволяет предположить, что в Карелию модель проникает с отселением «второй миграционной волны» карелов из Приладожья, представители которой осваивали на рубеже XV–XVI вв. преимущественно центральные части современной Карелии, а также восточные части Беломорской Карелии. Видимо, по этой же причине топооснова *Kover(a)*- практически полностью отсутствует на западном побережье Белого моря, освоение которого карелами происходило в более ранний период конца Средних веков. Если бы модель была востребована в тот период при наименовании географических объектов, то стоило бы ожидать большего количества фиксаций в топонимии беломорского побережья. Однако модель здесь непродуктивна. Известно только два топонима: озеро *Коверозеро* в Княжгубе и поле *Ковереска*⁸ в Вирме.

С другой стороны, нельзя исключать, что немногочисленность названий данного типа в топонимии прибрежных населенных пунктов может быть связана с постепенной ассимиляцией карельского населения и переводом некоторых топонимов на русский язык. На западном побережье Белого моря фиксируется целый ряд топонимов с русской топонимической основой *Крив-*: ср. мыс, о. *Кривой* (Канд, Кандалакша), г. *Кривые горки* (Лоух, Кереть), оз. *Кривое*, зал. *Кривозерская губа* (Лоух, Чупа), пороги *Кривое Озеро* и *Кривой* (Кем, Летняя Река), мыс *Кривой наволок* (Кем, Шуерецкое), рыб. уг. *Кривой Стреж*, о. *Кривой Каменный остров* (Кем, Шуерецкое), уг. *Кривая пожня* (Сорок, Сорока), порог *Кривой* (Сорок, Сумпосад), оз. *Кривое* (Сорок, Нюхча). Примером явного перевода может быть название порога *Кривое Колено* в Поньгоме (Кем), поскольку в русской топонимии западного побережья Белого моря данная модель зафиксирована лишь единожды. В то же время на карелоязычных территориях метафорическая модель с детерминантом *-polvi* ‘колено; изгиб, поворот’ представлена в наименованиях целого ряда географических объектов,

⁸ Аналогичное русскоязычное название зафиксировано и у оятских вепсов, ср. покос *Коверешка* (вепс. *Kovereižet*) [КТК].

ср. протока *Kurenpolvi*, букв. 'журавлиное колено' (Кемир, Подужемье; Ухт, Сопосалма), уг. *Jovenpolvi*, букв. 'речное колено' (Тунг, Шуезеро), уг. *Liponpolvi* 'колено Липпо' (Ругоз, Лувозеро), бол. *Jovenpolvensuo* 'болото речного колена' (Кест, Кестеньга) и др.

Появление в условиях двуязычия переводных вариантов карельских атрибутивных топооснов может быть объяснено наличием в русской топосистеме эквивалентных моделей, в данном случае — суффиксальных, которые также использовались при наименовании кривых по форме объектов, ср. ур. *Кривуха* (Канд, Черная Река), порог *Кривец* (Кем, Кемь), тоня *Кривец* (Сорок, Сорока), бол. *Кривец* (Сорок, Вирма). Они могли послужить катализатором при переводе топонимов с основой *Kover(a)*- на беломорском побережье. Если данное предположение верно, то за здешними «кривыми» названиями могут стоять более ранние карельские оригиналы. С рубежа XVI–XVII вв. карельское население беломорского побережья начинает постепенно ассимилироваться, и поэтому появление новой карелоязычной модели здесь вряд ли следовало бы ожидать. Кроме этого, историческими документами не фиксируется факт массового подселения новопоселенцев, которые могли принести с собой данную топонимическую модель из Приладожья. Стоит в этой связи отметить, что, по мнению Д. В. Бубриха, первое массовое знакомство карелов с Беломорьем относится к XIII в., хотя он не исключает, что отдельные проникновения представителей корелы по пути, шедшему к Белому морю, могли происходить очень рано [Бубрих 1947: 32].

Модель слабо представлена в Финляндии, хотя, судя по карте, она фиксируется, например, на юго-западе финских территорий, где топонимы с основой *Kover(a)*- могут быть также относительно старыми. Некоторые из названий фиксируются там уже документами XVI в. [Meri 1943: 117]. Э. Кивиниemi отмечает, что распространение названий этого типа в Финляндии значительно уже, чем распространение соответствующего апеллятива. Это, по мнению исследователя, свидетельствует о локальном характере модели, которая могла появиться в среде определенной группы западнофинского населения [Kiviniemi 1977: 117]. Исследователь не исключает также, что часть топонимов данной группы может восходить к антропонимам. Но, судя по физико-географическим характеристикам объектов с рассматриваемой топоосновой, можно все же констатировать, что (как в Карелии, так и в Финляндии) большинство названий связано с согнутой формой именуемых географических объектов.

Таким образом, распространение топонимной модели *Kover(a)*- / *Kover-* на территории современной Карелии можно, видимо, увязывать

с отселением карелов из южных частей Корельского уезда на рубеже эпохи Средневековья и Нового времени и, соответственно, с возникшей у карельских новопоселенцев потребностью в наименовании объектов в процессе освоения региона. Нельзя исключать того, что в момент активности модели ее поддержало также бытование в языке местного населения соответствующего апеллятива, о чем свидетельствует распространение слова *koveru* в современных говорах ливвиковского наречия карельского языка.

Можно также полагать, что в самом Приладожье модель могла иметь ранее большее количество фиксаций, однако ее ареал был «разрушен» в связи с депопуляцией региона, переселением карелов на новые места проживания и приходом на эту территорию восточнофинского населения из юго-восточных частей современной Финляндии и Саво, в арсенале которого, судя по карте-схеме распространения названий рассматриваемого типа, такой топонимической модели не было. Немногочисленность названий на *Kover(a)*- в Задней Кореле может, видимо, свидетельствовать о том, что к рубежу XV–XVI вв. топооснова уже выходила из активного употребления и была малопродуктивна при освоении новых территорий. Отсутствие модели в Приботнии указывает, в свою очередь, на то, что она могла появиться в период после заключения Ореховецкого мирного договора 1323 г. и что период ее активности был, по всей видимости, недолгим.

Следует также отметить, что, в отличие от Финляндии, ареал бытования топоосновы в Карелии несколько шире, чем ареал соответствующего апеллятива. Кроме того, если появление модели действительно относится к периоду освоения Карелии «второй волной» приладожской корелы, то требует объяснения большое количество названий на *Kover(a)*- в южной Карелии. Данный факт может свидетельствовать о том, что карельские переселенцы того периода селились не только в средней Карелии, как предполагалось ранее, но и на территории современного расселения карелов-ливвиков и карелов-людиков. Нельзя также исключать, что именно эта волна карельских переселенцев повлияла во многом на появление в южных частях Карелии двух наречий карельского языка, образование которых связано с поэтапной карелизацией здесь древневепсского населения.

Необходимо учитывать и тот факт, что модель *Kover(a)*- представлена также в топонимии у южных и западных вепсов. Поскольку в южной Карелии фиксируется целый ряд типовых вепсских топооснов, то можно предположить, что модель *Kover(a)*- на юге Карелии имеет не карельские, а вепсские истоки.

2.5.2. *Viärä- / Bup-*

Топооснова *Viärä-* (с фонетическими вариантами *Veärä-*, *Vierä-*) относится к группе продуктивных атрибутивных основ с семантикой 'кривой' в топонимии Карелии. Представленная в топооснове лексема известна всем диалектам карельского языка и имеет ряд фонетических вариантов: ср. ск. *viärä*, ливв. *viäry*, люд. *viär(e)* 'кривой' [KKS, LMS]. В топонимии она выступает главным образом в названиях порогов и озер, но также используется в наименованиях берегов, ручьев, деревьев, островов и ряда других географических объектов. В то же время моделиобразующей рассматриваемая тополексема стала лишь в отношении именования порогов и озер: порог *Viäräkoski* 'кривой порог' (Кест, Оланга; Кест, Елетозеро; Ухт, Пишшунки; Ухт, Костомукша; Ухт, Шомбозеро; Кемир, Кокорино; Кемир, Панозеро; Кемир, Пибозеро; Кемир, Подужемье; Тунг, Машозеро; Тунг, Кевязозеро; Тунг, Лууламби; Ругоз, Минозеро; Ругоз, Кимасозеро; Ругоз, Ледмозеро; Ругоз, Марьяваара; Реб, Муезеро; Реб, Лужма; Петр, Койкары; Свят, Березовый Наволок и др.), оз. *Viäräjärvi* 'кривое озеро', оз. *Viärälambi* 'кривая ламба' (Кемир, Пибозеро; Ухт, Вокнаволок; Лоух, Елманга; Тунг, Машезеро; Ф, Корписелья и др.).

Вероятно, повсеместное распространение слова в диалектах карельского языка стало предпосылкой появления названий данного типа в разных диалектных зонах. Следует все же отметить, что за пределами языкового ареала собственно карельского наречия топонимы на *Viärä-* встречаются спорадически. Это указывает на то, что прилагательное *viärä* было востребовано при наименовании географических объектов, прежде всего, в среде собственно карельского населения.

На основании распространения в топонимии Карелии названий порогов с атрибутивной частью *Viärä-* (*Viäräkoski*, букв. 'Кривой порог') можно говорить, что все они могли появиться здесь благодаря функционированию модели *Viäräkoski* на определенном этапе истории. В то же время начальный генезис модели остается не вполне ясным. Сегодня основной ареал бытования названий — Беломорская Карелия и северные части исторической провинции Остроботния (фин. *Pohjanmaa*) в Финляндии. При этом можно полагать, что названия могут иметь по обе стороны границы генетическое родство. Возникает естественный вопрос: в среде какого населения этот топонимический тип мог появиться? Северная Остроботния — регион давних межэтнических контактов. Здесь фиксируются как карельские топоосновы, так и модели, появившиеся здесь с притоком населения из западной и восточной

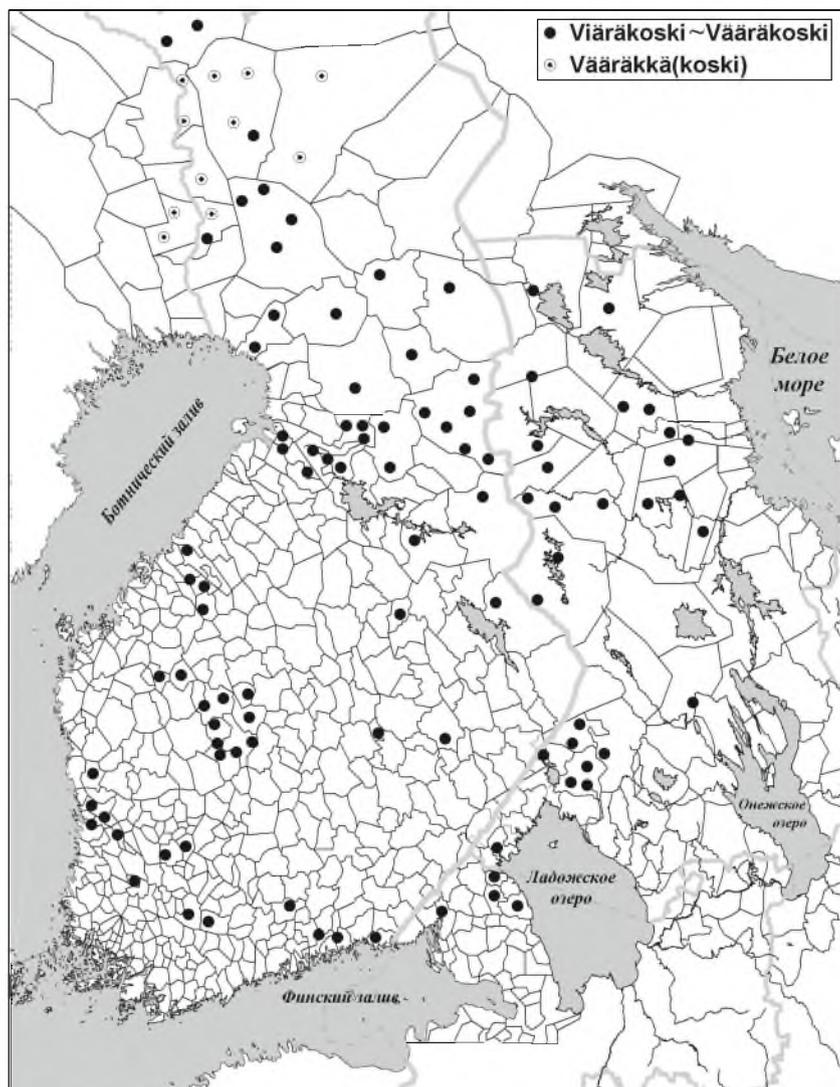
Финляндии. Об этом же свидетельствует и карта распространения топонимов *Viärä- / Vääräkoski*⁹ (карта 10) как в западной Финляндии, так и в Приладожской Карелии.

В исследовании Й. Вахтола, посвященном истории заселения северной Финляндии, приводятся несколько десятков карт-схем западнофинских топонимных моделей на территории региона. Однако ни одна из них не повторяет конфигурации ареала названий с основой *Viäräkoski ~ Vääräkoski*. Видимо, данный факт свидетельствует о том, что названия порогов *Vääräkoski* в Северной Остроботнии и на юго-западе Финляндии не связаны между собой. Кроме этого, в западной Финляндии модель не является продуктивной и период ее функционирования был, видимо, недолгим, что подтверждается ее локальным характером. Следует также отметить, что западнофинское присутствие в Остроботнии проявляется в топонимии более явно в Перяпохьёла (фин. Peräpohjola, Peräpohja) или на более северных территориях [Vahtola 1980: 94–314]. Судя по карте-схеме, можно, вероятно, говорить также о том, что приладожские и западнофинские названия появились независимо друг от друга.

Если выдвинутое нами предположение об отсутствии западнофинских истоков в приботнийских названиях верно, то можно допустить, что появление модели *Vääräkoski* 'Кривой порог' в Остроботнии могло явиться результатом освоения территории саволаксами или (древне)карельским населением.

Карта-схема показывает, что в восточной Финляндии часть названий расположена вдоль водного пути из Приладожья к Ботническому заливу. Известно, что после заключения Ореховецкого мирного договора 1323 г. эта территория осталась за Новгородом. Однако из-за удаленности и слабой заселенности территории Новгородская республика не могла контролировать ее в полной мере. Этим скоро воспользовалось Шведское королевство, и со временем обозначенный регион входит в сферу политического и экономического влияния Швеции. В XVI в. Северную Остроботнию начинают активно осваивать восточные финны или саволаксы [Keränen 1984: 80]. Однако на коренных саволакских территориях модель имеет единичные фиксации, что, в свою очередь, указывает на невозможность ее саволакских истоков в Остроботнии. Этот исторический и географический контекст дает

⁹ При составлении карт-схем распространения названий на *Viärä-* в Финляндии были использованы материалы исследования Ээро Кивиниеми [Kiviniemi 1977: 32, 45, 47] и данные финляндского топонимического архива НИЦ KOTUS.

Карта 10. Ареал модели *Vääräkoski ~ Viäräkoski*

основания считать немногочисленные названия в восточной Финляндии рудиментами былого, разрушенного временем и сменой населения ареала топонимной модели *Viäräkосki*, которая маркировала средневековый водно-волоковой путь карелов из Приладожья через территорию современного Саво к побережью Ботнического залива.

На территории формирования древней корелы модель представлена слабо, однако ее фиксация в южной части карельского Приладожья свидетельствует, что она появилась именно здесь на ранних этапах карельской истории. Немногочисленность же названий сегодня может объясняться историческими событиями XVI в. Показательно, что модель *Viäräkосki* известна в т. ч. в Задней Кореле, освоение которой карельским населением происходило в конце эпохи Средневековья. Это обстоятельство позволяет предположить, что модель была еще востребована на новых территориях того времени. С этим же периодом связано освоение карелами промысловых территорий на севере современной Карелии и Финляндии. Карта-схема демонстрирует, что названия представлены в топонимии современного Кайнуу, в том числе в коммуне Суомуссалми. Эта территория восточной Остроботнии была официально закреплена за Швецией согласно условиям Тявзинского мирного договора 1595 г., а ранее, хотя во многом уже формально, входила в сферу промысловых и торговых интересов Москвы. В то же время как исторические, так и языковые данные указывают на то, что здесь вплоть до 1595 г. и позже проживало карелоязычное население [Luukko 1954: 716–717; Räisänen 2007: 119–120; Kuzmin 2015: 155–156], наследием которого в топонимии и может быть модель *Viäräkосki*. В провинции Кайнуу немало топонимов карельского происхождения [Räisänen 1982: 83–87]. Видимо, с переходом данного региона под юрисдикцию Шведского королевства часть населения переселяется на территорию Московского государства и приносит с собой в Карелию топонимию, в том числе и модель названия порогов *Viäräkосki*. В то же время нельзя исключать, что появление порогов с названием *Viäräkосki* ~ *Vääräkосki* в восточной Остроботнии и в Беломорской Карелии происходило в ходе расселения здесь в конце Средних веков – начале эпохи Нового времени карельского населения из Приладожья.

На самом севере Остроботнии (в Перяпохьёла) фиксируется группа порогов с названием *Vääräkкä(kосki)*, в которых историческая топонима *Väärä-* оформлена суффиксом *-kkä* с диминутивной семантикой. Топонимы данного типа представлены на северной оконечности ареала модели *Vääräkосki*. Не вполне понятно, является ли топонимная

модель *Vääräkkä(koski)* инновацией, возникшей, например, в среде западнофинского населения вследствие распространения сюда карельской модели, или же она проникает в район Перяпохёла с усвоившими данный тип наименований финскими переселенцами из более южных частей Остроботнии. Вопрос требует дополнительного изучения. Отметим также, что говоры ареала Перяпохёла входят в число западных говоров финского языка, что предполагает в топонимии модели западнофинского типа.

Выше было отмечено, что модель *Viäräkoski ~ Vääräkoski* не была продуктивной у саволакского населения. В то же время на территории Саво хорошо известна лимнонимная модель *Viärälampi ~ Väärälampi*, *lampi* ‘лампа, небольшое лесное озеро’. По всей видимости, она является относительно поздней, поскольку представлена наименованиями небольших озер-лампин. При этом значительная часть названий зафиксирована в топонимии саволакских территорий, которые были освоены восточными финнами в период после середины XVI в. Они представлены в том числе и в топонимии бывшего Корельского уезда, где в первой половине XVII в. произошла смена населения с карельского на саволакское. Известно, что именно микропонимы, в отличие от наименований более крупных географических объектов, являются менее устойчивыми во времени, особенно в моменты смены населения. Таким образом, на вновь освоенных территориях в среде саволакского населения возникла потребность в наименовании, прежде всего, локальных географических объектов. Одной из востребованных и стала лимнонимная модель *Väärälampi*, которая с оттоком населения с коренных территорий распространилась на восток, в опустевшее карельское Приладожье, а также на север, в частности в Кайнуу и Куусамо. Последние были освоены саволаксами, главным образом, в XVII в. [Keränen 1986: 345, 391]. Показательно при этом, что модель практически не выходит за пределы распространения диалекта Саво в Финляндии.

В топонимии современной Карелии модель *Väärälampi ~ Viärälampi* практически не представлена. Она фиксируется в Приграничной Карелии, на бывшей территории Финляндии в границах 1944 г., главным образом в ее западной части: три названия в приходе Корписелькя, по одному в Иломанси и Соанлахти: ср. *Viärälampi* (Ф, Корписелькя), *Viärälampi ~ Viärätlammit* (Ф, Лехтомяки) и др. При этом информанты сами указывают на кривую форму этих небольших по размеру озер (рис. 40). В Беломорской Карелии известно одно название — оз. *Viärälambi* в Пезозере, при этом оно имеет, видимо, вторичный характер, поскольку

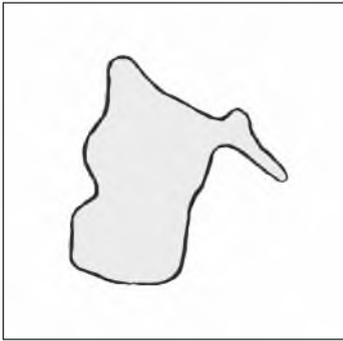

Рис. 40. Озеро *Väärälampi*

выступает в составе топонимического гнезда, связанного с порогом *Viäräkoški* ‘Кривой порог’ (ср.: *Viäräkoški*, *Viäräoja*, *Viärälambi*), и обусловлено переносом по смежности.

Кроме этого, в Приграничной Карелии, в приходе Суйстамо, зафиксировано озерко *Viäräčynlambi* (Ф, Педаяселькя), в названии которого топооснова осложнена карельским суффиксом *-ččy*. Он широко представлен в карельской топо- и антропонимии (*Matkačču*, *Syväččy*, *Ligočču* и др.) [Nisilä 1967: 52]

и может присоединяться как к апеллятивам, так и к календарным именам (*Hypiččy*, *Kanačču*, *Ipačču*, *Keskučču*, *Livočču* и др.) [Мамонтова 1982: 131–132]. Считается, что изначально суффикс *-ččy* обладал диминутивной семантикой [Saarikivi 2006: 32], но постепенно его функция изменилась, он стал маркером имен собственных (топонимов и антропонимов). Именно по этой причине топонимы на *-ččy*, как правило, являются простыми по своей структуре — формант берет на себя роль топоосновы [Муллонен 1994: 17–18].

Озеро с названием *Viäräččylambi* известно и в топонимии российской средней Карелии, в окрестностях дер. Листепога в Сегозерье. Водоем *Viäräččy* фиксируется также в окрестностях соседней деревни Карельская Масельга. Можно предположить, что модель *Viäräččy*- могла быть принесена в среднюю Карелию группой переселенцев из финляндской Приграничной Карелии, где атрибутивная часть *Viäräččy*- зафиксирована в топонимии приходов Салми, Суйстамо, Корписелькя и Суоярви, ср.: мыс *Viäräččyniemi* (Ф, Манссила), г. *Viäräččymäki* (Ф, Чокки), озера *Viäräččy(järvi)*, *Kylgiviäräččy* (Ф, Педаяселькя), два больших озера *Vääräččy* и *Kylkivääräččy* (Ф, Суоярви) (рис. 41).

На прибалтийско-финских территориях (у финнов, карелов, вепсов) наравне с моделью *Viärälambi* ~ *Väärälampi* бытует параллельная модель *Vääräjärvi* ~ *Viäräjärvi* ~ *Värjäv* ‘Кривое озеро’ (*järvi* ‘озеро’), которая выступает в наименованиях озер более крупного размера. В прибалтийско-финских топорсистемах в лимнонимах, в зависимости от размера называемых озер, используются две лексемы: *lampi* ‘небольшое озеро; ламбина’ и *järvi* ‘озеро (крупнее, чем ламбина)’.

Основной ареал модели *Vääräjärvi* расположен в Финляндии, она известна как на востоке (у саволаксов), так и на западе (у еми) (карта 11).

При этом не совсем ясно, является ли ареал на вышеупомянутых финноязычных территориях единым или же названия появились там независимо друг от друга. В то же время очевидно, что в восточной Финляндии модели *Vääräjärvi* и *Väärälampi* между собой связаны. При этом названия с детерминантом *-järvi*, видимо, явились неким образцом для появления наименований небольших озер с детерминантом *-lampi*. Тип *Vääräjärvi*, очевидно, появляется несколько раньше, поскольку выступает в названиях более крупных озер. Кроме этого, он известен шире на прародине саволаксов, в южном Саво, притом что за пределами исторической провинции Саво XVI в. модель представлена слабо. Такая ситуация указывает на то, что к моменту освоения саволаксами новых земель к востоку и северу от основной территории расселения наиболее крупные озера там были уже названы. Нельзя также исключать, что модель *Vääräjärvi* к концу XVI в. уже вышла из активного использования.

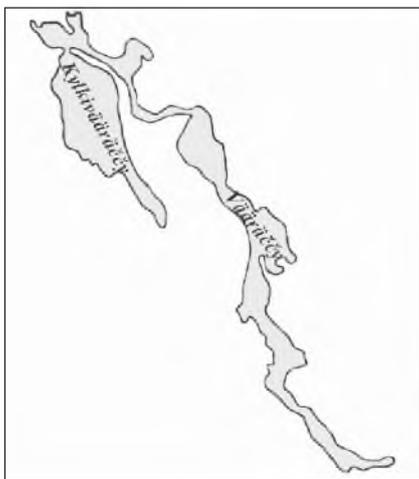
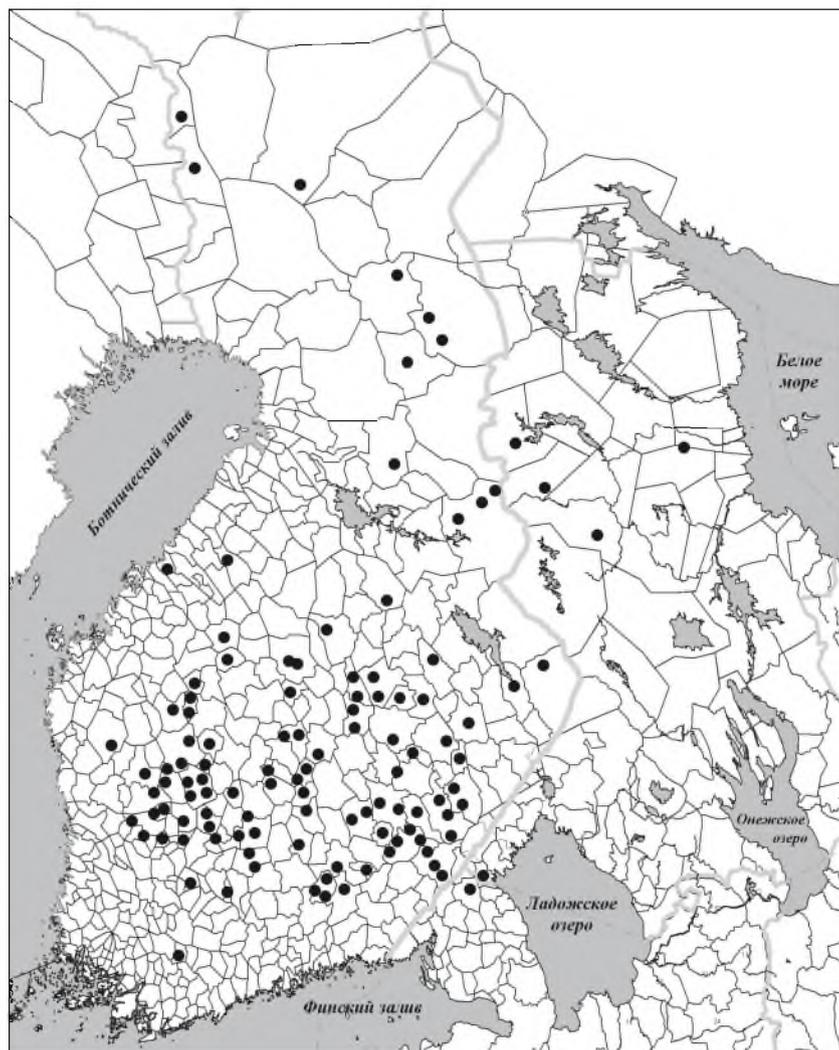

Рис. 41. Озера *Vääräjärvi* и *Kylväjäjärvi* (*kylki* зд. 'боковой')

В топонимии Карелии модель *Vääräjärvi* малопродуктивна и представлена, главным образом, в Беломорской Карелии. Единичное название обнаруживается также на сопредельной с ней территории бывшей Ругозерской волости в средней Карелии. В топонимических исследованиях исторического плана уже отмечалось, что в Карелии фиксируется целый ряд саволакских топонимных типов, которые свидетельствуют о подселении восточных финнов в среду карельского населения [Кузьмин 2011: 45–56]. Видимо, в данном случае переселенцы могли быть родом из центральных районов Саво — отсюда, где бытовала рассматриваемая топонимная модель. При этом освоение саволаксами территории Карелии надо, видимо, увязывать с концом XVI – первой половиной XVII в., когда вместе с карелами на московские земли переселяются и восточные финны.

В то же время нельзя исключать возможности того, что появление отдельных названий в Карелии может быть связано не только с отселением восточных финнов, но и с возможным переселением к соплеменникам

В то же время нельзя исключать возможности того, что появление отдельных названий в Карелии может быть связано не только с отселением восточных финнов, но и с возможным переселением к соплеменникам

Карта 11. Ареал модели *Vääräjärvi ~ Viäräjärvi*

в Россию отдельных представителей (или какой-то группы) карельского населения, проживавшего ранее в Саво. В процессе контактирования они могли усвоить данную модель у саволаксов и использовать в процессе освоения новых территорий в Карелии. Немногочисленность названий говорит о том, что переселение не носило массового характера и может датироваться периодом XVI–XVII вв.

Еще одним географическим объектом, название которого могло быть образовано с использованием рассматриваемой модели, являются острова *Viärätsuaret* (букв. ‘Кривые острова’) в окрестностях деревни Намоево у карелов-людигов.

Топонимная модель *Vääräsaari*, так же как *Väärälampi* и *Vääräjärvi*, распространена, главным образом, на коренных саволакских территориях в Финляндии. Кроме этого, отдельная группа топонимов представлена в топонимии юго-восточной Финляндии. Однако в данном случае, очевидно, не приходится говорить о единых истоках названий этого типа на финской территории. Сама модель *Vääräsaari* не является в Финляндии продуктивной, что, в свою очередь, ставит под вопрос факт ее появления у карелов-людигов в результате отселения выходцев из Саво, хотя исключать полностью эту возможность также нельзя. В то же время отдельное название с атрибутом *Viärä-* могло легко возникнуть независимо от финских топонимов, поскольку в языке карелов-людигов фиксируется соответствующая лексема, которая и могла быть использована при наименовании кривых по форме островов в озере Укшозере.

Как уже отмечено, топооснова *Viärä-* на территории современной Карелии фиксируется также в наименованиях ряда других географических объектов, таких как берега, ручьи, течения, тони, покосы, мосты, а также в названиях кривых по форме деревьев: ср. береза *Viärykoiivu* (Свят, Щеккила), берег *Viäräččykoivu* (Сямоз, Савойнаволок): *koiivu* ‘береза’; гора *Viäränpedäjännmägi* (Ф, Имп, Сумерия): *pedäjä* ‘сосна’. Часть этих названий имеет вторичный характер, поскольку представлена в наименованиях объектов, территориально смежных с озерами или порогами с основой *Viärä-*, ср. топонимические гнезда с топоосновой *Viärä-* в окрестностях дер. Елманга (Лоух): оз. *Viäräjärvi*, руч. *Viäräoja*, бол. *Viäräšuo*, в окрестностях деревни Подужемье (Кемир) порог *Viäräkoški*, руч. *Viäräoja*, тоня *Viäränpiä*. Другая немногочисленная часть топонимов этого типа появилась, видимо, самостоятельно, вне состава какого-либо гнезда или вне рамок соответствующей модели. Среди них, например, часть реки *Viäräeno* (Кемир, Панозеро): *eno* ‘поток, большая река’, берег *Viärä* (Ухт, Хайколя), берег *Viäräliete* (Сегоз, Карельская

Масельга): *liete* ‘песок’, мост *Viärsilta* (Ф, Суояр, Лехмявуара): *silta* ‘мост’, уг. *Viärypolvi*, букв. ‘Кривое Колено’ (Ф, Суояр, Хюрсюля), зал. *Viäräsunguba* ‘залив Кривого Устья’ (Медв, Янгозеро).

Подводя итог, можно с большой долей уверенности говорить о том, что появление в топонимии Карелии модели *Viäräjärvi* ‘Кривое озеро’ может быть увязано с освоением данного региона выходцами из восточной Финляндии. При этом ее распространение, на наш взгляд, относится к периоду не ранее середины XVII в. Обусловлено это тем, что сопредельная с карельским Беломорьем территория Кайнуу и Куусамо (современные северосаволакские территории) заселяется из Саво только к началу — середине XVII в. [Keränen 1986: 345, 391; Кузьмин 2011: 45–56]. С этим периодом, видимо, надо связывать распространение данного и других саволакских типов в российскую Карелию. К этому же времени относится и появление модели *Viärälambi* ~ *Viärälampi* в Приграничной Карелии, причиной чего стал уход православных карелов на московские земли после передачи Корельского уезда Швеции согласно Столбовскому мирному договору 1617 г. В то же время модель *Viäräkoški* в топонимии Карелии имеет, видимо, карельские истоки, а ее появление связано с освоением приладожскими карелами северных промысловых территорий в конце эпохи Средневековья — начале Нового времени.

В вепсской топонимии продуктивность основы *Vär-* (вепс. *vär* ‘кривой’) невелика, однако на востоке вепсского языкового ареала известны некоторые примеры ее употребления, в том числе и в названиях относительно больших озер, например оз. *Väräjärv*, рус. оз. *Кривое*. Кроме того, в русском Присвирье зафиксировано несколько гидронимов с основой *Vup-* (оз. *Вупозеро*, руч. *Вуруй* и др. [СГС]), которые в принципе могут представлять собой результат русской адаптации вепсской основы *Vär-*.

В русскоязычной топонимии Карелии фиксируется ряд объектов, в названии которых заманчиво видеть прибалтийско-финскую топоному *Viärä-* ~ *Vär-*: оз., дер. *Вупозеро* (Пуд, Вирозеро), оз. *Вупозеро* (Пуд, Салмозеро), оз. *Большое / Малое Вупозеро* (Пуд, Колодозеро) (рис. 42).

Примечательно при этом, что «кривые» озера представлены на территории Восточного Обонежья в оппозиции с «круглыми» и «долгими» [Захарова 2015: 89, 174]. Кроме них, на этой же территории известны и другие географические объекты, атрибутивной частью которых выступает субстратный элемент *Vup-* ~ *Vyp-*: руч., уг. *Вирручей* ~ *Вырручей* (Пуд, Колодозеро), руч. *Вироручей* (Пуд, Колодозеро), руч.,

уг. *Выраручей* ~ *Вераручей* (Шал, Каршевская), руч. *Вера* (Шал, Песчаное), уг. *Вералдина* (Шал, Каршево). Видимо, к этой же группе относится и название ручья *Виручей* в Нюхче, в южном Беломорье, а также заонежского села *Вырозеро* — старинного центра Вырозерской волости. Первые известные письменные свидетельства конца XV в. застают его уже разросшимся гнездом поселений, что косвенно указывает на более раннее, чем конец XV в., появление топонима.

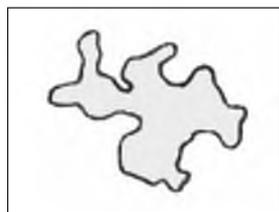

Рис. 42. Озеро
Большое Вырозеро

Помещаем здесь небольшой очерк о топониме *Вырозеро*¹⁰ как пример ареально-типологического анализа прибалтийско-финского названия, прожившего долгую жизнь в разной этноязыковой среде, сменившего объект называния, подвергшегося значительным фонетическим модификациям.

Старая Вырозерская волость, расположенная на материковой дороге из Толвиуи в Кузаранду, теперь свелась к нескольким домам. Между тем последние довоенные списки населенных мест Карелии [СНМ 1933] передают картину полнокровной жизни куста поселений, объединявшего 26 небольших деревень с общим числом дворов около 300. Некоторые из этих деревень существовали уже в XVI в., и их зафиксировали Писцовые книги от 1563 г.: «дер. на Вирозере словет Софроново» (ср. современное название деревни Софроновская), «дер. на Вирозере словет Демехово» (ср. Демеховская), «дер. на Вирозере словет Федосова» (ср. Федосова Гора) [ПКОП: 140]. Другие дожили до XX в., изменив, однако, название: дер. Клементьевская превратилась в дер. Житницкую, дер. Грихновская стала дер. Римской, а дер. Дороховская — дер. Дальним Углом (сведения приводятся по [Витов 1962: 36–53]).

Объединяющим названием куста поселений являлось *Вырозеро* или *Вирозеро* старых источников. Вторая часть сложного топонима указывает на то, что ойконим, т. е. название поселения, восходит к озерному наименованию. И здесь возникает первая загадка, связанная с названием *Вырозеро*: где располагалось озеро с таким наименованием? В окрестностях села четыре маленьких озера, но ни одно из них не называется Вырозером (рис. 43).

Из вырозерских озер самое крупное — оз. *Ганьковское* — названо по расположенной на его юго-восточном берегу деревне Ганьковской.

¹⁰ Более развернутый текст см. в [Муллонен 2008: 67–73].

Рис. 43. Куст поселений Вырозеро

Озеро разделяется глубоко вдающимся в него с южного берега мысом Ганьковский наволоок или Куннаволоок на две части: собственно Ганьковское озеро и Угольское озеро, названное по деревне Дальний Угол, расположенной на его южном берегу. В полукилometре от оз. Ганьковское на запад находится небольшое озерко *Залебежское* или *Залебяжье*, окруженное болотом *Залебяжий Мох*. С учетом закономерностей онимической номинации есть основания полагать, что озеро, на котором, по воспоминаниям местных жителей, «лебеди неслись» [КТК], первоначально называлось **Лебяжьим*, в то время как расположенное за ним обширное болото естественно воспринималось как болото «за Лебяжьим озером» и получило название *Залебяжий* или *Залебежский Мох*, которое, в свою очередь, позднее повлияло на изменение гидронима **Лебяжье в Залебяжье ~ Залебежское озеро*. К северу от Ганьковского озера находится маленькое озерко *Посула* или *Посульское*, также стекающее в озеро Ганьковское. Истоки гидронима затемнены. Наконец, четвертое вырозерское озеро — это находящееся у самой дороги глухое озерко *Никольское*, при котором в прежние годы располагался центр Вырозера, в частности Никольский погост, название которого закрепилось в лимнониме. Поэтому именно Никольское озеро местные старожилы склонны считать *Вырозером*. То, что исторически погост располагался при озере Никольском — действительно важный аргумент в пользу того, что именно отсюда, с берегов этого озера мог начинаться когда-то куст поселений Вырозера. С другой стороны, однако, безусловной, жестко детерминированной связи между местом расположения погоста и историческим зарождением поселения нет, потому хотя бы, что православные церкви и часовни — как показывает и топонимический, и этнографический материал — часто возникали в местах, бывших культовыми в дохристианское время. Последние же совсем необязательно совпадали с поселениями.

Среди вырозерских озер есть одно, название которого в качестве источника для ойконима *Вырозера* кажется более перспективным, чем Никольское озеро. Это озеро Ганьковское, которое уже сугубо по географическим соображениям, будучи значительно больше по размерам, чем маленькое Никольское озеро, и соединяющееся к тому же с местной рекой под названием Калей или Калейручей, впадающей, в свою очередь, в районе дер. Толвуя в Онежское озеро, является самым приметным в группе озер Вырозера. Есть еще одна географическая особенность Ганьковского озера, которая должна приниматься в расчет при поиске древнего озера под названием Вырозера и одновременно

при этимологической интерпретации названия. Это форма озера, представляющего собой своего рода дугу, крюк, который образуется в результате вторжения глубоко в озеро с южного берега упоминавшегося уже выше Ганьковского наволока, известного прежде также под именем Куннаволока.

В прибалтийско-финских языках понятие ‘кривой, изогнутый’ выражается, как было выяснено выше, прилагательным *väärä* (фин.), *vär* (вепс.), *viärä*, *veärä* (карел.). Эта прибалтийско-финская лексема кажется вполне реальным этимологом названия озера, и не только в контексте кривого по форме озера, но и потому, что топооснова *Väärä- ~ Viärä-*, как было показано выше, использовалась в прибалтийско-финской лимнонимии Карелии.

Наиболее уязвимое место предлагаемого сопоставления — его фонетический аспект: может ли вепсское *vär*, карельское *viärä*, *veärä* преобразоваться в русском употреблении в *вир*-? Начнем с того, что сопоставление в целом не выходит за рамки прибалтийско-финско-русских соответствий. Еще в начале столетия известный финский славист Яло Калима обратил внимание на случай передачи прибалтийско-фин. *ä* через *ы* в севернорусском *рымба́ть* ‘вязнуть в болоте’ из прибалтийско-фин. *rämpia* [Kalima 1919: 53]. Он, правда, никак особо не комментирует этот случай, который на самом деле выглядит как исключение на фоне широко известного севернорусского /*’a*/ > /*e*/, но не > /*u*/ в позиции перед мягким, а позднее по аналогии и перед твердым согласным [Образование... 1970: 17]: /п’ат’ый – п’ет’/, в/з’ат’ый – в/з’ет’/. Ср. действие этой закономерности в русской диалектной лексике прибалтийско-финского происхождения: *мянда ~ менда* (< *tända*), *нергач* (< *närhi*), *нертега ~ няртега* (< *närte*), *кебрик* (< *käbrü*), *гемеры ~ гмяря* (< *hämrä*) [Kalima 1919: 52–53]. С другой стороны, в прибалтийско-финских заимствованиях отражается и другая характерная фонетическая севернорусская особенность /*e*/ > /*u*/, ср.: *виранда, веранда* (< *veranto*), *кипина* (< *keppi*) и др. [Ibid.: 52]. В связи со сказанным для *Вырозера* из *Вирозера* можно предположить фонетическое развитие прибалтийско-фин. (вепс.) *ä* > рус. диал. *e* > *u* (> *ы*), т. е. опосредованное стадией *e*, как произошло, к примеру, в приводимых в СРГК заонежских *кибра, кибрик*, существующим наряду с *кебрик* ‘поплавок невода или рыболовной сети’ ← люд. *käbrü* или *кибалька* ‘беспалый человек’, ср. *кебали ~ кебяли* ‘руки’ ← карел. *käpälä*, люд., вепс. *käbäl* (т. е. прибалтийско-фин. *ä* → заонеж. *e* → *u*).

В свою очередь, развитие *u* > *ы* в позиции после согласного также укладывается в ранг закономерных изменений, характерных для

прибалтийско-финских заимствований. К отмеченным еще Калимой *лыва* (= *лива*), *лычма* (= *личма*), *хырзы* (= *кирза*) [Ibid.: 51] можно добавить зафиксированный в СРГК *кырка́ть* ‘кричать’ (< приб.-фин. *kirkua*) или заонежский топоним Выгачино, пролив в Онежском озере у Игатецкого острова (< приб.-фин. антропоним *Ihattu*, *Ihačču*).

С другой стороны, однако, *Вырозеро* выпадает из целого ряда заонежских топонимов с прибалтийско-финскими истоками, в которых изначальное приб.-фин. *ä* передано в русском употреблении как /'a/: *Мягрозеро*, *Сяргозеро*, *Мяндино* и др. Смущает и та многоступенчатость фонетических изменений, которая реконструирована для топонима *Вырозеро* выше. Ее, однако, можно избежать, если в качестве источника современного облика топонима *Вырозеро* предположить не вепеский (*vär*), а карельский вариант лексемы, т. е. *viärä*, *veärä*, *vierä* с более напряженным, узким звучанием первого слога. Оно в отличие от более открытого *ä* значительно легче воспринимается в русском употреблении как /'e/, которое по законам русской диалектной фонетики переходило в /u/. Выстраивая данную цепь, мы опираемся на ряд однотипных случаев в лексике и топонимике Заонежья, когда приб.-фин. дифтонги *-ie-*, *-iä-* преобразовывались в заонежское *-и-* (через стадию *-е-*): *килесы* ~ *келесы* ‘вход в конусообразную сеть с обручами’ < карел. *kieles* ‘перегородка при входе в сеть’, *пу́нуса* (*пу́нуска*) ~ *ре́нуса* < карел. *riäpöi*, *riäpiis* ‘ряпушка’, топоним *Литнаволо́к* (Унища) < карел. *liete* ‘песок, низкий песчаный берег’. Наиболее показательное сопоставление обнаруживается в самой вырозерской топонимии. Среди входивших в состав Вырозера деревень одна носит экзотическое название *Рим* или *Римская*, которое, в свою очередь, напрямую связано с наименованием обширного болота *Залебяжий* или, иначе, *Римский Мох*, на северном конце которого стояла деревня: ср. фин. *räme*, ск. *rieme*, ливв. *riemi*, люд., вепс. *rämik*, *rämegišt* ‘болото, поросшее чахлым лесом’. Показательно, что географический термин широко заимствован в севернорусские говоры в облике *ря́м*, *ря́мник*, *ремник*, *ремни́цина*, *ря́мода*, передающем приб.-фин. *ä* как /'a/, редко /'e/, но не /'u/. Причина очевидна: в русском употреблении слово попало из вепеского или близкого к нему источника. В заонежском же топониме *Рим* явно отразилось карельское звучание лексемы *rieme* с дифтонгом *-ie-*, который в Заонежье преобразился в /'u/. Добавим к этому, что на обширной территории русской Карелии и в прилегающих к ней областях указанная прибалтийско-финская лексема отражена в десятках топонимах типа *Рямега*, *Рямода*, *Рямик*, *Рямручей*, *Ремболото* и т. д. На этом фоне редкие фиксации с /'u/ типа с. *Римское*

на восточном берегу Онежского озера заманчиво связывать именно с карельской огласовкой слова.

Как согласуется предполагаемая карельская (или опосредованная карельским языковым воздействием) интерпретация топонима *Вырозера* с остальной топонимией вырозерской округи? Сохраняется ли в последней некое карельское наследие? Начнем с того, что список топонимов Вырозера, включающий более 400 названий сельскохозяйственных угодий, лесных участков, ручьев, болот, возвышенностей, мест сбора грибов и ягод и т. д., небогат на наименования прибалтийско-финского происхождения, которых в этом списке найдется не более двух-трех десятков: поляна под названием *Пелдукса* (приб.-фин. *peldo* ‘поле’), поляна *Каля*, оз. *Кальезеро*, руч. *Калей* или *Калейручей* (люд., вепс. *kal'l* ‘скала’), руч. *Кивручей* (приб.-фин. *kivi* ‘камень’), покос *Ореховщина* (приб.-фин. *oreh* ‘мерин’), покос *Кузерка* на месте бывшего пересохшего озера, что позволяет реконструировать прибалтийско-финский оригинал в виде **Kuz'ar* < *Kuz'/järv* ‘Еловое озеро’. В этом ряду своеобразным переводом прибалтийско-финского источника может оказаться название вырозерской деревни *Житницкая* (*жито* ‘всякий зерновой немолотый хлеб’ [Даль]), которая в списке середины XVI в. названа Клементьевской, а затем в течение XVII в. несколько раз *Певдуновой* («д. Клементьевская, Певдуново тож» 1620, «д. Клементьевская на Вырозере, а Житницкая Певдунова за погостом» 1628–1629, «д. Клементьевская на Выре озере, а Житницкая Певдуново за погостом тож» 1647 [Витов 1962: 52]): ср. карел. *peldo* в значении ‘растущий в поле хлеб’ [KKS]. Приведенные примеры, однако, малопоказательны в смысле карельской идентификации, т. к. допускают и карельское, и вепсское толкование. Несколько продуктивнее обращение к таким вырозерским микротопонимам, как, например, поле «на сопочке» [КТК] *Кумбышка*, в основе которого реконструируется ск. *kumbu* ‘холм, пригорок, возвышенное сухое место на болоте’. Поскольку лексема неизвестна вепским говорам и следов ее не обнаруживается в топонимии на вепсской и южнокарельской территории, можно с достаточно большой долей вероятности видеть в вырозерском топониме собственно карельское наследие. Возможно, карельская традиция отразилась в названии поля *Кортаха*, ср. карел., вепс. *korteh* ‘хвощ’. Насколько позволяет судить анализ адаптационных процессов, происходивших в результате интеграции вепсских и людиловских топонимов на *-eh* в русское словоупотребление, для последних характерен переход приб.-фин. *-eh* в русское *-ега* (т. е. *korteh* → *кортега*). Кстати, ареальная дистрибуция вариантов *кортега*

и *кортеха*, приводимая в СРГК, кажется, подтверждает предположение о преимущественно вепских и людиковских истоках *кортега* и собственно карельских *кортеха*: первая бытует в Прионежье, Пудожском и Медвежьегорском районах, вторая — в Прионежье, Медвежьегорском, Кемском районах и в Сегозерье, т. е. в более северном, смежном с собственно карельским ареале.

В контексте карельских корней есть смысл присмотреться и к названиям некоторых деревень вырозерского куста поселений. К деревне Демеховской, судя по документам XVI – начала XVII в., примыкала дер. Таруевская («д. на Вирозере Демеховская и д. Таруевска в пашне» 1563 г. [Витов 1962: 36]), в основе названия которой можно видеть карельский народный вариант *Taroi ~ Tarui* русского календарного имени Дорофей. В вепском именовании такой вариант не отразился. В середине XVII в. в Вырозере числилась «д. на Выре озере Алкутовская», наименование которой (если только мы не имеем дело с ошибкой) может восходить к имеющему скандинавские корни имени *Algot ~ Algut*, которое было в XVI в. известно, в частности, на Карельском перешейке [SN]. А ойконим Маньковская заманчиво сопоставлять с представленным в разных областях Финляндии, в том числе в карельском Северо-Западном Приладожье, антропонимом *Manko, Mankonen, Mankov* [Ibid.]. Наконец, в названии деревни Еников Угол, которое выступало в качестве варианта к ойкониму Дальний Угол, позволительно видеть карельский антропоним *Hännikkä(inen)*, широко представленный в Северо-Западном Приладожье в документах XVI в. [Ibid.].

Очевидно то, что топонимы с предлагаемыми здесь карельскими истоками возникли не одновременно. Часть из них появляется в документах явно позднее, чем в них фиксируется Вирозеро, которое известно в источниках по крайней мере с середины XVI в. Они отражают, видимо, процесс «подпитывания» (по терминологии [Агапитов, Логинов 1992: 71]) Заонежья выходцами с карельской территории.

Однако если признать карельские мотивы в этимологии топонима Вирозеро верными, то придется исходить из того, что карельское воздействие в языке и культуре Вирозера ощущалось уже до середины XVI столетия, что в целом не противоречит представлениям об относительно раннем карельском проникновении в Заонежье [Агапитов, Логинов 1992].

Каковы бы ни были конкретные прибалтийско-финские истоки топонима Вирозеро — вепскими или карельскими, — уже упоминавшийся выше факт скудного «финского» наследия в топонимии Вирозера наводит на мысль о том, что в истории этой округи прибалтийско-финская

страница не была столь значительной, как, к примеру, в соседних Кузаранде и Толвуде. Видимо, материковое Вырозеро не обладало для прибалто-финнов периода ранней экспансии такой привлекательностью, как прибрежные деревни Толвудя и Кузаранда. Прибалтийско-финские следы особенно ощутимы в последних в озерной топонимии — наименованиях заливов, мысов, островов, озерных тоней и мелей. В контексте общих тенденций этнической истории Заонежья и с учетом языковых закономерностей можно полагать, что гидроним *Вырозеро* в качестве наименования одного из озер в бассейне ручья Калейручей мог родиться уже на заре прибалтийско-финской истории края как отражение в большей степени промыслового освоения, чем сельскохозяйственного, сопровождавшегося появлением постоянного поселения. Рождение последнего в Вырозере может быть сопряжено с фактом земледельческого использования водоразделов, в котором приняло участие карельское население, откорректировавшее в соответствии со своими языковыми закономерностями традиционный, возможно имеющий первоначальные вепские корни, гидроним.

2.5.3. *Polvi-*

Своя этнокультурная история стоит за гидронимной основой *Polvi-* (фин., карел. *polvi* ‘колено’), выступающей в озерных наименованиях и характеризующей форму озер, изогнутых, как нога в колене, т. е. *Polvijärvi* ‘озеро с коленом’ и *Polvilampi* ‘лампа с коленом’ (рис. 44, 45).

Рис. 44. Озеро *Polvijärvi*

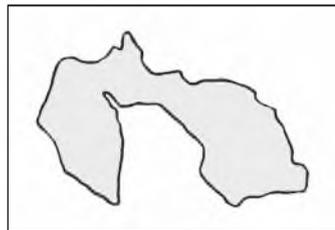
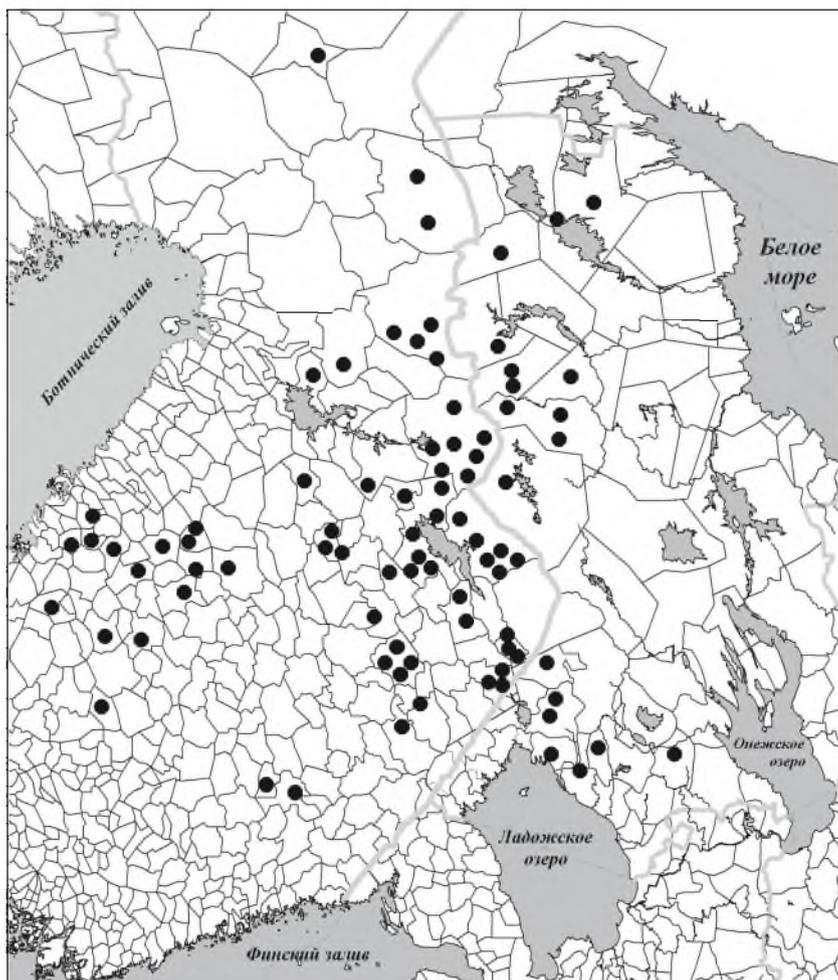

Рис. 45. Озеро *Polvilampi*

Данная модель не получила в Карелии значительного распространения, в Научной картотеке топонимов Карелии отложилось около двух десятков подобных названий, при этом привязанных к западным, приграничным территориям (карта 12).

Карта 12. Ареал гидронимной основы *Polvi-*

Основа привлекла в свое время внимание известного финляндского топонимиста Э. Кивиниеми, который установил два ее независимых ареала — один на западе, другой на востоке Финляндии — и признавал карельские истоки восточной модели [Kiviniemi 1977: 113]. Однако наш материал заставляет усомниться в этом. Дело в том, что модель полностью отсутствует на традиционной карельской территории Северо-Западного Приладожья (что, кстати, отмечает и сам Э. Кивиниеми),

где происходило на рубеже I и II тыс. н. э. формирование карельского этноса. Зато она обнаруживается в северо-восточном углу ладожского побережья, которое в силу природных условий, как известно, не входило в ареал первоначального карельского расселения. Освоение этой пустынной территории начинается, видимо, только в XV–XVI вв., с одной стороны — с северного побережья Ладожского озера, с другой — с территории ливвиковского Сямозерья [Nämunen 2011: 25]. При этом еще к началу XVII в., когда все Приладожье оказывается в составе Швеции и сюда устремляется поток переселенцев саво с территории восточной Финляндии, этот угол не был, в отличие от более западного участка Приладожья, в должной степени освоен. Логично поэтому полагать, что появление здесь «коленных» лимнонимов *Polvijärvi* и *Polvilampi* обусловлено как раз притоком саволаксов, принесших с собой названную модель озерных наименований. Осевшие здесь саволаксы помечают вновь освоенные территории своими топонимическими метками. В этом контексте понятно отсутствие модели на традиционной карельской земле в Северо-Западном Приладожье, хорошо освоенном топонимически карелами уже до прихода саволаков: озера и даже менее значимые ламбы были уже названы, и вновь прибывшее население воспользовалось готовыми карельскими топонимами. В качестве доказательства «некарельскости» модели стоит обратить внимание и на такой критерий возраста названий, как размер озер. Все известные нам в Карелии водоемы с названиями *Polvijärvi* и *Polvilampi* очень невелики по размерам, в то время как на смежной территории восточной Финляндии их размер «больше среднего» для этого региона [Kiviniemi 1977: 112]. Озера больших размеров названы в целом раньше, чем маленькие, и в соответствии с данной закономерностью приладожские «коленные» топонимы вторичны по отношению к собственно саволакским в восточной Финляндии. Кстати, и западно-финский ареал гидронимной основы *Polvi-*, выявленный Э. Кивиниеми, в действительности может иметь саволакские истоки, поскольку он накладывается в значительной степени на район т. н. саволакского клина, глубоко вторгающегося в западнофинский языковой ареал и образовавшегося в ходе продвижения саво вдоль древнего транзитного пути, ведущего к Ботническому заливу.

Анализ ситуации в Приладожье проясняет и истоки тех немногочисленных «коленных» лимнонимов, которые отражены на топонимической карте в других районах Карелии. Показательно, что модель малопродуктивна на территории средней Карелии, вдоль путей карельской экспансии XV–XVII вв., что в очередной раз свидетельствует

о некарельском ее происхождении. В то же время она воплотилась в одиночных лимнонимах западных районов Беломорской Карелии, где отмечены и другие саволакские топоосновы [Кузьмин 2011], доказывающие приток сюда некоторого количества восточнофинского населения.

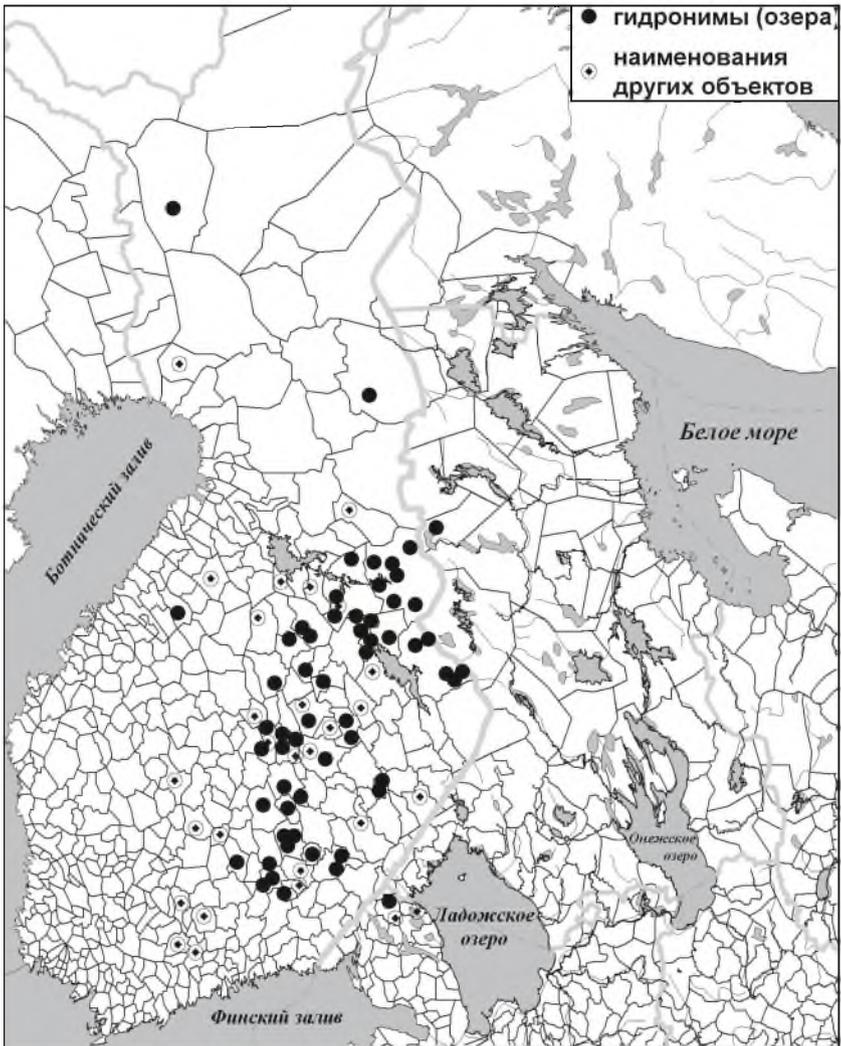
2.5.4. *Kolmisoppi, Kolmikolkka*

На территории восточной Финляндии хорошо известна также лимнонимная модель *Kolmisoppi*. При этом ее распространение четко очерчено границами бытования говоров диалекта саво (карта 13), что свидетельствует о том, что данная топонимная модель имеет саволакские корни.

Топооснова *Kolmisoppi* восходит к сложному по структуре слову *kolmisoppi* со значением 'треугольный; с тремя углами'. Во всех случаях речь идет о небольших по размерам озерах, которые по форме напоминают треугольник, что подтверждается как объяснениями информантов, так и формой самих объектов (рис. 46, 47).

Небольшие размеры объектов с названием *Kolmisoppi* могут косвенно указывать на относительную молодость модели, но, по мнению Э. Кивиниеми, существует еще одно объяснение: треугольную форму можно увидеть лишь у малых объектов [Kiviniemi 1977: 68].

В Карелии зафиксировано только одно название рассматриваемого типа — это озеро *Kolmisoppi* в окрестностях деревни Контокки (Ухт). При этом присутствие модели в западной части Беломорской Карелии укладывается в рамки единого с Финляндией ареала. Таким образом, приведенный топоним имеет те же истоки, что и соответствующие названия в Кайнуу и финляндской Северной Карелии (район озера Пизлинен), и не противоречит предположению о появлении названий в результате отселения населения из Саво. Выше уже отмечалось, что саволаксы начинают осваивать территорию Кайнуу со второй половины XVI в., при этом основная масса населения переселяется туда на протяжении XVII в. [Räisänen 1990: 107]. Именно к этому времени можно отнести и появление названия *Kolmisoppi* в окрестностях деревни Контокки. Записанное в деревне Контокки предание о роде Петровых, переселившихся в Беломорскую Карелию из Финляндии, служит дополнительным подтверждением нашему предположению. В Контокки Петровы традиционно проживали в части деревни с названием *Mäkälä*. Согласно же данным топонимического архива Финляндии, название *Mäkälä* фиксируется в топонимии Финляндии единожды в приходе

Карта 13. Ареал модели *Kolmisoppi*

Рантасалми в Пиен-Саво: мыс *Mäkkälänniemi*. Таким образом, можно предположить, что именно представители рода Петровых принесли некогда топоним *Kolmisoppi* с собой из Саво в Карелию.

Кроме названий *Kolmisoppi*, в топонимии Финляндии имеются и другие топонимы, содержащие основу *Kolmi-* ‘тре(угольный)’, например *Kolmikanta*, *Kolminurkka*, *Kolmihaara*, *Kolmikolkka*, но все они представлены немногочисленными примерами [Kiviniemi 1977: 76].

В топонимии Карелии известно также несколько озер с названием *Kolmikolkka* / *Kolmikokka(ne)*: оз. *Kolmikolkka* (Ухт, Контокки), оз. *Kolmikolkka*, оз. *Kolmikokkane* (Петр, Поросозеро), оз. *Kolmikolkka* (Ф, Соанлахти), оз. *Kolmikolkka* (Ф, Сортавала): *-kolkka* ‘угол’. Все озера этой группы отличаются небольшим размером, а по форме идентичны озерам с названием *Kolmisoppi* (рис. 48, 49).

Можно полагать, что модель *Kolmikolkka* является карельской по своим истокам, поскольку практически не известна на территории Финляндии, и представляет ареальную оппозицию саволакской модели *Kolmisoppi* (карта 14).

По-видимому, наравне с *Kolmisoppi* и *Kolmikolkka* стоит отметить и модель *Kolmikanta* ~ *Kolmekanda(ne)*, которая представлена несколькими названиями, рассредоточенными по территории Карелии. Среди

Рис. 46. Озеро *Колмисоппи*

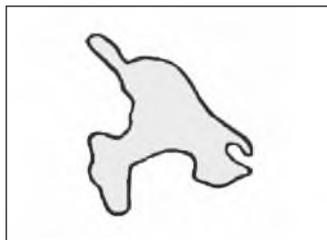

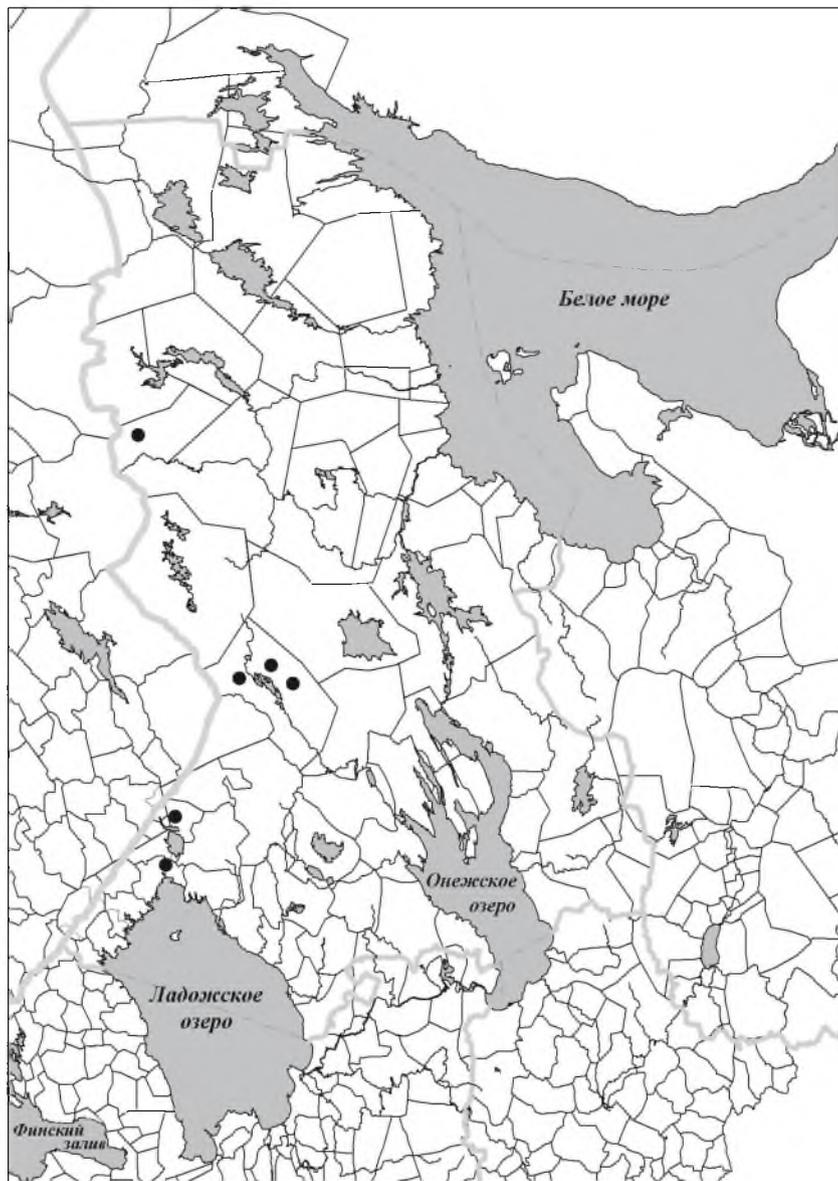
Рис. 47. Озеро *Колмисоппинен*

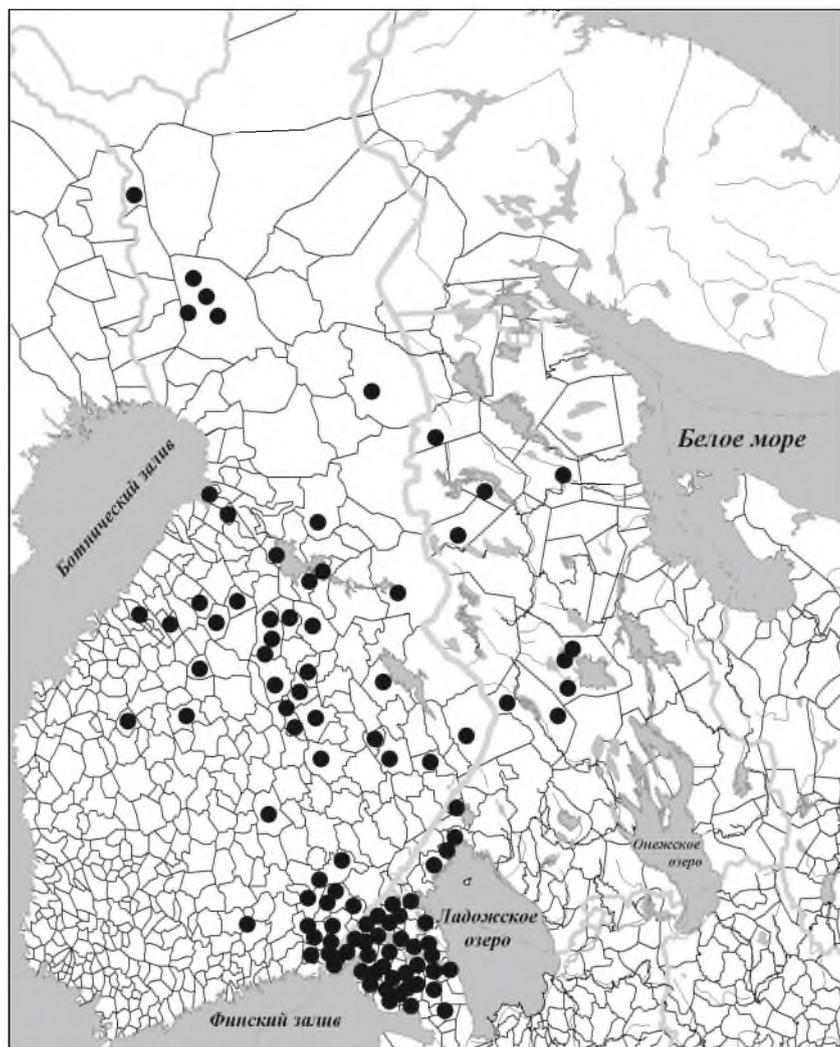
Рис. 48. Озеро *Колмиколкка*

Рис. 49. Озеро *Колмекоккане*

Карта 14. Ареал топонимы *Kolmikkolka(ne)*- в Карелии

Карта 15. Ареал модели *Kolmikantha*

них: мысы *Kolmikanda(ne)* (Ухт, Вонгозеро; Кемир, Кургиево), р. *Kolmi-kannanjogi* (Ухт, Вонгозеро), ур. *Kolmikanta* (Ухт, Тихтозеро; Ухт, Алозеро; Сегоз, Петров Наволок; Видл, Пульхойла; Видл, Канабра), возвышенности *Kolmekanda(ne) ~ Kolmekannanselgy* (Видл, Кукойвара; Олон, Малые Сельги), берег *Kolmekandane* (Сегоз, Юккогуба), зал. *Kolmekanda* (Сегоз, Сельги), перекрестки дорог *Kolmikanda ~ Kolmekandane* (Медв, Совдозеро; Петр, Витчавара): карел. апеллятив *kolmikanta ~ kolmikanda* ‘треугольный, в виде треугольника’ [KKS].

Топонимы *Kolmikanta* восходят к сложному по структуре слову, у которого в топонимии несколько значений: место соединения трех границ; перекресток трех дорог или пересечение трех рек (ручьев); объект, напоминающий треугольник, или объект с тремя углами; группа из трех объектов. Судя по нашим данным, мотивы номинации различаются. К примеру, известно, что на территории средней Карелии модель использовалась главным образом в названиях перекрестков дорог, мотивом же именованья мыса *Kolmikandane* в озере Кургиевском послужила именно его треугольная форма.

На карте видно, что основной ареал модели *Kolmikanta* находится на Карельском перешейке (карта 15), откуда она распространяется в разных направлениях, проникая и на территорию современной Карелии. В отличие от названий, зафиксированных в южной и средней Карелии, куда они могли проникнуть с населением непосредственно с территории Карельского перешейка, топонимы *Kolmikanda ~ Kolmikanta* в Беломорской Карелии прошли более долгий путь из Приладожья через территорию восточной Финляндии.

2.6. Образная номинация в обозначении формы географического объекта

Идентификация географических объектов по форме присуща топосистемам разных языков и в этом смысле является универсальной. За ней стоят определенные визуальные образы, свойственные разным культурным традициям. Она характерна прежде всего для небольших по размерам, «обозримых» объектов — островов, малых озер, сельскохозяйственных угодий и др., форма которых в силу малого размера объекта просматривается, осознается носителями топонимической системы и используется ими в процессе номинации.

В числе тополексем, характеризующих форму объектов, можно выделить, с одной стороны, те, в которых предложена прямая характери-

стика (*Кривой порог, Круглая ламба*), с другой — целый ряд метафорических, представляющих образное видение.

Образность как одна из устойчивых особенностей топонимии неоднократно отмечалась исследователями топонимических систем разных языков. Нам наиболее близки позиции уральской ономастической школы, установившей набор конкретных моделей образной номинации для традиционной севернорусской ономастической (в том числе топонимической) системы и показавшей связь ономазиологических образных моделей с концептами народного мировидения [Рут 1994; Березович 2009; 2010]. Уральскими коллегами разработаны и принципиальные положения специфики номинативных традиций в разных языках и национального своеобразия топонимических метафор создателей топонимов [Матвеев 2006]. Предложена и интерпретация некоторых конкретных субстратных метафорических моделей Русского Севера, имеющих аналоги в прибалтийско-финской топонимии Карелии [Кабинина 2011а].

Количество образных топонимов невелико. К примеру, в карельской топонимической системе они составляют около 2 % всех зафиксированных здесь названий. Однако в силу значительного гносеологического потенциала эта группа топонимов исключительно значима. Она лучше других топонимических групп позволяет выявить особенности восприятия мира номинатором.

Выборка материала из картотеки и ГИС «Топонимия Карелии» показала неравномерное распределение метафорических топонимов, отражающих форму объекта¹¹ на карте Карелии. Они явно более продуктивны в карельской топонимической системе, чем в вепсской. В самой же карельской топонимии их активность падает при продвижении с севера на юг — из собственно карельского языкового ареала на территорию, населенную носителями ливвиковского и людиковского наречий. Видимо, эта ситуация вызвана несколькими обстоятельствами. Свою роль сыграла разница в ландшафте: с одной стороны, относительно плоская, без ярко выраженных особенностей в рельефе территория южной Карелии, с другой — центр и север края с обширными озерами, характеризующимися изрезанной береговой линией, с «вааровым», т. е. изобилующим лесистыми горами, и скалистым ландшафтом. Сам рельеф провоцировал образную номинацию. Не менее, а даже, очевидно, более существенное значение имела та разница в освоении и использовании пространства, а значит, и в его народном

¹¹ Этот вывод, очевидно, касается и других групп образных топонимов.

видении, которая отличает северную Карелию от южной. Заселение карелами центральной и северной Карелии (собственно карельский ареал) происходило первоначально в рамках промыслового освоения, и промыслы до сих пор продолжают играть существенную роль в экономике этого края. Промысловое освоение способствовало сохранению мифологических представлений и связанного с ними образного видения. Южная же Карелия, населенная карелами-ливвиками и карелами-людиками, как и вепсский ареал, — это преимущественно аграрный регион, что обуславливало прагматический подход к местности как к объекту сельскохозяйственной деятельности. Однако помимо особенностей географической среды и специфики в освоении края, хозяйствования и быта должны, видимо, учитываться и отличия в образном восприятии мира у разных народов, этническая психология, о чем писал в свое время А. К. Матвеев [Матвеев 2006: 112]. Надо полагать, что карелам в большей степени, чем, например, вепсам, была присуща яркая образность мировосприятия, воплотившаяся в том числе в богатейшей фольклорной традиции. Показательно в связи с этим, что многочисленные метафорические топонимы были зафиксированы на исторической собственно карельской территории в Северо-Западном Приладожье [Nissilä 1975], притом что это был традиционно сельскохозяйственный регион. Впрочем, нельзя исключать и того, что в силу большей древности вепсской топонимии на территории южной Карелии первоначально присущая ей образность оказалась сглаженной и утраченной.

Материалы содержат некоторое количество бинарных (парных) образных корреляций и многочленных систем, однако основу составляют одиночные метафоры.

Источником образности в случае одиночных метафор чаще всего служит предметный мир, окружающий человека в повседневной жизни — посуда, одежда, орудия труда. Из орудий труда наиболее востребованным оказывается *kirvez* ‘топор’: *Kirvesjärvi*, *Kirvezjärvi* (*järvi* ‘озеро’) и *Kirvezlambi* (*lambi* ‘небольшое лесное озеро’), *Kirvezniemi* (*niemi* ‘мыс’). Такие названия более часты в собственно карельском ареале, хотя встречаются реже и в остальном карелоязычном, а также (спорадически) и в вепсском ареале. В пояснениях информантов превалируют два мотива названия: или озеро по форме напоминает лопасть топора (что в целом подтверждается видом озер на топографических картах (рис. 50)), или в озере утопили топор (что вписывается в традиционный фольклорный сюжет и, видимо, лишь в исключительных случаях имеет реальную подоплеку).

В топонимии сохраняется память и о боевом топоре с широким лезвием, названном в собственно карельских говорах русским заимствованием *tappara*: оз. *Tapparalambi*, зал. *Tapparaguba*, руч. *Tapparaoja*, бол. *Tapparasuo*, г. *Tapparavuara* (Сегоз, Топорная Гора), руч. *Tapparaoja* (Кемир, Пибозеро), о. *Tapparasuaret* (Лоух, Пильдозеро). Из других рабочих орудий известны *labie* ‘лопата’: оз. *Labiejärvi* (Тунг, Березовый Наволок), мель *Labiekorgo* (Тунг, Летнее Озеро), бол. *Labiesuo* (Ругоз, Минозеро), бол. *Lapiešuo* (Кест, Зашеек); *vasara* ‘молоток’: оз. *Vasaralampi* (Ухт, Кентозеро), зал. *Vasaralakši* (Ухт, Колвасозеро), уг. *Vasarpelto* (Ухт, Луусалми); *kurikka*, *kurik* ‘колотушка для колки дров’: оз. *Kurikanlammit* (Сегоз, Сельги), оз. *Kurikkalambi* (Медв, Совдозеро) (рис. 51), бол. *Kurikkašuo* (Кемир, Панозеро), мыс *Kurikniemi* (Конд, Лижмозеро); *viikateh* ‘коса-горбуша’: оз. *Viikatehjärvi* (Тунг, Коссозеро); *tervaparčča* ‘кисть для смоления’: мыс *Tervaparčča* (Ухт, Ухта); *jouži* ‘охотничий лук’: оз. *Joužarvi* (Ругоз, Евжезеро); *kovažin* ‘точильный камень’: о. *Kovažinsuari* (Олон, Мегрозеро); р. *Kovažinjogi* (Видл, Колатсельга); *huuhmar* ‘ступа’: г. *Huuhmarselgy* (Видл, Заячья Сельга); *piihtet* ‘клещи, шипцы’: зал. *Piihtlahti* (Сямоз, Пихтолахта).

При этом очертания названных предметов отчетливо просматриваются в формах озер на топографических картах: залив *Piihtlahti* окружен полукруглыми мысами, напоминающими концы шипцов, озеро *Viikatehjärvi* повторяет очертания косы-горбуши с короткой изогнутой ручкой и длинным ножом и т. д.

Для описания формы объекта нередко выбираются предметы утвари — столовые приборы и емкости.

Термин *kattila*, *kattil* ‘кастрюля, котел’ востребован, с одной стороны, в названиях небольших водоемов, круглых по форме и относительно глубоких, с другой — в названиях речных порогов. Если в озерах и озерных заливах на первый план выходит мотив формы, то в порогах и лудах — образ кипящей в котле воды: падающая с высоты или омывающая луду вода бурлит под порогом или на камнях. Примеры:

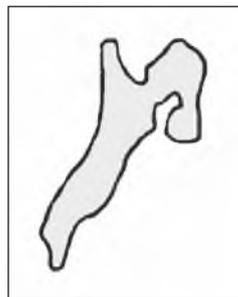

Рис. 50.
Озеро *Kirvesjärvi*

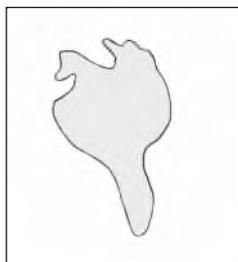

Рис. 51.
Озеро *Kurikkalambi*

луда *Kattilluodo* (Видл, Корбинаволок), зал. *Kattilaine* (Сямоз, Акимова), зал. *Kattilaguba* (Свят, Святозеро), оз. *Kattilalampi* (Ухт, Ухта), порог *Kattilakoski* (Ф, Салми). Впрочем, топооснова бытует и в названиях объектов другого рода, и в них реализованы иные мотивы номинации: уг. *Kattiluhuuhtu* (Видл, Нялмозеро): *-huuhtu* ‘подсека’, г. *Kattilumägi* (Видл, Колатсельга): *-mägi* ‘гора’ и др.

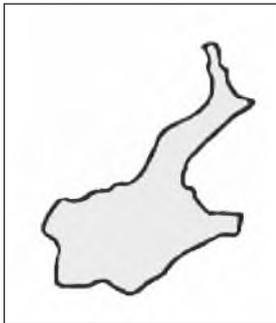

Рис. 52.
Озеро *Коххаярви*

Образ наполненной водой посуды лежит и в основе озерных наименований *Kapustajärvi* и *Kapustalambi*: ск. *kapusta* ‘деревянный черпак, половник’ (< рус. диал. *копытка* ‘мешалка, которой размешивают еду для свиньи’ [SSA]), а также *Kauhalambi*: ск. *kauha*, ливв. *kauhu* ‘ковш для воды’. Судя по абрису названных озер на топографических картах, они напоминают очертаниями береговой линии поварешку или ковш с ручкой (рис. 52). На ручке как существенном элементе образа заостряют внимание названия залива *Kauhavarrenlakši* (Тунг, Кевятозеро) и возвышенности *Kauhavarzi* ‘ручка ковша’ (Кемир, Ригорека). В русской Карелии на Заонежском полуострове известно озеро с названием *Ковшозеро* (Шунг, Фоймогуба), по форме — это действительно ковш с узким длинным заливом в виде ручки ковша, что отмечают и информанты: «Енарская речка [приток Ковшозера] — она в ручку ковша (т. е. в длинный залив озера, напоминающий по виду ручку ковша) падает» [КТК]. В контексте мощного прибалтийско-финского субстрата в топонимии Заонежья, а также с учетом сложной структуры названия для *Ковшозера* вполне реально реконструировать прибалтийско-финский оригинал — исходя из узкой длинной «ручки», скорее в виде *Kapusta-*, чем *Kauhajärvi*.

Возвышенности с крутыми склонами ассоциируются в карельской топонимической традиции с перевернутой чашей: карел. *mal'la*, *mal'lukka* ‘глубокое блюдо, миска, чашка (обычно деревянные)’. Судя по карте бытования, модель могла сформироваться в карельском Приладожье — на коренной карельской территории, где фиксируется неоднократно. Оттуда по путям карельской экспансии она продвинулась на северо-запад, отметившись в Поросозерье и Сегозерье названиями г. *Mal'lavaara* (Петр, Кудомгуба), оз. *Mal'lajärvi* (Петр, Витчавара; Сегоз, Каличий Остров), а затем в Беломорской Карелии, где воплотилась в названиях гор *Mal'lakka* и *Mal'lavuara*, а также озерной отмели

Mal'lakorko (Кест, Кестеньга; Кемир, Маслозеро), уг. *Mal'likka* (Тунг, Шуезеро). С карельскими переселенцами модель дошла до Карельского берега Белого моря: горы *Бережная Малья* и *Морская Малья* (Сорок, Колежма), г. *Малья ~ Марья* (Канд, Ковда). Карельским наследием являются и названия гористого острова *Мальяки* с вариантами *Мальячки* и *Марьячки* (Велик, Великая Губа), уг. *Мальяха* (Шунг, Кузаранда), г. *Малля* в Прионежье (Прион, Суйсарь), а также г. *Мальян* (< *mal'lain* 'небольшая чаша или миска') на южном берегу Онежского озера в Вытегре.

В ряду «посудных» и связанных с домашней утварью топонимов оз. *Riehtilämpi* (Ухт, Костомукша): *riehtilä* 'сковорода'; отмель *Kalavakkakorgo* (Тунг, Березовый Наволок): *kalavakka* 'корзина для рыбы'; зал. *Puzuguba* (Конд, Тавойгора), бол. *Puzusuo* (Олон, Самбатукса), г. *Puzusel'g* (Петр, Курганова Сельга): *puzu* 'берестяной туюсок, черпалка'; о. *Padasuari* (Видл, Каппа), оз. *Padarvi* (Сямоз, Чуралахта), оз. *Padalampi* (Сямоз, Вешкелища; Свят, Шомба; Свят, Улялега), бол. *Padasuo* (Видл, Кинерма), порог *Puankoški* (*pada* — ген. *puan*) (Ругоз, Чирка-Кемь): *pada* 'горшок, чугунок'; оз. *Kulhonlampi* в Северном Приладожье (Ф, Кааламо): *kulho* 'миска'; бол. *Rovehsuo* (Олон, Гушкала): *roveh* 'кузовок из одного куска бересты'; г. *Kaššalimägi* (Петр, Юркостров), скала *Kaššalikallivo* (Видл, Сона), мыс *Keššelinniemi* (Видл, Аги), мыс *Keššeliemi* (Тунг, Шуезеро), камень *Keššelikivi* (Ухт, Костомукша), о. *Keššeliuari* (Ухт, Аккала), место *Keššelimua* (Кест, Соколозеро), уг. *Kivikeššelinurmi* 'покос каменного кошеля' (Медв, Чумойгора): *kaššali*, *keššeli* 'кошель из бересты'.

Из столовых приборов востребован прежде всего нож: *veičči* 'нож' и *puikko* 'финский нож' характеризуют узкие и длинные по форме объекты (рис. 53): о. *Veiččiuari* (Канд, Нильмозеро), зал. *Veiččilakši* (Лоух, Булдыри; Тунг, Кевятозеро), оз. *Veiččilampi* (Петр, Ватчела), зал. *Veiččilahti* (Петр, Мьярандукса), уг. *Veiččiorgo* (Олон, Утозеро); уг. *Puikkonurmi* (Ухт, Поньга-губа), порог *Puikkokoški* (Ухт, Ченозеро). В этом же ряду *luzikku* 'ложка': бол. *Luzikkusuo* (Видл, Рогокоски).

Предметный «кухонный» мир продолжают некоторые названия выпечки с характерной формой: возвышенность *Kalakukkovuara* (Кемир, Рудометово): *kalakukko* 'рыбник'; о. *Кан-*

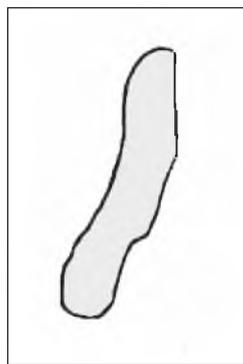

Рис. 53.
Озеро *Veiččilampi*

sikassaari в Северном Приладожье и четырехугольное по форме озеро *Kannikazlambi* (Сямоз, Корза): *kannikaz* ‘горбушка хлеба’; оз. *Kakkarlambi* (Петр, Ватчела), оз. *Kakkaralampi* (Ухт, Костомукша), зал. *Kakkaravengi* (Ухт, Юшкозеро): *kakkaru* ‘тонкий овсяный блин’ (ср., однако, *kakkara*, *kakkaraini* ‘кувшинка’); о. *Kringel’suor* (Конд, Лижемозеро): *kringel* ‘баранка’; уг. *Virmukanniityt* (Олон, Утозеро): *virmukku* ‘крендель, баранка’; оз. *Pyöräkkölambi* (Петр, Вохтозеро), уг. *Pyöräkköpellot* (Сямоз, Плянка), уг. *Pyöräkkö ~ Pyöräkönpellot*, бол. *Pyöräkönsuo* (Сямоз, Нижняя Салма): *pyöräkkö* ‘круглый пирог с начинкой’; луда *Kurnikkuluodo* (Петр, Вохтозеро): *kurnikku* ‘рыбный пирог’; о. *Kalačunsaari* (Видл, Аги): *kalačču* ‘калач’; луда *Kalkačču* (Видл, Юргилица): *kalkačču* ‘черствый засохший хлеб’; уг. *Kokoihalme* (Петр, Ватчела), г. *Kokoinmägi* (Олон, Лумбозеро), уг. *Kokoinpergo* (Видл, Гавриловка): *kokoi* ‘овсяный хлебец продолговатой формы’.

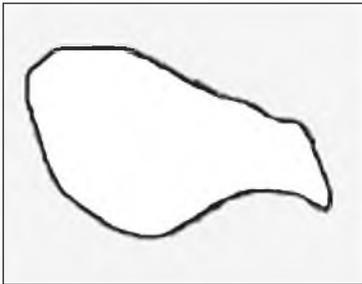

Рис. 54. Остров *Kokkosuari*

Последняя основа требует более детального рассмотрения. В Карелии и Финляндии нередки островные топонимы *Kokkosaari*, *Kokkosuari*, *Kokoisuari*, *Kokonsuari*, *Кокостров* (рис. 54).

Лексема *kokko* (фин., ск.), *kokoi* (ливв., люд.) многозначна и включает целый спектр значений, каждое из которых может в принципе выступать в качестве топоосновы:

1) костер, особенно тот, который жгут в ночь на Иванов день; 2) специальное сооружение из сучковатых стволов для сушки гороха и бобов; 3) маленький, продолговатой формы хлебец с начинкой из каши, который входил обычно в будничные рацион (популярен в устойчивых выражениях, в том числе *viärpäid kokoi* ‘кривой, с загнутыми концами хлебец’); 4) в ливвиковских и людиловских говорах слово бытует и в значении ‘кукиш’ [KKS; SMS]. Кроме того, в собственно карельском языковом ареале известен омоним *kokko* ‘орел’, также востребованный в топонимии. Какое же из обозначенных здесь значений закрепилось в островных топонимах? Чтобы ответить на этот вопрос, следует для начала сопоставить топонимный ареал с лексическим. Оказывается, в одних случаях лексический ареал уже топонимического (кукиш, сооружение для сушки гороха, орел), в других, наоборот, шире топонимического (костер). А вот в случае семантики ‘хлебец’ происходит довольно последовательное наложение,

совпадение лексического и топонимического ареалов — Карелия и восточная Финляндия. Это обстоятельство заставляет присмотреться к данной связке внимательнее, тем более что обращение к топографическим картам позволяет наметить еще одну показательную деталь. В картотеке топонимов Карелии представлено около двух десятков островных наименований *Kokkosuuri*, *Kokoisuuri*, *Kokonsuuri*, *Кокостров*, в картографическом интернет-ресурсе kansalaisen.karttapaikka.fi, на котором выложены топографические карты Финляндии, островов с названием *Kokkosaari* более 60, *Kokonsaari* — свыше десятка. При этом по форме они схожи: речь идет о маленьких продолговатых островах, нередко с заостренным кривым концом (концами). Такая характеристика позволяет предполагать метафорический характер топоосновы, создатели топонима использовали образ традиционного для их культуры небольшого хлебца для передачи формы острова. Возможно, актуализирована также такая особенность хлебца, как утолщение посередине: насколько позволяет судить отмеченный на топографических картах рельеф, острова, в названиях которых присутствует топооснова *Kokko-*, *Kokoi-*, нередко отличает возвышенный характер центральной части острова и пологие склоны от центра острова к побережьям. В данном контексте показательны и то, что выявленная топооснова вписывается в ряд других, выраженных лексемами, обозначающими разного рода традиционную выпечку (см. выше). Естественно, что, будучи представленной в карельских и восточнофинских говорах, лексема получила здесь же и топонимическое бытование. Впрочем, топонимический ареал несколько шире собственно языкового, что может свидетельствовать о более широком представительстве карельского языкового элемента как на западе, так и на востоке от современного ареала. Так, на длинном узком острове с названием *Кокостров* располагается исторический центр большого села Шуньга в русском Заонежье, свидетельствуя о карельской странице в истории этой территории. Здесь же, в Заонежье, известны остров *Кокостров* или *Коккой* в Уницкой губе, остров *Кокуй* в Вегоруксе, по форме идентичные шуньгскому *Кокострову*. На этом фоне заметно отсутствие данной модели в Пудожье, что, видимо, связано с более слабым карельским представительством здесь, чем в Заонежье. Пудожье исторически входило в зону вепских интересов, и отсутствие здесь данной топоосновы согласуется с ее отсутствием и на собственно вепской территории.

Помимо островных названий, топооснова *Kokko-* довольно широко бытует и в наименованиях других объектов — небольших озер (лаб), озерных заливов и мысов, а также возвышенностей. Предварительный

анализ свидетельствует о том, что в лимнонимии в качестве мотива номинации также нередко использована форма небольших объектов, при этом помимо семантики ‘хлебец’ в южной Карелии возможно также значение ‘кукиш’ (для округлых ламб, имеющих хорошо выделяющийся длинный узкий залив). В то же время в наименованиях гор (*Kokkovuara, Kokkovuori, Kokkomägi, Kokkoselgy*) воплощена, видимо, другая семантика ‘орел’ (ср., к примеру, в южном Заонежье гора *Орловец* [Муллонен 2013: 43, 134] — возможно, калькированный топоним), а также ‘костер’. Характерно, что их ареал явно отличается от ареала, который формируют названия островов, покрывая, к примеру, всю территорию Финляндии, в то время как островная модель представлена практически исключительно на востоке территории (по материалам ресурса kansalaisen.karttaipaikka.fi). За разными ареалами явно стоит разное содержание.

Метафора формы скрывается и в названиях болот *Käzipaikkusuo* (Свят, Пряжа) и *Käzipaikansuo* (Петр, Кончезеро): *käzipaikku* ‘полотенце’. В этом контексте и при отсутствии соответствующего русского ряда название озера *Полотенце* в русском Заонежье (Шунг, Чужмукса) следует, видимо, считать переводным.

Выразителен образ кантеле (карел. *kanteleh*), отраженный в названиях ряда небольших по размеру и действительно имеющих форму этого национального музыкального инструмента объектов (рис. 55, 56).

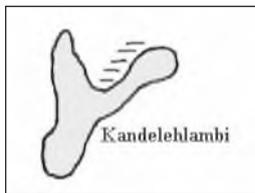

Рис. 55. Озеро *Kantelehlambi*

Рис. 56. Остров *Kantelesaari*

Тополексемы *kantele* и *kannel* хорошо известны в юго-восточной Финляндии, в том числе на Карельском перешейке — на исторической карельской территории, где неоднократно отмечены озера *Kanneljärvi, Kannelampi*, мыс *Kannelniemi* и, соответственно, озера *Kantelejärvi*, острова *Kantelesaari*, мысы *Kanteleniemi*, заливы *Kantelelahti*. В Карелии выявлено несколько разрозненных топонимов, раскиданных на обширной территории карельского расселения: руч. *Kantelejoja* (Ухт,

Юшкозеро), мыс *Kandelehniemi* (Реб, Колвасозеро), зал. *Kandelehlakši* (Реб, Реболы), оз. *Kandelehlambi* (Петр, Юркостров), г. *Kandelehselgy*, бол. *Kandelehsuo* (Олон, Улваны), мыс *Kandelniemi* (Сязоз, Савиново), оз. *Кандольское* при устье реки Свири. Знаменательно, что ареал продолжается на восток и отражает, очевидно, карельское продвижение в Архангельское Поморье. В материалах Картотеки топонимической экспедиции Уральского университета представлено по крайней мере два озерных наименования: оз. *Канделье* — в связке с оз. *Кривое* в Онежском районе [Кабинина 2013: 69], и оз. *Кандело* (А, Пин, Пильегоры).

В топонимии Карелии широко представлена топооснова *Lyly(s)- / Люль-*, восходящая к прибалтийско-финской лексеме (карел. *lyly* ‘комель, крень; длинная лыжа для левой ноги, изготовленная из косослойного дерева’, вепс. *hül’u* ‘крень (крепкая древесина, которая образуется в стволе хвойного дерева, согнувшегося во время роста)’) и метафорически передающая изогнутую форму объектов (рис. 57, 58, 59).

Топонимическая карта показывает (карта 16), что названия данного типа концентрируются в западной и восточной частях современной Финляндии, при этом указанная топооснова в наименованиях водных объектов (к этой группе также относятся названия островов, мысов, заливов) преобладает в восточной части, что позволяет связать появление топонимной модели *Lyly(s)- / Люль-* на территории Карелии и Архангельской области с оттоком населения из восточной

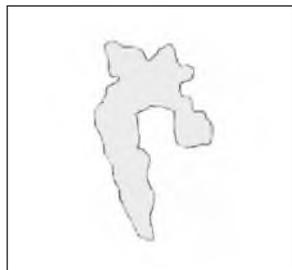

Рис. 57. Озеро *Lylylampi* (Финляндия, Иломантси)

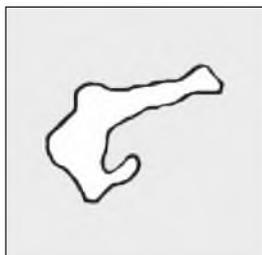

Рис. 58. Остров *Люльостров* (Карелия, Пудожский район)

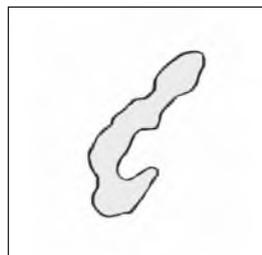
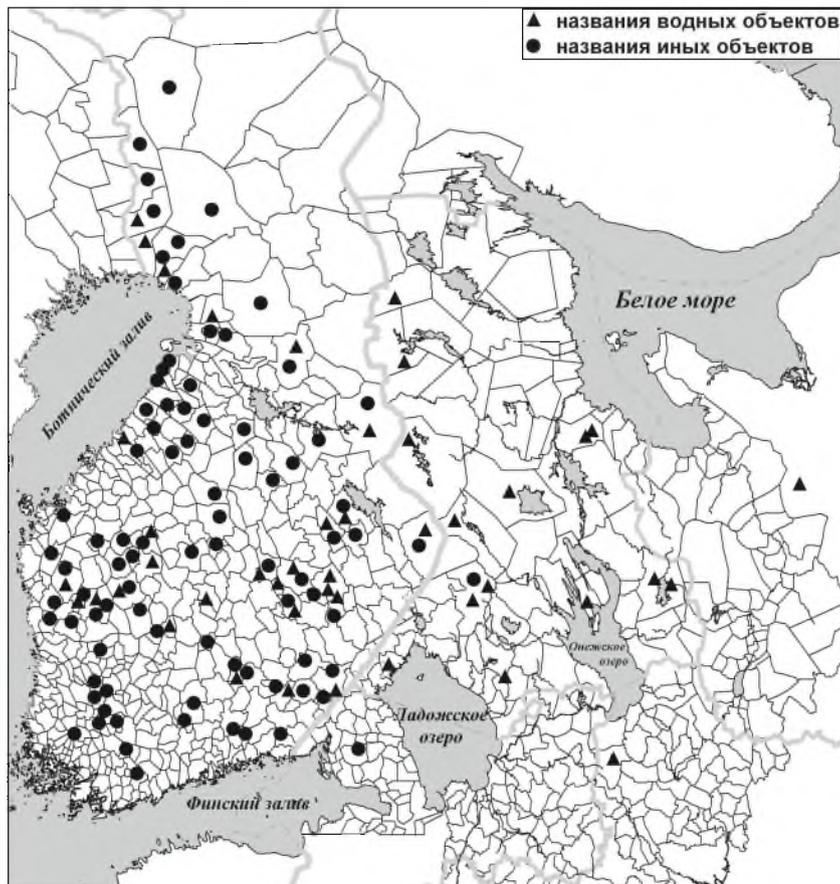

Рис. 59. Озеро *Люль* (Архангельская область, Плесецкий район)

Карта 16. Ареал топоосновы *Lyly(s)*- / Люль-

Финляндии. В Карелии и Архангельской области данная модель фиксируется в основном в названиях водных объектов, ср. оз. *Lylyjärvi* (Реб, Ровкула), оз. *Lylyvengi* (Сегоз, Хирвиниеми): *-vengi* 'изгиб, поворот; протока между озерами; залив', о. *Lylysuari* (Ухт, Хяме), порог *Lylikoski* (Ухт, Хяме), зал. *Lylylaksäi* (Ухт, Вокнаволок), оз. *Lylyezero* (Сорок, Ендогуба), р., уг. *Lylyareka* ~ *Lylyezreka* ~ *Lylyä* (Сорок, Ендогуба), мыс *Lylyniemi* (Петр, Соймигора), о. *Lylyostrov* (Пуд, Гумарнаволок), о. *Lylyostrov* (Пуд, Большой Куганаволок), оз. *Lylyä* (А, Плес, Обозерский) и др. Кроме того, на карте проявляются пути распространения модели, маркирующие маршруты к Белому морю и в Заволочье (такие

же пути характерны и для ряда других топонимных моделей, что доказывает тот факт, что, отселяясь на новые территории, население приносило с собой и модели именования географических объектов).

Стереотипными образами для возникновения метафор являются части тела человека, чаще животного: оз. *Suujärvi*, букв. 'рот + озеро' (Олон, Саримяги), порог *Hevonperze* 'зад лошади' (Ругоз, Лувозеро), оз. *Syväperze* 'глубокий зад' (Свят, Лисья Сельга), заливы *Lehmänperže* 'зад коровы' и *Kondienperže* 'зад медведя', из которых первый — самый близкий по расположению к деревне, а второй — наиболее удаленный (Кемир, Воленварака), мыс *Levieperze* 'широкий зад' (Тунг, Березовый Наволок), уг. *Hiirenkorva* 'ухо мыши' (Ухт, Ювалакша), поворот на реке *Kurenpolvi* 'колесо журавля' (Кемир, Поджумье), мысы *Jäniskorvat* 'уши зайца' (Тунг, Лехта), уг. *Revonkoipi* 'лапа лисы' (Ухт, Контокки), место *Sorkančuppu* (Сямоз, Спиридоннаволок): *sorkku* 'нога животного', мыс *Varsanhäntä* 'хвост жеребенка' (Ф, Суом, Куйваярви), порог *Hammaskoski* (Видл, Большие Горы), луда *Hammašlurvot* (Кем, Кемь): *hammas* 'зуб'; оз. *Virčlambi* (Петр, Нелгомозеро): *virču* 'клык'; оз. *Čikkeri* (Свят, Кескозеро), о. *Čikkeli* (Петр, Вохтозеро): *čikkeri*, *čikkeli* 'криво растущий зуб'; окруженные высокими берегами зал. *Pidžinlahti* (Видл, Большие Горы), порог *Pičinkuuru* (Олон, Утозеро): *pidži*, *pičinkuuru* 'женский половой орган'; мыс *Brillinniemi* (Олон, Коткозеро), руч. *Tyräoja* (Видл, Мандера), бол. *Munasuo* (Олон, Корвала): *brilli*, *terä*, *muna* 'мужской половой орган'; мыс *Kerežniemi* (Видл, Колатсельга): *kereži* 'живот', берег *Keronliete* (Сямоз, Инжунаволок): *kero(i)* 'горло, глотка'; мыс *Bukkari* (Олон, Куйтежа): *bukkari* 'плавательный пузырь у рыб'; оз. *Bul'unlambi* (Видл, Кукойвара), мыс *Bul'unniemi* (Сямоз, Савиново): *bul'u* 'глазное яблоко; зенки'; скала *Kielikallivo* (Видл, Колатсельга): *kieli* 'язык'; озера *Piälambi*, *Piajärvi* (Свят, Кескозеро): *piä* 'голова'.

К этой же группе может принадлежать ряд гидронимов с основой *Hanga-* ~ *Hankas-* ~ *Hangas-* ~ *Hangaz-*, в которой реализовалась образная семантика приб.-фин. (в том числе карельского) слова *hanka* ~ *hanga* ~ *hangas* 'развилка между большим и указательным пальцами'. Впрочем, актуальными могут быть и наименования целого ряда предметов раздвоенной формы, к примеру уключины лодки (*hanka* ~ *hanga*, *hangas*), вилы (*hanko* ~ *hanho*) или даже особый вид охотничьей ловушки (*hangas*), восходящие к примарной семантике. Основа продуктивна прежде всего в собственно карельском языковом ареале — на севере и в центральных районах Карелии, при этом преимущественно в виде *Hangas-* ~ *Hangaz-*; на юге обнаружены только единичные случаи:

Hankajärvi, Hanka(i)sjärvi, Hangaslambi, Hankašlakši, Hangašniemi, Hangazoja, Hangazselgy, Гангасламба, Гангозеро и т. д. Видимо, в этом же ряду находятся топонимы с атрибутивным элементом *Hangamus-* (*Hangamuslambi*) и *Hango-* (*Hangolambi*).

В свое время на топонимы Финляндии с основой *Hanka-* ~ *Hangas-* обратил внимание известный финляндский этнограф Кустая Вилкуня, связавший их с промысловым термином *hangas*, которым обозначался особый вид охотничьих ловушек на оленей и лосей. Такие ловушки часто устраивались в виде заграждения, заканчивавшегося ловчей ямой, на склоне спускающейся к воде горы. Кроме того, термином *hangas* называли также специальные сетки для ловли птиц, которые натягивались через длинный залив или пролив по маршруту перелета птиц. Они, по мнению исследователя, тоже могли послужить основой номинации [Vilkuna 1972: 231–255]. Эта «охотничья» интерпретация топонимов с основой *Hanga(s)-* повторяется и в недавно вышедшем словаре топонимов Финляндии [SP: 69]. Очевидно, она актуальна и для топонимии Карелии, особенно с учетом того, что основной массив топонимов сосредоточен в северной части Карелии, где охота на оленей входила в круг традиционных видов деятельности населения.

Она не отменяет, тем не менее, полностью другого объяснения, согласующегося с раздвоенной формой названных объектов — небольших озер, озерных заливов, мысов. Кроме того, ловчие ямы нередко устраивались как раз на мысах, образуемых двумя развилинами озера. Сама топография местности благоприятствовала такому ее использованию. В результате могло происходить переосмысление первоначальной «кривой» семантики названия на охотничью.

Обращение к топографическим картам при интерпретации названий «кривых» озер наглядно показывает изменения озерных ландшафтов, которые произошли с момента появления топонима. Нередко название вступает в противоречие с тем, как выглядит озеро на карте — но не потому, что топоним «врет», а потому, что сама топография местности изменилась: небольшие озера заболачиваются, бывшие озерные заливы зарастают. Топоним в этой ситуации сохраняет память о том, как выглядело озеро в момент появления названия. Соседние озера *Гангозеро* и *Малое озеро* (Конд, Гангозеро) на северо-западном побережье Онежского озера явно еще в относительно недавнем прошлом, в пору появления самого топонима, составляли единое озеро. Сейчас между ними осушенная низина, которую пересекает рукотворная канава, вдоль нее располагаются основные сельхозугодья поселения Гангозеро (рис. 60).

Историческое Гангозеро включало в себя, таким образом, оба озера и имело форму развилины, что и подтверждает его название. Очевидно, такая же гидрографическая история стоит и за названием озера *Hangamuslambi* (Видл, Пертозеро), которое на западе соединяется через короткий болотистый ручей со смежным озером *Rajavanlambi* (возможно, от *ra-javi* 'разделяющий, делящий'), а на юг продолжается длинным болотистым хвостом (рис. 61).

В ряду наименований, отражающих кривую форму озера, подтвержденную картографически, оз. *Hangdärv* — на топографической карте *Хангасдярви* (Олон, Ньюхово); оз. *Hangolambi* (Свят, Кескозеро), имеющее, по утверждению информанта, форму вил. Очевидно, эта этимология (карел. *hango* 'вилы') повлияла и на огласовку конечного гласного топоосновы. В свою очередь, бол. *Гангболото* представляет собой один из рукавов обширного болота Большое на северном берегу оз. Вачозеро, в окрестностях старой людиковской дер. Заозерье (Л, Подп, Заозерье). Видимо, в прошлом топоним распространялся на все болото. В восточной части Беломорской Карелии укажем оз. *Hangaisjärvi*, на картах *Бол. Хангозеро* (Тунг, Афонино), на юго-западном побережье которого располагается обширное непроходимое болото с рядом озер, что подтверждает исторически кривую форму озера. Таким образом, в момент рождения названия озеро было кривым и имело форму развилины. Привлечение картографического материала в подобной ситуации — это потенциальный ресурс для исторической географии, ибо топоним сохраняет память о ландшафте многовековой давности. И не только о природном, но и культурном. Наши материалы указывают на то, что модель не была присуща вепсской гидронимии. В таком случае ее появление в Обонезье может быть связано с карельским освоением. Иначе говоря,

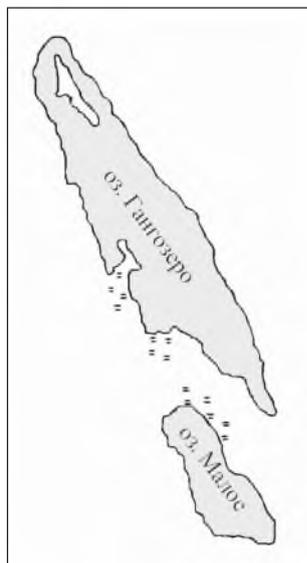
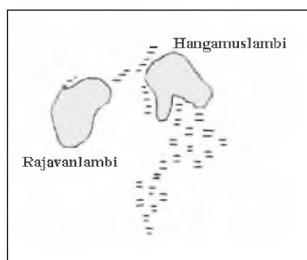

Рис. 60. Озеро Гангозеро

Рис. 61.
Озеро *Hangamuslambi*

кондопожское Гангозеро, разделившись на два озера, названо карелами. При этом название задает определенные ориентиры для хронологии этого процесса, ибо оно должно было появиться еще до этого разделения. В принципе данные естественных наук о скорости зарастания озерных заливов (при благоприятных условиях приблизительно 5–7 см в год — устная консультация исследователей Института биологии КарНЦ РАН) и прежних береговых очертаниях — это та объективная исходная база, которая в силу отсутствия опыта и соответствующей методики анализа лишь в малой степени актуализируется ономастикой, притом что в такого рода междисциплинарных исследованиях заложен большой потенциал.

Список топонимических метафор, таким образом, обширен, при этом в нем нередки уникальные, окказиональные образования, не формирующие отчетливого ареала, но, безусловно, информативные в смысле отражения народной картины мира.

Со своей стороны, многократно воспроизводимые, устойчивые метафоры (как *kandeleh* или *mal'l'a*) дают возможность для проведения ареального анализа, который выводит на реконструкцию этнокультурной истории территории. Среди таких ценных в смысле историко-культурного потенциала образных именований — карельская и восточнофинская модель озерной гидронимии *Kuadielambi* ~ *Kuatielampi* ~ *Kaatiolampi* — названия небольших озер, развоенных по форме (рис. 62, 63, 64). В них актуализирована карельская и восточнофинская лексема *kuadiet* ~ *kuatiet* ~ *kaatio(t)* ‘подштанники, кальсоны’, которая, в свою очередь, является славянским заимствованием в прибалтийско-финских языках, ср. праслав. **gatiċa*, рус. диал. *гати* ‘штаны’, цслав. *гаџи* ‘нижнее белье’, укр. *гачи* ‘подштанники’ [SSA].

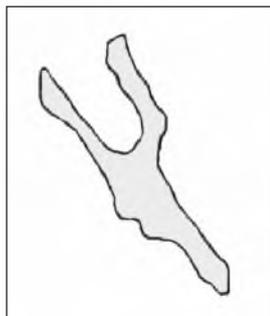

Рис. 62.
Озеро *Kaatiolampi*

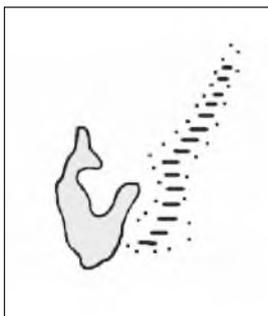

Рис. 63.
Озеро *Kaatiolampi*

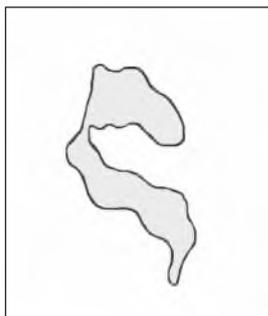

Рис. 64.
Озеро *Kaatiolampi*

Модель имеет явный карельский ареал (карта 17), который наиболее насыщен в Приладожье, на родовой территории карельского этноса.

На относительную древность здешней модели указывает то, что она фиксируется в названиях довольно крупных водоемов, которые сохранили свои названия и после исхода основной массы карельского населения с родовых земель в XVII в. и прихода туда восточно-финского населения. В ходе смены населения чаще уходят из употребления наименования небольших по размеру географических объектов, в то время как названия более крупных, как правило, сохраняются. Притом что само слово *kaatio(t)* в значении ‘подштанники’ известно и на территории современных восточнофинских диалектов — как древнее карельское наследие, в роли топоосновы оно там представлено неравномерно. Картографирование показывает, что ареал модели *Kaatio*- привязан к границе Ореховецкого мирного договора 1323 г., по которому западная часть древнекарельской территории отошла к Швеции. Это повлекло за собой постепенное обособление от новгородских приладожских карелов и формирование саволаксов — одной из народностей финского этноса. На шведской стороне топонимы с основой *Kaatio*- представлены крайне слабо, в то время как на новгородской — в современной финляндской Северной Карелии и в Кайнуу, которые были заселены карелами в конце Средних веков — начале Нового времени, они довольно активны. Такая ареальная характеристика позволяет говорить о том, что модель появилась на родовой территории карельского этноса в позднем Средневековье и была, видимо, востребована при наименовании новых объектов еще в начале Нового времени. Единичные фиксации топонима на территории бывших карельских погостов в Суур-Саво (букв. Большое Саво), а также в западных частях Карельского перешейка, видимо, относятся к XIV в., когда связи населения переданных Швеции карельских погостов с коренной территорией карелов в Приладожье еще не были полностью утрачены.

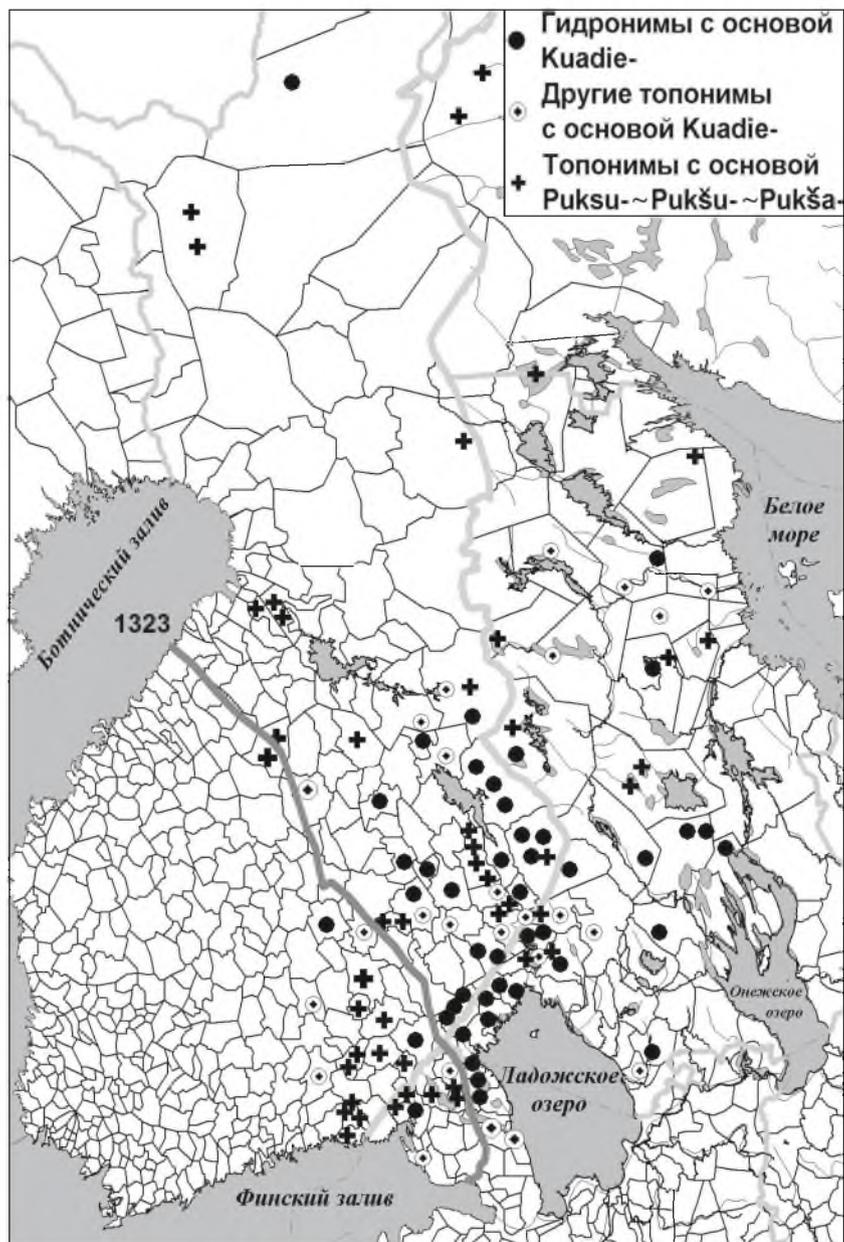
Очевидно, с периодом позднего Средневековья — началом Нового времени можно увязывать и появление модели в центральных частях современной Республики Карелии. К середине XVII в., когда произошел массовый исход карельского населения из Корельского уезда в Россию, модель, видимо, уже теряет свою продуктивность у карелов Приладожья. Вследствие этого ареал ее в российской Карелии сильно разрежен. Показательно, что модель малопродуктивна и у тверских, и новгородских карелов, тоже переселившихся из Приладожья в XVII в. В последнем случае, однако, должны быть приняты во внимание

дополнительные обстоятельства: малочисленность озер на тверских и новгородских землях, а также неполнота сбора материала.

Не исключено, что история модели на востоке начинается раньше XVII в. и связана со средневековым промысловым освоением Беломорской Карелии. Возможно, к этому же времени относится и ее появление в Архангельском Поморье. На нижней Онеге известно оз. *Кадозеро*, отличающееся раздвоенной формой [Кабинина 2013: 78]. Экспедициями Уральского университета зафиксированы оз. *Квадзеро* (А, Пин) и *Квадинское озеро* (А, Шенкур), в которых, видимо, отразился дифтонг *-ua-*, свойственный карельской тополексеме *kuadie*. В этот же ряд субстратных топонимов заманчиво поместить и несколько названий с топоосновой *Кад-* ~ *Кам-* в Восточном Обонежье, хотя не все из них в равной степени убедительно могут быть интерпретированы как «порточные», поскольку не подтверждаются формой реалии: оз. *Катозеро* (Шал, Каршево), зал. *Кадьгуба* ~ *Катьгуба* (Шал, Авдеево), бол. *Кадьмох* ~ *Катьмох* (Шал, Шала), бол. *Кадимох* (Пуд, Пильмасозеро), бол. *Кадьское* (Пуд, Корбозеро).

В топонимии северной Карелии известна также синонимичная образная топооснова *Pukšu-* ~ *Pukša-*, в которой закрепилось шведское заимствование [SSA], бытующее в финских и карельских говорах в виде фин. *puksu(t)* и карел. *pukšu(t)* ‘подштанники, кальсоны’, *buksat, buksat* ‘проолифленные штаны у рыбаков’. Как и модель *Kaatio* ~ *Kuadie*, она использовалась, прежде всего, в наименованиях незначительных по размеру озер, и ее основной ареал располагается в восточных районах Финляндии (карта 17). В Карелии зафиксировано только несколько названий: бол. *Pukšušuo* (Ухт, Аконлакши), оз. *Pukšulambi* (Лоух, Воронская; Тунг, Ноттоварака; Реб, Ровкулы; Сегоз, Юккогуба), порог *Pukšunkoški* (Кест, Тумча), возможно, также озера *Pukšujärvi* ~ *Pukšaijärvi* (Тунг, Машозеро), *Pukšaijärvi* (Ухт, Юшкозеро), *Pukšalambi* (Реб, Концеостров). Взаимоотношения ее с топоосновой *Kuadie-* не вполне ясны. Однако ареал модели *Pukšu-* ~ *Pukša-*, привязанный к исторической карело-саволакской границе, наводит на мысль о том, что его западный предел мог сформироваться как следствие перевода (калькирования) исходных карельских топонимов с основой *Kuadie-* в ходе финнизации бывших карельских территорий в восточной Финляндии. На следующем этапе вместе с оттоком населения с этих территорий на восток, засвидетельствованном документально, эта модель появляется в топонимии современной Карелии.

Один из аспектов, актуальный в контексте анализа метафорической топонимии, связан с дистрибуцией универсальных и имеющих

Карта 17. Ареал гидронимов с основой *Kuadie-*, *Puksu-~Pukšu-~Pukša-*

национальную специфику образов. Он, в свою очередь, имеет выход на проблему адаптации прибалтийско-финской образной топонимии к русской топонимической системе Карелии. Исходя из того, что «в конечном счете образные названия порождены конкретным историческим опытом народа» [Матвеев 2006], а опыт этот в нашем регионе в значительной степени един, естественно наличие большого количества тождественных образов, воплотившихся, с одной стороны, в прибалтийско-финской, с другой — в русской топонимии: обеими топонимическими системами востребованы такие элементы окружающего предметного мира, как *kirvez* — *monop*, *lapie* — *лоната*, *kattila* — *котел*, *riehtilä* — *сковорода*, *kuatie* — *портки*, *gачи* и др. В то же время для *kurikka* ‘колотушка для рубки дров’, *vazara* ‘молоток’ или, к примеру, *mal'l'a*, *mal'l'akko* ‘чаша, миска’ соответствующих русских топооснов в активном употреблении не обнаруживается. Не случайно, очевидно, топонимы с этими основами интегрировались в русскую топонимию Заонежья, где на протяжении столетий тесно взаимодействовали две этнокультурные традиции — прибалтийско-финская и русская, путем т. н. прямого усвоения, а не перевода: зал. *Куреки* (Велик, Мижостров), зал. *Вазарукса* (Конд, Тулгуба) и г. *Мальяки* (Велик, Сибово). Перевод предполагает наличие соответствующей тополексеми в той системе названий, которая адаптирует топоним. В с. Нюхча (Сорок) недалеко от поля *Варзанга* (карел. *varza* ‘жеребенок’) стоит в реке большой камень *Коничек*: конь-камни были, очевидно, известны обоим культурным традициям. В топонимии Заонежского полуострова есть уникальный пример того, как одна и та же идея формы объекта интерпретировалась карельской и русской топонимическими системами по-разному. Небольшой залив Уницкой губы Онежского озера носит название *Гангасгубы* (см. выше основа *Hanga-* ~ *Hangas-* ‘развиллина’). При этом никакой раздвоенностью формы залив не отличается. Но в непосредственной близости от него расположено относительно крупное озеро *Порточное*, явно вилообразное по форме. Такое взаимное расположение объектов дает основание реконструировать для озера дорусское название с топоосновой *Hanga-* (**Hangasjärvi*), сохранившейся в наименовании территориально смежного залива, но утраченной лимнонимом в ходе закрепления русской топонимии в Заонежье. Пришедший на смену русский топоним использует русскую образную модель называния раздвоенных по форме объектов (*Порты*, *Портки*).

С другой стороны, приходится учитывать, что тождество в ареале активного контактирования образных топосистем может оказаться мнимым. Русское население Обонежья и Беломорья формировалось

в значительной мере в ходе смены языка и самосознания местным прибалтийско-финским населением, а поэтому высока вероятность перевода оригинальных прибалтийско-финских метафорических моделей даже притом, что в русской образной номинации не оказывалось наготове соответствующего эквивалента. Образная номинация все же не столь последовательно модельна, как прямая номинация. В ней нередки уникальные образования, что, в принципе, предполагает и возможность окказиональных переводов.

В целом проведенное исследование убеждает, что форма, очертания береговой линии — один из востребованных мотивов в озерной топонимии, особенно в отношении небольших объектов, позволяющих эту форму увидеть.

Выявлено, что наряду с универсальными моделями, представленными в качестве наименований разных типов озерных объектов, часть моделей довольно четко привязана к определенному виду ландшафта: как правило, «широкими» в карельской топонимии могут быть озерные заливы (*Leviellaksi* ‘Широкий залив’), в то время как широкие (т. е. короткие, округлые по форме) мысы идентифицируются как «толстые» (*Paksulniemi* ‘Толстый мыс’). При этом последняя модель имеет четкие границы, будучи представленной в ареале, который осваивался карелами в XV–XVI вв. Выявление ареалов ряда типовых топооснов, формирование которых связано с освоением территории, — один из наиболее существенных результатов проведенного исследования.

Показано, что значительное место в номинации, основанной на форме небольших по размеру объектов, играли т. н. метафорические модели, основанные, как правило, на сопоставлении с формой бытовых предметов: небольшие круглые острова идентифицированы в Приладожье топоосновой *Tenka-* (из рус. ‘деньга’), в то время как для называния вытянутых по форме озер использована основа *Kokkoi-* (*kokkoi* ‘традиционный в культуре Карелии пирожок из ржаной муки, продолговатый по форме’). Поскольку источником образности чаще всего служит предметный мир, окружающий человека в повседневной жизни, образная топонимия несет яркий след традиционной материальной культуры. Одновременно она отражает специфику номинативных традиций в разных языках и в конечном счете народную картину мира.

Доказано, что выявленный инвентарь топооснов включает в себя лексемы, которых нет в активном словоупотреблении. Они либо утрачены, либо принадлежали этноязыковым коллективам, сошедшим со страниц истории. Особенно показательна в этом плане топонимия

исторического вепсского этноязыкового ареала, позволяющая реконструировать некоторые лексемы, утраченные вепсским языком, относительно поздно попавшим в поле зрения исследователей и подвергшимся сильному обрусению.

Активное обращение к топографическим картам при интерпретации названий «кривых» озер наглядно показывает изменения озерных ландшафтов, которые произошли с момента появления топонима. Топоним нередко сохраняет память о том, как выглядело озеро в момент появления названия (рис. 65, 66).

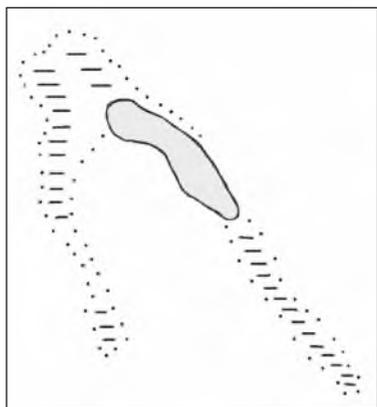

Рис. 65. Озеро *Kolmozero*
с болотом

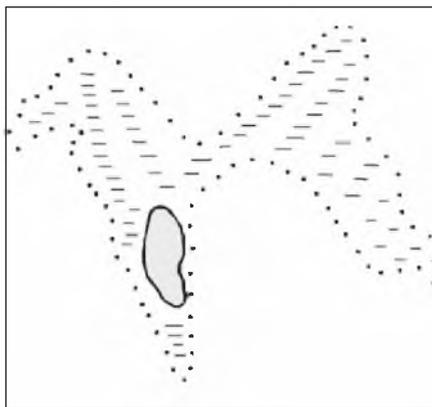

Рис. 66. Озеро *Kuadilambi*
с болотом

ГЛАВА 3

МОДЕЛЬНЫЕ ТОПООСНОВЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА

В карелоязычной топонимии Республики Карелии самостоятельную семантическую группу образуют локативные микротопонимы, характеризующие точное или относительное местонахождение объекта в окрестностях поселения. Эта группа немногочисленна и составляет приблизительно 4 % всех зафиксированных в Карелии географических названий [Kuzmin 2014: 55]. В финской топонимии их доля составляет около 5 % [Kiviniemi 1990: 156], в то время как у вепсов не превышает 1,5 % [Муллонен 1994: 37]. Несмотря на свою немногочисленность, топоосновы, входящие в эту группу, представлены в топонимии большинства населенных пунктов современной Карелии.

Ниже показаны¹ наиболее часто встречающиеся атрибутивные элементы с локативной семантикой, отражающие ситуацию в севернокарельской и южнокарельской (ливвиковской), а также финской и вепской топонимии (см. табл. на с. 144–145).

Большая часть названий данной семантической группы относится к наименованиям культурных объектов, особенно сельскохозяйственных угодий, поскольку признак, в котором отражается относительное расположение, удобен для именования объектов, тесно примыкающих к поселению. Так, фактически в каждой деревне в Олонецкой Карелии были свои «передние», «задние», «нижние», «верхние», расположенные сбоку или напротив поля и покосы [Мамонтова 1982: 45].

Показательно также, что во всех прибалтийско-финских топонимических системах список элементов, составляющих эту семантическую группу, во многом схож и отличается часто только продуктивностью

¹ В группах *Беломорская Карелия*, *Финляндия* и *Вепские территории* топоосновы представлены в порядке убывания их частотности. В группе *Олонецкая Карелия* атрибутивные части перечислены вне порядка их продуктивности в топонимии.

Беломорская Карелия (север Карелии)	Финляндия	Вепские территории	Олонецкая Карелия (ливвиковские территории)
Ala-, Ali- ‘нижний’	Ala-, Ali- ‘нижний’	Čoga-, Čuga- ‘угол’	Kohtu- ‘напротив’
Ylä- ‘верхний’	Ylä- ‘верхний’	Ala- ‘нижний’	Perä- ‘задний’
Perä- ‘задний’	Väli- ‘промежуточный, расположенный между’	Ylä- ‘верхний’	Ala- ‘нижний’
Taka- ‘задний’	Perä- ‘задний’	Pera- ‘задний’	Ylä- ‘верхний’
Kohta- ‘напротив’	Taka- ‘задний’	Čup- ‘угол, тупик’	Očču- ‘перед, фасад дома’
Niška- ‘вершина, начало порога’	Keski- ‘средний’	Kesk- ‘средний’	Taga- ‘задний’
Suvi-, Etelä- ‘юг, южный’	Etelä- ‘юг, южный’	Koht- ‘напротив, противоположный’	Čuppu- ‘угол’
Keski- ‘средний’	Selkä- ‘верхний край’	Agj- ‘край, конец’	Bokku- ‘бок’
*Selkä- ‘расположенный вдали от берега’	Etu- ‘передний’	Pohj(eine)- ‘север(ный)’	Syrjy- ‘сторона, бок, край’
Kesä- ‘лето, южный’	Pohjois- ‘север(ный)’	Taga-, Tagič- ‘задний’	Keski- ‘средний’
Poikki- ‘через’	Syrjä- ‘сторона, бок, край’	Väl’- ‘промежуточный, расположенный между’	Väli- ‘промежуточный, расположенный между’

<i>Окончание таблицы</i>			
Беломорская Карелия (север Карелии)	Финляндия	Вепские территории	Олонецкая Карелия (ливвиковские территории)
Pohjo(ni)- ‘север(ный)’	*Rinta- ‘рядом’		Agju- ‘край, конец’
Meri- ‘море → восточный’	Itä- ‘восточный’		Čura- ‘сторона’
Väli- ‘промежуточный, расположенный между’	Kulma- ‘угол’		Ezi- ‘передний’
Pohja- ‘дальний угол, конец чего-либо’	Pohja- ‘дальний угол, конец чего-либо’		Pohju- ‘дальний угол, конец чего-либо’
*Latva- ‘верховье; исток реки’	Niska- ‘вершина, начало порога’		Suvi- ‘лето, южный’
Piä- ‘конец’	Nurkka- ‘угол’		Yliči- ‘вдоль’
Etu- ‘передний’	Latva- ‘верховье; исток реки’		Ymbärys- ‘вокруг’
*Syrjä- ‘сторона, бок, край’			
Oŕca- ‘перед, фасад дома’			

* — звездочкой в таблице отмечены основы, которые могут иметь различное толкование.

представленных топооснов. Например, в севернокарельской топонимии, так же как и в финской, наиболее распространенной является атрибутивная часть *Ala-* ~ *Ali-*, *Alimmaine-* ‘нижний; расположенный ниже’, которая входит в том числе в десять самых продуктивных атрибутивных элементов карельской топонимии. Подобная ситуация сложилась в вепсской и южнокарельской топонимии. В целом, только первые пять-шесть топооснов из таблицы, содержащих указание на относительное местоположение географического объекта, могут претендовать на роль наиболее продуктивных в прибалтийско-финской топонимии.

Далеко не все из определений, характеризующих относительное расположение объекта на местности, попали в таблицу фреквентативных топооснов, представленную выше. Поэтому далее карельский материал² будет рассматриваться в следующих подгруппах: «Топоосновы, отражающие расположение объекта на местности по сторонам света», «Топоосновы со значением ‘передний’ и ‘задний’», «“Ближние” и “дальние” топонимы», «“Верхние” гидронимы Карелии», «Топоосновы с ‘боковой семантикой’», «Топоосновы с ‘поперечной’ семантикой».

3.1. Топоосновы, обозначающие расположение объекта на местности по сторонам света

Данную группу образуют такие тополексемы, как карел. *suvi*, *suvine*, ск. *etelä* ‘юг, южный’; карел. *pohja*, *pohjoni* ‘север, северный’; ск. *luuv(y)eh*, *luotehine*, люд. *luodeh* ‘западный’; карел. *koil(l)ine*, *koil(l)ini*, ск. *itä*, люд. *liide* ‘восточный’; ск. *louna(t)*, ливв. *lounas*, люд. *louna* ‘западный’.

Наибольшее распространение получила пара ‘южный’ — ‘северный’, которая относительно широко представлена в наименованиях разных объектов на местности во всех диалектных зонах карельского языка в Республике Карелии. Точкой отсчета, как правило, служит поселение. При этом названий с топоосновой *Suvi(ne)*- ‘южный’ все же несколько больше, чем названий с топоосновой *Pohjone-* ‘северный’. Видимо, с точки зрения крестьянина, южная сторона была более востребована, например, для разработки сельскохозяйственных угодий, особенно в неблагоприятных климатических условиях для ведения хозяйства на территории Карелии, ср. уг. *Rantatien Šuvipuoli*, букв. ‘южная

² Общие выводы по вепским типовым топоосновам данной лексико-семантической группы см. [Муллонен 1994: 37–38].

сторона береговой дороги' (Ухт, Тухкала). В числе названий этой подгруппы фиксируются также наименования поселений, болот, возвышенностей, лесных угодий и водных объектов, примыкающих к поселению. Однако они могут находиться достаточно далеко друг от друга. Так, например, в бывшей Кестеньгской волости существовало два одноименных относительно крупных озера с названием *Šuurijärvi*. Когда на их берегах появились одноименные поселения, то одно стало именоваться *Šuvine Šuurijärvi*, т. е. расположенное в южной части волости, другое — *Pohjoni Šuurijärvi*, расположенное в северной части. Расстояние между ними около 65 км. Ср. также части реки *Pohjois-Pirttijoki* и *Šuvi-Pirttijoki* (Лоух, Воронская), уг. *Pohjois-Kaidašuo* и *Šuvi-Kaidašuo* (Лоух, Пингасалма), озера *Pohjois-Hattamajärvi* и *Šuvi-Hattamajärvi* (Лоух, Ниж. Кумозеро), озера *Pohjoni Kynzijärvi* и *Šuvi Kynzijärvi* (Лоух, Вычetaйбола), острова *Pohjois-Kobrakko* и *Šuvi-Kobrakko* (Лоух, Булдыри) и др.

К данной подгруппе относятся также названия частей поселения, основанием номинации которых стало их расположение южнее или севернее центра населенного пункта, например, при меридиональном расположении озер на местности. Из приведенных ниже примеров явствует, что, по крайней мере, на современном этапе совсем не обязательно наличие бинарной оппозиции, одна из частей гнезда поселений могла со временем сменить свое название. Такая модель наименования частей поселений свойственна, главным образом, собственно карельскому населению, проживающему в средней Карелии: *Šuviranta* букв. 'южный берег' (Ругоз, Тикшозеро), *Šuviptä* 'южный конец' (Тунг, Нильозеро; Ухт, Логоварака; Ругоз, Ругозеро; Медв, Мяндусельга), *Šuviuoli* 'южная половина или сторона' (Лоух, Корелакша; Реб, Ровкулы; Сегоз, Евгора), *Šuvi* (часть деревни) (Медв, Совдозеро), *Šuvenkylä* 'южная деревня' (Медв, Янгозеро), *Šuvenhieru* 'южная деревня' (Сегоз, Сельги), *Šuvi ~ Šuvenagja* 'южный конец' (Петр, Святнаволок), *Šuvi* 'юг, южный' (Видл, Колатсельга; Петр, Пялозеро), *Šuvine(kylä) ~ Šuvikylä* 'южная деревня' (Конд, Лычный Остров), *Šuviagd'a* 'южный конец' (Петр, Верхняя Ламба; Петр, Галлезеро), *Šuvineagd'* 'южный конец' (Конд, Ковкойсельга), *Pohjoisranta* 'северный берег' (Ругоз, Тикшозеро; Кест, Елетозеро), *Pohjoisptä ~ Pohjoizptä* 'северный конец' (Тунг, Шуезеро; Ругоз, Ругозеро), *Pohjapiä* (Петр, Ключина Гора; Сегоз, Сельги; Медв, Семчезеро), *Pohjane ~ Pohjanpiä* (Медв, Юстозеро), *Pohjane* (Медв, Совдозеро; Видл, Колатсельга), *Pohd'agju* 'северный конец' (Петр, Пялозеро), *Pohd'aine(kylä) ~ Pohd'kylä* 'северная деревня' (Конд, Лычный Остров).

Нередко ойконим служит основой метонимического переноса на наименования расположенных смежно с поселением объектов и порождает вторичные топонимы: зал. *Šivilakši* и часть деревни *Šuviپیä* (Тунг, Нильмозеро), зал. *Šuvenguba* и часть деревни *Šuvenkylä* (Медв, Янгозеро), бол. *Šuvensuo* и часть деревни *Šuvenپیä* (Медв, Юостозеро), колодец *Šuvenkaivo* и часть деревни *Šuvenagja* (Петр, Святнаволок), поля *Šuvenpellot* и часть деревни *Šuvi* (Видл, Колатсельга), дорога *Šuvenheinmatk* букв. ‘сенной путь / сенная дорога деревни Суви’ и часть деревни *Šuvi* (Петр, Пялозеро), бол. *Pohjazensuo* и часть деревни *Pohjane* (Медв, Юостозеро), мыс *Pohd’agd’anniem* и часть деревни *Pohd’agd’* (Конд, Лычный Остров) и др.

Если же поселение расположено по линии запад – восток, то в его наименовании могут быть представлены следующие карельские лексемы: ск. *luotehine*, *luuv(v)eh* ‘западный, запад’, ск. *koillini* ‘восточный’, ск. *meri* ‘восточный’ (букв. ‘морской или находящийся по направлению к востоку, в сторону Белого моря’), люд. *liide* ‘восточный’. Подобных названий не так много, и они фиксируются, прежде всего, на севере современной Республики Карелии, в топонимии собственно карельского языкового ареала, на юге Карелии удалось зафиксировать только одно подобное название в топонимии карелов-людиков: в собственно карельском ареале д. *Luotehine*, *Luuu(v)ehپیä*, букв. ‘западный конец’ (Лоух, Корелаक्षा; Лоух, Парфеево; Лоух, Ниж. Кумозеро; Лоух, Боярская); *Koillisپیä*, букв. ‘восточный конец’ (Лоух, Корелаक्षा; Кест, Кестеньга; Кест, Ламбасгуба); *Meripiä*, букв. ‘морской или восточный конец’ (Лоух, Корелаक्षा; Лоух, Ниж. Кумозеро; Лоух, Боярская); у людигов д. *Liidečura* букв. ‘восточная сторона’ (Петр, Кончезеро).

Как уже отмечалось, эта семантическая группа топооснов реализована и в наименованиях других географических объектов. Она продуктивна в названиях различного рода сельскохозяйственных угодий. При этом часть из лексем представлена здесь в составных трех-, а также четырехкомпонентных топонимах, ср. *šuvi* ~ *šuvi*: поле *Puavon Šuvininne*, букв. ‘южный склон [поля] Павла’ (Ухт, Тухкала), *Šuvininne* ‘южный склон’ (Кест, Валасрека; Кест, Ламакавоара), покос *Mujehjärvenšuvipiä* ‘южный конец Муезера’ (Лоух, Ряпусозеро), прогон *Šuvenkujo* ‘прогон (деревни) Суви’ (Сегоз, Баранова Гора), покос *Maksimanojanšuvipiä* ‘южный конец (уголья) Максиманоя’ (Сегоз, Сяргозеро), поля *Šuvi(peldo)* ‘южное поле’ (Медв, Келдовара), *Šuvipeldo* (Видл, Ведлозеро; Свят, Вагвозеро), *Šuvipellot* ‘южные поля’ (Видл, Большие Горы), *Šuvenpellot* (Петр, Ольхойла), поля *Levontiensuvi* ‘южное (поле) Леонтия’, *Suurisuvi* ‘большое южное (поле)’, *Pienisuvi* ‘маленькое южное (поле)’

(Видл, Кинерма), *Harittanan Suvipeldo* 'южное поле Харитона' (Свят, Щеккила), поле *Suvi* (Видл, Вохтозеро), прогон *Suvenkujo* (Видл, Кавайно), поля *Suvinepeldo* (Прион, Намоево), *Suvenpūdod* (Прион, Намоево), *Suvisedpeldod* (Петр, Юркостров), покосы *Suvennurmed* 'покосы (деревни) Суви' (Конд, Кавгора; Конд, Лижмозеро), *Suvižennurmed* (Конд, Ояжа), покос *Suvi* (Олон, Нюхово), *Suviženagd'annurmed* 'покосы (урочища) Южный конец' (Конд, Тивдия), поле *Suvineobod*, букв. 'южный обод' (Конд, Вороново; Прион, Намоево; Конд, Кавгора; Конд, Владимирская; Конд, Ригосельга), *Suvisenobodanpellot* 'поля (угодья) Южный обод' (Петр, Юркостров); *pohia-* / *pohiois-* / *pohian-*: покос *Pohjoispuoli* 'северная сторона' (Ругоз, Минозеро), поле *Pohjoisrinne* 'северный склон' (Ухт, Алозеро), покос *Maksimanojan Pohjoispiä* 'северный конец (угодья) Максимоной' (Сегоз, Сяргозеро), поле *Pohjanlahenpeldo* 'поле Северного залива' (Сегоз, Шалговара), прогон *Pohjazenkujo* (Сегоз, Шалговара), поле *Pohjoizenpellot* (Сегоз, Петрова Гора), поле *Pohjaspalte* 'северный склон' (Сямоз, Савиново), покос *Pohjaspaltehniityt* 'покосы (в угодье) Северный склон' (Сямоз, Кона), *Pohd'anniityt* (Сямоз, Курмойла), покос *Pohjančura, čura* 'сторона, бок, край' (Сямоз, Угмойла), поле *Pohd'aineoboda* (Петр, Юркостров; Петр, Утуки; Конд, Кавгора), *Pohd'anoboda* (Петр, Курганова Сельга; Конд, Ригосельга), *Pohd'aoboda* (Петр, Галлезеро), *Pohd'ažedobodad* (Конд, Кондозеро), покос *Pohd'agd'* (Петр, Мунозеро), покос *Pohd'aineorg, org* 'орга, лесистая низина' (Конд, Сопоха), *Pohd'aižil/agd'oil/nurmed* (Конд, Кавгора), *Pohd'aižis/agd'ois/nurmed* (Конд, Кондозеро); *luuvveh* 'запад' и фонетические варианты: выгон *Luuvvehselkä, selkä* 'сельга, лесистая гора' (Лоух, Парфеево), поле *Luopuoli*, букв. 'западная сторона' (Кест, Шалмивоара), поле *Issakan Luopelto* 'Западное поле Исака' (Ухт, Хайколя), *Suškendorogal Luodehnurmed*, букв. 'западные покосы по дороге в (дер.) Шушки' (Конд, Сопоха), *Luodehpeldo* (Петр, Галлезеро), поле *Luodehobod* (Петр, Галлезеро; Петр, Пялозеро; Конд, Владимирская; Конд, Тивдия); *liide* 'восток': поле *Liidetienobod*, букв. 'обод на Восточной дороге' (Конд, Лижмозеро), покос *Liideorgo* (Конд, Ковкойсельга; Конд, Кавгора), поле *Liideobod* (Конд, Ояжа); *koillini* 'восток': угодья *Koilishuuhta, huuhta* 'подсека' (Кест, Ламакавоара), *Mikitän Koilispelto* 'Восточное поле Никиты' (Кест, Коккосальма); *meri* 'море', зд. 'восток': поле *Meripuoli* 'Морская / Восточная сторона' (Кест, Шалмивоара), выгон *Meriselkä* 'Морская / Восточная сельга' (Лоух, Парфеево).

Топонимический материал свидетельствует, что названия полей и лугов, в которых представлена лексема *suvi(ne)*, фиксируются, главным образом, в южной Карелии, в то время как в центральных и северных

районах республики она закрепляется, как правило, в гидронимии (см. ниже). При этом тополексема *suvi* ~ *šuvi* более продуктивна в названиях полей, в то время как *pohja* ~ *pohd'a* — в названиях покосов. Другие топоосновы этой группы встречаются значительно реже.

Следующую большую группу в топонимии окрестностей карельских деревень составляют названия различного рода водных объектов. При этом, как уже отмечено, особенно в северных частях Карелии, где количество водоемов значительно выше, чем на юге, их востребованность велика, ср. *suvi* ~ *šuvi*: часть озера *Šuvišelkä, selkä* 'открытое пространство озера' (Ухт, Контокки; Ухт, Регозеро), берег *Šuviranda* ~ *Šuviranta* (Реб, Ровкулы; Реб, Севастьянноволк; Ухт, Хайколя; Ухт, Шомбозеро; Ухт, Кандонаволк), зал. *Šuvilakši* (Ухт, Пиртигуба; Кест, Окуневая Губа; Лоух, Пингасалма; Кест, Лайдасалма; Лоух, Пиртозеро; Тунг, Нильмозеро; Лоух, Корелакша), зал. *Šuvikupa, kupa* 'залив' (Лоух, Соностров), о. *Šuvišuari* (Сегоз, Шалговара), о. *Šuvikobrakko, kobrakko*, букв. 'пригоршня' (Лоух, Булдыри), мыс *Šuviniemi* (Кест, Топозеро; Кест, Окуневая Губа), пролив *Šuvenšalmi* (Ухт, Юшкозеро), отмель *Suvmadal, madal* зд. 'мель' (Олон, Ильинское), берег *Suviliete, liete* 'песок, песчаный берег' (Видл, Погранкондуши), порог *Suvenkari* (Сямоз, Нижняя Салма), руч. *Suvioja* (Видл, Вохтозеро), зал. *Suvinelaht* (Конд, Кондозеро), зал. *Suviguba* (Свят, Пялозеро), *Suvineguba* (Петр, Каничева Сельга; Конд, Лычный Остров; Конд, Тивдия), луда *Suvenluodo* (Свят, Пялозеро), мыс *Suvinieniemi* (Конд, Лычный Остров; Конд, Кондинаволк), мыс *Suvinen'okk* (Конд, Лычный Остров), зал. *Suvineguba*, тоня *Suvinestolnik, stolnik* '?' (Конд, Сопоха); *pohia* / *pohiois* / *pohd'aïne*: о. *Pohjoiskobrakko* (Лоух, Булдыри), зал. *Pohjoislakši* (Лоух, Корелакша; Кест, Хлебनावолк), зал. *Pohjaizlakši* (Ругоз, Онигма), берег *Pohjazranda* (Реб, Севастьянноволк), берег *Pohjoisranta* (Ругоз, Хиетаярви; Ухт, Кандонаволк), руч. *Pohjaizoja* (Сегоз, Сельги), зал. *Pohjalakši*, оз. *Pohjanilambi* (Сегоз, Шалговара), лес *Pohjanmečču* (Олон, Обжи), зал. *Pohd'anlahti* (Сямоз, Чуйनावолк), зал. *Pohd'anguba* (Сямоз, Сяргилахта), о. *Pohd'ansuari* (Сямоз, Угмойла), р. *Poh(d')d'ogi* (Олон, Новиково), р. *Pohd'ained'ogi* (Петр, Исаева Сельга), о. *Pohd'asuor'* (Прион, Намоево), оз. *Pohd'elambi* (Прион, Виданы), оз. *Pohd'lambi* (Петр, Гомсельга), оз. *Pohd'anlambi* (Петр, Утки), тоня *Pohd'aïne/stolnik* (Конд, Сопоха), тоня *Pohd'aïneabai* (Прион, Намоево), зал. *Pohd'aïneguba* (Конд, Ковкойсельга; Петр, Верхняя Ламба; Петр, Каничева Сельга; Конд, Тивдия), мыс *Pohd'aizenniemak* (Олон, Михайловское), берег *Pohd'ainerand* (Конд, Матюкनावолк), часть озера *Pohjoispiä, piä* 'конец' (Ухт, Контокки), часть озера *Pohjanepiä*

(Сегоз, Юккогуба), оз. *Pohjupiälambi* (Олон, Коткозеро), оз. *Pohpiel/lambi / Pohd'apiän lambi* (Прион, Намоево); *luuvveh*: о. *Luuvenšuari* (Реб, Кимаваара), берег *Luodehrand* (Конд, Лижмозеро), тonya *Luodehabai* (Свят, Пялозеро); *koillini*: руч. *Koilisjoja* (Кест, Окуневая Губа; Кест, Лайдасальма), руч. *Koilinoja* (Сегоз, Сельги); *liide*: оз. *Liidalambi* (Петр, Койкары), тonya *Liiden'uoru, n'uoru* 'подводный песчаный риф, отмель' (Свят, Пялозеро), берег *Liiderand* (Конд, Лижмозеро), мыс *Liideniem* (Конд, Ковкойсельга), мыс *Liidegenniem* (Конд, Лычный Остров); *meri*³: порог *Merikoški* (Кемир, Подужемье), р. *Merijoki* (Кест, Тикшозеро; Кест, Ламакавоара; Кест, Елетозеро), оз. *Merilampi* (Лоух, Парфеево; Лоух, Соностров).

Лексемы для обозначения сторон света представлены и в ряде названий других объектов на местности, ср. бол. *Šuvišuo* (Кест, Тунгозеро; Кест, Спасварака; Кемир, Шелапога; Лоух, Вангозеро), бол. *Šuvisammal, sammal* 'мох' (Петр, Мелосельга), бол. *Suvisuo* (Олон, Улваны, Прион, Намоево; Конд, Палоламба), склон *Šuvirinne* (Ухт, Алозеро), г. *Šuvivuaara* (Кест, Боярская; Тунг, Пиртозеро; Тунг, Нильмозеро), возвышенность *Suvivuaranselgy* (Видл, Паннила), скала *Suvinekal'l'* (Конд, Ерши), бол. *Pohjoisšuo* (Лоух, Полуборская), бол. *Pohd'uoisuo* (Свят, Пелдожа), низина *Luodehlogo, logo* 'сырая низина' (Конд, Ковкойсельга), скала *Liidekal'l'* (Конд, Лижмозеро; Конд, Лычный Остров), г. *Liidemägi* (Конд, Владимирская), бол. *Merišuo* и возвышенность *Merivuaara* (Лоух, Парфеево).

Как и в предыдущей группе, обозначенные атрибутивные части нередки в многокомпонентных топонимах как определение готового названия: ср. *suvi / suvine*: оз. *Šuvi-Heinäjärvi*, т. е. 'Южное Хейнозеро'

³ Если в Беломорье топооснова *Meri-* связана непосредственно с объектами, расположенными на морском побережье (*meri* 'море'), то южнее, в центральных и южных частях Карелии, термин *meri* использован именно в пространственной семантике. Так, название болота *Merimatanšuo* (Сегоз, Сельги) указывает на существование некогда дороги к Белому морю. Видимо, как-то с указанием на этот сухопутный путь связаны и зафиксированные здесь же заливы *Merilakši* (Сегоз, Каличий Остров; Сегоз, Сяргозеро) и мыс *Merikorgo* (Сегоз, Каличий Остров). У карелов-ливвиков в Погранкондушях название *Merijärvi* используется для обозначения крупнейшего озера Европы — Ладоги. Вариант *Meri* фиксируется и в других местах ливвиковского ареала. Название болота *Merisuo* в дер. Миккилицы является, в свою очередь, метафорическим и указывает на крупные размеры безлесного болота в окрестностях поселения. Название же порога *Merikoški*, находящегося к востоку от деревни Подужемье, свидетельствует о том, что он является последним порогом на реке Кемь перед выходом в Белое море.

(Ругоз, Лувозеро), оз. *Šuvi-Huuhtjärvi* (Кест, Тикшозеро), оз. *Šuvi-Kynzijärvi* (Лоух, Выгетайбола), оз. *Šuvi-Hattamajärvi* (Лоух, Ниж. Ку-мозеро), оз. *Šuvi-Haugilambi* (Сегоз, Шалговара), зал. *Šuvi-Lohilakši* (Кест, Ламбасгуба), р. *Šuvi-Pirttijoki* (Лоух, Воронская), бол. *Šuvi-Kaidasuo* (Лоух, Пингасалма), возвышенность *Šuvi-Keltavuara* (Ухт, Хирвисальма), р. *Šuvi-Pohjanjogi* (Реб, Тужены), зал. *Suvine Toralait* (Конд, Сопоха), зал. *Suvine Kard'aguba* (Конд, Тавойгора), мыс *Suvine Kondiniem* (Конд, Кондинаволок), тоня *Suvine Manderabai* (Конд, Тавойгора), оз. *Suvine Matlamb* (Олон, Обжа), оз. *Suvine Void'ärvi* (Конд, Вороново), тоня *Suvihaudanabajad* (Конд, Лижмозеро), тоня *Juohdegen/suvineabai* (Петр, Мартнаволок), тоня *Lohisuaren/suvižee/n'okkaa/abai* (Конд, Сопоха), тоня *Murtsuoren/suizen/n'okan/abai* (Конд, Каягина Сельга); **pohja / pohjois**: оз. *Pohjois-Heinajärvi* (Ругоз, Лувозеро), мыс *Pohjois-Кёуруниemi* (Ухт, Ухта), мыс *Pohjois-Salminiem* (Ухт, Нурмилакша), возвышенность *Pohjois-Keltavuara* (Ухт, Хирвисальма), пролив *Pohjoni Pinkašalmi* (Лоух, Пингасалма), р. *Pohjois-Pirttijoki* (Лоух, Воронская), оз. *Pohd'aine Variglamb* (Конд, Кондозеро), тоня *Pohd'aine Manderlabai* (Конд, Тавойгора), тоня *Pohd'aizenbokanabai*, мыс *Pahnnoisuarenpohd'aizenn'okk* (Конд, Лычный Остров); **liide**: тоня *Liide-Linnoinabai* (Петр, Пялозеро); **meri**: оз. *Meri-Neitijärvi* (Лоух, Сонострв), зал. *Meri-Mannanlakši* (Тунг, Кевязозеро).

При этом такие сложные названия редки на территории проживания олонцев карелов. Это можно было бы объяснить меньшим количеством озер в южной части ливвиковского ареала, на Олонцевой низменности. Однако на севере его ландшафт во многом идентичен тому, который характеризует собственно карельскую и людиговскую территорию, поэтому за этой особенностью именования стоят, видимо, какие-то иные причины, связанные с типологией именования, вызванной маршрутным видением в северной Карелии (см. об этом также в 3.5 в связи с оппозицией *ylä* - 'верхний' и *ala* - 'нижний').

Кроме отмеченных выше топонимов, в карельской топонимии встречаются и некоторые другие слова, указывающие на стороны света. Так, в тверских говорах лексема *uõ* 'ночь, ночной' известна также в значении 'северный', а слово *ildaranda*, букв. 'вечерняя сторона', фиксируется со значением 'восточный'. Подобных значений в карельских говорах на территории Республики Карелии не отмечено, однако есть некоторое количество названий, где эти лексемы выступают в качестве атрибутивной части географических названий, напр.: оз. *Yölampi* (Ухт, Хайколя), луда *Yöluoto* (Ухт, Нурмилакша), р. *Yöjoki* (Ухт, Луусальма; Ухт, Войкула), тоня *Yöabaja* (Лоух, Корелакша), оз. *Yölampi ~ Jyölampi*

и возвышенность *Yöselgy ~ Jyöselgy* (Олон, Нурмолица), берег *Italiete* (Кест, Оланга). Не исключено, что мотивом номинации некоторых из них могло стать их расположение к северу или востоку от поселений, в топонимии которых они зафиксированы.

Известно также несколько примеров из области гидронимии, в которых выступает тополексема *louna ~ lounas* в значении 'западный', ср. порог *Lounakoški* (Кемир, Пибозеро), озера *Lounatlammit* и возвышенность *Lounatvuara* (Сегоз, Паданы), мыс *Lounaniem'* (Конд, Каягина Сельга), а также, видимо, болото *Luonahansuo* (**Lounahan-*) (Олон, Пертисельга).

Следует отметить, что на западе Беломорской Карелии зафиксировано несколько названий, в составе которых реализованы термины, не характерные для обозначения сторон света в карельском языке: *itä* 'восточный' и *etelä* 'южный'⁴. При этом они широко представлены на сопредельной саволакской территории в восточной Финляндии. Не исключено, что их появление в топонимии региона может быть связано с преподаванием финского языка как родного в школах Карелии. В финском литературном языке именно эти лексемы используются в качестве обозначения восточной и южной сторон света. Способствовать функционированию данных моделей могло также проживание части коренного карельского населения западных частей Беломорской Карелии на занятых финнами территориях во время Второй мировой войны. В послевоенный период данный факт, а также преподавание финского языка дало, видимо, толчок для более широкого использования этих языковых «новшеств», в том числе в топонимии наряду с традиционными карельскими лексемами, особенно там, где карельские говоры являются наиболее близкими восточным говорам финского языка: уг. *Itäjoki* (Ухт, Поньгагуба), зал. *Itälakši* (Ухт, Войница; Ухт, Корпизеро), уг. *Itä Kaidasuo* (Лоух, Пингасальма), уг. *Etelärinne* (Ухт, Ювалакша) и мыс *Etelä Šalminiemi* (Ухт, Нурмилакша).

3.2. Топоосновы со значением 'передний' и 'задний'

Следующую подгруппу образуют топонимы, в которых отражается идея расположения объекта спереди или сзади относительно определенного центра, принимаемого за точку отсчета. Данная группа представлена всего несколькими топоосновами, однако две из них, *Perä-*

⁴ Спорадически они фиксируются и в карелоязычных рунах, записанных в западных районах современной Беломорской Карелии.

и *Taga-* ‘задний; находящийся за чем-либо’, входят в пятерку типовых атрибутивных элементов, которые характеризуют точное или относительное местонахождение объекта в окрестностях того или иного поселения. Среди других — топоосновы *Očča- ~ Očči-* ‘находящийся перед чем-либо’ (букв. ‘фасад, лицевая сторона’), *Ezi-, Edu-* ‘передний’, *Ulgo(ni)-* ‘наружный’, *Kohta- ~ Kohtu-* ‘находящийся напротив’, *Ylič-, Poikki-* ‘расположенный за чем-либо’, букв. ‘через что-либо’, *Väli-* ‘находящийся между’.

3.2.1. *Taga- ~ Taka-*

Атрибутивная основа *Taga- ~ Taka-*, а также *Tagaine-* известна на всей территории Карелии в наименованиях объектов, которые находятся за поселением в его непосредственной близости. Она выступает в гидронимах, агронимах, оронимах, гелонимах, ойконимах и наименованиях других географических объектов, ср.:

гидронимы: оз. *Tagalambi ~ Takalampi* (Ухт, Катошламба; Кест, Софьянга; Ухт, Луусальми; Тунг, Тунгуда; Тунг, Березовый Наволок; Ругоз, Кимасозеро; Видл, Паннила; Сямоз, Вешкелица; Сямоз, Арькойла; Свят, Пелдожа), оз. *Tagalambizet* (Сегоз, Венгигора), р. *Tagajogi ~ Tagad'ogi ~ Takajoki* (Кест, Кестеньга; Ухт, Поньгагуба; Кемир, Ригорека; Ругоз, Лувозеро; Сямоз, Чуралахта; Прион, Виданы), руч. *Tagaoja ~ Takaaja* (Ухт, Тунгозеро; Ухт, Сопосалма; Петр, Койкары; Сямоз, Савиново; Видл, Кохтусельга; Свят, Прокки), зал. *Tagalakši* (Лоух, Пильдозеро; Лоух, Ёлманга; Кемир, Вокшезеро; Реб, Лужма; Реб, Концеостров), мыс *Taganiemi ~ Takaniemi* (Свят, Святозеро; Лоух, Булдыри), берег *Tagarandu ~ Takaranta* (Видл, Куйкиннаволок; Ухт, Вокнаволок), зал. *Tagavongu, vongu* ‘излучина реки; бухта, залив’ (Видл, Щукнаволок), часть озера *Takašelkä* (Ухт, Малвиайнен), о. *Tagašuari* (Тунг, Лехта);

агронимы: поле *Tagapeldo ~ Takapelto, peldo* ‘поле’ (Кест, Вартиоламби; Канд, Нильмогуба; Ухт, Войкула; Ухт, Катошламба; Кест, Ламакавоара; Кест, Коккосалма; Ругоз, Кимасозеро; Реб, Концеостров; Тунг, Тунгуда; Свят, Щеккила; Свят, Топорное Озеро; Видл, Видлица; Видл, Верхняя Видлица; Видл, Кавайно; Видл, Пажала; Свят, Павшойла; Олон, Новиково), поле *Tagainepeldo* (Видл, Кибриннаволок), *Tagazienpeldo* (Сямоз, Уялега; Сямоз, Ангенлахта; Сямоз, Угмойла), поле *Tagaine* (Сягоз, Курмойла; Сямоз, Корза), поле *Tagapuoli, puoli* ‘сторона’ (Ругоз, Кимасозеро), поле *Tagasargu, sargu* ‘полоса (пашни); участок (поля), надел (обрабатываемой земли)’ (Видл, Кавайно), поле *Tagahuuhtu, huuhtu* ‘подсека’ (Сямоз, Сямозеро), поля *Tagapaikku, paikku*

‘место’ (Видл, Ведлозеро), покос *Takanurmi, nurmi* ‘луг, покос’ (Кест, Соколозеро), *Tagamannurmi* (Петр, Гомсельга), покос *Takapalo, palo* ‘пожог’ (Канд, Нильмогуба), покос *Takaleikut, leikku* ‘вырубка, делянка’ (Канд, Нильмогуба), прогон *Taguizinkujo* (Олон, Ташкеницы);

гелонимы: бол. *Tagašuo* (Ругоз, Кимасозеро; Олон, Елманга; Ухт, Сопосалма), бол. *Tagasuo* (Видл, Колатсельга), бол. *Tagaizensuo* (Видл, Кибриннаволок);

оронимы: возвышенность *Tagamägi* (Тунг, Венозеро), г. *Tagaselgy* (Видл, Видлица; Видл, Кохтусельга), г. *Tagavuara ~ Takavuara* (Кест, Коккосалма; Ухт, Войкула; Ухт, Хирвисалма; Кемир, Кургиево; Кемир, Волейнварака; Кемир, Шелапога; Сегоз, Листепога; Сегоз, Петрова Гора), г. *Takatunturi* (Кест, Зашеек, ложбина *Takaloma, loma* ‘овраг, ложбина, (болотистая) низина между холмами’ (Канд, Нильмогуба);

ойконимы: часть дер. *Takariäty, riäty* ‘ряд (домов)’ (Ухт, Контокки), часть дер. *Tagakylä* (Сегоз, Листепога; Петр, Карташи), часть дер. *Takapuoli, puoli* ‘сторона’ (Лоух, Булдыри).

Косвенным образом на заднее расположение объекта указывает продуктивная в топонимии южной Карелии тополексема *tagaveräi* ‘задворки, территория за домом’, букв. ‘задние ворота’: бол. *Tagaveräisuo* (Олон, Пертисельга), оз. *Tagaveräjänlammit* (Видл, Пунчойла), уг. *Tagaveräjänpeldo ~ Tagaveräipeldo* (Сямоз, Акимова; Свят, Щеккила; Свят, Топорное Озеро; Олон, Сарипорог; Олон, Кондусельга; Свят, Лисья Сельга; Видл, Каппа; Свят, Святозеро; Свят, Лижма), уг. *Tagaveräi* (Олон, Пески), уг. *Timoškan Tagaveräi* (Олон, Большие Сельги), уг. *Jakon Tagaveräi* (Олон, Малые Сельги). Притом что слово известно и собственно карельским говорам, в топонимии этого диалектного ареала оно не востребовано.

Кроме того, топооснова *Taga- ~ Taka-* входит в целый ряд сложных или составных топонимов: ср. тоня *Šuolahen Takaranta* (Ухт, Суднозеро), о. *Taga Hiizišuari* (Тунг, Лехта), зал. *Taga Pörčönlakši* (Тунг, Кевятозеро), уг. *Tagamannurmi* (Петр, Гомсельга), уг. *Takajovennurmet* (Кест, Кестеньга), тоня *Takaniemenšuu* (Лоух, Булдыри), оз. *Takašuo.nlambi* (Ухт, Сопосалма), уг. *Takavuaranpellot* (Кемир, Кургиево; Кемир, Волейнварака; Кемир, Шелапога), руч. *Takavuara.noja* (Кест, Коккосалма), яма *Takaniemen Šavihauta* (Лоух, Булдыри), уг. *Krantin-Petrin Takaranta* (Ухт, Вокнаволок), уг. *Takajovenpelto* (Ухт, Поньгагуба), уг. *Mihheisen Takapelto*, уг. *Mikitän Takapelto* (Кест, Коккосалма), возвышенность *Ol'kontakavuara* (Кемир, Панозеро), уг. *Tagažed Peränurmed* (Петр, Карташи).

Вероятно, за некоторыми двусложными названиями могут стоять более полные, например трехсложные, конструкции. Об этом можно

судить на основании бытования некоторых параллельных форм, ср.: о. *Tagašuari* ‘Задний остров’ = о. *Taga Hiizišuari* ‘Задний Хижиостров’ (Тунг, Лехта). Другими словами, в сложных топонимах может происходить так называемый эллипсис или выпадение одной из составных частей сложного названия. Использование более простых названий легко объясняется с точки зрения принципа упрощения, особенно в тех ситуациях, когда для говорящих становится очевидным из контекста, о каком объекте идет речь.

Следует отметить, что лексемы *taga*, *tagaine*, *tagaline*, *tagavoine*, *tua* часто используются в качестве детерминанта сложных (составных) названий, особенно в агронимии, и фактически переходят в разряд существительного, т. е. ‘место сзади, за чем-либо’. Во многих деревнях карельского ареала известны названия таких объектов, как поле *Humalikontaga* (Петр, Юркостров), покос *Joventaka* (Канд, Нильмозеро), покос *Järventaga* (Кемир, Лежево), часть поселения *Järventaguine* (Л, Подп), покос *Järventagazet* (Кемир, Лежево), болото *Korbentaguine* (Петр, Курганова Сельга), поле *Korventaguine* (Петр, Вохтозеро), покос *Korventaga* (Сямоз, Нехпойла), покос *Lahentaga* (Ругоз, Ногеус), поля *Lahentagazet* (Медв, Юстозеро), поле *Lambintaguine* (Свят, Палатозеро), поле *Lammintagalized* (Петр, Кудагуба), поле *Lammintaga* (Сегоз, Евгора; Сегоз, Юккогуба), поле *Luhantagani* (Ругоз, Кучозеро), тonya *Luodontaguine* (Конд, Лычный Остров), покос *Melličäntaga* (Петр, Декнаволок), оз. *Mäentaguine* (Олон, Утозеро; Свят, Лисья Сельга), покос *Mägentaga* (Петр, Викшицы), поле *Pertintagane* (Кемир, Ригорекка), поле *Peräntagazet* (Тунг, Березовый Наволок), покос *Polosuontaga* (Свят, Киндасово), поле *Riihentaga* (Лоух, Корелакша; Кест, Кизрека; Олон, Саригора; Прион, Виданы), покос *Rokonlambintaga* (Петр, Усуна), поле *Šalmentagane* (Петр, Гимолы), часть поселения *Šalmentaga* (Кемир, Вокшезеро), поле *Savikontaga* (Свят, Спиридоннаволок), зал. *Selgäntaga* (Конд, Лычный Остров), покос *Sepänsuontaga* (Петр, Мунозеро), покос *Sildantaguine* (Петр, Галлезеро), поле *Sildantaga* (Петр, Тереки), поле *Suarentagane* (Сегоз, Сяргозеро), порог *Suarentagavoine* (Олон, Гошкила), поселение *Suarentua* (Олон, Заостровье), поле *Suontaga* (Олон, Мегрозеро), поселение *Suontaguine* (Петр, Мунозеро), поле *Suontagaizet* (Свят, Пряжа), покос *Suontaga* (Петр, Пуйгуба), поле *Suontakani* (Лоух, Нижнее Кумозеро), покос *Syrd’äntaga* (Свят, Сюрьга), поле *Tientaga* (Лоух, Боярская), покос *Ylärväntaga* (Кемир, Ригорекка) и др.

Примечательно, что в субстратной топонимии севернорусских территорий Карелии прибалтийско-финская топооснова *Taga-* отобразилась

в целом ряде топонимов: ур. *Верх. / Ниж. Тагамы* (Шунг, Падмозеро), зал. *Тагангуба* (Сорок, Нюхча), уг. *Тагома* (Шунг, Патрово), о. *Тагостров* (Конд, Кокорин Остров), уг. *Левые / Правые Тагазны* (Пуд, Пяльма), в последнем примере приб.-фин. топооснова *Тага-*, осложненная атрибутивным суффиксом *-(i)ne* (он реконструируется и в *Тагангуба*), видимо, представлена в форме генитива *taganen*.

3.2.2. *Perä-*

Несколько менее представительной является группа топонимов, в качестве атрибутивной части которых выступает лексема *perä* 'находящийся сзади'. Как и в предыдущем случае, она востребована в названиях гидрообъектов, сельскохозяйственных и лесных угодий, болот и т. д., ср. гидронимы: оз. *Perälambi ~ Perälampi* (Ухт, Кентозеро; Ухт, Ухта; Ухт, Чикша; Ухт, Хайколя; Лоух, Корелакша; Ухт, Юшкозеро; Ругоз, Чирка-Кемь; Кест, Кестеньга; Кест, Оланга; Тунг, Тунгуда; Тунг, Березовый Наволок; Тунг, Кевязозеро; Тунг, Коссозеро; Тунг, Тораваракка; Ругоз, Ледмозеро; Сегоз, Сельги; Петр, Мелосельга; Свят, Вагвозеро; Свят, Воронова Сельга; Олон, Березовая Гора; Сямоз, Вешкелица), оз. *Perämbäinelambi*, букв. 'самая задняя ламба' (Олон, Сеппявара), оз. *Peräjärvi* (Ухт, Тирозеро; Ругоз, Ледмозеро), зал. *Perälakši* (Тунг, Ушково), зал. *Peräguba* (Видл, Колатсельга), тonya *Perähauta* (Ухт, Касколя), луда *Peräluodo* (Видл, Юргилица), пролив *Peräsalmi* (Реб, Сулоостров), мыс *Perämäinen okku* (Сямоз, Нижняя Салма), порог *Per(ä)kosk* (Конд, Вороново), руч. *Peräoja* (Лоух, Корелакша; Кест, Ламбашгуба; Лоух, Вангозеро; Свят, Лисья Сельга; Сямоз, Улялега), руч. *Peränoja* (Видл, Видлица; Видл, Большие Горы; Сямоз, Шомба);

агронимы: поле *Peräpeldo ~ Peräpelto* (Ухт, Шапповаара; Ухт, Койваозеро; Кемир, Кургиево; Кемир, Рудометово; Кест, Окуневая Губа; Кест, Кизрека; Лоух, Пингасальма; Кест, Лайдасальма; Видл, Илляла; Видл, Хлевनावолок; Сямоз, Акимова; Свят, Щеккила; Свят, Топорное Озеро; Видл, Гижозеро; Видл, Паннила; Ругоз, Кучозеро; Олон, Тигвера; Олон, Сеппявара; Олон, Пускусельга; Олон, Левендукса; Олон, Пертисельга; Видл, Рабала; Петр, Титनावолок; Петр, Вендеры; Петр, Фокина Гора; Сямоз, Корза; Петр, Сухое Озеро; Свят, Пелдожа; Свят, Кашканы), поле *Peräzienpeldo* (Видл, Рогокоски), поле *Peräaidu, aidu* 'забор' (Олон, Пускусельга), поле *Peräveräi, veräi* 'ворота, наружная дверь' (Олон, Пески), поле *Peräkedo, kedo* 'заросшая подсека, залежь; подсека после первого сбора урожая' (Петр, Каничева Сельга), поле *Peräobod, obod* 'обод' (Конд, Сопоха), поле *Peräntagazet*, букв. 'озадки

угодя *Perä*’ (Тунг, Березовый Наволок), поле *Peräpol’anku* (Олон, Улваны; Олон, Нурмолица), покос *Peränniityt* (Сямоз, Нижняя Салма), *Peränurmed* (Петр, Карташи), покос *Peränniit(ty)* (Петр, Нимозеро), покос *Peräperoš*, *peroš* ‘расчищенный, раскорчеванный под поле или покос участок в лесу или на болоте; новина’ (Кест, Лохгуба), покос *Perädagd’e*, *agd’e* ‘конец, край’ (Олон, Михайловское);

гелонимы: бол. *Peräsuo* ~ *Peräšuo* (Ухт, Сопосалма; Ругоз, Ногеус; Ухт, Охта; Кест, Ламбашгуба; Сямоз, Гарболова Сельга; Сямоз, Савиново; Олон, Мегрега; Олон, Гушкала; Олон, Пускусельга; Олон, Левендукса; Видл, Гавриловка; Видл, Рабала; Видл, Колатсельга; Сямоз, Эссойла; Сямоз, Угмойла; Сямоз, Корза; Свят, Лижма), бол. *Peräbolota* (Прион, Машезеро);

другие: часть дер. *Perä(kylä)* (Ухт, Алозеро), часть дер. *Peräranda*, *randa* ‘берег’ (Тунг, Кевязозеро), колодец *Peräkaivo* (Олон, Левендукса), прогон *Peräkujo* (Олон, Коткозеро), лес *Peräkorbi* (Видл, Илляла; Видл, Кукойвара; Видл, Куйкиннаволок), бор *Peräkangaz* (Видл, Куйкиннаволок; Свят, Топорное Озеро), возвышенность *Peräselgy* (Свят, Топорное Озеро; Свят, Габозеро; Олон, Нурмолица; Видл, Большие Горы; Сямоз, Сяргилахта), возвышенность *Perävuara* ~ *Perävuaru* (Ухт, Юшкозеро; Кест, Чипринга; Кест, Коштоварака; Кест, Вартиоламби; Кест, Боровская; Сямоз, Савиново; Олон, Тулосозеро);

составные топонимы, в которых *Perä-* является определением к готовому сложному по структуре топониму: уг. *Perä-Suuriaidu* (Сямоз, Ламбисельга), уг. *Perä-Griisanpeldo* (Кемир, Панозеро), уг. *Perä-Keččerinniityt* (Видл, Панила), уг. *Peräajanpeldo* (Олон, Коткозеро; Сямоз, Угмойла), лес *Perätuan/korbi* (Свят, Кескозеро), лес *Perätuan/meččä* (Кест, Ламбашгуба), оз. *Perä-Tagalambi* (Сямоз, Арькойла), уг. *Peräojan/nurmi* (Лоух, Вангозеро), уг. *Akiman Peräpelto* (Ухт, Поньгагуба), уг. *Hilipän Peräpeldo* (Олон, Пускусельга).

Достаточно характерным явлением для карелоязычной топонимии является использование двух форм — простой и сложной — для одного и того же названия: ср. покос *Karango* и *Karangoniityt* (Ухт, Сопосалма), озера *Matala-Kauhie*, *Šyvä-Kauhie* и *Kauhiejärvet* (Кемир, Кургиево). Выше уже было отмечено, что в подобных случаях мы имеем дело с выпадением одной из составных частей сложного названия или эллипсисом, поэтому можно полагать, что и в названии болота *Perä-Ruppi* (Видл, Пунчойла) и покоса *Perä-Šallut* (Олон, Малые Сельги) произошло выпадение детерминанта сложного топонима.

Нередки случаи, когда тополексема *perä* выступает в качестве детерминатива. Некоторые из подобных новообразований «превратились»

со временем в географические термины (напр., *lahenperä* ‘конец залива’). Кроме этого, достаточно распространенным явлением в топонимии региона является использование уже имеющихся сложных топонимов для образования новых названий, путем прибавления определяемой части, выражающей вид объекта. Подобные конструкции фиксируются и в данной подгруппе, ср.: поле *Alagjanperä* ‘конец (задняя часть) [уголья] Alagju’ (Видл, Большие Горы), покос *Haukilahen/perä* (Кест, Кокко-салма), покос *Hoikanperä* (Ухт, Кандонаволок), оз. *Kaijanperä* (Кемир, Кургиево), покос *Kal’lonperä* (Свят, Кашканы), зал. *Kannanperä* (Кест, Хлебнаволок), зал. *Kevätperä* (Ухт, Тихтозеро), покос *Kupanperä* (Лоух, Чупа), бол. *Kytöperä* (Ухт, Луусальма), покос *Lahenperä* (Ухт, Регозеро; Ухт, Вокнаволок; Ухт, Аягуба; Ухт, Нурмилакша; Ругоз, Ногеус), хут. *Lahenperä* (Ухт, Ювалакша), тоня *Lahenperä* (Кест, Хирвинаволок), поле *Lahtenperä* (Свят, Спиридоннаволок; Свят, Холму; Сямоз, Лахта), мыс *Lamminperä* (Сямоз, Сямозеро), поле *Lamminperä* (Тунг, Березовый Наволок; Кест, Лайдасальма), тоня *Lid’zmanpera* (Олон, Новиково), покос *Liejunperä* (Ухт, Вокнаволок), зал. *Liettiinperä* (Сегоз, Сельги), зал. *Lietperä* (Сямоз, Ангенлахта), зал. *Malviešperä* (Ухт, Малвиейнен), покос *Luhanperä* (Сегоз, Петров Наволок), покос *Mokonperä* (Ухт, Юшкозеро), зал. *Muštaperä* (Ухт, Хирвисальма), тоня *Mutaperä* (Кест, Кестеньга), поле *Navetanperä* (Ухт, Тухкала), поле *Navetanperä* (Ухт, Катощламба), поле *Nuozarven/peräine* (Свят, Спиридоннаволок), часть дер. *Ojalanperä* (Ухт, Ухта), покос *Ojanperä* (Кемир, Подужемье), покос *Pajanpera* (Олон, Новиково), поляна *Peldonperä* (Петр, Уссун; Олон, Новиково), поле *Peldomperä* (Конд, Лижмозеро), покос *Pirtinperä* (Ухт, Ювалакша; Кест, Спасварака), поле *Pirtinperä* (Ухт, Тухкала), часть дер. *Pitkäperä* (Ухт, Ювалакша), часть озера *Pohjaperä* (Ухт, Аконлакши), покос *Rajanperä* (Видл, Рабала), часть озера *Raukuajärven/perä* (Ухт, Мелкая Губа), тоня *Riihenperä* (Лоух, Будлыри), острова *Riihikorron/perä* (Сегоз, Шалговара), часть озера *Šaberonperä* (Кемир, Ригорека), тоня *Šantaperä* (Ухт, Аккала), тоня *Šavilahen/perä* (Ухт, Вокинсальма), покос *Šuarenperä* (Кемир, Панозеро), тоня *Šuarilahen/perä* (Ф, Кухмо, Римпи), зал. *Šuariperä*, бол. *Šuariperä* (Ухт, Вонгозеро), тоня, покос *Šuoperä* (Кест, Кундозеро), поля *Suoperä* (Олон, Куйтежа), лес *Syrd’änperä* (Видл, Видлица), часть озера *Syväperä* (Петр, Вендеры), часть озера *Šärgiperä* (Ругоз, Минозеро), покос *Tagaperä* (Сегоз, Паданы) и др.

В субстратной топонимии Карелии прибалтийско-финская топооснова *Perä-* воплотилась в целом ряде названий: уг. *Перналда* (Пуд, Куганаволок), бол. *Перболото* (Шал, Каршево), оз. *Перозеро* (Повен,

Кодозеро), мыс *Перинос* (Пуд, Куганаволок), уг. *Перя* (Шал, Шала), уг. *Пярсельга* (Шал, Каршево), зал. *Пергуба* (Велик, Великогубский Погост), порог *Перпорог* (Конд, Мал. Вороново) и др.

3.2.3. *Оџа- ~ Оџи-*

Кроме «задних» или находящихся сзади от чего-либо (деревни, дома и проч.) географических объектов, есть группа топонимов, в которых идея расположения перед чем-либо выражена лексемой ск. *оџа*, ливв. *оџи*, люд. *оџ(е)*, букв. ‘лоб’; метаф. ‘место перед чем-то’. Среди них большую часть составляют названия полей, которые находились в непосредственной близости от дома информанта или перед деревней, ср.: поле *Оџапeldo* (Тунг, Кевязозеро; Кемир, Ригорека; Реб, Вирда), поле *Оџапелто* (Ухт, Тетерनावолок; Ухт, Ювалакша), поле *Оџципeldo* (Видл, Заячья Сельга; Сямоз, Акимова; Видл, Паннисельга; Видл, Рогокоски; Олон, Сарипорог; Олон, Мегрозеро; Петр, Фокина Гора; Олон, Вехкусельга; Видл, Койвусельга; Олон, Гушкала; Видл, Веккойла; Видл, Большие Горы; Видл, Кукшегоры; Олон, Кондусельга; Олон, Левендукса; Олон, Малые Сельги; Олон, Новинка; Свят, Павойгора; Олон, Пертисельга; Олон, Речная Сельга; Свят, Сигозеро; Олон, Самбатукса; Олон, Саримяги; Олон, Чильмозеро; Олон, Шулка), поле *Оџциpellot* (Видл, Илляла; Видл, Канойла; Видл, Умосту), поле *Оџципeldo* (Видл, Пунчойла), поле *Оџсепeldo* (Свят, Лижма; Свят, Прокки). Модель наиболее востребована в топонимии ливвиковского ареала, где поля в деревне являются характерной чертой местного пейзажа. В собственно карельском ареале расселения названия такого рода встречаются намного реже, в топонимии карелов-людиков модель представлена совсем слабо. Топооснова *Оџа- ~ Оџи-* фиксируется также в составных названиях, в которых есть указание на название дома или непосредственного владельца того или иного сельскохозяйственного угодья, ср.: поле *Iivanan Оџапeldo* (Кемир, Кокорино), *Maksiman Оџапелто* (Ухт, Поньгагуба), *Miikkulan Оџапeldo* (Кест, Южн. Большое Озеро), *Homan Оџапелто* (Кест, Коккосалма), *Pertinoџци* (Видл, Кинерма), *Farkenоџце* (Прион, Виданы).

Точкой отсчета могут быть помимо поселения и другие объекты на местности, ср.: поле *Šarkanoџца* (Петр, Витчавара), *šarkka* ‘горка’, поле *Vuaranoџца* (Сегоз, Карельская Масельга), поле *Vuaranoџца ~ Vuaranoџанпелто* (Канд, Нильмозеро), *Korgievuaran/oџца* (Лоух, Пильдозеро), *vuara* ‘возвышенность’, поле *Suareksenoџци* (Сямоз, Ламбисельга), *suares* ‘островок’, поле *Kel'l'anoџци* (Олон, Утозеро), *kel'l'a*

‘келья’, поле *Kujonočče* (Петр, Декнаволок), покос *Kujonočče* (Петр, У Мельницы), *kujō* ‘прогон для скота’, покос *Mäenočču* (Видл, Паннила), *mägi* ‘горка’, покос *Suarenočče* (Прион, Виданы), *suari* ‘остров’, выгон *D'yrkanočče* (Петр, Галлезеро), *d'yrkä* ‘горка’ и др.

Модель бытует также в названиях других объектов в окрестностях карельских поселений, ср.: место игрищ *Mišanočča* (Сегоз, Топорная Гора), место игрищ *Tol'l'onočča* (Сегоз, Шалговара), оз. *Lemenočča* (Реб, Ровкулы), мыс *Mönkämönočča* (Ухт, Вокнаволок), мыс *Tihoinočča* (Сегоз, Петров Наволок), мыс *Niemenočča* (Ухт, Тетернаволок), мыс *Šuurenpiänočča* (Ухт, Вокнаволок), мыс *Päivinočča* (Лоух, Пильдозеро), тоня *Niemenočča* (Ухт, Суднозеро), тоня *Suarenočča* (Видл, Илляла), тоня *Kukoinočča* (Конд, Лычный Остров), тоня *Viningämöčanäbräz* (Свят, Пелдожи), скала *Riukanočče* (Свят, Кашканы), гора *Mägenočča* (Прион, Намосво).

Лексема выступает, хотя и намного реже, также в качестве атрибутивной части сложных топонимов: ср. оз. *Oččujärvi* (Олон, Нурмолица; Олон, Гушкала), г. *Oččašärkkä* (Сегоз, Сяргозеро), г. *Oččuselgy* (Видл, Видлица), г. *Očč(e)mägi* (Свят, Сюрьга; Олон, Михайловское), порог *Oččukoski* (Сямоз, Нижняя Салма; Свят, Киндасово), колодец *Oččukaivo* (Олон, Тигвера), лес *Oččukorbi* (Видл, Рогокоски), выгон *Oččaoboda* (Сегоз, Сельги), уг. *Oččuniitty* (Видл, Веккойла), бол. *Oččusuo* (Видл, Видлица) и др. При этом, как видно из примеров, бо́льшая часть подобных наименований фиксируется в топонимии карелов-ливвиков.

Примечательно, что в зависимости от расположения на местности значение атрибутивного элемента названия одного и того же географического объекта в разных частях поселения может быть прямо противоположным, ср.: выгон в дер. Сельги *Oččaoboda* (букв. ‘находящийся перед’) и вариант названия этого же объекта в соседней части данного поселения — *Tagaoboda* (букв. ‘находящийся позади’).

Кроме модели *Očča-* ~ *Očči-*, объекты, находящиеся перед чем-либо, могут помечаться лексемами *ezi* и *edu* ‘передний’. Количество названий данного типа в топонимии невелико. При этом *ezi* фиксируется в собственно карельском ареале и у карелов-ливвиков, в то время как лексема *edu* характерна для топонимии собственно карельского происхождения (а отчасти, возможно, и людиковского), ср.: зал. *Ezilakši* (Кемир, Вокшозеро), о. *Ezi Hiizišuari*, зал. *Ezi Lietelakši* (Тунг, Лехта), оз. *Ezi Pahalambi* (Сегоз, Паданы), уг. *Ezipeldo* (Видл, Кавайно; Олон, Лумбозеро; Олон, Березовая Гора), зал. *Ezi-Valloi* (Видл, Колатсельга), бол. *Ezisu* (Сямоз, Эссойла), г. *Ezivuaru* (Олон, Тулосозеро),

уг. *Eturanta* (Ухт, Вокнаволок), уг. *Edupuoli* (Ругоз, Кимасозеро), часть дер. *Edu Pohjariä* ‘Передний Северный конец’ (Сегоз, Сельги), скала *Eduskal’l* (Конд, Владимирская).

3.3. «Ближние» и «дальние» топонимы

Данная группа названий отражает, насколько далеко или близко от поселения (или иной реалии, принятой за точку отсчета) располагаются те или иные географические объекты.

В составе топонимов этой группы фиксируются следующие лексемы: ск. *loittoni*, *loittone*, люд. *loit(t)oine* ‘далеккий; дальний’, ливв. *taemba(i)ne* ‘находящийся дальше’, а также ск., люд. *lähine*, *läheini*, ливв. *lähembä(i)ne* ‘близкий; ближний, более близкий’. Данная группа названий достаточно малочисленна. Анализ топонимического материала показывает, что указанные лексемы представлены в названиях как сложных, так и составных топонимов, среди которых — названия озер, рек и ручьев, сельскохозяйственных угодий, болот и мысов. Некоторые из них образуют топонимические пары (см. ниже). В то же время никаких ярко выраженных ареалов, за которыми могла бы скрываться этноисторическая подоплека, здесь не наблюдается: оз. *Läheini Hirvasjärvi* (Кест, Соколозеро), р. *Lähinjogi* (Реб, Ровкулы), мыс *Lähineniemi* (Сегоз, Карельская Масельга), уг. *Lähembäine Ojansuu* (Сямоз, Угмойла), руч. *Lähembäne Keidoja* (Видл, Рогокоски), уг. *Lähineobod* (Конд, Кондозеро), оз. *Lähine Sädd’ärvi* (Конд, Кавгора), бол. *Loitonišuo* (Ругоз, Хижезеро), уг. *Loitonihuuhta* (Кемир, Лежево), р. *Loittonijogi* (Ухт, Ровкулы), оз. *Loitonilambi* (Сегоз, Пелкула), уг. *Loitonepiä* (Сегоз, Петельнаволок), уг. *Loittonipeldo* (Ухт, Юшкозеро), уг. *Loittoizedpeldod* (Конд, Кондозеро), мыс *Loitoineniem’* (Конд, Вороново), уг. *Taembaine Ojansuu* (Сямоз, Угмойла), руч. *Taembane Keidoja* (Видл, Рогокоски).

К данной группе относится, видимо, и топооснова *Kaugo(i-) ~ Kauko-*. На территории современной Карелии лексема *kaugo(i)*, *kauko* словарями карельского языка не отмечена, однако она представлена в ливвиковских говорах Приграничной Карелии в Финляндии, ср. *kaugoi* ‘отдаленный, далекий’. На данный момент остается не вполне понятным появление модели в топонимии Карелии. С одной стороны, названий рассматриваемого типа фиксируется мало, что, возможно, свидетельствует о проникновении их в Карелию с территории Финляндии, где соответствующая лексема представлена довольно широко, ср.: фин. *kauko*, *kaukainen* ‘далеккий, отдаленный’. С другой стороны, нельзя исключать, что засвидетельствованные в Карелии названия могут быть рудиментами разрушенного временем

более обширного ареала, а это, в свою очередь, может указывать в том числе на то, что и сама лексема была представлена в диалектах карельского языка более широко, ср.: берег *Kaukoranta* (Ухт, Ухта), оз. *Kaugolambi*, мыс *Kaugoniemi*, р. *Kaugojogi* (Реб, Концеостров), оз. *Kaugoid'ärvi* (Конд, Кавгозеро), в Сямозерье мыс *Kaugoiniemi* (Сямоз, Сяргилахта), берег *Kaugoiliate*, бол. *Kaugoisuo* (Сямоз, Курмойла), берег *Kaugoi(randu)* (Сямоз, Угмойла), в русской Карелии о. *Кавгостров* (**Kaugo-*) (Шунг, Толвуя). При этом сямозерские топонимы могут быть частью одного топонимического гнезда, поскольку бытуют в территориально смежных поселениях на берегу оз. Сямозеро (деревни, где представлены топонимы рассматриваемого типа, находятся не так далеко друг от друга).

Семантически близкой «дальним» топоосновам является и основа *Ulko-* ~ *Ulgoni* 'внешний, наружный'. Она не получила широкого распространения и выступает в топонимии собственно карельского языкового ареала в названии таких географических объектов, которые на фоне одноименных, например внутренних заливов, располагаются ближе к основному открытому водному пространству водоема, ср.: зал. *Ulgoni Ristilakši* (Реб, Концеостров), пролив *Ulkošalmi* (Ухт, Ювалакша), пролив *Ulko Šuušalmi* и бол. *Ulkošuo* (Кест, Кестеньга), мыс *Ulko Nukkiniemi* (Кест, Кестеньга).

3.3.1. *Sydän-* ~ *Syväin-*

Все рассмотренные выше типы не несут ярко выраженной этноисторической нагрузки. Далее будет представлен анализ топонимной модели *Sydän-* ~ *Syväin-*, которая в силу своей малой продуктивности в топонимии не была отражена в таблице выше. Она интересна с позиций ареальной дистрибуции и стоящих за последней процессов. Топооснова использовалась в карелоязычной топонимии при именовании объектов, находящихся или находившихся на определенном удалении от поселений. Общее число фиксаций на территориях расселения карелов немногим превышает 30.

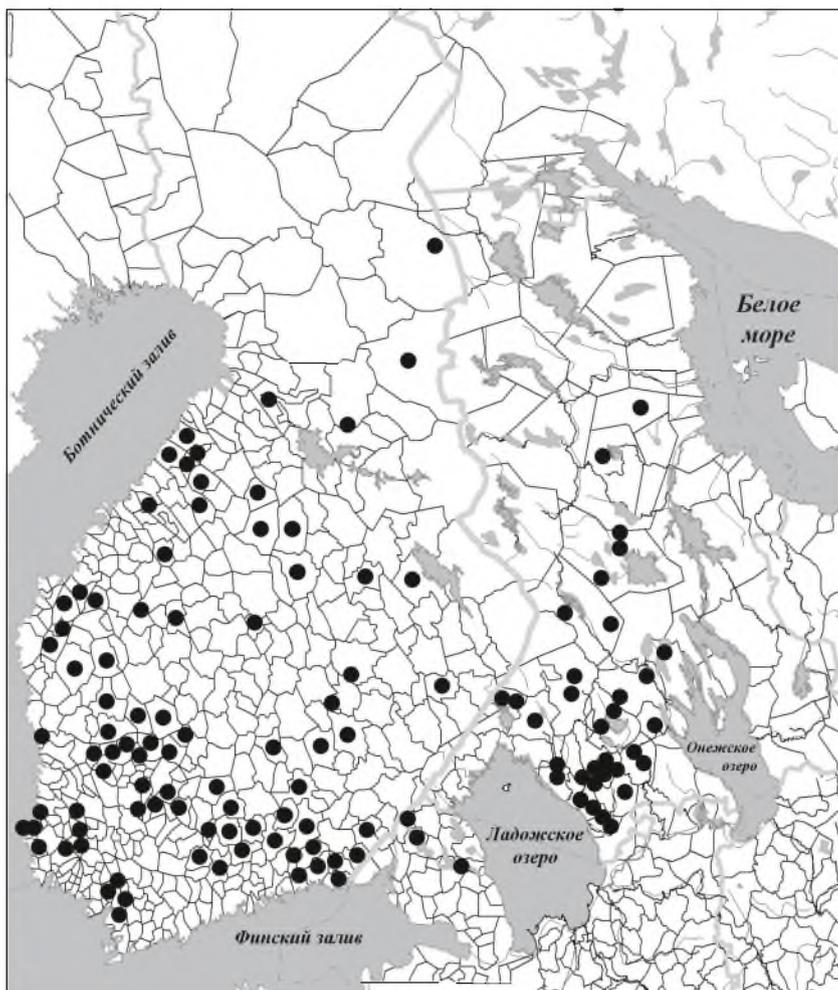
Ареал топоосновы *Sydän-* ~ *Syväin-* охватывает прежде всего территорию проживания карелов-ливвиков, а также фиксируется у карелов-людиков и на собственно карельских территориях в Приграничной Карелии (фин. *Raja-Karjala*) в бывшей Финляндии, ср.: возвышенность *Syväinselkä* (Ф, Суйст, Койтто), лес *Syväinkorbi* (Видл, Ведлозеро), поле *Syväinčuppu* (Свят, Сигнаволок). Модель представлена преимущественно в названиях лесных участков, возвышенностей, болот и заливов. Остальные географические объекты с атрибутивным элементом

Syvään- — это названия культурных объектов, например дорога *Syvään-dorogu* (Видл, Кона), поле *Sydänhuuha* (Ф, Суояр, Вуонделе), покос *Sydämennurmed* (Петр, Карташи; Конд, Кондопога).

Лексема *sydän ~ syvään* известна карельским говорам в нескольких значениях: ‘сердце; желудок; нутро, внутренность, сердцевина; начинка чего-либо’. В то же время для понимания мотива номинации топонимов следует обратить внимание на такие сложные слова, как *syväänmeččy* ‘отдаленный лес’ (*meččy* ‘лес’) и *syväänmuia* ‘отдаленная местность; глушь’ (*muia* ‘земля’). Подобное развитие первоначального значения ‘сердце; внутренность’ известно также в финском и саамском языках, ср.: фин. *sydäntalvi* ‘середина зимы’, *sydänyö* ‘глубокая ночь’. В саамском языке этимологическим соответствием прибалтийско-финского слова *sydän* является послелог *čáđá* ‘сквозь, насквозь’ [SSA III: 228]. Кроме этого, в финляндской Приграничной Карелии лексема *syväänmuia* известна также в значении ‘ложбина’ [NA]. Все упомянутые выше слова фиксируются словарями на территории бытования ливвиковского наречия карельского языка, а также в ареале проживания собственно карельского населения в Финляндии. На остальных собственно карельских территориях в тех же значениях выступают лексемы *siän, seän* и *syän*, являющиеся фонетическими соответствиями южнокарельского *syvään*.

Карта-схема распространения названий на *Syvään- ~ Syän-* показывает, что модель представлена, прежде всего, у карелов-ливвиков в южной Карелии (карта 18). По мере же продвижения на север и восток продуктивность ее снижается. За пределами основного ареала фиксируется всего несколько названий: низина *Sydänorgo* (Петр, Гомсельга), руч. *Sydämoja* (Прион, Виданы), оз. *Siänlambi*, г. *Siänsellä* (Петр, Совдозеро), бор *Seänkangas*, бол. *Seänsuo* (Петр, Кудагуба), руч. *Syän-oja*, бол. *Syänsuo*, оз. *Syänjärvi* (Сегоз, Сельги), бол. *Syänsuo* (Сегоз, Шалговара), уг. *Syvänpeldo* (Сегоз, Петров Наволок).

Появление модели в собственно карельской топонимии средней Карелии и у карелов-людиков может указывать на наличие былых культурно-родственных связей (миграцию, отселение) с территорией южной Карелии. О возможных контактах между карелами-ливвиками и Сегозерьем свидетельствует, например, распространение топонимов, в которых фиксируются ливвиковские лексемы *hieru* ‘деревня; часть деревни’ и *nouzemu* ‘родник’. Первый из приведенных терминов в значении ‘деревня’ известен, прежде всего, у карелов-ливвиков на территории Олонецкой равнины. На этой же территории термин широко представлен в топонимии. В собственно карельском наречии карельского языка лексема *hieru* в значении ‘часть поселения’ известна только в южном

Карта 18. Ареал топоосновы *Suväin- ~ Syän-*

Сезозерье (ср. часть деревни *Suvenhieru*, букв. ‘южная деревня’ (Сезоз, Сельги)). Здесь же, в окрестностях деревни Сельги, располагается и угодье *Nouzetianpurmet* (*nurmet* ‘покосы’), в названии которого закрепился термин *nouzeti ~ nouzeta* ‘родник’, не зафиксированный словарями за пределами Олонецкого перешейка.

Карта распространения названий показывает, что топонимы на *Su-
väin- ~ Syän-* известны достаточно далеко от основного ареала бытования

модели, на восточной окраине Беломорской Карелии, ср.: р. *Siänd'ogi* в Маслозере и оз. *Syänlambi* в Березовом Наволоке в бывших Тунгудской и Маслозерской волостях. В то же время вопрос о единых истоках названий на юге и севере современной Карелии остается пока открытым и требует дальнейшего изучения. Другими словами, необходимо нацелиться на выявление таких топонимических типов⁵, ареал которых объединял бы юг и север Карелии.

Топонимная модель *Sydän-* бытует и на территории соседней Финляндии, где она также выступает в наименованиях как природных, так и культурных объектов. В тех же значениях, что и в карельском языке, бытует в финских народных говорах и сама лексема *sydän* [NA]. Аналогичен и мотив номинации в топонимии. Другими словами, рассматриваемая модель представлена в названиях таких объектов, которые расположены в глубине леса, часто вдалеке от поселений. Отличительной чертой в сравнении с Карелией является то, что в Финляндии часть названий объясняется информантами на основе ассоциации по форме: некоторые географические объекты якобы напоминают по форме сердце [Ibid.].

Ареальная карта указывает на то, что модель названий с атрибутивной частью *Sydän-* родилась в пограничье исторических провинций Хяме и Сатакунта, которое маркируется плотным ареалом соответствующих топонимов, а позже с оттоком населения распространилась и на другие территории. Остается вопросом, могли ли зафиксированные в Приграничной Карелии названия появиться здесь самостоятельно или речь все же идет о емском топонимном типе, который проник в Приладожье через Саво с переселенцами из Хяме, а позднее, с уходом православных карелов на восток, распространился далее на территорию современной Карелии. Заметим, что названия на *Sydän-* в Карелии

⁵ Можно обратить здесь внимание на распространение этнонимической топонимии *Vepsä-* 'вепс, вепсский', которая фиксируется в т. ч. на территории северной Карелии, где она могла указывать на людей, переселившихся с юга Карелии, ср.: г. *Vepsävuara* (Ругоз, Хижозеро) и оз. *Vepsäjärvi* (Лоух, Боярская). Отметим, что названия на *Vepsä-*, как и топонимы на *Syvän-*, представлены, например, в средней Карелии, ср.: оз. *Vepsälambi* (Сегоз, Сельги). Кроме этого, в тунгудском говоре северной Карелии присутствует ряд слов, прямые эквиваленты которых находятся именно в ливвиковском наречии на территории южной Карелии, напр. *čonžoi* 'блоха'. Кроме языка тунгудских карелов, слово бытует в собственно карельском наречии в суоярвском говоре на территории бывшей Финляндии [KKS]. Можно, таким образом, предполагать, что топонимная модель *Syvän-* ~ *Sydän-* могла проникнуть на восток Беломорской Карелии с отселением карелов из Приграничной Карелии в XVII в., где, как было отмечено выше, она представлена в топонимии.

имеют ту же семантику, что и на финской территории. Здесь большинство топонимов — это наименования лесных и сельскохозяйственных угодий, располагавшихся внутри лесного массива. С другой стороны, возможным емским корням противоречит, например, фиксация болота с названием *Sydänso* (рус. *Суданское болото*) у средних вепсов на Ояти.

Кроме этого, на обрусевших вепских территориях в Вологодской области в топонимии бытует модель *Нутро*, которая может быть переводной калькой топонимической модели *Sydän- ~ Syväin-* (ср. рус. *нутро* 'внутренний, внутренность'): покос *Нутро* (Л, Выг, Подгорье), тропа *Нутренная дорожка* (Л, Ошт, Сяргозеро). Названия с элементом *Нутро* зафиксированы также в Карелии, например в Заонежье, ср.: уг. *Нутро*, уг. *Нутренник*, уг. *Нутренница*, уг. *Нутрище*, уг. *Нутренный*; и в Пудожье, ср.: бол. *Нутренный Мох*, часть озера *Нутро* и др. Русская модель использовалась при наименовании таких объектов, которые располагались внутри какого-либо более крупного по площади географического объекта или в окружении других объектов, как, например, поле в окружении лугов или часть озера между островами и лудами. В отличие от карельских топонимов, русские названия данного типа помечают, прежде всего, сельскохозяйственные объекты. Таким образом, вопрос о возможных единичных истоках моделей *Syväin-* и *Нутр-* также остается пока открытым.

В заключение отметим, что, хотя мотив и предпосылки появления модели на *Sydän- ~ Syväin-* вполне понятны, дальнейшего изучения требует ареал названий, а также вопрос возможных единичных истоков модели у карелов и еми и у карелов и русских в Карелии и на сопредельных русскоязычных территориях.

3.3.2. *Perse- ~ Perze-*

Идея «дальний» в топонимии региона может передаваться прямо, с помощью лексем с соответствующим значением, и иносказательно, с помощью метафор. Как уже было отмечено выше (раздел 2.6), часто стереотипными образами для возникновения метафор являются части тела человека и животного, при этом идея дальнего расположения объекта относительно поселения или основного пути, как правило, передается лексемой карел. *perse*, *perše*, вепс. *perze* 'зад; задняя сторона; задняя часть': порог *Hevonperze* 'зад лошади' (Ругоз, Лувозеро), оз. *Syväperze* 'глубокий зад' (Свят, Лисья Сельга), зал. *Lehmänperže* 'зад коровы', зал. *Kondienperže* 'зад медведя' (Кемир, Воленварака), мыс *Levieperze* 'широкий зад' (Тунг, Березовый Наволок) и др.

В субстратной топонимии русских территорий исследуемого региона также присутствуют следы бытования указанной прибалтийско-финской метафорической топоосновы: зал., дер. *Перилахта* (А, Плес, Першлахта), уг. *Ближняя / Дальняя Реперзя* (Пуд, Песчаное). Фонетический облик первого примера (наличие сибиллянта *ʃ*) предполагает карельские истоки. Истинность этимологии подтверждается известным народным вариантом топонима *Жоплахта*, зафиксированным в д. Першлахта экспедицией ИЯЛИ в 2013 г.

Интерпретация не противоречит географическим фактам и согласуется с тем, что данная семантическая модель обладает признаками универсальной, она, к примеру, хорошо известна и в вепсской топонимии, ср. в бассейне Свири оз. *Perzedärv* или оз. *Перзак*. Судя по расположению последних, мотивация вепсских гидронимов связана с их задним, последним, крайним расположением относительно водного пути. Такая же ориентация по основной реке свойственна и ряду «задних» объектов, в названиях которых присутствует топооснова *Pet-* / *Пет-*. В истоках можно предполагать этимон, родственный современным саам. *bättä, peđđ* ‘зад, задница’, а также очень показательное, очевидно, секундарно развившееся значение ‘конец фьорда или залива’ [Nielsen 1979]. Что касается звуковой стороны, то современные саамские диалектные варианты позволяют реконструировать праязыковое **peŋe* ‘зад’ [Lehtiranta 1989], воплотившееся в следующих озерных наименованиях: оз. *Petdärv* (рус. *Петозеро*), замыкающее сверху цепь озер, дающих начало реке Шелтозерке (басс. Онежского озера), оз. *Петозеро* на восточном берегу обширного Ведлозера, в верховьях р. Кура (басс. р. Видлица), оз. *Petusjärvi* (басс. оз. Сязозеро), расположенное сбоку от р. Кивач, с которой соединяется короткой протокой, и в этом смысле является «задним», и ряд других.

3.4. Топоосновы со значением ‘расположенный между или напротив’

3.4.1. *Väli-*

Следующая подгруппа представлена тополексемами, которые называют на расположение объекта в промежутке между другими объектами или на противоположной от них стороне. Среди них, например, *väli, välinäine* и *välliine* ‘промежуточный; промежуток’. Названия зафиксированы, прежде всего, в ареале проживания собственно карельского населения, в меньшей степени в топонимии карелов-ливвиков,

в людиковской топонимии отсутствуют полностью, как и в вепсской. Топооснова *Väli-* с вариантами востребована в роли атрибута в наименованиях сельскохозяйственных угодий: поле *Marttil'an Välipelto*, *Marttila* — ойконим (Кест, Ламакавоара), поле *Välipellot* (Реб, Гафостров), поле *Välipelto* (Ухт, Хайколя), поле *Välipeldo* (Видл, Пажала), поле *Välinäinepeldo* (Олон, Рытчэйлы), поле *Välihuhta* (Кемир, Панозеро), покос *Välinurmi* (Ухт, Поньгагуба), покос *Väliaho* (Ухт, Ладвозеро), пастбище *Väliliine* (Олон, Обжа) и др. Она представлена в ряде наименований болот: бол. *Välisuo* (Ф, Суом, Хиетярви; Петр, Кудагуба), бол. *Välisuo* (Ухт, Войкула; Ухт, Тихозеро) и др., водных объектов: оз. *Välilampi* (Ухт, Поньгагуба; Ухт, Кандонаволок), р. *Väljoki* (Ухт, Хайколя), порог *Välikoški* (Ухт, Костомукша; Ухт, Ринозеро; Ухт, Ладвозеро) и др., в единичных оронимах, напр. лес *Välikoivikko*, *koivikko* 'березняк' (Олон, Большие Сельги).

Кроме этого, лексема *väli* выступает в качестве детерминанта в целом ряде топонимов, где *väli* 'промежуток, место между чем-то или на пути до чего-либо', ср.: пролив *Kuuzennuorunväli* (Кемир, Панозеро), букв. 'место на пути до [отмели] Куузеннуору', покос *Kahen Naizjärvenväli*, букв. 'место между двумя озерами Найзъярви' (Кемир, Шелапога), покос *Kahenlamminväli* 'место между двумя ламбами' (Кест, Кестеньга), покос *Lambienväli* 'место между ламбами' (Кемир, Рудометово; Ругоз, Кимасозеро), поле *Talojenväli* 'место между домами' (Ухт, Мелкая Губа), поле *Manikanväli*, букв. 'место на пути в [урочище] Маникка', поле *Mihheinväli*, букв. 'место по дороге в [угодье] Миххей' (Кест, Коккосальма), перешеек *Kahenjärvenväli* 'место между двумя озерами' (Сегоз, Шалговара), тоня *Korkojenväli* 'место между мысами' (Ухт, Няргиев Двор), тоня *Naitikanväli*, букв. 'место по дороге в ур. Найтикка' (Кест, Оланга), тоня *Kahenkallivonväli* 'место между двумя скалами' (Ухт, Пизьмогуба), мыс *Hovvonlahtenväli* 'место по дороге в залив Ховвонлахти' (Видл, Рогокоски), руч. *Suarenvälinoja*, букв. 'ручей, впадающий между островами' (Кемир, Панозеро), бол. *Kiiškoilänväilsuo* 'болото на пути в дер. Кишкойла' (Сямоз, Ангенлахта). При этом в последнем названии атрибутивный элемент выступает в форме адессива.

3.4.2. *Poikki-*

Поскольку большая часть карельских поселений находилась или находится на берегу водоема, то естественным мотивом названия становится расположение того или иного объекта на противоположной от населенного пункта стороне водоема, т. е., например, через озеро,

реку, залив, пролив и т. д. Такая пространственная характеристика выражается несколькими лексемами, одна из которых *poikki* с вариантами *poikkeš*, *poikelline* ‘через что-либо; противоположный; напротив’. Она чаще выступает в качестве атрибутивной части топонима, но в отдельных случаях оказывается на месте выпавшего в результате эллипсиса детерминанта. В научной картотеке топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН выявлен целый ряд примеров, которые свидетельствуют о расположении географических объектов на противоположной стороне 1) озера: поле *Poikkijärvi* (Кемир, Пибозеро; Ухт, Хайколя), покос *Poikkijärvi* (Лоух, Соностров; Сегоз, Сельги), хут. *Poikkijärvi* (Ухт, Няргиев Двор), место переправы *Poikkidärvi* (Ругоз, Малая Тикша), берег *Poikkijärvi* (Кемир, Воленварака; Реб, Ровкулы; Реб, Сулоостров); 2) залива: поле *Poikkilakši* (Кест, Южн. Большое Озеро; Кест, Ламбашгуба; Сегоз, Карельская Масельга), часть дер. *Poikkilakši* (Кест, Соколозеро); 3) пролива: мыс *Poikkišalmi* (Ухт, Алозеро), часть дер. *Poikkišalmi* (Лоух, Пингасальма), покос *Poikkišalmi* (Лоух, Боярская), тона *Šalmenpoikki* (Ф, Суом, Куйваярви), поле *Šalmestapoikki* (Кемир, Рудометово), а также целый ряд других объектов, ср.: тона *Poikkiranta*, *ranta* ‘берег’ (Лоух, Корелакша), зал. *Poikkiliete*, *liete* ‘песчаный берег’ (Сегоз, Петрова Гора), поля *Poikkiloma*, *loma* ‘ложбина’ (Кест, Кестеньга), поле *Šyvälomanpoikki*, т. е. расположенное напротив урочища *Šyväloma* (Кест, Хирвинаволок), возвышенность *Poikkipalo*, *palo* ‘выгоревшее место’ (Видл, Кохтусельга), тона *Poikkipuolini*, *puoli* ‘сторона’ (Ухт, Аконлакши), часть дер. *Poikelline* ‘расположенный напротив’ (Петр, Поросозеро), расположенная на противоположной стороне реки деревня *Poikkijoki* (Кест, Софьянга), покос за рекой *Jovenpoikki* (Ухт, Сопосалма), поле за болотом *Šuonpoikki* (Сегоз, Паданы).

К этой же группе относятся и такие географические объекты, в названиях которых отсутствует указание на точку отсчета — тот объект, относительно которого определяется положение места в топониме: поле *Poikkipelto*, букв. ‘поле напротив деревни’ (Ухт, Аккала; Сегоз, Кузнаволок; Сегоз, Сяргозеро; Олон, Пертисельга), оз. *Poikkešlambi* (Кемир, Трифонварака), выгон *Poikkioboda* (Сегоз, Сельги), мыс *Poikkiniemi* (Лоух, Верх. Пулонга), о. *Poikkišuari* (Медв, Янгозеро), о-ва *Poiksuaret* (Конд, Тавойгора), бол. *Poikkisuo* (Сямоз, Гарбалова Сельга), мыс *Poikellizenniemi* (Петр, Поросозеро), о. *Poikellinesuor* (Конд, Сопоха). Генезис таких топонимов может быть обусловлен эллипсисом, т. е. выпадением атрибута, называвшего объект-ориентир. С другой стороны, в ситуации рождения и функционирования микротопонимов, о которых в данном случае идет речь, в фиксировании такого ориентира не было детерминированной необходимости.

В ряде случаев, как, например, у поля *Poikkipeldo* в дер. Пертисельга, существует также параллельное название *Juamanpoikki*, которое свидетельствует о том, что речь идет о поле, которое находилось через дорогу от деревни. Здесь же можно привести в качестве примера и название мыса *Poikkipeldo* в дер. Юккогуба (т. е. букв. 'мыс, расположенный у поля на противоположном берегу').

Если же на противоположной от поселения стороне в непосредственной близости друг от друга располагалось несколько объектов, использовались названия, основной элемент которых (детерминант) четко указывал, о каком именно объекте идет речь, ср.: расположенные за озером покос *Poikkijärven/lato*, *lato* 'сарай', и бол. *Poikkijärven/suo* (Ухт, Аккала), покос *Poikkijärven/nurmet* (Кест, Софьянга; Кест, Боровская), поле *Poikkijärven/pelto* ~ *Poikkijärvi* (Ухт, Хайколя), лес *Poikkijärven/koi-vikko*, *koivikko* 'березняк' (Кемир, Пибозеро), бол. *Poikkijärven/suo* (Сегоз, Сельги), бор *Poikkijärven/kangas* (Видл, Каппа), покос *Poikkijärven/niityt* (Сямоз, Миккилица), место перевоза *Poikkid'ärven/ehätyš* (*ehätyš* 'перевоз') ~ *Poikkid'ärvi* (Ругоз, Малая Тикша), покос *Poikkid'ärvenniitut* (Свят, Пряжа), поле *Poikkilahen/pellot* ~ *Poikkilakši* (Кест, Ламбашгуба) и бол. *Poikkilahen/suo* (Кест, Оланга) на противоположном от деревни берегу залива; поле *Poikkiloman/pellot* ~ *Poikkiloma*, *loma* 'овраг' (Кест, Кестеньга); заречные, т. е. находящиеся за рекой: часть дер. *Poikkijoki* ~ *Poikkijoven/puoli*, *puoli* 'сторона' (Кест, Софьянга), возвышенность *Poikkijoven/vuarat* (Ухт, Регозеро), лес *Poikkijoven/korbi* (Видл, Койвусельга); за ручьем: крест *Poikkiojan/rissit* (Кест, Ламбашгуба), поле *Poikojan/peldo* (Видл, Нялманаволок); за болотом: мост *Poikkisuon/sildu* (Олон, Новая Заживка), возвышенность *Poikkisuon/selgy* (Видл, Каппа); поле *Poikkiliet-tien/peldo* 'поле напротив песчаного берега' (Сегоз, Петров Наволок).

Модель присуща, прежде всего, топонимии собственно карельского ареала, хотя встречается также среди географических названий на ливвиковской территории. У карелов-людигов она представлена только единичными фиксациями.

В исследованиях по субстратной топонимии Русского Севера русскоязычную топооснову *Поӱг-* ~ *Поӱк-*, представленную и на территории Восточного Обонежья (оз. *Поӱгозеро* (Пуд, Салмозеро), руч., уг. *Поӱкручей* (Шал, Шала), руч. *Поӱкручей* (Пуд, Подпорожье), бол. *Поӱлухта* (Пуд, Салмозеро) и др.), обычно возводят к карел. *poika*, вепс. *poig* 'сын; мальчик; детеныш' [Матвеев 2004: 60–61; Макарова 2012: 161], при этом семантика остается не вполне проясненной. Соотнесение приведенных субстратных топонимов с приб.-фин. топоосновой *Poikki-* кажется семантически более обоснованным.

3.4.3. *Yličči-*

Топонимам с основой *Poikki-* по своей семантике близка модель именования объектов, в которой выступает тополема *yl(i)čči* ‘через (= на другой стороне)’. Будучи в карельской топосистеме в целом малопродуктивной, она воплотилась в основном в людиковском ареале. Показательно, что единственный топоним, зафиксированный у карелов-ливвиков, — название деревни *Yličinhieru* в составе куста поселений Печная Сельга, расположен в людиковско-ливвиковском пограничье и может на самом деле быть здесь людиковским наследием. Топооснова *Yličči-* бытует в ойконимах, хотя известна и в наименованиях природных объектов: берег *Yliččiranda* (Лоух, Пильдозеро), бол. *Yl'ččišuo* (Лоух, Пильдозеро; Кемир, Маслозеро; Сегоз, Паданы), зал. *Yl'ččilakši* и часть дер. *Yl'čči* (Медв, Покровское), зал. *Yličlahti* (Конд, Лычный Остров), бол. *Ylčinsuo* (Петр, Пялозеро), часть дер. *Yličči* — рус. *Зарека* и поле *Yličimpeldo* (Прион, Виданы), дер. *Yličči ~ Yličind'erein'* (Олон, Ньюхово).

3.4.4. *Kohta- ~ Kohtu-*

Наиболее продуктивной в рассматриваемой группе является модель именования географических объектов на *Kohta- ~ Kohtu-*, где ск. *kohta*, ливв. *kohtu*, люд. *koht(ē)* имеет значение ‘напротив; по другую сторону’. Основа представлена во многих топонимных классах на территории расселения всех групп карельского населения. При этом наиболее широкое бытование она получила в ливвиковской агронимии. Примеры:

агронимы: поле *Kohtapeldo* (Кест, Елетозеро; Реб, Севастьянноволок; Ругоз, Кучозеро; Сегоз, Лосиная Гора; Сегоз, Юккогуба), поле *Kohtanpeldo* (Видл, Кинерма; Свят, Щеккила; Свят, Топорное Озеро; Видл, Панила; Олон, Мегрозеро; Олон, Тигвера; Олон, Сеппявара; Олон, Левендукса; Свят, Афанасьева Гора; Олон, Коткозеро; Олон, Михайловское), поле *Kohtupeldo* (Олон, Малые Сельги; Олон, Большие Сельги; Олон, Улваны; Олон, Каменный Ручей; Олон, Лумбозеро; Петр, Сяпчезеро); покос *Kohtanurmi* (Реб, Севастьянноволок; Сегоз, Топорная Гора; Сегоз, Юккогуба; Сегоз, Венгигора; Медв, Саезеро), покос *Kohtunurmi* (Петр, Ватчела), покос *Kohtanniitty* (Видл, Репное Озеро; Видл, Кинерма; Олон, Новиково), поле *Kohturajakko, rajakko* ‘заросшая пожога’ (Сямоз, Нехпойла), поле *Kohtanrajakko* (Свят, Кескозеро), поле *Kohtoboda* (Петр, Койкары), поле *Kohtobod* (Петр, Утуки; Петр, Галлезеро), поле *Kohtanaidu, aidu* ‘забор’ (Свят, Афанасьева Гора; Видл, Видлица), поле *Kohtupaikku, paikku* ‘место’ (Сямоз, Сяргилахта);

гидронимы и их части: оз. *Kohtalampi* (Ухт, Нурмилакши), оз. *Kohtalammit* (Лоух, Парфеево), оз. *Kohtamoiz(en)lambi* (Тунг, Тунгуда), оз. *Kohtalambi* (Ругоз, Коргуба; Ругоз, Ондозеро; Сегоз, Сельги; Медв, Плакковара), оз. *Kohtanlammit* (Свят, Щеккила; Олон, Утозеро), оз. *Kohtujärvi* (Олон, Самбатукса; Видл, Кимусельга; Олон, Сорочья Гора), часть озера *Kohtašelkä* (Ухт, Суднозеро), р. *Kohtajogi* (Кемир, Лежево; Сегоз, Кузнаволоок), р. *Kohtajoki* (Кест, Кестеньга), р. *Kohtujogi* (Видл, Кинерма), руч. *Kohtaoja* (Ругоз, Вирнаволоок; Сегоз, Кузнаволоок; Кемир, Кургиево; Лоух, Вычetaйбола), зал. *Kohtalakši* (Тунг, Ушково; Реб, Вирда), зал. *Kohtanguba* (Сямоз, Сяргилахта), зал. *Kohtankuara* (Олон, Новиково), зал. *Kohtanvongu* (Олон, Левендукса), мель *Kohtakorgo* (Тунг, Березовый Наволок; Лоух, Булдыри), мель *Kohtanuoru* (Кемир, Панозеро), луда *Kohtaluodo* (Ухт, Сопосалма), луда *Kohtuluodo* (Видл, Илляла; Сямоз, Корбинаволоок; Сямоз, Сяргилахта; Сямоз, Ангенлахта; Сямоз, Павшойла), луда *Kohtanluodo* (Олон, Мегрозеро; Сямоз, Миннойла), луда *Kohtanluod* (Олон, Новиково), тоня *Kohtanluodonabai* (Конд, Тивдия), мыс *Kohtaniemi* (Реб, Вирда; Ухт, Нишкозеро; Ухт, Койвасозеро), мыс *Kohtanniemi* (Видл, Видлица), берег *Kohtaranda* (Тунг, Машезеро; Реб, Тужены; Сегоз, Топорная Гора), берег *Kohtanrandu* (Видл, Ржаной Наволок; Свят, Щеккила; Олон, Мегрозеро), берег *Kohtrand* (Петр, Гомсельга), берег *Kohtivalgamo* (Тунг, Тунгуда), берег *Kohtu* (Сямоз, Павшойла; Олон, Утозеро; Видл, Палалахта), берег *Kohtamua* (Ругоз, Компаково), о. *Kohtašuari* (Ругоз, Коргуба; Реб, Вирда; Реб, Реболы; Реб, Кимовара; Сегоз, Лазарево; Сегоз, Петров Наволок; Ухт, Юшкозеро; Ухт, Вокнаволоок), о. *Kohtusuari* (Видл, Ржаной Наволок; Видл, Куйкиннаволоок; Сямоз, Корбинаволоок; Олон, Малые Сельги; Сямоз, Павшойла), о. *Kohtansuari* (Петр, Ротчезеро), пролив *Kohtisalmi* (Лоух, Ниж. Кумозеро);

дримонимы: бор *Kohtukangas* (Видл, Кимусельга; Олон, Утозеро), бор *Kohtukangahačču* (Олон, Сяндеба), бор *Kohtankangahat* (Сямоз, Сяргилахта), бор *Kohtkangaz* (Свят, Прокки), лес *Kohtankorbi* (Олон, Тигвера), лес *Kohtanmečät* (Конд, Кавгозеро);

оронимы: возвышенность *Kohtanmägi* ~ *Kohtemägi* (Свят, Лижма), г. *Kohtmägi* (Конд, Каничева Сельга), г. *Kohtanmägi* (Видл, Гижозеро; Олон, Саргоручей; Свят, Вагвозеро; Свят, Воронова Сельга; Олон, Сорочья Гора; Видл, Гавриловка; Олон, Сармяги; Петр, Верхняя Ламба), склон *Kohtarinne* (Сегоз, Топорная Гора), скала *Kohtkal'ŷo* (Прион, Карельская), возвышенность *Kohtanselgy* (Видл, Салоостров; Видл, Хлевнаволоок; Олон, Тигвера), возвышенность *Kohtuselgy* (Видл, Гижозеро; Видл, Паннила; Видл, Кимусельга; Видл, Кохтусельга), возвышенность *Kohtavuara* ~ *Kohtisvuara* (Ругоз, Ругозеро; Реб, Севастьяннаволоок; Реб,

Вирда; Реб, Реболы; Ухт, Алозеро; Кемир, Кокорино; Ухт, Пиешунги; Кест, Софьянга; Кест, Лайдасальма; Кест, Хирвинаволок), возвышенность *Kohtamua* (Сегоз, Сельги);

ойконимы: дер. *Kohtumua* (Петр, Вохтозеро), дер. *Kohtanhieru* ~ *Kohtu* (Олон, Куйтежа; Олон, Мегрозеро), дер. *Kohtučura* (Олон, Торосозеро), дер. *Kohtpeldo* (Свят, Вашаково), дер. *Kohtu* (Олон, Улваны; Олон, Сарипорог);

гелонимы: бол. *Kohtašuo* (Тунг, Кевязозеро; Ругоз, Хижезеро; Ругоз, Ругозеро; Ругоз, Ондозеро; Реб, Севастьянनावолок; Сегоз, Сельги; Сегоз, Кузнаволок; Ухт, Луусальма; Лоух, Пильдозеро), бол. *Kohtusuo* (Сямоз, Акимова; Олон, Самбатукса; Олон, Куйтежа; Олон, Малые Сельги; Олон, Лумбозеро; Видл, Койвусельга), бол. *Kohtansuo* (Видл, Гавриловка; Петр, Сяпчезеро; Петр, Верхняя Ламба);

другие: прогон для скота *Kohtankijo* (Олон, Гушкала; Свят, Вавозеро), мост *Kohtansildu* (Видл, Кинерма; Видл, Паннила), колодец *Kohtankaivo* (Видл, Репное Озеро), тропа *Kohtutroppi* (Видл, Видлица), дорога *Kohtudorogu* (Олон, Сеппявара; Олон, Утозеро), дорога *Kohtadorogat* (Сегоз, Карельская Масельга), место напротив деревни *Kohtančura* (Видл, Видлица), выгон *Kohta* (Канд, Нильмозеро), место перевоза *Kohtu* (Петр, Тереки).

В топонимии лексема *kohtV* также может использоваться в значении 'место', в таком случае она выступает в сложных названиях в качестве детерминанта, ср.: поляна *Kizakohta* 'место гуляний, игрищ' (Петр, Святनावолок), бывш. хут. *Ruočinkohta* 'место [жительства] финна' (Тунг, Лехта). Однако в подавляющем большинстве случаев топонимы подобного плана характеризуют относительное местонахождение объекта: тоня *Poukkamanniemen/kohtah*, букв. 'напротив мыса *Poukkamanniemi*' (Ф, Кухмо, Римпи), тоня *Koronkohta*, букв. 'напротив мели *Korko*' (Лоух, Корелакша), покос *Toraššuaaren/kohta*, букв. 'напротив острова *Toraššuari*' (Ухт, Поньгагуба), покос *Mölkönkohta*, букв. 'напротив деревни *Mölkkö*' (Ухт, Ювалакша), берег *Šuaarenkohta*, букв. 'напротив острова' (Ругоз, Хижезеро), покос *Pedäjänkohta*, букв. 'напротив сосны' (Кемир, Подужемье) и др.

Как свидетельствует приведенный выше материал, в использовании топонимных моделей, характеризующих относительное расположение географических объектов на местности, просматриваются некоторые предпочтения в зависимости от района их бытования, а также разряда топонима. В Олонецкой Карелии широко представлена в названиях сельхозугодий бинарная оппозиция *Očču- ~ Taga-*, спровоцированная ландшафтными особенностями Олонецкой равнины. Здесь система расселения

формировалась с учетом русел рек и — вторично — дорог. Такое линейное расположение деревень имело следствием размещение деревенских полей либо перед домами, либо за ними, что и отразила топонимия. Очевидно, относительно хорошей освоенностью территории южной Карелии, особенно Олонецкой равнины, обусловлено и бытование здесь топоосновы *Syvään-*, маркирующей отдаленную от поселения лесную глушь. Севернее же такие территории уже не являлись дифференцирующим признаком местности, и — как следствие — топооснова не оказалась там востребованной. Собственно, с особенностями ландшафтно-географического порядка и обусловленной ими хозяйственной деятельностью связаны по большому счету и другие дифференцирующие модели пространственного содержания. Беломорская основа *Ulko- ~ Ulgo-* ‘наружный’ — это взгляд жителей побережий больших озер и моря на открытое водное пространство, а явная продуктивность пары *Lounat-* ‘западный’ и *Luuvveh-* ‘восточный’ в топонимии Беломорской Карелии на фоне Олонецкой проецирует преимущественно западно-восточное размещение основных водотоков и соответственно экономических связей населения. Иначе говоря, номинация с учетом относительного расположения объектов в большей степени, чем опирающаяся на их размер и форму, связана с системой расселения и отражает пространственное видение, маршруты освоения из центров, которыми служат поселения.

3.5. «Верхние» гидронимы Карелии

Базовые для выражения пространственных отношений параметры *верхний* — *нижний* привязаны, прежде всего, к реке, которая в русле народной ориентации в пространстве (видимо, послужившей основой для научного видения) имеет свой верх и низ. По течению реки ориентированы как привязанные к ее побережью уголья, так и входящие в ее бассейн объекты, прежде всего озера, притоки, участки самой реки. В этом разделе анализируется вторая группа названий — гидронимы, в которых воплощаются народные представления о речной системе, имеющей свой верх и низ, а также свои боковые границы.

В то время как для ориентированных по течению реки береговых топонимов правилом является симметричность, «...ибо рационализированный характер гидрографической системы требует симметрии показателей» [Березович 1998: 92], гидронимы внутри самой водной системы образуют соотносительные ряды редко. Как правило, такая ситуация вызвана смежным расположением двух объектов (озер), ориентированных по течению реки: *Yläjärvi* ‘Верхнее озеро’ и *Alajärvi*

‘Нижнее озеро’. Наш материал подтверждает значительно большую популярность этого принципа на севере, в Беломорской Карелии. Для этого есть две причины: с одной стороны, большая насыщенность территории озерами и, соответственно, потребность в их назывании, с другой — меньшая заселенность и освоенность края на фоне южной Карелии, что не давало столь разнообразных поводов для номинации. Здесь, видимо, в большей степени, чем в южных районах, было распространено маршрутное видение, которое провоцировало появление такой бинарной оппозиции.

Однако в целом наблюдается явное преимущество первого члена пары — *верхних* водных объектов, что обусловлено практикой освоения рек преимущественно снизу вверх. *Верхние* озера были одновременно и границами водных маршрутов.

Идея верха реализована в гидронимах Карелии с помощью нескольких прибалтийско-финских и саамских основ с пространственной семантикой, например *Latva- ~ Ladva-* ‘вершина, верховье’, *Pää- ~ Piä-, Oiva-, Kač- / Кач-, Керак-* ‘голова, вершина, конец’.

В данном разделе внимание также привлечено к уральской гидронимной основе **Ūl(i)*- ‘верх, верхний’ [Sammallahti 1988: 536] (ср. фин.-угор. реконструкцию **wilä* ~ **wiilä* в [UEW: 573–574]) > **Ylä-* на северо-западной периферии ее бытования — в топонимии Карелии, имеющей хорошо развитую гидрографическую сеть и предоставляющей в распоряжение исследователей исключительно богатый материал для анализа таких моделей. Определенным посылом послужил научный интерес к функционированию данной основы в субстратной топонимии Русского Севера [Матвеев 2004: 171; 2007: 77; Кабинина 2011], Поволжья [Rahkonen 2013; Смирнов 2017], Финляндии [Aikio 2003; 2007]. Наши материалы не только заполняют пространственную лауну в едином ареале бытования гидронимной основы, но и позволяют уточнить некоторые аспекты ее функционирования, в частности ее сочетаемость с топонимными формантами.

Выявлена и определенная ареальная дистрибуция моделей, очевидно маркирующих разные этноязыковые коллективы.

3.5.1. Гидронимная основа *Ylä-* и ее фонетические варианты

Приб.-фин. основа *Ylä-* ‘верх, верхний’ выступает в топонимии Карелии в двух вариантах: *Ylä-* и *Yli-*, из них второй возник, очевидно, как результат абстрагирования из основы, осложненной словообразовательными и словоизменительными формантами (*ylä-* + *-ine* → *ylīne* ‘верхний’):

Yläjärvi (Лоух, Вычетайбола), *Ylilampi* (Ухт, Поньгагуба). Она востребована в составных топонимах — наименованиях озер и рек — в качестве уточняющего определения при назывании смежных объектов.

В топонимии центральной и северной Карелии выявляется ряд названий незначительных по размерам водных объектов — озер и ручьев — с топоосновой *ElV-*, которую с учетом особенностей исторической фонетики, а также ландшафтной характеристики объектов позволительно возводить к **elē* ‘верхний’ — прасаамскому варианту уральской лексемы **ül(i)*. Тот саамский диалект, который дал топооснову, был, судя по качеству начального гласного, близок к позднепрасаамскому языковому состоянию. В связи с этим стоит упомянуть, что в восточных саамских диалектах колтта и кильдинском отодвинутый назад *e* в определенных ситуациях сохранился до сегодняшнего дня, хотя в большинстве диалектов развитие продвинулось еще на один шаг по пути смещения звука назад [Korhonen 1981: 83]. Примеры в карелоязычной топонимии Карелии: *Elinjärvi* (Кест, Оланга), *Elinlampi*, *-oja*, *-suo* (Кест, Кестеньга), *El(l)inlampi*, *-suo* (Кест, Боярская), *Elijärvi*, *-joki* (Ухт, Регозеро), *?Jelilampi* (Ухт, Луусальма), *Eli(t)lambi* (Кемир, Курגיעво), *Elijärvi*, *Elinlaksi* (Лоух, Корелакша), *Elinäärvi*, *-oja*, *-d’ogi*, *-vuara* (Ухт, Страффила), *Elinlambi* (Ухт, Юшкозеро), *Elinlambi* ~ *Ellinlambi* (Ругоз, Кимасозеро), *Elinlammit* (Ухт, Чена), *Elinlampi* (Ухт, Каменное Озеро; Тунг, Пертозеро), *Elinjärvi*, *-laksi* (Петр, Лубосалма).

Основа бытует и в топонимии Финляндии, в более ранних исследованиях ее было принято возводить к финской отглагольной основе *elä-* ‘жить’⁶, однако современные исследователи признают ее прасаамские корни [SP: 46]. Предпринята попытка реконструировать данную топооснову и в ряде гидронимов Русского Севера, таких как *Еленьга*, *Елезеро*, *Елаш*, *Елоземка*, *Елема* и др. [Saarikivi 2006: 196–197, 247–248; Матвеев 2007: 72; Смирнов 2017: 236–238]. Вопрос дистрибуции бытующих в севернорусском регионе *Ил-* ~ *Ел-* требует дополнительного изучения. Не до конца понятно, связана ли она с разным генезисом основ⁷ или является отражением колебания *e* ~ *u* (*Ельмозеро* ~ *Ильмо-*

⁶ Интерпретация этой группы топонимов, предложенная в свое время В. Ниссиля, который возводил их к разным производным от глагольной основы *elä-* ‘жить, проживать’ и связывал с промысловой деятельностью финнов, с возможностью проживания и обеспечения себя рыбой на упомянутых озерах [Nissilä 1964: 78–79], представляет собой очевидный случай народной этимологии.

⁷ На такую вероятность может указывать то обстоятельство, что некоторые модели, в которых воплотилась основа *Ил-* (напр., *Илес*, *Илекса*), абсолютного не реализовались с основой *Ел-*.

зеро), свойственного субстратной топонимии этого региона, см., напр., [Кабинина 2011: 37].

Что же касается воплощения основы в топонимии Карелии, то вопросом остается ее расширение элементом *-n-* (*Elin/järvi*), который вряд ли соотносится с историческим локативным показателем, как и с прибалтийско-финским атрибутивным суффиксом *-ine(n)*. Скорее, он был спровоцирован удобством произношения или представляет собой результат интеграции прасаамской основы *Elim-* (см. ниже).

Основа **Ylä-* представлена также в виде *IV-*, при этом истоки *i* варьируются. Лишь в редких случаях сужение *ü* → *i* могло происходить на собственно прибалтийско-финской почве, например, оно характерно для фонетической системы ряда вепсских говоров [Tunkelo 1946: 566–573]. Для объяснения его генезиса в древней гидронимии региона более актуальна интерпретация на основе прасаамского вокализма, в котором еще на самой ранней стадии произошла утрата праприбалтийско-финско-саамского лабиального **ü*, объединившегося с **i* и развивавшегося в дальнейшем в русле изменений последнего: **ü* > **i* > **e* > **e* > *ä* [Korhonen 1981: 81–82]. На фоне относительно компактного ареала в северном Обонежье, где древний **ü* передается в уральской основе **ül(i)* как *e* (*Elojärvi, Elimysjärvi*), ареал с инициальным *i-* (р. *Ilmas, Ilomantsi, Ilajärvi, Ilmajärvi* и др. — см. далее) значительно более обширен. В связи с этим стоит упомянуть и о древних саамских заимствованиях в финских говорах, в которых саам. *ä* (< **e*) первого слога передано, как правило, через *i*, что предполагает, что в момент заимствования в саамском слове был еще звук, близкий по звучанию к *i*. Показательны в этом отношении реконструкции фин. *iltti* ‘язычок обуви; верх или передок кожаной обуви’ < прасаам. **eltes* ‘головка обуви’; фин. *pisa* ‘ругательное, напр. *mää piisaan!* ‘иди к черту!’ < прасаам. **pesē* ‘священный’; фин. *sivakka* ‘правая лыжа’ < прасаам. **sepēkkē* ‘лыжа’ и др. [Aikio 2009: 66, 134, 151–152]. На этом фоне передача прасаам. **e* финским *e* раритетна и представлена лишь в некоторых единичных примерах: фин. *kenes* ‘пейоративно о мальчишке, букв. ‘молодой мошенник’ < прасаам. **kenis* ‘гном’ [Ibid.: 80].

Наконец, должна учитываться и русская языковая традиция, которая использует несколько адаптационных моделей. Стоит отметить, что на современных картах Карелии оригинальная карельская топооснова *Ylä-* ‘верхний’ передается и как *Юля-*: *Юлозеро, Юлеозеро, Юляярви, Юля Вуоттоярви, Юля Толварярви*, и в виде *Иля-*: *Иляярви, Иля Куккаусяярви, Иля Тарасярви*, реже как *Уля-*: *Уля Латварярви, Улеламби*; при этом, однако, *ylini* ‘верхний’ и *ylimmäini* ‘самый верхний’ — как

Илинен и *Илиммяйнен* [КОРК: 244, 265; АКЦ: 164, 173–174] — три попытки адекватно обозначить звучание карельского у. Названные модели адаптации известны и народной топонимии, хотя явно преобладает начальный *и*: в Заонежье *Иленьгуба* (*yline* ‘верхний’), в восточном Прионежье оз. *Илемозеро* (*ylimä-* ‘самый верхний’), в Пудожье р. *Ильвама* — верхний участок р. Вама (букв. ‘Верхняя Вама’) и др.

3.5.1.1. **Ylä-* в сочетании с диминутивным / атрибутивным формантом

В гидронимии Карелии присутствуют производные образования от основы *Ylä-*, оформленные суффиксом прилагательного *-ine*, *-ini* (карел. *ylini*, *yline*, вепс. *üline*: *üliže-*, *üläh(äine)* ‘верхний’): карел. *Ylineljärvi*, *Yliniljärvi*, вепс. *Üliž/därv*. Будучи в гидронимии в целом многочисленными, они образуют, тем не менее, довольно устойчивый ряд топонимов. Присоединяясь к основе, формант подчеркивает его атрибутивное содержание: ср. варианты *Savillambi* и *Savinillambi* (Ругоз, Ругозеро): *savi* ‘глина’, *savini* ‘глиняный’, *Yläjärvi* и *Yliniljärvi* (Ухт, Вокнаволок): *ylä* ‘верх(ний)’, *ylini* ‘верхний’.

В контексте нашего исследования важно, что модель используется и в топоосновах, выражающих пространственные отношения: карел. озера *Yläjärvi* ~ *Yliniljärvi* (Медв, Совдозеро), *Yliniljärvi* (Канд, Нильмозеро), *Aline/därv* и *Yline/därv* (Петр, Янгозеро), *Alaniljärvi* (Ругоз, Тикша), *Alaneljärvi* (Сегоз, Пенинга; Медв, Юостозеро): *alane*, *alani*, *aline* ‘нижний’; *Čuraniljärvi* (Реб, Короппи): *čurani* ‘боковой’; реки *Lähiniljogi* и *Loittoniljogi* (Реб, Ровкулы): *lähini* ‘ближний’, *loittoni* ‘дальний’; мост *Tagine/silda* (Петр, Святнаволок): *tagine* ‘дальний’. Не менее важно для понимания всего многообразия вариантов воплощения топоосновы *Ylä-* учитывать то обстоятельство, что в форме косвенных падежей *-(i)ne* ~ *-(i)ni* преобразуется в *-ise-* ~ *-ize-* ~ *-iže-*, при этом косвенная основа, абстрагируясь, может обобщаться в топооснове: ср. оз. *Hattaraini* или *Hattaraisjärvi* (Ухт, Контокки), зал. *Karjalaini/laksi* ~ *Karjalais/laksi* ‘Карельский залив’ (Реб, Гафостров), оз. *Kuorda(i)ni* ~ *Kuordaiz/lambi* (Ругоз, Тикша), оз. *Silmikkäine* ~ *Silmiköz/lambi* (Свят, Афанасьева Сельга). В этом же ряду *Alainejärvi* с вариантами *Alaižjärvi* и *Alažjärvi* (Петр, Мунозеро), оз. *Yliniljärvi* с вариантом *Ylizjärvi* (Реб, Колвасозеро) ‘верхнее озеро’⁸. Выбор варианта показателя обусловлен

⁸ Подобная основа косвенных падежей представлена в целом ряде топонимов, однако ее не всегда легко распознать и дифференцировать, особенно в суб-

фонетическими особенностями наречия или говора. Истоки форманта *-ise-*, примарного в связке модификаций *-ine-* и *-ise-*, в праязыковом **-ñce* (см. фонетическую реконструкцию в [Lehtinen 2007: 96]) с изначальной диминутивной семантикой [Наkulinen 1968: 106]. При этом к нему восходит не только прибалтийско-финский *-ise*, но и саамский диминутивный формант *-š*, последовательная цепочка фонетического развития которого реконструируется в виде **-ñce* > прасаам. **-ñce* > саам. *-š*. В топонимии Карелии и сопредельных территорий обнаруживаются некоторые следы второго компонента этой цепочки — прасаамского **-ñce*, причем предполагается, что в двух фонетических обликах. Первый *-ñV* представлен преимущественно в западной части Карелии: руч. *Livončijn/oja* (Свят, Крошнозеро), оз. *Pizančal/järvi* (Сегоз, Паданы), оз. *Uomančil/järvi* (Ругоз), а второй *-nža* / *-нжа* в восточной: реки *Воренжа*, *Роменьжа* (Пуд, Сумозеро), *Шугеренжа* (Сегоз, Вожмогора), а также за пределами современной Карелии на юго-востоке [Kuzmin 2014: 174–175]. Компактная группа гидронимов на *-нжа* расположена в северном Белозерье, на границе Онежского и Белозерского бассейнов: реки *Игинжа*, *Добинжа*, *Лобинжа*, *Саранжа*, в одном ряду с которыми и речные наименования с конечным *-нда* как модификацией *-нжа*: реки *Веранда*, *Лужанда*, *Виксинда*, *Юлонда* и др. [Муллеронен 1994: 120–121; 2002: 198–217]. Среди этих образований в южном Обонежье есть по крайней мере одно от основы *Ülä-*: оз. *Ilinžar* < **Ilinž/järvi*, рус. оз. *Линжозеро* — верхнее из озер в озерной системе оз. Шимозера. На общем этнокультурном фоне региона с убедительным субстратом саамского типа реконструкция в основе топонима прасаамского суффиксального образования представляется убедительной. При этом в сочетании с пространственной семантикой корня и в контексте аналогичных прибалтийско-финских моделей формант выступал в данном случае как суффикс прилагательного, т. е. *Ilinžar* (букв. ‘верхнее озеро’).

стратной топонимии на русской территории: оз. *Talvizjärvi* (Рец, Колвасозеро; Тунг, Тунгуда; Сегоз, Гонгинаволоок), руч. *Talviz/oja*, вытекает из оз. *Talviljärvi* (Тунг, Кевязозеро), *talvi-* ‘зимний’; оз. *Nurmizjärvi* (Сегоз, Гонгинаволоок), р. *Nurmizjogi* (Петр, Мярядукса), *nurmi* ‘поляна, покос’; зал. *Lappalais/laksi* (Ухт, Контотки), *lappalainen* ‘лопарский’; *Pohjaiz/laksi* (Ругоз, Онигма), *pohjaini* ‘северный’; оз. *Kuivazjärvi* (Петр, Галлезеро), *kuivane* ‘сухой’; зал. *Pohd’az/guba* (Конд, Кавгора), *pohd’ane* ‘северный’ и мн. др.

3.5.1.2. **Ylä-* в сочетании с суффиксом, имеющим суперлативную семантику

В карельской (прежде всего, собственно карельской) системе озерных именований, связанных с выражением пространственных отношений, нередко названия, формально выраженные превосходной степенью прилагательного: *ylimäine ~ ylimäini* (< **ylimäise* < **üllä* + *ima* + *ñe*) 'самый верхний', ср. озера *Ylimäine* (Тунг), *Ylimäini Pirttijärvi*, *Ylimäini Petrajärvi* и др. в Беломорской Карелии. В составе форманта два элемента: показатель суперлатива *-(i)ma-* и адъективный суффикс *-ine*: *-ise* < **-ñe*. Лимнонимная модель *Ylimmäinen* < **Ylimäinen* хорошо известна в топонимии Финляндии, на электронном ресурсе <http://www.retkikartta.fi> перечислено около 30 озер с этим названием. В вепсской топонимии модель не получила распространения, поскольку в вепсских говорах используется аналитическая форма превосходной степени, традиционная форма с показателем *-im* сохранилась только рудиментарно [Зайцева 1981: 190–191]. Для использования превосходной степени есть объективная основа: река, как правило, протекает через целую цепь озер, и озеро-исток, таким образом, действительно является самым верхним по отношению к расположенным ниже по течению. С другой стороны, однако, в сознании носителей топосистемы суперлативная семантика размыта, сближена с компаративной и даже с позитивной (т. е. отсутствует сравнение). Фин. *ylimmäinen* ~ карел. *ylimäini* входит в обособленную группу слов с локативно-темпоральной семантикой, которые, включая показатель суперлатива, фактически не несут его значения, в связи с чем показатель рассматривается в качестве отыменного словообразовательного суффикса [Hakulinen 1968: 125–126]⁹. В паре *Ylimäini Uhutjärvi* — *Alimaini Uhutjärvi* (Ухт) заключена идея сравнения: более верхнее (*Ylimäini*) и более нижнее (*Alimaini*) *Ухтозеро*, а более редкое *Keskimäini* (*keske-* 'средний' + показатель суперлатива *-imäini*) практически уравнивается в топонимическом использовании с *Keski* и не несет семантики суперлатива, ср. связку *Ylinjärvi* 'верхнее озеро' и *Keskimäinjärvi* 'среднее озеро' (Ухт), в которой атрибутивный элемент первого топонима не включает показателя сравнения, а атрибутивный элемент второго оформлен аффиксом с суперлативной семантикой.

⁹ Среди так называемых суперлативных прилагательных *ensimmäinen* 'первый', *jälkimmäinen* 'последний', *lähimmäinen* 'ближний', *takimmainen* 'задний', *äärimmäinen* 'крайний' и др. Геминация *m* в финском языке вторична.

Соответственно, в косвенных падежах формант имеет в зависимости от диалекта вид *-(i)maise-* ~ *-(i)mäise-* / *-(i)maize-* ~ *-(i)mäize-* / *-(i)ma(i)že-* ~ *-(i)mä(i)že-*: оз. *Ylimäini* ~ *Ylimäis/järvi*, оз. *Keskimäini/järvi*, из которого вытекает руч. *Keskimäizen/oja* (Тунг, Кевязозеро), ур. *Alimažed* (Видл, Большие Горы) и др.

Топонимическое наследие свидетельствует об архаичности этой модели, имеющей общие праприбалтийско-финско-саамские корни. Обнаружены некоторые примеры, в которых закрепился праязыковой облик форманта **-maŋce* ~ **-mäŋce* (о форманте см. [Korhonen 1981: 248–249]). Последний убедительно восстанавливается финляндским исследователем Анте Айкио в *Ilomantsi* / *Иломанси* — названии известного древнего карельского погоста в Северо-Западном Приладожье [Aikio 2003]. С учетом особенностей фонетической адаптации в Беломорье аналогичным образом должно интерпретироваться, с одной стороны, название реки *Илеменза* в бассейне оз. Сумозеро, с другой — видимо, оз. *Imanč/arvi*, на картах *Иманъярви* < **Imančarvi* (Петр, Янгозеро): название озера реконструируется на основе наименования острова *Imanč/suuri*, а также исходя из расположения озера в истоках реки Янгозерки.

Естественно, что адаптация сопровождается определенными трансформациями и износом форманта, особенно в случае многосложных топонимов. Некоторые модели такой трансформации, связанной с илабилизацией гласных и синкопированием конечных согласных в саамских топонимах в ходе финской адаптации, описаны в исследовании А. Айкио [Aikio 2007: 170]. Приведем один показательный пример с территории Северо-Западного Приладожья — района карело-финского языкового контактирования и значительного саамского субстрата в топонимии. Здесь течет река *Ilmet/joki* или *Ilmee(joki)*, при этом сопоставление вариантов позволяет реконструировать в качестве исходной топооснову **Ilmes*, имеющую в восточнофинских говорах в косвенных падежах вид *Ilmehe-* > *Ilmee-*. Вариант с конечным *-t* (*Ilmet-*) вызван характерной для приладожской топонимии субституцией примарных конечных согласных (особенно *-s*, *-h*) атрибутивного элемента как *-t* [Nissilä 1975: 273–274]. Река впадает в Вуоксу в самых низовьях последней, а вытекает из озера *Ylimäinen* ('верхнее').

Здесь важна связка *Ylimäinen* — *Ilmet-* < **Ilmes-*, которая подтверждает генезис *-m*-ового элемента и одновременно выводит на интерпретацию истоков конечного *-s*. В этом контексте он явно идентичен прибалтийско-финской концовке *-inen*, в косвенных падежах *-ise-*: *Ylimäinen*: ген. *Ylimäise-n*. Иначе говоря, сложному по структуре прибалтийско-финскому показателю *-mainen* : *-maise-*, состоящему из элементов

-(i)ma- и -ise-, соответствует — и структурно, и семантически — концовка *-mes* в субстратном *Ilmes-*, включающая в себя *-m-*овый и *-s-*овый элемент. Заманчиво видеть аналогичную структуру и в неоднократно повторяющихся на карте Русского Севера *Ильмаж*, *Ильмеж*, *Ильмеш* и, соответственно, реконструировать для них семантику ‘(самый) верхний’. В одном ряду с перечисленными топонимами и р. *Ильмаза* в бассейне р. Суда, и вепс. р. *Ilmas* (рус. р. *Ильмас* ~ *Ильмакса* ~ *Ильмаз*) в верховьях р. Тутока (бассейн р. Паша). При этом в последнем случае (*Ильмакса*) произошел переход в другой тип основы — по аналогии с другими топонимами на *-кса*.

На территории центральной Карелии соответствующий гидронимный ряд представлен названиями *El'muz*, *El'mütz*, *Elmisjärvi*, *Elmiddrvi*, *Elmüsjärvi*, *Elmilambi* и др. (рис. 67), в которых основа *EIV-* ‘верхний’ (см. выше) выступает в связке с формантом *-mus* и его фонетическими вариантами. Последний является саамским показателем суперлатива [Korhonen 1981: 248–249]. Это небольшие по размерам озера, расположенные исключительно в верховьях, в истоках водной системы. Они замыкают собой водный путь, находятся в его верхней точке.

В финляндской топонимии соответствующая модель представлена рядом озерных названий на северо-востоке страны: *Elimysjärvi*, *Elämyö* ~ *Elämyönjärvi*, *Elimo*, *Elimonjärvi*, *Elämäjärvi* ~ *Elämäinen* (последнее в центральной Финляндии) и др. Их безупречная интерпретация предложена лаппологом Анте Айкио, связавшим их с прасаамским **elēmus(s)e* ‘самый верхний’, где **-mus(s)e* — суффикс суперлатива.

Финляндские топонимы, собственно, служат продолжением на запад карельского ареала модели, отличаясь, однако, фонетически наличием гласного во втором слоге и более последовательно, таким образом, сохраняя исторический облик прасаамского оригинала. Видимо, этому способствовало свойственное финским говорам саво [Kettunen 1940: № 199–200] появление вставного гласного в позиции между двумя согласными, из которых первым является *l* (по типу *silmä* → *silmä* ‘глаз’, *ilma* → *ilma* ‘воздух’).

В итоге можно констатировать, что в топонимии Карелии и сопредельных территорий прибалтийско-финско-саамский формант, восходящий к суперлативному показателю и выступающий в связке с основой **Ylä-*, представлен несколькими модификациями, за которыми стоят, с одной стороны, разные хронологические срезы его развития, с другой — разные локальные языковые коллективы.

Кроме того, следует учитывать, что в сложном по структуре форманте, объединяющем два суффикса (**-maŋce*: **-ma-* и **-ŋce*, соответ-

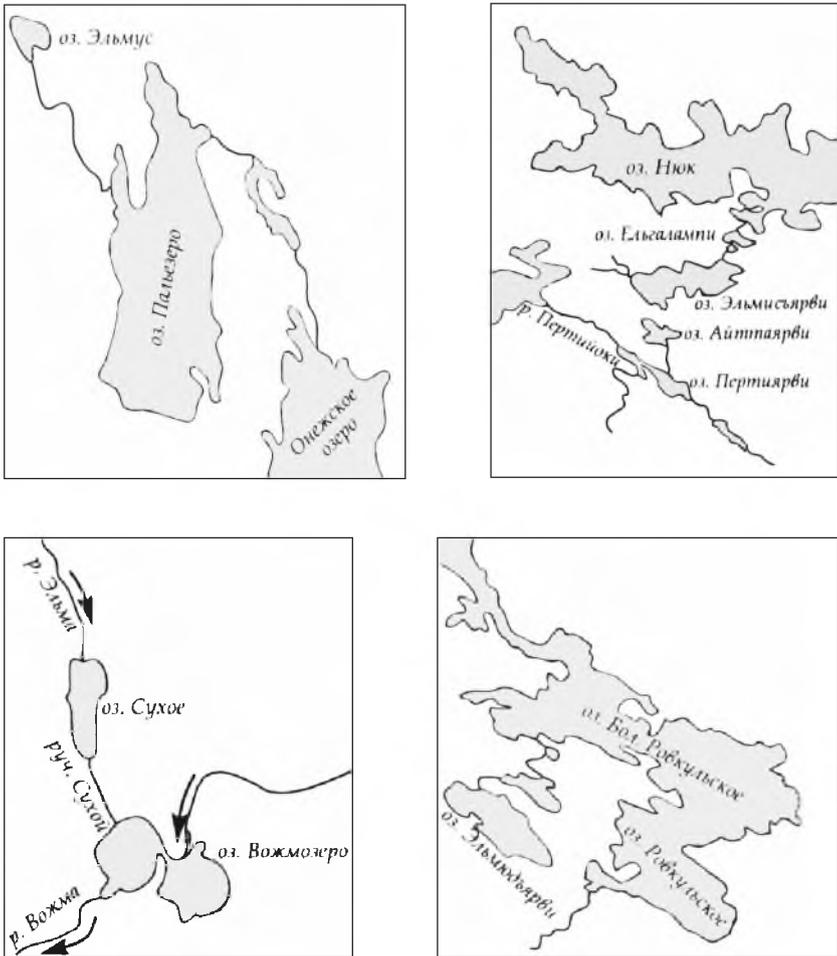

Рис. 67. Гидронимная основа *Elm- / Эльм-* на карте Карелии

ственно, приб.-фин. *-(i)ma* и *-ise*), собственно суперлативное значение заключено в первом **-ma > -ima* [Накулинен 1968: 100–101]. Собственно, фин. *ylin* ‘самый верхний’ восходит исторически к **ülätä* [Ibid.: 101] или **ülemä* [Korhonen 1981: 248]. В этом контексте внимание привлекают такие топонимы, как оз. *Ilmaljärvi* в истоках обширной и разветвленной водной системы, впадающей с севера в Вуоксу (Северо-Западное Приладожье), или оз. *Элиозеро* в истоке Пуломы в Беломорье. Не исключено, что нередкие в топонимии Беломорской Карелии

оз. *Elin/järvi*, оз. *Elin/lampi* (см. выше) восходят к **Elim/järvi*, **Elim/lampi*. В ходе их адаптации к карельской топооснове в соответствии с прибалтийско-финской фонетической закономерностью **m > n* в позиции конца слова. Заманчиво продолжить этот ряд известными на западе Архангельской области топонимами: оз. *Ильозеро* и р. *Ильма* в бассейне р. Онега (А, Онеж, Чекуево) или р. *Ильма*, вытекающая из оз. *Ильматозеро* (< ? **Ильмасозеро*) в р. Ваймуга (А, Холм), характеризующимися «верхним» расположением. С учетом сосуществования на Русском Севере вариантов *Ил- ~ Ел-* следует обратить внимание и на основу *Ельм-*. Убедительным примером ее 'верхней' семантики является название р. *Ельма* на западе Архангельской области (басс. оз. Кенозеро): *Ельмой* называется верхнее течение р. Карма, расположенное выше оз. Кармозеро.

В ряд «верхних» гидронимов с *-m*-овым показателем заманчиво поместить и новгородский лимноним *Ильмень*, истоки которого неоднократно обсуждались исследователями (из последних публикаций см.: [Rahkonen 2013: 74–77, 87–88]), приводившими доказательства как славянских, так и финно-угорских истоков названия. Среди финно-угорских интерпретаций наибольшую известность приобрела та, которая возводит топоним к приоб.-фин. *ilma* 'воздух, погода'. Один из авторов этих строк в свое время обращал уже внимание на отсутствие соответствующей семантической модели в традиционной прибалтийско-финской топонимии и предложил исходить при поиске этимологии топоосновы из того, что наряду с семантикой 'воздух, погода' *ilma* имеет в уральских языках значение 'небо, небесный', которое к тому же может быть примарным [UEW: 81–82]. Оно представлено в целом ряде уральских языков, а в саамском значение 'небо' для лексемы *äl'bme* вообще является главным, стержневым. Семантика 'небо, небесный' представлялась перспективной, поскольку укладывалась в универсальные представления о том, что реки текут сверху вниз, что у них есть своя вершина, голова. Важным аргументом казалась и географическая характеристика рек и озер, поскольку основа действительно привязана к верхним, водораздельным, замыкающим водную систему объектам [Муллонен 2002: 236–237].

Однако дальнейшее исследование показало искусственность предложенной трактовки и позволило выявить другой подход к анализу, который основывается, с одной стороны, на топографическом контексте, с другой — на том представленном выше ономастическом обстоятельстве, что в прибалтийско-финской и саамской гидронимии основа *Ylä-* выступает нередко в форме суперлатива: фин. *Ylimmäinen*, карел. *Ylimäine* 'самый верхний', прасаам. *El'muz*, праприоб.-фин.-саам. *Ilomantsi*.

Озеро Ильмень, находясь в истоках Волхова, безусловно, могло быть охарактеризовано как ‘верхнее озеро’ по отношению к Ладожскому озеру и, таким образом, входить в один семантический ряд с представленными выше гидронимами. Инициальный *i* в *Ильмень* может отражать, как уже отмечалось выше, с одной стороны, результат адаптации прибалтийско-фин. *y*, с другой — один из этапов в развитии праязыкового *y* — сужение его до *i*.

В контексте предложенной интерпретации кажется логичным видеть за финалью *-нь* в *Ильмень* тот же прибалтийско-финский аффикс *-ine(n)*, которым оформлена прибалтийско-финская модель *Ylimäine ~ Ylimmäinen*. Правда, традиционно исследовательская практика исходит из смены древней формы *Илмерь* (в Лаврентьевской летописи *Илмьрь*) на новую *Ильмень*, происшедшей в XVI в. вследствие значительной смены населения на побережьях Ильменя [Попов 1981: 46–47]. Не вдаваясь специально в непростой вопрос о возможных связях новгородского топонима *Ильмень* и географического термина *ильмень*, ареал которого тяготеет к Центральному Черноземью и Нижнему Поволжью, обратим внимание на то, что *Илмерь* и *Ильмень* могут быть и сосуществовавшими в прошлом вариантами названия озера — как в современной прибалтийско-финской топонимии *Yläjärvi*, *Ylämäjärvi* ‘верхнее озеро’ и *Ylimäine*, *Ylimmäinen* ‘верхнее [озеро]’, при этом в последних аффикс закономерно замещает собой детерминант. Нельзя исключать, что вариант, зафиксированный летописью, был постепенно утрачен, в то время как второй вариант, получивший, возможно, поддержку со стороны языка новых жителей, закрепился и дошел до наших дней.

3.5.1.3. **Ylä-* в сочетании с суффиксом **-kse-*

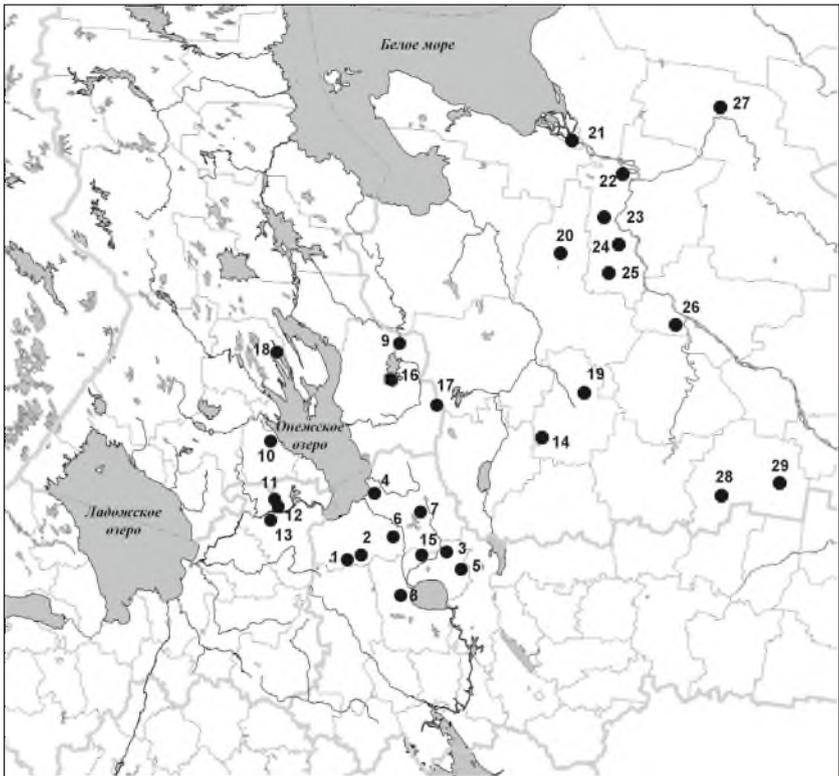
В заключительном разделе рассматривается речная модель *Илекса ~ Илакса ~ Илокса*. Она уже привлекала внимание исследователей, возводящих ее к фин.-угор. *ylä-* ‘верх, верхний’ [напр., Матвеев 2007; Муллонен 2002: 232]. Модель отличается значительной продуктивностью в гидронимии Онежско-Белозерского водораздела, превосходя в популярности другие образования от основы *Ylä-*. В материалах Картотеки топонимов Карелии около 20 рек с названием *Илекса*. Среди них есть большие реки протяженностью более 100 км (напр., *Илекса*, впадающая с севера в оз. Водлозеро), есть и совсем небольшие, длиной в несколько километров, ручьи (как, например, руч. *Илекса* в бывшей Павшозерской волости на севере Вашкинского района: ручей берет начало из *Кукова родника*, впадает в оз. *Павиозеро*, откуда под названием *Попов ручей*

продолжает свой путь в р. Кема). Будучи привязанными к Онежско-Белозерскому водоразделу — обрусевшей территории, все гидронимы этого ряда бытуют в русской языковой среде (см. карта 19).

Подавляющее большинство топонимов этого списка составляют речные наименования. При этом сами реки объединены сходной географической характеристикой: это «верхние» реки по отношению к «нижним». К тому же связка выстраивается таким образом, что река под названием *Илекса* практически обязательно впадает в озеро, из которого вытекает некая «нижняя» река (под другим названием). Так, из двух вытегорских рек с названием *Илекса* одна впадает в оз. Тудозеро, которое соединяется протокой с Онежским озером, вторая впадает в оз. Матенжское, из которого вытекает р. Тагажма [Соболев 2015: 570], т. е. *Илекса* в обоих случаях является «верхней» рекой.

Пространственная характеристика убедительно подтверждает этимологию. При этом, однако, генезис конечного *-c* : *-kc-* не получил до сих пор внятного объяснения. Исключительная устойчивость связки *ülä-* и *-s*-ового элемента свидетельствует в пользу того, что словообразовательный суффикс *-kse* присоединился еще на дономастической стадии, в результате чего образовался некий географический термин в виде **üläkse* > **üläs* ‘верхняя часть чего-либо (напр., верховье реки)’. В связи с вышесказанным есть смысл обратить внимание на то, что основа оформлена концовкой *-kc* в эрзя-мордовском *велькс* ‘верхняя часть чего-л., верх’ [ЭРС]. Косвенным свидетельством потенциальной возможности бытования термина в западной группе уральских языков может служить аналогичное суффиксальное образование от антонимической основы *ala-* ‘нижний’: приб.-фин. *alus* ‘нижняя часть; что-то, расположенное внизу’, саам. *vuolus, vuolos* ‘нижняя часть (особенно сети или невода)»; ср. также эрзя-морд. *алкс* ‘расположенный внизу; основа; постель’ [Kuokkala 2012: 80–81]. Менее перспективен в смысле генезиса топоосновы представленный выше прибалтийско-финский контекст *Ylinen* : *Ylise-*, т. е. актуализация исторического диминутивного суффикса **-ñce* > *-ise* с последующим включением суффиксального образования в тип основ *-s* : *-kse-*: **Yläñce* > **Ylise* > **IIVs* > **IIVkse-*.

Проблема в интерпретации потамонима осложняется и тем, что по ряду соображений его невозможно связать непосредственно ни с прибалтийско-финскими, ни с саамскими, ни с волжскими данными. С саамской интерпретацией вступает в противоречие фонетический облик топоосновы, ибо начальный финно-угорский *ü* в саамском развился в более открытый по артикуляции звук, и в топонимии Карелии саамско-происхождения он передается как *e*. В свою очередь, прибалтийско-

Карта 19. Ареал гидронимов *Илекса* ~ *Илес*-

1. *Илесозеро* ~ *Илексозеро* (Л, Ошг, Сяргозеро)
2. *Илекса*, река (Л, Ошг, Куптозеро)
3. *Илекса*, ручей (Л, Вапк, Ивановская)
4. *Илекса*, река (Л, Выт, Тудозеро)
5. *Илекса*, река (Л, Вапк, Шубач)
6. *Илекса*, река (Л, Выт, Старцево)
7. *Илес*, река и озеро (Л, Ковж, Буркова)
8. *Илекса*, река (Л, Белоз, Мегра)
9. *Илекса*, река (Пуд, Канзанаволок)
10. *Илакса*, река (Прион, Лососиное)
11. *Илекозеро*, *Илекручей* (Л, Подп, Токари)
12. *Илокса*, река (Л, Подп, Волнаволок)
13. *Илакса*, река (Л, Подп, Хавроньино)
14. *Илокса*, река (А, Карг, Нименга)
15. *Илосгора* (Л, Ковж, Ярбозеро)
16. *Илекса*, ручей; *Илеслахта*, залив; *Илексинское*, болото (Пуд, Пелусозеро)

финской (как, собственно, и саамской, и волжской) интерпретации препятствует ареал бытования модели. Она неизвестна в таком виде (т. е. с суффиксальным оформлением) в топонимии прибалтийско-финских территорий. Если нанести ее на карту, то окажется, что модель сосредоточена между Онежским и Белым озерами и озерами Лача и Воже, однако ареал продолжается более разреженным на восток вплоть до р. Пинега, образуя некое скопление в нижнем течении Северной Двины (карта 19). На западе модель практически не выходит за пределы очень устойчивой границы, которая отделяет Обонежье от Приладожья. Об эту границу «спотыкаются» и многие другие топонимы, распространенные на Онежско-Белозерском водоразделе. Данный ареал чрезвычайно интересен потому, что в районе сгущения он довольно точно повторяет очертания археологического ареала позднекаргопольской культуры, которая в юго-восточном Обонежье, очевидно, предшествовала собственно прибалтийско-финскому наследию. Позднекаргопольская культура прослеживается археологически вплоть до V–VI вв. н. э., причем известно, что, во-первых, истоки этой культурной традиции лежат в памятниках ананьинских древностей VIII–VI вв. до н. э. Среднего Поволжья, а, во-вторых, носители ананьинских древностей приняли участие в формировании пермских и волжских финно-угров, а также саамского и прибалтийско-финских этносов [АК: 367]. Понимая все опасности сопоставления языковых и археологических ареалов, нельзя все-таки не отметить, что в описанные границы вписываются и ареалы некоторых других, главным образом гидронимных, моделей с финно-угорскими истоками [Муллонен 2002: 319–320]. Поэтому позволительно с осторожностью предположить, что и *Илекса*, и ряд других топооснов

-
17. *Илезболото*, *Илесручей* (Пуд, Колодозеро)
 18. *Илюхта*, деревня (Конд, Мелойгуба)
 19. *Илесига*, река (А, Нянд, Мошинский)
 20. *Илекса*, река (А, Плес, Обозерский)
 21. *Илес*, река (А, Прим, Лисестровский)
 22. *Илакса*, река (А, Холм, Хаврогорский)
 23. *Илас*, озеро; *Илокса*, река (А, Холм, Ракульский)
 24. *Илокса*, река (А, Холм, Емецкий)
 25. *Илекса*, река (А, Холм, Селецкий)
 26. *Илакса*, река (А, Вин, Кицкий)
 27. *Илос*, озеро (А, Пин, Пинежский)
 28. *Илеза*, река (А, Уст, Малодорский)
 29. *Илекса*, река (А, Уст, Дмитриевский)

в ареале между озерами Лача, Воже, Белое и Онежское могут отражать язык носителей позднекаргопольской культуры. Что же это был за язык? В принципе *Илекса* хорошо интерпретируется на основе прасаамского вокализма, в котором еще на самой ранней стадии произошла утрата праприбалтийско-финско-саамского лабиального **il*, объединившегося с **i* и развивавшегося в дальнейшем в русле изменений последнего: **il > *i > *e > *ė > ä* [Korhonen 1981: 81–82]. В северном Обонежье древний **il* передается в топонимии саамского происхождения, в частности в финно-угорской основе *Ylä-*, как *e* (*Elo/järvi*, *Elimys/järvi*, *järvi* ‘озеро’ — см. выше), в южном же Обонежье, видимо, отражается более ранний этап в фонетическом развитии древнего **il* (т. е. *Илекса*). В то же время этому древнему языку, видимо, не чужды были и черты, проявляющиеся в волжских языках, в частности хорошо известный последним формант *-ks*. В русле современных представлений о финно-угорском языковом генезисе *Илекса* может с осторожностью интерпретироваться как наследие праязыка для западной группы уральских языков — мордовских, прибалтийско-финских и саамских. Очевидно, формирование собственно саамских и прибалтийско-финских языков происходило к северо-западу от обозначенной на карте территории.

Специального комментария требует название ур. *Илюхта* в северо-западном Прионежье, которое в писцовых книгах XVI в. отмечено как дер. «в *Блюхте*» [ПКОП: 127] в окрестностях бывшей людиковской деревни Мелойгуба. Исторический топоним не удалось обнаружить в ходе современного полевого сбора, который, однако, выявил в Мелойгубе название урочища *Алахта* (< *ala-* ‘нижний’), косвенно подтверждающее его былое бытование. Видимо, здесь, как и в ряде других названий этой территории, произошла замена сочетания *-ks-* на *-ht-*, т. е. *Илюхта* < **Ileks-*, *Алахта* < **Alaks-*. Подобная замена отмечена, например, в названии острова *Куйвахта* или *Куйвахда* в окрестностях деревни Леликово в заливе Великая Губа (Заонежский полуостров) — из первоначального **Куйвакса*, который хорошо укладывается в ряд однотипных названий *Куйвас* и *Куйвакса* < **Kuivas*: **Kuivakse-* (приб.-фин. *kuiv-* ‘сухой’), неоднократно представленных в топонимии Карелии и смежных областей, с топонимическим формантом *-as*. Среди примеров описываемого фонетического явления также сложное по структуре название ур. *Кокша/конда* в Заонежье, в котором основной элемент *-конда* восходит к приб.-фин. *kontu*, *kondu*, *kond* ‘однодворная деревня’, а атрибут *кокса* — кажется логичным возвести к **кохта*, т. е. **Кохтаконда*: приб.-фин. *kohta*, *kohtu*, *koht* ‘место напротив’, в данном случае на противоположном от бывшей деревни Рюга берегу залива.

Как объясняется это явление, проявляющееся в топонимии западного Обонежья, на границе людиковской и русской территории, которая еще в относительно недавнем прошлом была людиковской, а до этого, можно полагать, вепсской? Возможно, именно в таком генезисе территории надо искать и истоки взаимозаменяемости сочетаний *ht* и *ks* ~ *kš*, которая произошла в ходе карело-вепсского языкового контактирования и была спровоцирована столкновением слов типа вепс. *lahti* — карел. *lakši* ‘залив’, в которых вепсское сохранило в основе древний *t*, а карельское — исторически примарный *k*.

Итак, в гидронимии Карелии и смежных территорий отразились отдельные модификации уральской топоосновы **Ūl(i)-* > **Ūla-*, за которыми просматриваются несколько разные по хронологии и этноязыковым параметрам коллективы создателей топонимов. В ходе адаптации как родственными, так неродственными языковыми общностями топооснова претерпела изменения, затушевавшие ее реальные истоки. Тем не менее учет закономерностей фонетической интеграции и географических особенностей водных объектов, а также картографирование позволили установить как некоторый набор ее разновидностей, так и ареальные предпочтения в использовании ряда из них. Так, в средней Карелии и восточной Финляндии выявляется довольно хорошо очерчиваемый ареал *El(V)m-*, который с учетом логики фонетического развития, а также этнокультурной истории региона может быть интерпретирован как позднепрасаамский. Ареал модификации *Il(V)m-* в значительно большей степени размыт и неопределен, и за ним стоят, видимо, разные по генезису и этноязыковым истокам финно-угорские коллективы номинаторов. Со своей стороны, топооснова *Илес-* ~ *Илекса* имеет в рамках нашего исследования юго-восточный ареал, который тянется от Онежского и Белого озер к Северной Двине и неизвестен западнее в прибалтийско-финском и севернее в саамском мире. Совпадая в значительной степени с ареалом позднекаргопольской археологической культуры сер. I тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э., он может быть западноуральским языковым наследием.

В последние годы ономастическая наука значительно продвинулась в понимании суффиксальной природы финно-угорских топоформантов (см. подробнее [Муллонен 2002: 191–228]). Материал этого раздела дополняет известные по прежним исследованиям обоснования в пользу их суффиксальных истоков и расширяет круг «речных» суффиксов. Важно отметить, что форманты, реконструированные в связи с анализом модификаций гидронимной основы **Ūla-* ‘верхний’, выявляются и в ряде других гидронимов, где тоже функционируют с основами, имеющими пространственную семантику. См. некоторые примеры:

— оз. *Пялнозеро* в бассейне р. Колежма в Поморье (Кем, Лапино) < **Pälīne-*, оз. *Pälizljärvi*, рус. *Пялось/ярви* (Петр, Линдозеро), оз. *Пеллонч*, примыкающее к руслу Беломорско-Балтийского канала в районе пос. Надвоицы, оз. *Пильмасозеро* в Водлозерье, в которых возможно вычленить диминутивный / атрибутивный формант *-ine ~ -ize, -нч / -nšV* (<**-ñše*) и *-мас* (как одну из модификаций суперлативного форманта) в сочетании с основой, имевшей семантику ‘бок, край, сторона’ (< урал. **rexli* ‘(наружный) край’ [SSA]);

— руч. *Куикимус*, левый приток р. Шуя (Ф, Суояр, Игнойла), р. *Кукиша-Мокса* [АКЦ: 57] < ? *Кушкамокса* (Сорок, Пулозеро) могут быть суперлативными образованиями от основы саамского типа **keske* (в диалектах *koska-*, *kesk* и др.) ‘средний, промежуточный’ [Lehtiranta 1989: 42–43], ср. соответствующую продуктивную в прибалтийско-финской топонимии основу фин. *Keskimmäinen*, карел. *Keskimäini*;

— оз. *Tarazmane ~ Tarazmaini ~ Tarazmazen/därvi* (Петр, Совдозеро), оз. *Tarasmo* в Беломорской Карелии: «суперлативный» *-m*-овый элемент оформляет продуктивную в регионе топооснову, выраженную саам. *doares* ‘поперек, поперечный’ с мотивировкой ‘расположенный поперек течения реки’;

— оз. *Кукимасозеро* (Пуд, Янгозеро), оз. *Kukkamaaljärvi ~ Kukkomaljärvi* [Тунг, Ушково]: в основе прасаам. **kukkē* (сев.-саам. *guk'ke*, ин. *kukke*, колт., кильд. *ku'kk*) ‘длинный’, что хорошо подтверждается вытянутой формой озер. Со своей стороны элементы *-ma-* и *-мас* должны, очевидно, интерпретироваться как модификации суперлативного форманта. В свое время А. Айкио предположил, что формант *-to* в финляндском озерном наименовании *Kukkamo* не имеет четкого объяснения [Aikio 2003: 23], в действительности он может находиться в одном ряду с приведенными выше модификациями;

— ур. *Валимоны ~ Валеимоны* (Велик, Ламбасручей) является адаптацией прибалтийско-финского оригинала **Alimaine* ‘нижний’.

Видимо, дальнейшее исследование позволит расширить этот список. Однако уже и в сегодняшнем виде он убедителен и поддерживает проведенные выше «верхние» реконструкции.

3.5.2. *Latva-* ~ *Ladva-* / *Ладв-*

Далее рассмотрены еще несколько гидронимных основ с семантикой ‘верхний’.

Основа *Latva- ~ Ladva-*, из приб.-фин. *latva, ladva, ladvu, ladv* ‘вершина, верхушка, макушка (как правило, дерева)’, применительно к водным

объектам ‘верховье; исток реки, ручья’ является универсальной, не имеет ареальной и языковой (карело-вепсской) дистрибуции, воспроизводится многие десятки раз в озерных (*Latvajärvi, Ladvajärvi, Ladjärv, Ладвозеро*), реже в речных наименованиях, а также производных от них названиях территориально смежных объектов. Появление пространственной семантики у лексемы, первоначально ею не обладавшей, обусловлено восприятием речной системы в образе дерева, имеющего свою вершину. В русских районах Карелии и на смежной территории многократно фиксируются полукальки *Ладвозеро ~ Ладбозеро ~ Ладгозеро ~ Ладмозеро*. Сохранение прибалтийско-финского атрибутивного элемента при переходе в русское употребление вызвано, очевидно, отсутствием соответствующего эквивалента в севернорусской топонимической системе.

3.5.3. **Kerak-* / *Керак-*

В саамских языках верховье, исток водотока обозначается терминами *giëreh, kiera, gierä, kirk*, в основе которых реконструируется **kërek* [Lehtiranta 1989: 52–53]. Термин реализовался по крайней мере в одном гидрониме Карелии — названии озера *Керака, Керацкое* или *Керакское* на Заонежском полуострове (Велик, Керака). Озеро, расположенное в центре полуострова, является истоком реки Путкозерки, пересекающей его и впадающей в Повенецкий залив Онежского озера, оправдывая тем самым свое «верхнее» название.

Поиск других топонимов данного ряда осложнен нестабильностью конечного *-k* в термине в саамских языках, а также обусловленной разными причинами неустойчивостью гласного второго слога в топооснове. С определенной долей осторожности можно предполагать саамский термин в истоках озерного наименования *Керкозеро* (Сорок, Сумский Посад), при этом в качестве дополнительного критерия интерпретации стоит обратить внимание на то, что озеро является истоком *Ладручья* (< карел. **Ladvaaja, ladva* ‘верховье, исток’), текущего в Белое море. За этой связкой может оказаться карело-саамская калька.

3.5.4. *Piä-* ~ *Pää-*

Приб.-фин. *pää, peä, piä, pie, pä* ‘голова’ имеет также семантику ‘конец, край’, которая, судя по характеру использования, и воплотилась в топонимах в функции детерминанта — прежде всего, в названиях концов поселений, иногда и других объектов, например концов озера: *Šoukunpiä* — северный конец оз. Кескозеро (Олон), зал. *Liettiinpiä*

(Сегоз, Топорная Гора); зал. *Tužunpiä* в оз. Совдозеро (Медв), *Riikonpiä*, *Pohjanpiä* — концы оз. Куйварви (Сегоз, Шалговара). Термин *järvenpiä* ‘конец озера’ фиксируется многие десятки раз в качестве названия озерных заливов, лесных и сельскохозяйственных урочищ, наименований поселений, тяготеющих к побережью озера. В то же время в атрибутивной функции топооснова раритетна. Она практически неизвестна в собственно озерных наименованиях, что обусловлено, конечно, семантикой ‘конец, край’, востребованной в топонимии и предполагающей некий топонимический ряд, различающий разные концы одного объекта. Применительно к гидронимии это ситуация цепочки озер, у которой есть свой конец или край. Именно так могут быть интерпретированы оз. *Piejärvi*, замыкающее цепь из пяти озер (*Soudjärvi*, *Heizjärvi*, *Ruagarvi*, *Maimajärvi*, *Piejärvi*) в центральной Карелии (рис. 68), или оз. *Piäjärvi* ~ *Päijärvi* (Лоух) на севере Карелии, в составе современного Кумсинского водохранилища. Иначе говоря, в данном случае воплотилась семантика ‘конец, край’. С другой стороны, в контексте исключительной непродуктивности гидронимной основы предложенная интерпретация может быть излишне поверхностной. В связи с этим стоит обратить внимание на бытование основы на смежной территории Финляндии: многие топонимные модели и типовые топоосновы имеют в Карелии и Финляндии общие ареалы. Оказывается, непродуктивность модели в Карелии поддерживается ситуацией на территории Финляндии. Судя по данным электронного ресурса *retkikartta.fi*, топонимы *Pääjärvi* (около 30 топонимов) концентрируются преимущественно на территории западной Финляндии, в то время как ареал *Päälampi*, где *lampi* ‘небольшое, часто непроточное лесное озеро’ (тоже около 30 топонимов), явно тяготеет к востоку. Очевидно, эта ареальная ситуация объясняется

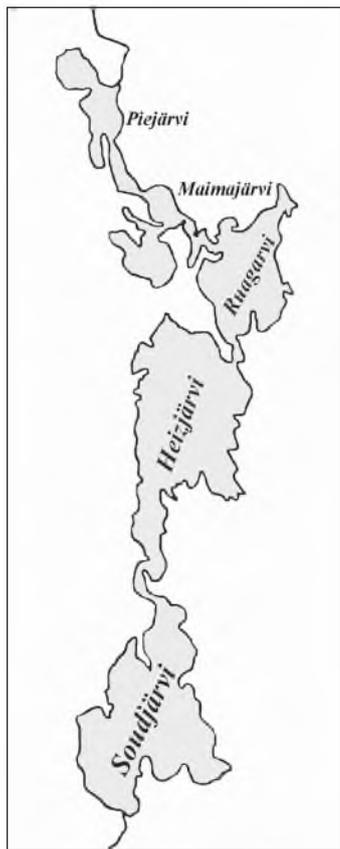

Рис. 68. Озеро *Piejärvi* в цепи озер

разным генезисом и разной хронологией формирования названных моделей. Видимо, родившись как модель названия «верхних» озер на западе Финляндии, она оттянулась на восток вместе с западным потоком освоения и воплотилась здесь в названиях небольших водных объектов как результат вторичной или, во всяком случае, относительно поздней номинации. Иначе говоря, основа *Pää-* не была свойственна традиционной восточнофинской, а значит, и карельской топонимии, которая, как известно, лежит в основе восточнофинской. В данном контексте важное значение приобретает информация о саамских вариантах названия оз. *Piajärvi* ~ *Päjärvi* (Лоух): по материалам А. Шегрена, в середине XIX в. это *Bejauri*, саамам Инари оно известно как *Oaivejauri* [Kuzmin 2014: 138]. Исторический саамский вариант *Bejauri* в сочетании с современным карельским *Päjärvi* позволяет предложить другую интерпретацию, которая восходит к саам. *P bāggje*, *I pajje*, *Ko pādij-*, *Ki pā'jj-* < **pejē* ‘верхний’ [Lehtiranta 1989: 94–95] и подтверждается полностью топографически. Инари-саамское же название *Oaivejauri* (*oai* ‘ve ‘голова’) могло возникнуть как следствие перевода карельского *Päjärvi* ‘головное озеро’, которое, в свою очередь, появилось как результат карельского переосмысления примарного саамского гидронима *Bejauri*.

3.5.5. *Oiva-*

В саамских языках *oai* ‘ve ‘голова; округлая вершина сопки; вершина; верхняя часть’, в прибалтийско-финских у слова *oiva* развилось абстрактное значение ‘замечательный, превосходный, умный’ [SSA]. Топооснова **Oiva-*, вычленивающаяся в нескольких гидронимах Карелии, может иметь саамские истоки. Среди них оз. *Ойба* ~ *Войбозеро* (Шунг, Кажма) в истоках ручья, протекающего через ряд озер и впадающего в Уницкую губу Онежского озера. Фонетический облик обусловлен особенностями адаптации к русской топосистеме Обонежья [Муллонен 2008: 164]. Порог *Войбуч* в среднем течении р. Водла — верхний («головной») в системе тянувшихся на 5 км порогов *Войбуч*, *Иваньков*, *Липки*, *Железные Ворота*, *Песьянец*, *Сальников*, отделенных друг от друга короткими плесами. В названии основа оформлена саамским суффиксом с диминутивной семантикой. Еще пример — р. *Voivonči*, рус. р. *Войвонец* (Сегоз, Шалговаара) в центральной Карелии. В месте ее впадения в р. Сегежа расположен целый каскад порогов, что дает основание реконструировать утраченное название порога **Voivonči*, структурно идентичное *Войбучу*: в нем выделяется два элемента с прасаамской

фонетикой: **ōjvē* ‘голова, верх’ и диминутивный формант **-ńžē*. При этом предпосылки появления протетического *v* были заложены уже в самой саамской лексеме, он представлен во всех восточных саамских диалектах: *vuei* ‘vv, *vue* ‘jjv, *vjejjve* [Lehtitanta 1989: 92–93].

К сожалению, фонд названий очень ограничен и не позволяет судить о приоритетах в использовании основы¹⁰.

3.5.6. *Каџ- / Кач-, Ketse-*

Топооснова устойчиво привязана к озерам, причем таким, которые являются замыкающими, последними в цепи озер, расположенных в верховьях реки. Таково озеро *Качезеро*, являющееся верхним в конгломерате периодически исчезающих, смыкающихся друг с другом ундозерских озер (*Качезеро*, *Ундозеро*, *Лухтозеро*) на Онежско-Белозерском водоразделе. Таким же является оз. *Кача* в верховьях одного из притоков р. Чержма в северном Белозерье, оно практически смыкается с двумя другими, расположенными ниже озерами Узкое и Пустое. Упомянем также оз. *Качезеро* (вепс. *Kačjarv*) на юго-западной границе Обонежья, на территории расселения северных вепсов. Озеро является истоком реки Шокши, при этом река протекает в верховьях сквозь целую цепочку озер, в которой замыкающим звеном является как раз Качезеро. Этот и другие примеры территории южного Обонежья и Белозерья позволяют видеть в основе топонима саамскую лексему *geččē*, *kie* ‘žž (диалектные варианты) < **kēččē* в значении ‘голова, вершина, конец’, в том числе *geahči* ‘исток реки, вершина реки’. При этом надо иметь в виду, что качество переднерядного гласного первого слога в современных саамских языках — это результат секундарного развития через промежуточные этапы из первоначального гласного **a*. Передвижка гласного вперед была спровоцирована в этом слове влиянием последующей аффрикаты [Korhonen 1981: 91]. Современный гласный первого слога восходит, таким образом, к историческому **a*, который и отразился в топониме *Качезеро*.

К какому периоду в развитии саамского языка относится данный сдвиг в артикуляции? Очевидно, он произошел достаточно давно, еще в период существования прасаамского языкового единства. На это указывает бытование передней гласной во всех современных саамских

¹⁰ В этом ряду перспективными могут оказаться некоторые речные наименования на Русском Севере: р. *Войвожа* ~ *Войбожа* (А, Лешук), р. *Войван* (А, Мезен), р. *Войвож* (А, Лен).

языках и диалектах, что и позволило Юхани Лехтиранта [Lehtiranta 1989] реконструировать прасаамское **keče*, восходящее к более раннему **kača*. Интересно, что в топооснове *Кач-* при древнем состоянии гласного качество согласного, замыкающего слог, близко современному. Бóльшая консервативность гласных на фоне опережающего развития согласных прослеживается и в других гидронимах южного Обонежья, этимологизирующихся с привлечением прасаамских языковых данных. Надо полагать, что в неоднократно повторенной в северном Белозерье озерной основе отражаются особенности языка древних насельников края — языка праприбалтийско-финско-саамского типа.

В свою очередь, более поздний саамский облик слова сохраняют некоторые топонимы Финляндии с основой *Ketsu-*, *Ketse-*, *Ketsa-*: *Ketsunlampi*, *Ketsusuo*, *Ketsalampi*, *Ketsaoja* и др. [Räsänen 2007a].

3.5.7. *Kuš-* ~ *Kuž-*

В контексте поволжских связей позднекаргопольской культуры небезынтересна еще одна «верхняя» модель, присутствующая в наименованиях рек и озер. Ее истоки заманчиво сопоставлять с восточномарийским *kušel* ‘верхний’. Ареал тяготеет к южному Обонежью. Обозначенная лексема кажется вполне достоверной в названии реки вепс. *Kušleg* — рус. *Кушлега*, в которой концовка *-ga* — это рудимент основного элемента *jogi* ‘река’. Русский вариант восходит к вепсскому, в котором по законам вепсской фонетики происходит выпадение гласной во втором слоге. Однако наряду с этим бытует и вариант с первоначальным гласным (*Kuššal*, *Kuššel*). Возможно, в этом же ряду р. *Кужала*, вытекающая из оз. *Кужозеро* в центральной Карелии, а также оз. *Kožoli* (Реб, Колвасозеро), рядом с которым располагается оз. *Ylinijärvi* ‘Верхнее озеро’. В этих и других подобных ситуациях речь идет о верхних водных объектах, что географически поддерживает предложенную трактовку. При этом марийское *kušel* — производное слово, в котором конечное *-l* входит в состав суффиксального элемента (ср. мар. *ul* < *ul-* ‘нижний’, *вывал* < **ylä* ‘верхний’). Это дает повод предполагать семантику ‘верх, верхний’ и для топооснов, восходящих к производящей основе *kuš*, например р. *Кужа* в южной Карелии, которая вытекает из озера *Ylajärvi*, а также в юго-западном Обонежье (верховья р. Свирь) реки *Кужан*, *Кужома*, *Кужьма* из оз. *Кужозеро* и т. д., в которых конечное оформление может быть наследием специальных формантов, функционировавших в связке с основами, имеющими пространственную семантику (см. подробнее 3.5.1.1–3.5.1.2). Среди этих топонимов, безусловно,

могут быть и образования от вепс. *kuz* ‘ель’. Однако, с другой стороны, нельзя отрицать того очевидного факта, что основа достаточно последовательно выступает в названиях «верхних» рек и озер.

В этом же контексте показательно название оз. *Кужозеро* в южном Обонежье (Л, Выт), представляющее собой северную, отделенную проливом часть обширного озера Ковжского. *Кужозеро* действительно является верхним (верхний конец оз. Ковжского) по отношению к р. Ковже, которая вытекает из противоположного конца озера Ковжского. «Верхняя» этимология поддерживается и тем, что в оз. *Кужозеро* впадает р. *Илекса*, т. е. ‘верхняя’.

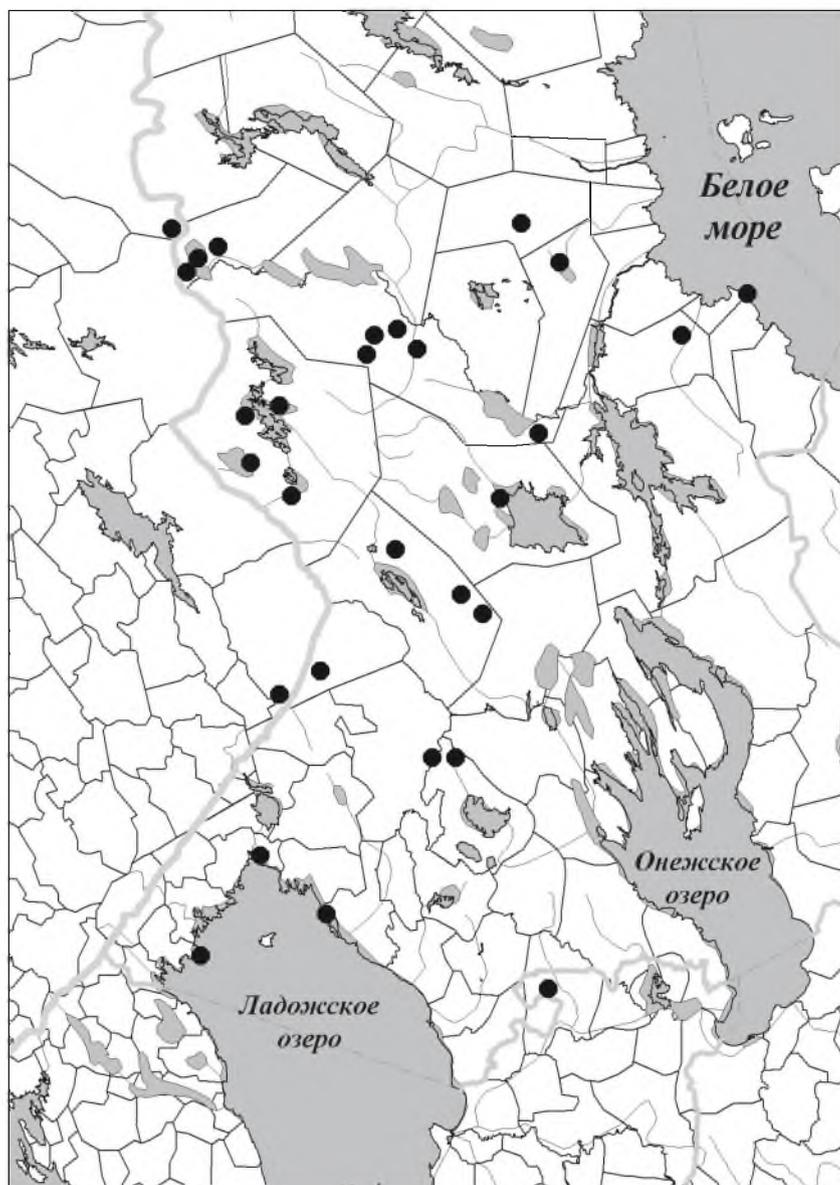
3.6. Топоосновы с ‘боковой’ семантикой

В данном разделе представлены две топонимические основы из довольно обширного списка лексем с ‘боковой’ семантикой, реализованных в прибалтийско-финской (финно-угорской) топонимии и свидетельствующих о продуктивности ситуативных названий, в том числе в гидронимии. Использование картографического материала, привязка топонимов к местности позволяют понять мотивы названия, задают вектор для этимологического поиска, особенно в случае многократной привязки топоосновы к объектам с идентичной топографической характеристикой.

3.6.1. *Lap-* / *Lan-*

Внимание топонимики всегда привлекают т. н. отэтнонимные топонимы, содержащие в основе этноним — название этноса. В Карелии анализ названий, в основе которых лежит этноним *lappi* / *лопь*, проведен Д. В. Кузьминым. Им, в частности, составлена карта (карта 20), включающая десятки топонимов Карелии с основой *Lappi-*: *Lapin/ranta* ‘Лопарский берег’, *Lapin/lampi* ‘Лопарская ламба’, *Lapin/laksi* ‘Лопарский залив’, *Lapin/hauta* ‘Лопарская яма’, *Lapin/raunivo* ‘Лопарские развалины’, *Lapin/kiukua* ‘Лопарская печь’, *Lapin/suari* ‘Лопарский остров’ [Кузьмин 2005].

Часть из них — свидетельство действительного саамского присутствия, с ними в Беломорской Карелии связаны предания о лопарях, часть возникла в результате той этнонимической ситуации, которая сложилась в результате поэтапного освоения Карелии карельским населением, когда этноним *lappi* стал использоваться и применительно к карелам, проживающим севернее или в стороне от относительно

Карта 20. Топонимы с основой *Larri*- в центральной Карелии

больших карельских поселенческих центров (см., например, [Мулло-нен 2001: 24–25]). Карта показывает, что топооснова *Lappi*- практически неизвестна в южной Карелии — на Олонецком перешейке и в Обонежье, традиционных ареалах старого прибалтийско-финского (с вепсской основой) освоения. Ареал данной модели тянется из Приладожья в Беломорскую Карелию по пути карельской экспансии на северо-восток, в обход Олонецкого перешейка и Обонежья. Отсутствие основы на этих территориях можно объяснить тем, что продвинувшиеся из Приладожья карелы соприкоснулись тут не с саамами (*lappi*), а с населением вепсского типа, родственным карелам и по языку, и по типу хозяйственной деятельности. Вепсский язык не знал карело-финского этнонима *lappi*, поэтому в местах исторического вепсского расселения на Онежско-Ладожском перешейке отсутствует эта этэтнонимическая топооснова.

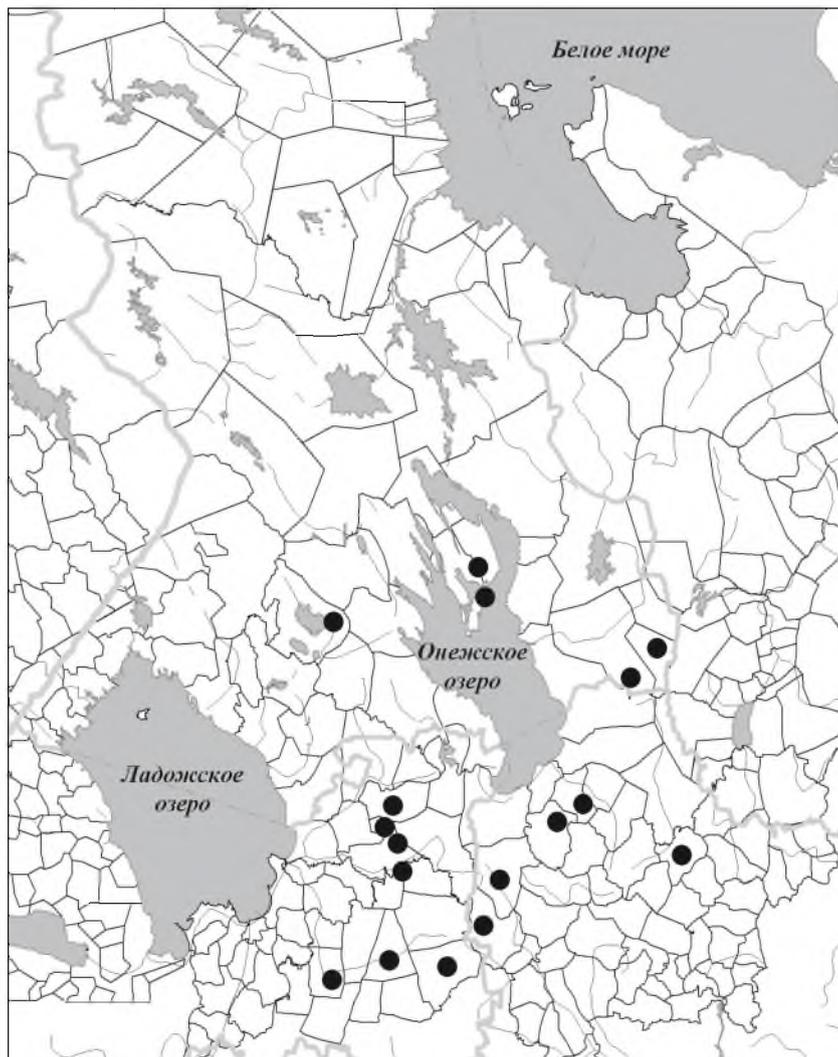
С другой стороны, в ареале современного и исторического вепсского расселения неоднократно фиксируется озерное название *Lapjärv*, *Lap'arv*, *Ланозеро*. Оно свойственно небольшим лесным озерам, характерной особенностью которых является расположение на берегу, сбоку от более крупного озера. Модель особенно популярна в бассейне Ояти. Исходя из этой характерной особенности местоположения, в топооснове следует видеть утраченную вепсскую лексему **lapt* 'край, бок, сторона', которая в современных говорах представлена в наречиях: *laptaha* 'в сторону', *laptali*, *laptaiči* 'стороной', *laptas* 'в стороне', *laptati* 'рядом' [СВЯ]. Производящая основа *lapt* этимологически входит в один ряд с карельским *lappie* и финским *lappaa* [SSA], которые позволяют реконструировать исходный для прибалтийско-финских языков вид **lappeda* и тем самым проясняют происхождение вепс. *lapt* как результат характерной для вепсского языка редукции гласного второго слога в случае, если первый слог долгий или закрытый [Tunkelo 1946: 718]: **lappeda* > *lapt*. При этом процесс выпадения гласного сопровождался оглушением конечного согласного под влиянием соседнего глухого *p*. В ряде топонимных примеров редукция гласного отсутствует: оз. *Ланатозеро* в верховьях р. Колоды (Пуд), маленькое оз. *Ланатозеро* на берегу Кудомозера в южном Обонежье, оз. *Ланоть* (с вариантом *Ланозеро*) у оз. Палежма в южном Присвирье, а также, возможно, руч. *Ланать* в бассейне верхней Шексны. Впрочем, нельзя исключать и вторичного наращивания гласного, имеющего в ряде случаев народно-этимологические истоки. В большинстве примеров на стыке элементов сложного топонима произошло упрощение фонетического облика топоосновы: **Laptjärv* > *Lapjärv* > *Ланозеро*.

Ареал модели охватывает южное Присвирье, южное и юго-восточное Обонежье (карта 21) и может, таким образом, квалифицироваться как вепсский, хотя он и не покрывает всю вепсскую территорию. С точки зрения этнической истории и географии расселения, наиболее интересны фиксации в юго-восточном Обонежье, в том числе оз. *Ланатозеро* и оз. *Ланозеро* в бассейне реки Колоды, оз. *Ланоть* в Салмозере, доказывающие вепсское прошлое этой русской территории.

На окраинах ареала зафиксировано несколько топонимов — названий островов: в юго-западном Присвирье остров на краю бол. Иمولовское *Ланисарь* (*sar* 'остров'), на нижней Кеме в северном Белозерье бол. *Ланцарское* (< **Lapsar*'), о. *Ланостров* в окрестностях дер. Усть-Яндома на юге Заонежского полуострова, являющийся крайним в череде островов. Появление *Ланострова* в южном Заонежье может быть отражением устойчивых связей данной территории с вепским Прионежьем в относительно позднее время. Видимо, в этом же ряду следует рассматривать название небольшого островка *Lappusuari* у восточного берега оз. Сямозера, на Онежско-Ладожском перешейке, на восточной границе карельского ливвиковского ареала.

На фоне устойчивого присутствия топонимической модели на современной и смежной исторической вепсской территории обращает на себя внимание практически полное ее отсутствие в карельском языковом ареале и довольно слабое представительство на финской территории. Следует ли ее признать в этом контексте дифференцирующей вепсской моделью для называния небольших по размеру озер и островов, характеризующихся боковым расположением по отношению к объекту, выступающему точкой отсчета — более крупному озеру, острову, а также побережью озера или болота?

Для ответа на вопрос надо иметь в виду, что основа *Лан-* довольно хорошо известна и в топонимии западных районов Русского Севера. Среди примеров: оз. *Ланотное*, представляющее собой большой залив оз. Островистое в бассейне р. Пезма, оз. *Ланозеро* и вытекающий из него руч. *Ланручей* — боковые по отношению к р. Маложма на Онежском полуострове. Боковое расположение по отношению к более крупному объекту свойственно острову *Ланасть* на Лозско-Азатском озере, маленькому озеру *Залапач*, прилегающему к оз. Наумовское (название озера восходит, возможно, к наименованию залива *Ланацкая бухля* на оз. Наумовское), острову *Лановец* на Чарондском болоте, а также острову *Ланоть* на озере Сиверском и др. (все в пределах западных районов Вологодской области). Отличительная особенность топоосновы на Русском Севере — присутствие ее в названиях небольших рек, при

Карта 21. Топонимы с основой *Lap(t)-* 'боковой, крайний' в ареале современного и исторического вепсского расселения

этом характеризующихся одинаковой особенностью: в месте их впадения материнская река образует крутое колено, поворот. Таковы в вологодской топонимии р. *Лана* или *Лаповка*, впадающая в р. Пустая (басс. оз. Воже), руч. *Ланач* ~ *Лонач*, в месте впадения которого река Мотима круто поворачивает на север, р. *Ланать* ~ *Ланач*, правый приток р. Юмпаш, р. *Лаповка*, приток р. Стрелица и др. На территории Русского Севера зафиксировано много десятков топонимов с основой *Лан-* [Матвеев 2004: 143; Кабинина 2011: 218]. Даже притом, что среди них могут быть топонимы, лишь случайно совпавшие в звучании с прибалтийско-финской основой *Лан-*, географическая характеристика многих объектов убедительно подтверждает прибалтийско-финскую этимологию ‘край, бок, сторона’. Симптоматично, что среди названий рек практически полностью отсутствуют такие, в которых топооснова *Лан-* оформлялась бы традиционным для топонимии Русского Севера гидроформантом, что, видимо, увязывается с возрастом и языковыми истоками гидронимов. Поскольку основа характерна для наименований небольших по размеру объектов, которые функционируют к тому же нередко на уровне микро-топонимии, она не может иметь очень глубоких корней. С учетом же того, что этимон, судя по данным современных этимологических источников (например, [SSA]), не имеет соответствий за пределами прибалтийско-финского языкового сообщества, его топонимическое бытование на Русском Севере следует связывать именно с прибалтийско-финскими языками, прежде всего вепским, в котором модель востребована.

Отсутствие четких следов топоосновы в карельской и финской топосистемах указывает на возможность ее вепских истоков в субстратной топонимии на Русском Севере. Такой вывод вполне естественен для западных районов Вологодской области с бесспорным вепским топонимическим субстратом. Однако для топосистемы Онежского полуострова и других районов северной части Архангельской области присутствие вепского субстрата весьма сомнительно, в то время как карельское топонимическое наследие не вызывает сомнений.

В контексте той ареальной ситуации, которая описана выше, есть смысл вновь обратиться к карельской топонимии и пересмотреть этимологию некоторых наименований с основой *Лан-*, традиционно связываемых с этнонимом *lappi* ‘лопарь, лопарский’. Если приглядеться к объектам, в названиях которых присутствует данная основа, внимательнее, то окажется, что это, как правило, объекты очень небольших размеров, при этом располагающиеся сбоку от более крупного, значимого объекта. Показательны в этом плане многочисленные наименования островов *Lapin/soari*, *-suari*, букв. ‘Лопарский остров’, которые располагаются

у берега водоема или рядом с более крупным островом, например, в Сегозерье или в Северном Приладожье. Подобная ситуация характерна и для финской топонимии. На размещенном в Интернете картографическом ресурсе, содержащем топографические карты по территории Финляндии (расположен по адресу: <http://kansalaisen.karttapaikka.fi/kartanhaku/paikannimihaku.html>) и позволяющем осуществлять привязанный к карте поиск по заданному названию, отмечено около 50 островов с названием *Lapinsaari* ‘Лопарский остров’. Знакомство с топографическими особенностями островов, расположенных на озерах восточной Финляндии, позволяет однозначно характеризовать их как боковые, крайние. Некоторые из них, находясь в непосредственной близости от берега, при низкой воде превращаются в мысы. Другие привязаны к мысам или более крупным островам (рис. 69, 70).

Рис. 69. Остров *Lapinsaari*

Рис. 70. Остров *Lapinsaari*

Приходится признать, что Лопарскими острова стали в результате народно-этимологической интерпретации, которая была спровоцирована маргинальностью и постепенной утратой прилагательного *lappea* из финских и карельских говоров. В вепсской топонимии вследствие отсутствия в вепсских говорах этнонима *lappi* такое переосмысление оказалось невозможным. Ареал топонимов с основой *Lappi-* ‘лопарь, лопарский’ покрывает всю карельскую в языковом отношении территорию, однако не распространяется на вепсскую. При этом в основе многих (конечно, не всех) карельских и финских топонимов в действительности восстанавливается прилагательное *lappea*, *lappie* ‘боковой’. «Лопарскими» их сделала народная этимология.

3.6.2. *Piele-* / *Пил-* ~ *Пел-* ~ *Пял-* ~ *Пал-*

Еще одна топооснова с ‘боковой’ семантикой восходит к имеющему финно-угорские истоки слову *piele-* < **pēle* ‘бок, край, сторона’. Она известна исследователям топонимии, однако не получила того внимания, которого заслуживает в силу значительного представительства в топонимии прибалтийско-финского ареала и смежных областей Русского Севера. Возможно, причина кроется в том, что в современных прибалтийско-финских языках слово зачастую используется в значениях, не актуальных для называния географических объектов: ср. в прибалтийско-финских языках ‘опора; опорный столб; мачта; косяк дверей или окна’, производные *pieles* ‘прясло’, *pielus* ‘подушка’ [SSA]. Показательно в связи с этим, что данная лексема практически полностью отсутствует в карельской и вепсской микротопонимии. Однако история языка свидетельствует со всей очевидностью, что перечисленные значения — результат развития исходной семантики, связанной с выражением понятия ‘бок, край, сторона’, хотя в определении соответствий в других финно-угорских языках и есть некоторые вопросы, выводимые исследователями главным образом из того, что в ходе длительного исторического развития произошло наложение и прочное переплетение трех исходных лексем: финно-угорской **peeli* ‘столб’ и уральских **pexli* ‘(наружный) край’ и **pälä* ‘половина; родственник, друг’ [Ibid.]. Слово известно, в частности, в виде морд. *pel*, *päl*, мар. *pel*, *wel* ‘сторона’, также саам. *bälle* ‘половина’, морд. *pele*, *pälä*, мар. *pele* ‘половина’, коми *pel*, *pev* ‘край, бок’ [Ibid.].

Не будучи продуктивной в современной прибалтийско-финской микротопонимии, основа обнаруживается в целом ряде гидронимов Карелии и Финляндии, что, очевидно, может быть расценено как свидетельство былой продуктивности слова. Гидронимы в массе своей живут дольше других разрядов топонимов и могут поэтому восходить ко времени, когда была еще актуальной первичная семантика, связанная с отражением бокового, стороннего расположения водных объектов — как правило, озер — по отношению к речному руслу. Во всяком случае именно такую семантику подтверждает географическая характеристика озер *Pielisenjärvi* (Беломорская Карелия), *P’olajärv*, *Пелозеро*, *P’oluzjärvi* (в ареале вепсского расселения), *Pielavesi*, *Pielinen* в восточной Финляндии и др. Два последних лимнонима приводятся в словаре топонимов Финляндии «Suomalainen paikannimikirja», при этом «боковая» этимология строится авторами статей на карте освоения территории: крайние, боковые по отношению к традиционным древнекарельским центрам

и традиционным границам [SP: 333]. На самом деле основанием номинации служит, конечно, крайнее, прилегающее к водоразделу положение названных больших озер в озерной системе Саймаа, стекающей в Ладожское озеро.

Топооснова обнаруживает большую вариативность — как фонетическую, так и словообразовательную. В соответствии с прибалтийско-финскими фонетическими закономерностями финско-карельский дифтонг *-ie-* сменяется на вепсской территории кратким *-e-* или лабиальным *-o-* в позиции после палатального *p*. В русском употреблении — в русскоязычных районах Карелии и на смежной территории Русского Севера — основа выступает как *Пел-* ~ *Пил-* ~ *Пял-*, причем в ряде случаев возможна взаимозаменяемость: в Пудожье река *Пельма* вытекает из *Пялозера*, протока *Пильма* в устье реки Кубены имеет вариант *Пельма*. В основе фонетической вариативности можно полагать особенности усвоения прибалтийско-финского (финно-угорского) оригинала в русское употребление, однако она не ограничивается только этим. Следует иметь в виду и фонетический облик, представленный в разных финно-угорских языках. Поэтому название озер *Pälärvi* с русским соответствием *Пялозеро* (Петр), *Pälizjärvi* (Шелт) и ряд других допустимо сопоставлять с саам. *bælle* < прасаам. **pele* [Lehtiranta 1989] с более широким, чем *e*, звуком, воплощавшимся в ходе прибалтийско-финского усвоения как *ä* и далее в русском как *я* [Муллонен 2002: 254–256].

Основа, в том числе и оформленная традиционными гидроформантами, широко представлена за восточными и южными пределами современной прибалтийско-финской территории (см., например, [Матвеев 2007: 118, 121]). Ниже приведены некоторые примеры гидронимов, этимология которых находит подтверждение в ландшафтно-географической характеристике объектов. Оказывается, что «боковыми» маркируются притоки, впадающие в более крупную реку на повороте последней, когда появляется необходимость отличить основную реку от ее притока. Такова, например, р. *Пеленга*, впадающая в Сытвугу напротив большого речного колена (А, Онеж), р. *Пелега*, вытекающая из болота *Пелецкое* и впадающая в р. Ухвуж с левого берега в месте поворота последней (А, В-Тоем), а также р. *Пилежма*, правый приток, впадающий в р. Паденга в верхнем течении последней (А, Шенкур). Просматривается и другая ситуация, вызывающая появление «боковых» рек: в нижнем течении, непосредственно перед устьем, они текут параллельно руслу той реки, в которую впадают. Река *Пеленга* течет в нижнем течении вдоль левого берега р. Онега (А, Плес),

а р. *Пележма* соответственно параллельно р. Солза, вдоль ее правого берега (А, Северодвин). В названиях нелинейных объектов воплощается идея расположения на краю, сбоку. Небольшое оз. *Пилюзеро* ~ *Пилосозеро* находится у самого берега, сбоку от обширного Руйгозера (Сорок, Нюхча). Соответственно *Пильпацкое болото* (вар. *Пильпахта*, где *-пахта* 'болото') примыкает к большому Даниловскому болоту (Л, Ошт, Ножема).

Как явствует из примеров, топооснова выступает на Русском Севере в сочетании с гидронимными формантами *-га*, *-нга*, *-жма* и допускает соответственно широкую финно-угорскую интерпретацию. Видимо, особую группу составляют гидронимы с конечным *-ма*, имеются в виду речные наименования *Пильма*, *Пельма*, *Пяльма*, встречающиеся неоднократно на просторах российского Северо-Запада. Среди них река *Пяльма*, впадающая с восточного берега в Онежское озеро, река *Пильма* ~ *Пилемка*, впадающая в залив южного берега озера Лача с левого берега, в то время как обычно река впадает в конец залива. В данном случае река является боковой по отношению к заливу, что, возможно, и отразилось в ее названии. Еще показательнее протока *Пильма* ~ *Пельма* в дельте реки Кубены. По отношению к основному руслу она является, безусловно, боковой, что хорошо отражают карты. Такова же протока (староречье) *Пильма* на реке Сухоне выше впадения в последнюю р. Вологда. В свою очередь, болото *Пильма* — это юго-западный край обширного болота Шиченгского в Сямжинском районе Вологодской области. В этом же ряду река *Пильма*, приток оз. Кеньгозеро, которое является боковым по отношению к вытекающей из него р. Кеньга в бассейне реки Ваймуги (А, Холм). Не менее показательны озеро *Пильмасозеро*, расположенное у правого берега реки Келки, в которую стекает по короткой протоке с названием *Пильма* (Пуд, Пильмасозеро). Ландшафтно-географическая характеристика довольно убедительно подтверждает возможность введения перечисленных топонимов в одно этимологическое гнездо с топонимами, в которых представлено приб.-фин. *pieli*. Ср. также р. *Пельма* вытекает из оз. *Пялозеро* в р. Корба (Пуд, Пялозеро). Правда, судя по тому, что модель практически не реализовалась в топонимии Карелии, за исключением ее самых восточных районов, а также Финляндии, в то время как за их восточными и юго-восточными пределами воспроизводится неоднократно, надо полагать, что мы имеем дело не с прибалтийско-финскими, а родственными финно-угорскими / западноуральскими истоками топонимической модели, которая допускает по крайней мере две возможные интерпретации. Не исключено,

что в гидронимах воплотился географический термин, служивший в субстратном языке (языках) Русского Севера для называния бокового расположения объектов. Известно, что суффикс *-ta* в финно-угорских языках востребован как раз для образования ландшафтной терминологии [Наkulinen 1968: 111]. С другой стороны, речь может идти о т. н. суперлативной семантике форманта, который воплотился и в ряде других топооснов с пространственной семантикой (см. подробнее в разделах 3.5.1.1–3.5.1.2).

В топонимии Карелии обнаруживается еще одно суффиксальное производное — *Pielekkä*, последовательно выступающее в названиях островов или луд: луда *Pielekkä* или *Pielikänluoto* рядом с более крупным островом в районе с. Кестеньга (Лоух, Кестеньга), о. *Pielekkä*, рядом с которым луда *Pielekänluoto* и мыс *Pielekänniemi* (Кем, Соностров). В восточных русских районах Карелии островок *Пелейка* ~ *Пейлека* около длинного узкого мыса Вегаруснаволок в Заонежье, одноименный остров известен и в окрестностях с. Сухое в Поморье. Суффиксальный элемент *-kka* используется для выражения подобия тому, что названо производящей основой, и в этой функции нередок в географических терминах: *pohjukka* (ср. *pohja* ‘дно; конец залива’), *perukka* (ср. *perä* ‘конец’) [Наkulinen 1968: 109], *vaarakka* (ср. *vaara* ‘гора’), *sopukka* (ср. *soppi* ‘угол’) и др. В этот ряд убедительно встраивается **pielekkä* (ср. *pieli* ‘бок’). В вепсских говорах в аналогичной функции передачи сходства с тем, что выражено коренным словом, используется суффикс *-č-* (*-čui-*), что заставляет внимательнее приглядеться к названиям двух небольших озер на границе Ленинградской и Вологодской областей: *P'olč* или *P'olčut* (*-ut* — диминутивный суффикс) в верховьях реки Ояти, и *P'olč* в верховьях реки Колошмы. Название подчеркивает расположение на берегу, сбоку от более крупных озер. Выпадение гласной происходит в соответствии с присущим вепским говорам явлением утраты гласных внутри слова. Этимологию подтверждает еще один оятский лимноним — *Пельчужень* — озеро, расположенное непосредственно на берегу реки Ояти в районе с. Шириничи, где река делает петлю. Будучи необычным в контексте русских топонимов низовьев Ояти, оно вполне прозрачно с позиций вепсской системы именования: основа *P'olč-* оформлена диминутивным суффиксом *-ine*, т. е. **P'olčuiine*, которое в генитиве приобретает вид *P'olčuižen*, например **P'olčuižen/järv* (*järv* ‘озеро’), отраженный русским *Пельчужень*.

Еще один сюжет в рамках анализа гидронимов с основой **pēle* < ? **pälä* — это целая компактная группа названий боковых по отношению

к руслу реки озер с топоосновой *Палиш-* < **Palš-* и ее фонетическими вариантами на водоразделе Онежского и Белого озер: оз. *Poušjärvi*, оз. *Павшезеро*, оз. *Палишезеро*, оз. *Палишемское*, оз. *Повиозеро*. Очевидно, к ним примыкают река *Польиима* и оз. *Польишемское* на южном берегу озера Воже, являющиеся боковыми по отношению к устью основного южного притока реки Молдоны, а также река и озеро *Палежма* в бассейне Свири, также характеризующиеся боковым расположением по отношению к Вонозеру — истоку реки Яндебы, крупного притока Свири. Нам пришлось уже писать о том, что в силу ряда обстоятельств топооснову вряд ли можно возводить к финскому и карельскому *palsi, palzi* ‘край, бок, сторона’ [Муллонен 2007: 54–55]. Ее генезис должен рассматриваться, скорее, в одном ряду с основами *Pielis-, Pielus-, P’olč-*, но с учетом специфической для Белозерья огласовки гласных — появлением *a* на месте финно-угорского (прибалтийско-финского) **e* [Saarikivi 2006: 26].

В связи с рассмотренными выше топоосновами с ‘боковой’ семантикой уместным будет небольшой сюжет об этимологии одного из самых известных островов Онежского озера — Палеострове, на котором в XIV в. возник Рождественский Палеостровский монастырь, один из первых в Карелии. История его отразилась в целом ряде документов XV–XVI вв., в которых наряду с *Палеостров* бытуют варианты *Палья-остров* и *Палий остров* (с формами склонения «конец Палья острова», «на Палье острове»).

Название острова традиционно связывается с наименованием рыбы *палья* или *палиш* ‘рыба рода лососевых’, в изобилии водившейся в омывающих остров водах. Эта мысль проводится как в исторических исследованиях, так и в рассказах местных жителей.

На самом деле этимология топонима не столь очевидна, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, сам морфологический облик топонима допускает наряду с русской нерусскую интерпретацию, поскольку существует сложный топоним с застывшим первым компонентом, что в целом нехарактерно для русских по образованию топонимов. Кроме того, вариант *Палий остров*, возможно, на самом деле лишь внешне совпадает по форме с русскими топонимами-прилагательными. Он хорошо укладывается в один ряд с адаптированными к русскому употреблению прибалтийско-финскими топонимами Заонежья: *Перый наволок* (*perä* ‘задний’), *Ширый наволок* (*syriä* ‘боковой’), *Турий остров* (*turo* ‘нерестилище плотвы’), *Мурый мох* с вариантом *Муромах* (карел. *muuroi* ‘морощка’) и др.

Что касается истоков обонежского слова *палья* или *палиш*, то они традиционно связываются с вепс. *pal* ‘рыба палия’. Эту этимологию

предложил Я. Калима [Kalima 1919: 180], а затем она неоднократно приводилась в этимологических исследованиях [Фасмер; Герд 1988: 10; Мызников 2003: 182]. Если предположить, что в основе наименования острова закрепилась вепская лексема, то с позиций структурного оформления оба варианта — и *Палеостров*, и *Палий остров* — вполне обоснованы.

Однако такая интерпретация наталкивается на следующее противоречие, на которое, кажется, не обратили внимания вышеназванные авторы. Вепскому *pal'* нет никаких соответствий в прибалтийско-финских языках, что наводит на мысль о неисконности слова в вепском. Кроме того, для вепского фонотаксиса абсолютно несвойственно употребление одиночного палатализованного *l'* в конце односложных слов [Tunkelo 1946: 417–448]. Слово, кстати, отсутствует в СВЯ, что, по всей видимости, связано с его фрагментарностью в вепских говорах. Я. Калима приводит вепс. *pal'* со ссылкой на Э. Н. Сетяля, вепские материалы которого состояли в основном из данных северного диалекта, представленного на юго-западном побережье Онежского озера. Эти факты, складываясь воедино, указывают на то, что вепс. *pal'* — заимствование из ареально смежных русских говоров Обонежья, т. е. путь заимствования был обратным: не из вепского языка в русские говоры, а из русских говоров в вепский, причем, скорее всего в северновепский диалект Прионежья.

В русских говорах *палья* (*пальга*) известна, прежде всего, в Заонежье, где лексема зафиксирована практически во всех населенных пунктах. На смежной же территории: на восточном и южном побережье Онежского озера, в Беломорье и Приладожье — встречаются только единичные фиксации [Мызников 2003: 181–182]. Вырисовывается ареал с явным центром на Заонежском полуострове и периферией в Беломорье и Приладожье. При таком строении ареала кажется логичным исходить из того, что слово родилось в Заонежье, откуда продвинулось по водным путям, с одной стороны, в Беломорье, с другой — в Приладожье, хотя и не приобрело там особой продуктивности.

Если согласиться с тем, что термин *палья* родился в русских говорах Заонежья, то каков может быть источник его возникновения? Один из наиболее реальных путей состоит в том, что в наименовании породы рыбы закрепилось название острова, акватория озера вокруг которого известна запасами этой рыбы. Недаром ведь монастырь возник именно здесь, и монахи заручились поддержкой государства на запрет окрестным крестьянам заниматься ловлей рыбы в своей вотчине: «вкруг Палья острова и Грецного острова тоть не ловити селяном, с лучом не ездети»

(из Данной новгородского посадника 1415–1421 гг.) [Материалы 1941: 99]. Подобный путь возникновения терминов, хотя и не частый, встречается в практике наименования рыб, прежде всего имеющих локальный ареал, каковой характерен и для пальи.

Все эти рассуждения, опровергая традиционную версию происхождения термина *пальья*, не приближают, однако, к выявлению истоков названия Палеострова. Одна из возможных версий позволяет реконструировать в основе приоб.-фин. *paljas* ‘голый, без растительности’ и представлять топоним в изначальном виде как **Paljas/soari* ‘Голый остров’ с последующим преобразованием в результате наложения конечного *s* определяемого компонента и начального *s* детерминанта в **Palja/soari*, которое породило полукальку *Пальяостров*. Модель ‘голый’ для островов без растительности хорошо известна в Заонежье, причем как в русской (о. *Голый*, о. *Голяши* и др.), так и в прибалтийско-финской (о. *Пальяк*) топонимии. Эта фонетически стройная и семантически оправданная гипотеза имеет, однако, один существенный изъян, заключающийся в том, что все заонежские «голые» острова — это небольшие скалистые выступы, на которых не может закрепиться и вырасти лес. Палеостров же — обширный, поросший лесом остров, который, разве что выгорев полностью, мог быть охарактеризован как «голый», но скорее как «горелый». Поэтому есть сомнения в истинности данного предположения.

Намечается еще одна возможность в этимологической интерпретации топонима Палеостров, связанная с саамскими языковыми данными, ср. саам. *balle* ‘край, бок, сторона’ с производным *bäl'lje* ‘ухо’ [SSA]. Она основана на географическом положении острова, который оставался сбоку от основного фарватера для тех, кто выходил из залива Толвуйская губа в открытое озеро.

В топонимии северо-западных областей России обнаруживается целый ряд «боковых» объектов, в названии которых присутствует основа *Пал-* [Муллонен 2002: 257–258]. Не исключено, что *Палеостров* входит в их число. При этом требуется, однако, некоторый комментарий к фонетической стороне топоосновы. Саамское *a*, восходящее к праязыковому **ē*, отражается, как правило, в топонимии Обонежья в виде *ä* (в приоб.-фин. употреблении) и *я* (в русском бытовании). Вместе с тем возможна и более задняя огласовка в виде *a*. Здесь, не исключено, отразились особенности прибалтийско-финской адаптации. На такую мысль наводит, в частности, сосуществование вариантов названия озера *Pall'arvi* и *Päll'ärvi* (соответственно в русских вариантах *Палье озеро* и *Пялезеро*) на западной границе Заонежья, в людиковском языковом

ареале. С другой стороны, истоки заднего *a* в принципе могут быть заложены уже в самом прасаамском языковом развитии, для которого известна тенденция к большей открытости, передвигке назад гласного первого слога в зависимости от конечного гласного основы [Korhonen 1981: 89]. Стремление к более открытому звучанию известно и русским говорам севера в передаче прибалтийско-финских заимствований (рус. *вахта* ‘трифоль, водяной трилистник’ из приоб.-фин. *vehka* ‘белокрыльник болотный’, *падра* из *petra* приоб.-фин. *petra, pedra, pedr* ‘дикий олень’ и др.). Истоки данного явления не вполне ясны, хотя высказывается мысль о воздействии местного субстратного языка саамского типа [Матвеев 1995: 32–33]. В данном контексте, возможно, происходило и развитие топоосновы *Пал-* в *Палеостров*, тем более что в палеостровской округе зафиксирован еще один топоним с саамскими истоками, в котором также саамское *a* из исторического **Ē* отразилось в виде *a*. Это зафиксированный источниками XVI–XVII вв. мыс *Каин наволок*, с которого шел путь на *Палеостров*. В основе — саам. термин *gæid’no* ‘дорога’, восходящий к более раннему фонетическому варианту **kejnō*. Предложенная «дорожная» интерпретация подтверждается целым рядом других топонимов с основой *Каин-* (в Заонежье острова *Каинос* и *Каинестров*) [Муллонен 2008: 139–143, 163].

3.7. Топоосновы с ‘поперечной’ семантикой

В озерных названиях Карелии нередки образования с топоосновой *Tor(az)-*, среди них оз. *Torazjärvi* (рус. оз. *Торозеро*) на восточной границе Присвирья, в бассейне р. Мегра, оз. *Torazjärvi* (рус. оз. *Торосозеро*) в Шимозерье. Продуктивность основы явно растет по мере продвижения на север, на территорию Карелии. При этом наряду с вариантом *Toras-* появляется и *Taras-*: оз. *Tarasjärvi* и оз. *Tarasmo* в Беломорской Карелии, оз. *Таракиино* в бассейне Лексозера, оз. *Tarazmaini* в бассейне Сегозера, р. *Tarasjoki*, оз. *Tarasjärvi* в верховьях р. Шуя и др. Топооснова широко известна и за пределами Карелии и последовательно связывается исследователями топонимии с саам. *doares* ‘поперек, поперечный’ с мотивировкой ‘расположенный поперек течения реки’ [Itkonen 1948: 108; Nissilä 1975: 186; Collinder 1964]. Географически подавляющее большинство озер с названной основой вполне соответствует этой мотивировке¹¹. При этом колебание *o ~ a* в первом слоге должно быть

¹¹ Однако эта мотивировка не объясняет всех случаев употребления основы, которая известна в наименованиях озер, замыкающих водную

увязано с обликом древнего оригинала топоосновы. В Присвирье и южном Обонежье фиксируется исключительно *o*, что естественно, если исходить из того, что в «саамском» диалекте этого ареала к моменту вепсского освоения на месте современного дифтонга бытовал долгий гласный, т. е. **tōrēs* [Lehtiranta 1989: 136]. Севернее же просматривается воздействие того этапа в развитии саамского оригинала, в котором произошло уже расширение долгого гласного в дифтонг *-oa-*, который допускает двойную прибалтийско-финскую адаптацию — как через *o*, так и через *a*.

Подведем итог. Подавляющее большинство топонимов, мотивированных относительным расположением места, принадлежит культурным объектам — очевидно, в силу того, что положение в пространстве — естественный и удобный отличительный признак для наименования микрообъектов, тесно примыкающих к поселению, по сути дела, входящих в его зону. Природные объекты более удалены от поселения и воспринимаются как нечто внешнее по отношению к нему, в то время как культурные объекты по-своему входят в пространство поселения.

При этом выявилась определенная избирательность топонимической системы в ситуации выбора топооснов из ряда семантически равнозначных лексем: далеко не все апеллятивы, выражающие пространственные отношения, оказались востребованными в топонимии. Те же, которые были востребованы, распределены территориально далеко не равномерно, просматриваются явные ареальные предпочтения (ср. *Koht-* в ливвиковской топосистеме, а *Yliči-* в людиковской). Кроме того, есть четкие предпочтения, вызванные практикой освоения местности по водным путям («верхние» озера значительно популярнее

систему или вообще не являющихся проточными. Анализ географического положения «поперечных» озер указывает, кажется, на то, что в ряде случаев требовалось дополнительное условие — расположение на перекрестке водных путей: или там, где в основную реку впадает боковой приток, или в месте прохождения волока, перехода из одной водной системы в другую. К примеру, оз. *Torosozero* в Сегозерье расположено на узком водоразделе между бассейнами рек Воломы и Онды. *Torosozero*, являющаяся истоком р. Семча (бассейн р. Суна), лишь узким перешейком отделяется от Семчезера, из которого вытекает р. Поруста (бассейн Сегозера). Логично предполагать, что именно здесь мог проходить волок, соединявший две водные системы. Повторение в названии р. Семчи и оз. Семчезера, относящихся к разным бассейнам, одной и той же основы, возможно, также увязано с этим обстоятельством.

«нижних»), экономической жизнью (число «северных» и «южных» топонимов многократно превосходит количество «западных» и «восточных»).

Среди наименований природных объектов топоосновы данного круга употребимы в гидронимах, где номинация происходит чаще всего внутри единой водной системы, обычно с ориентацией на направление течения реки (основы с семантикой 'верхний', 'нижний', 'боковой', 'угловой', 'средний (промежуточный)'). В этом круге основ обнаружено несколько древних маркерных единиц, имеющих доприбалтийско-финские корни. В связи с этим предложен ряд финно-угорских этимологий, опирающихся, с одной стороны, на реальное расположение названных объектов внутри водной системы, с другой — на праязыковые (фонетические) закономерности (топоосновы *Pes-* / *Илекс-* 'верхний', *Pel-* ~ *Päl-* / *Пел-* ~ *Пял-* 'боковой', *Олас-* ~ *Волас-* 'нижний').

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Размер, форма, а также относительное расположение географического объекта — это универсальные параметры, которые востребованы топосистемами разных языков. В рамках исследования был выявлен набор прибалтийско-финских и субстратных доприбалтийско-финских топооснов, использовавшихся для характеристики объектов, включающий не только прямые (оз. *Koverjärvi* ‘Кривое озеро’, оз. *Pikkulampi* ‘Маленькая ламба’, зал. *Сургуба* ‘Большая губа’, р. *Илекса* ‘верхняя’ и др.), но и образные, метафорические наименования (оз. *Kandelehlambi* ‘ламба (в форме) кантеле’, о. *Munasuari* ‘остров (в форме) яйца’, оз. *Топорное*, форма которого в названии сравнивается с формой лезвия топора, и др.).

Материалом исследования послужила «озерная» (озеро, озерный залив, мыс или остров) топонимия. Выбор ее обусловлен массовостью этих групп топонимов в Карелии, а также возможностью проверить топонимическую информацию картографической — обликом (размер, форма, взаимное расположение) названных объектов на топографических картах, что рассматривается как критерий надежности анализа. Основной источник материала — ГИС «Топонимия Карелии», а также Научная картотека топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН. Исследование сопровождается большим иллюстративным материалом — как картами, демонстрирующими ареалы отдельных топонимных моделей, так и рисунками, призванными показать форму, размер, относительное положение объекта в водной системе и тем самым подтвердить мотив называния или верность предлагаемой этимологии.

Предпринятое исследование преследовало решение двух основных задач, связанных между собой: 1) как, на основе каких критериев и каких правил происходит процесс называния, 2) что способен сказать топоним о формировании этноязыковой карты Карелии.

Проведенный анализ обосновал формульность топонимии в части формирования списка топооснов как фундаментального принципа организации топонимической системы и роль моделей называния в ее формировании. Основные положения:

1. Топоним при происхождении мотивирован, а слово, положенное в основу названия, отражает определенный признак, качество

названного объекта. При этом выбор признака, отраженного в названии, определяется уровнем общественно-исторического развития того коллектива, который создает топонимическую систему. В этом отношении параметры размера, формы и расположения на местности носят универсальный характер. Они актуальны, как свидетельствует проведенное исследование, для всех хронологических пластов топонимии Карелии.

2. Набор топооснов достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов: в условиях единой культуры, сходных естественно-географических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах едины. В результате создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных участках территории.

3. Отражение реального мира и реальных отношений преломляется через призму топонимической системы как определенного организующего начала образования и функционирования географических названий. Топоним идентифицирует объект, а не описывает его свойства. Поэтому при акте номинации приходится принимать во внимание окружающую топонимию, особенно названия объектов одного разряда, и отказываться от тех возможностей названия, которые уже реализованы. При этом, однако, выбор признака осуществляется в рамках реально существующих особенностей географического объекта. Очевидно, что из двух соседних длинных по форме озер лишь одно может быть названо *Долгим*, второе же должно идентифицироваться какой-то другой топоосновой, которая, тем не менее, отражает реальное свойство озера.

4. Носитель языка вместе с языком усваивает и систему окружающих его топонимов. Последняя становится для него моделью, когда он сам оказывается перед необходимостью имитационности, т. е. присваивает имена географическим объектам.

5. Определенные топонимные модели продуктивны определенное время и в определенном ареале, и это дает исходную возможность к поиску хронологических и географических рамок бытования той или иной топонимной модели.

6. Существование таких моделей чрезвычайно ценно для этнолингвистических изысканий, поскольку они увязываются с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д. В ходе освоения новой территории присвоение названий географическим объектам происходило в рамках традиционной, принесенной с материнской территории системы названия.

Результатом являются ареалы топонимных моделей, несущие этноязыковую и культурно-историческую информацию. Использование ареального или, иначе, типологическо-географического метода, основанного на этнолингвистической интерпретации ареалов бытования отдельных топонимных типов, позволило в последние годы значительно продвинуться в понимании происходивших в прошлом (отдаленном и не столь отдаленном) на территории Карелии этноисторических процессов.

Основное содержание работы — анализ моделей называния озер и их частей, мотивированных размером, формой и относительным расположением последних. В ходе проведенного исследования удалось выявить список типовых топооснов, идентифицирующих объект по размеру, и провести их анализ с точки зрения генезиса, ареальной характеристики и мотивации. Оказалось, что в карельской и вепсской топонимии, как и в финской, наибольшей востребованностью обладает основа *Suuri-* ‘большой’, при этом названий с атрибутом *Pieni-* ‘маленький’ практически в два раза меньше. Иначе говоря, каждый из элементов этой пары по-своему самодостаточен и не предполагает обязательной оппозиции.

В прибалтийско-финской топонимии выделено четыре топоосновы с семантикой ‘большой’: *Suuri-*, *Tobj-*, *Jalo-*, *Enä-*, каждая из которых характеризуется своими ареальными и хронологическими рамками бытования. Характеристика объектов, в названиях которых они закрепились (относительно большие по размерам объекты, расположенные как в зоне поселений, так и в удалении от них), а также ареал позволяют, кажется, полагать, что основы *Jalo-* и *Enä-* имеют более ранний генезис на фоне *Suuri-* и *Tobj-*. К тому же оба слова — и **jalo*, и **enä* — уже определенное время назад утратили апеллятивное бытование. Их ареалы достаточно разрежены, что тоже можно рассматривать как свидетельство старого, разрушенного временем, бытования, в то время как основа *Suuri-* (и ее варианты) покрывает плотной сетью всю территорию прибалтийско-финской Карелии, функционируя при этом в названиях объектов, в целом уступающих в размерах тем, которые идентифицированы древними основами *Jalo-* и *Enä-*. В свою очередь, на относительную молодость топоосновы *Tobj-* и ее вариантов указывает ее компактный ареал, соответствующий севернолудиковской территории. Известно, что людики как особая группа карельского населения сформировались поздно, где-то к XVIII столетию, что предполагает и поздний генезис модели.

Среди основ, имеющих семантику ‘маленький’, наиболее интересна *Vähä-*, представленная убедительными примерами в вепском языковом ареале, а также разрозненными примерами в карельском —

возможно, как вепсский след на границах исторической вепсской территории. Это память о древнем, утраченном уже вепскими говорами прилагательном, которое бытовало в прошлом в оппозиции к **enä* 'большой'. Исключительной ценностью в этом отношении обладают несколько пар лимнонимов, составляющих бинарную оппозицию *Enä*- и *Vähä*- в вепском языковом ареале, возникших еще в то время, когда оба прилагательных бытовали в языке.

Что же касается топоосновы *Pieni*- ~ *Pen*'-, то в ходе анализа обращается внимание на возможность бытования ее (или ее западноуральского эквивалента) в многократно повторенном в топонимии Русского Севера и имеющем фиксации в Карелии речном наименовании *Пинега*. В качестве мотива номинации предлагается рассматривать идею короткого («маленького») пути: все *Пинеги* располагаются на волоках, которые сокращали путь.

Из русских топооснов-прилагательных отмечены *Большой* и *Великий*, образующие ареальную оппозицию, за которой, в свою очередь, стоит хронология бытования основ. Топонимы, в состав которых входит лексема *великий*, появились раньше и существуют дольше, чем топонимы с элементом *большой*. Они маркируют разные по времени освоения новгородским / русским населением территории.

Проведен также анализ типовых топооснов, мотивированных формой объекта. Наряду с небольшими по размерам, обозримыми водными объектами в этой группе в силу развитого пространственного видения местных жителей, вызванного образом жизни на севере, в озерном ландшафте, есть и достаточно крупные озера. Выявлены типовые топоосновы, характеризующие объекты как *длинные*, *круглые*, *кривые*, *толстые*, *широкие*, *тонкие* и *узкие*. В топонимии своя система отношений, отличная от апеллятивной. Антонимом к *Pitkä*- 'длинный' выступает *Pyörie*- 'круглый', а не *Lyhyt*- 'короткий', как на апеллятивном уровне.

Идея «узкий» выражается двумя модельными основами: *Kaita*- 'узкий' и *Hoikka*- 'тонкий', составляющими ареальную оппозицию таким образом, что топооснова *Hoikka*- характерна, прежде всего, для западных районов Беломорской Карелии и в действительности продолжает на восток ареал, центр которого находится в Саво, в восточной Финляндии. Она, очевидно, входит в ряд тех саволакских моделей, которые проникли в Беломорье в XVI в. Как правило, модель идентифицирует малые объекты, что отражает ее вторичность в Карелии.

Наблюдаются явные предпочтения в выборе отдельных моделей для характеристики объектов определенного разряда. Так, метафорическая

основа *Толстый* (*Толстой*, *Толстяк*, *Толстик*) применяется, прежде всего, в наименованиях озерных мысов. Толщина в данном случае есть ширина, большая протяженность в поперечнике, в сочетании с высотой как вторым параметром образа. В то же время заливы не могут быть *Толстыми*, они определяются как *Широкие*. Идентичная оппозиция действует и в карельской топонимии, где модели *Paksuniemi* 'Толстый мыс' противостоит *Levielaksi* 'Широкая губа'. При этом такая стереотипизация признаков пространства имеет свою специфику в каждом этноязыковом ареале: будучи ярко выраженной в собственно карельской топонимии, обозначенная выше оппозиция практически не сложилась в более южном ливвиковско-людиковском ареале. Топонимическое противостояние диалектных ареалов отчетливо просматривается и на других «кривых» моделях (*Polvi*- 'колeно', *Kovera*- и *Viärrä*- 'кривой', *Kolmisoppi* 'треугольный' и др.).

Получены новые результаты, связанные с генезисом и функционированием образных топонимов, идентифицирующих водные объекты по их форме. Они связаны с концептами народного мировидения, отражают специфику номинативных традиций в разных языках. Оказалось, что метафорические топонимы значительно более продуктивны в карельской топонимии, чем в вепсской. В самой же карельской топонимии их активность падает при продвижении с севера на юг — из собственно карельского языкового ареала на территорию, населенную носителями ливвиковского и людиковского наречий. Такая ситуация обусловлена как топографически, так и той разницей в освоении и использовании пространства, а значит, и в его народном видении, которая отличает северную Карелию — территорию, на которой и сейчас промыслы играют существенную роль, — от южной. Промысловое освоение способствовало сохранению мифологических представлений и связанного с ними образного видения. Должны, видимо, учитываться и отличия в образном восприятии мира у разных народов, этническая психология, присущая карельской культуре яркая образность мировосприятия, воплотившаяся в том числе в богатейшей фольклорной традиции. Поскольку источником образности чаще всего служит предметный мир, окружающий человека в повседневной жизни — посуда, одежда, орудия труда, — образная топонимия несет яркий след традиционной материальной культуры. Особенно показательны наименования национальной выпечки или национального инструмента кантеле, востребованные в топонимии.

Наряду с уникальными, окказиональными образованиями выявлены и многократно воспроизводимые, устойчивые метафоры (как тополексема *kandeleh* 'музыкальный инструмент кантеле' или *mal'l'a*

‘миска, глубокая тарелка’, *kuadie* ‘кальсоны’). Они дают возможность для проведения ареального анализа, который выводит на реконструкцию этнокультурной истории территории. Так, ареал карельских и восточнофинских названий небольших озер, раздвоенных по форме (*Kuadielambi* ~ *Kuatielampi* ~ *Kaatiolampi* (*kuadiet* ‘подштанники, кальсоны’)), четко накладывается на пути средневекового карельского продвижения из Приладожья, т. е. образ, заложенный в топониме, насыщен явным этноисторическим содержанием.

Проанализированы также проблемы переводимости метафорической топонимии, актуальные для региона Карелии. Она связана с дистрибуцией универсальных и имеющих национальную специфику образов. В силу того, что конкретный исторический опыт народов, населяющих эту территорию, в целом един, здесь отмечается большое количество тождественных образов, присущих как прибалтийско-финской, так и русской топонимии (озеро или остров в форме топора, лопаты, сковороды, ковша). Однако наряду с универсальными образами есть национально специфические (в русской традиции именованная кривых по форме объектов нет сопоставлений с кантеле или колотушкой для колки дров, или глубокой миской). В результате топонимы с универсальными образами можно перевести, когда в русский язык усваивается прибалтийско-финский топоним. Национальные же, как правило, плохо поддаются переводу, их передают прямым усвоением (оз. *Кандель*, мыс *Курик* или гора *Малля*). Вместе с тем должно учитываться, что образная номинация все же не столь последовательно модельна, как прямая. В ней нередки уникальные образования, что, в принципе, предполагает и возможность окказиональных переводов.

В заключение отметим, что обращение к топографическим картам при интерпретации названий «кривых» озер наглядно показывает изменения озерных ландшафтов, которые произошли с момента появления топонима. Нередко название вступает в противоречие с тем, как озеро выглядит на карте — но не потому, что топоним «врет», а потому, что сама топография местности изменилась: небольшие озера заболачиваются, бывшие озерные заливы зарастают. Топоним в этой ситуации сохраняет память о том, как выглядело озеро в момент появления названия. В принципе данные естественных наук о скорости зарастания озерных заливов и прежних береговых очертаниях — это та объективная исходная база, которая в силу отсутствия опыта и соответствующей методики анализа лишь в малой степени актуализируется ономастикой, притом что в такого рода междисциплинарных исследованиях заложен большой потенциал.

В третьей главе, «Модельные топоосновы, характеризующие относительное расположение географического объекта», рассмотрено около трех десятков прибалтийско-финских и более древних доприбалтийско-финских топооснов. Подтверждена общность фонда топооснов данной семантической группы в карельской и вепсской топосистемах, а отличие связано прежде всего с разным набором лексем (не топооснов!). Анализ показал также, что подавляющее большинство топонимов этой семантической группы относится к наименованиям культурных объектов — очевидно, в силу того, что относительное расположение — естественный и удобный отличительный признак для наименования микрообъектов, тесно примыкающих к поселению, по сути дела, входящих в его зону. Природные объекты более удалены от места проживания и воспринимаются как нечто внешнее по отношению к нему, в то время как культурные объекты по-своему входят в пространство населенного пункта.

Среди наименований природных объектов топоосновы данного круга употребимы в гидронимах, где ориентация происходит чаще всего внутри единой водной системы, с учетом направления течения реки (основы с семантикой 'верхний', 'нижний', 'боковой', 'угловой', 'средний; промежуточный'). В этом списке основ обнаружено несколько древних маркерных единиц, имеющих доприбалтийско-финские корни. В связи с этим предложен ряд финно-угорских этимологий, опирающихся, с одной стороны, на реальное расположение названных объектов внутри водной системы, с другой — на праязыковые фонетические закономерности (топоосновы *Ples-* / *Ileks-* 'верхний', *Piele-* ~ *Päl-* / *Пел-* ~ *Пял-* 'боковой').

Поскольку модели характеризуются географической и хронологической приуроченностью и увязываются с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ, они несут значительную этноязыковую и культурно-историческую информацию. Исследование вносит свой вклад в реконструкцию этнической карты Карелии, т. к. материал позволил выявить некоторые существенные для нее параметры.

В частности, предложены подходы для выявления относительно возраста моделей. Один из критериев — размер названных географических объектов. Проведенный анализ указывает на то, что из двух прибалтийско-финских топооснов *Vidra-* и *Kovera-*, функционирующих на одной и той же карельской территории и имеющих одинаковую семантику 'кривой', первая привязана к более крупным (а значит, названным раньше) озерам, чем вторая. Этот вывод применим и к карельской модели *Kuadielambi* 'ламба (в форме) подштанников', поскольку она

фиксируется в названиях довольно крупных водоемов, которые сохранили свои названия и после исхода основной массы карелов с родовой территории в XVII в. и прихода туда восточных финнов. В ходе смены населения чаще уходят из употребления именно наименования небольших по размеру географических объектов, в то время как более крупные, как правило, сохраняются.

Очевидно, определенным критерием может выступать также расположение географического объекта относительно исторических поселений, путей освоения, границ этнических территорий. Саволакская модель *Polvijärvi* и *Polvilampi*, формирующая в Северном Приладожье устойчивый ареал, обходит, тем не менее, стороной тот участок северо-западного побережья Ладожского озера, где на рубеже I–II тыс. н. э. происходило формирование карельского этноса. Территория была хорошо освоена карелами топонимически уже до прихода саволаксов: озера и даже менее значимые ламбы были уже названы карелами, и вновь прибывшее население воспользовалось готовыми карельскими топонимами. Поэтому в историческом карельском центре — на прибрежной территории от устья Вуоксы до Сортавалы — саволакская модель отсутствует, проявляясь на территориях, расположенных в относительном отдалении от берега, особенно в ареале, примыкающем к историческому Приладожью с северо-востока.

В Заонежье практически все топонимы с основой *Великий* привязаны к тем двум основным водным маршрутам, вдоль которых происходило освоение этой территории новгородскими славянами и формировались первые центры погостов, и отсутствуют в центре полуострова, где значительный размер объекта выражается прилагательным *Большой*.

Предшествующий пример свидетельствует и о том, что ареальное противостояние моделей несет значительное этноисторическое содержание. Для называния небольших по размеру круглых озер в карельской топонимии использованы два прилагательных с семантикой ‘круглый’: с одной стороны, *pyörie* и его производные *pyörykkä* и *pyöryžä*, с другой — *kiehkke*, *kiehker*, с четкой ареальной дистрибуцией. При явном превалировании первого (*Pyörielambi*, *Pyörykkälambi*, *Pyöryžylambi* ‘Круглая ламба’) второе отмечено рядом фиксаций на южной окраине карельского языкового ареала (*Kiehkerlambi* ‘Круглая ламба’), в зоне активных вепсских контактов. Его появление, по всей очевидности, является следствием вепсского влияния, причем, на топонимическом уровне: хотя прилагательное *kiehkke*, *kiehker* бытует в карельских диалектах, оно в целом не приобрело здесь популярности в топонимии, реализовавшись только на смежной с вепсским ареалом территории

как результат взаимодействия топонимических систем. Свои ареальные предпочтения есть и у каждой из трех «родственных» моделей: *Puõriellambi* продуктивна в Беломорской Карелии, *Puõrykkällambi* — в средней Карелии, в ареале бытования южных собственно карельских говоров, *Puõryžyllambi* — в южной Олонецкой Карелии. Их ареалы связаны с карельской этноязыковой историей и в значительной степени накладываются на диалектную карту карельского языка.

Этноисторическую информацию возможно извлечь и из ареально-го противостояния фонетических вариантов одной топоосновы. Убедительный пример — ареал *Elm-* в противоположность *Ilm-*, которые отражают разное звучание древнего финно-угорского прилагательного **ylämä* ~ *ylimä* ‘самый верхний’. Вариант *Elm-*, как более северный и как акустически несомненно более близкий к современному саамскому звучанию слова, может квалифицироваться как адаптированный к карельскому употреблению позже, чем вариант *Ilm-* с более напряженным инициальным гласным и более южным бытованием. Это утверждение актуально как для Присвирья (р. *Ильмакса*), так и для Приладожья (оз. *Ilmajärvi*, р. *Imerjoki*), относительно рано освоенных прибалтийско-финским населением, а также и для Поморья (р. *Илеменза*), рано попавшего в сферу карельских и русских интересов. В отличие от этих территорий, расположенных на транзитных водных путях, внутренние районы средней Карелии и восточной Финляндии осваивались позже, что и отражает фонетическая оппозиция.

Свои выходы в реконструкцию этноисторических процессов прошлого возможно найти и из сопоставительного анализа тождественных моделей в топосистемах разных языков, представленных в ареале обследования. Для территории Карелии актуальны прибалтийско-финско-русские параллели. Привлечение большого объема материала показало, что в карельской топонимии широкие (т. е. короткие, округлые по форме) мысы идентифицируются как «толстые» (*Paksulniemi* ‘Толстый мыс’). При этом модель *Paksulniemi* имеет четкие границы, будучи представленной в ареале, который осваивался карелами в XV–XVI вв. Отсутствие ее в других прибалтийско-финских топосистемах ставит вопрос о возможном воздействии соответствующей русской топонимной модели *Толстый мыс / нос / наволок*, которая обладает значительной продуктивностью в нашем регионе. Она могла быть воспринята, например, в результате русского этноязыкового влияния в землях Корельского уезда.

Сопоставительный анализ прибалтийско-финских и русских качественных моделей с целью выявления универсального и дифференцирующего в наборе топооснов, мотивах названия, в образной системе

обнаруживает, с одной стороны, прибалтийско-финские модели в качестве субстратных в русской топонимии (оз. *Вырозеро* в Заонежье < **Viäräjärvi*, букв. 'Кривое озеро', или озеро *Канделье* в низовьях Северной Двины < **Kandeleh(järvi)*, карел. *kandeleh* 'кантеле', по форме действительно напоминающее традиционный карельский музыкальный инструмент). С другой стороны, такой сопоставительный подход позволил найти кальки (полукальки) в топонимии русской территории в Восточном Обонежье, Поморье, северном Белозерье. Например, явной калькой выглядит название оз. *Долгозеро* на фоне наименования смежного с ним оз. *Кехкозеро* (вепс. *kehker* 'круглый') в Пудожье.

В русской топонимии Онежско-Беломорского водораздела и Восточного Обонежья отмечено несколько *Тонких озер*, в названиях которых использована нетипичная для русской топонимии топооснова *Тонкий*. Однако в контексте того, что на смежной карельской в языковом отношении территории Беломорья бытует модель *Hoikkajärvi* 'Тонкое озеро', которая признана здесь саволакским наследием, русские *Тонкие озера* могут в действительности быть кальками и свидетельствовать о продвижении саволаксов в районы, подвергшиеся со временем обрусению. На основе ареально-типологического метода исследования, предполагающего анализ ареальной дистрибуции топонимных моделей, выявляются территориальные связи модельных топооснов на прибалтийско-финской и русской (обрусевшей) территориях.

В связи с установлением параллелей в прибалтийско-финской и русской топонимии региона один из результатов исследования состоит в том, что при всей универсальности моделей, мотивированных размером, формой и расположением объектов, топоосистемы разных языков имеют и свою специфику в реализации этих идей. К примеру, в прибалтийско-финской топоосистеме обнаруживается целый комплекс как прямых, так и образных, иносказательно передающих неровную форму объекта топооснов с семантикой 'кривой', тогда как в русской системе именования идея кривизны не получила такого развития, вследствие чего названия многих «кривых» объектов прибалтийско-финского происхождения усвоены в русское употребление в виде полукалек с сохранившимся прибалтийско-финским атрибутивным элементом.

В проекте осуществлено картографирование ряда выявленных устойчивых моделей (подготовлена 21 топонимическая карта), многократно воспроизводимых на территории Карелии, дано обоснование распространения топонимных моделей и предложена этноязыковая интерпретация полученных ареалов.

Топонимия Карелии сохранила некоторое количество доприбалтийско-финских озерных топонимов, идентифицирующих объекты по размеру, форме и их расположению. Возможность проверить топонимическую информацию картографической, безусловно, повышает надежность предложенных этимологических решений. Список включает проанализированные в работе основы *Än(e)- / Ян-* ‘большой’, *IlmV- ~ ElmV-* ‘(самый) верхний’, многочисленные варианты (*Kuk-*, *Kukas-*, *Kukua-*, *Kukkaus-*, *Kukkamo-* и др.), в которых воплотилось прасаам. **kukkē* ‘длинный’, *Pet-* ‘задний’, *Toraz-*, восходящая к саам. *doares* < **tōrēs* ‘поперек, поперечный’ с мотивировкой ‘расположенный поперек течения реки’. Мотивировка всякий раз убедительно подтверждается формой озера или географическим положением его в речной системе.

Положение озера внутри водной системы отражает основа *Songo-*, восходящая к саам. *soGGe*, *song* ‘угол’ (обычно имеется в виду угол жилища — чума): убедительный пример — оз. *Songoi ~ Songodärvi* (на карте оз. *Songo*), которое представляет собой вдающийся вглубь материка залив в северо-западном углу оз. Селецкого в центральной Карелии (см. подробнее [Муллонен 2001: 19]).

Удалось выявить некоторые случаи ареальной оппозиции в фонетическом облике древних доприбалтийско-финских топооснов (напр., *Ilm-* ~ *Elm-*, *Äne-* ~ *Ene-*) и предложить интерпретацию их генезиса. Видимо, в основе лежит как разное время вхождения их в прибалтийско-финское употребление, так и разный прибалтийско-финский язык-источник, интегрировавший субстратную топонимию. Надо полагать, что в процессе интеграции происходило и калькирование, приводившее фактически к утрате древней топоосновы.

В центре внимания проведенного исследования находились прибалтийско-финские — карельские и вепские — модели. Наряду с выявлением и описанием самих моделей ставилась задача их дифференциации в зависимости от языкового ареала. В этом плане топонимия демонстрирует значительное единство, вызванное, очевидно, универсальными подходами к именованию водных объектов в едином социокультурном и ландшафтном контексте. Не менее существенно, что топоосновы, связанные с отражением формы объектов и их взаимного расположения, восходят к основному словарному запасу, единому для вепского и карельского языков и их диалектов. А если дополнительно принять во внимание, что южные наречия карельского языка — ливвиковское и людиковское — содержат значительный вепский субстрат, в том числе и в топонимии, то немногочисленные выявленные дифференцирующие модели становятся тем более значимыми. К таковым в южной Карелии,

к примеру, можно условно отнести топооснову *Jalo-* (**jalo* ‘большой’), формирующую четко очерченный ареал в Обонежье — на современной и исторической вепсской территории. При этом небольшое количество названий на *Jalo-* зафиксировано в Беломорской Карелии. Понятно, что два ареала не связаны между собой географически, а формировались самостоятельно. Вепсские корни имеет основа *Kehker-* ‘круглый’, людиговские — *Tobj-* ‘большой’, саволакские — *Polvi-* ‘имеющий форму колена’.

Ряд прибалтийско-финских типовых основ с семантикой размера, формы и взаимного расположения присутствует — как субстратное явление — в русской Карелии, позволяя тем самым реконструировать прибалтийско-финский этап в ее истории. Однако вместе с тем происходила интеграция прибалтийско-финских названий в русскую топосистему методом калькирования, когда оригинальная прибалтийско-финская основа замещалась русским эквивалентом, и лишь в редких случаях память об оригинале сохранилась, например, в названиях смежных объектов: в Заонежье р. *Яндеба* из *Яндозера* (‘большой’) впадает в залив *Великая губа*, в юго-восточном Обонежье р. *Ялега* (‘большая’) вытекает из оз. *Большое*. Процесс калькирования естественен в ситуации адаптации типовых топооснов, когда в воспринимающей русской системе оказываются наготове соответствующие эквиваленты. Однако это приводило фактически к утрате оригинальных прибалтийско-финских топонимов.

В ходе исследования решались и другие проблемы ономастической номинации. Так, в связи с анализом топооснов, отражающих относительное расположение объектов, разрабатывалась проблема ономастической типологии, связанная с избирательностью топонимической системы в ситуации выбора топооснов из ряда семантически равнозначных лексем.

Еще одна из задач, которая решалась в ходе выполнения проекта — это реконструкция утраченных языками и диалектами лексем, закрепленных в топоосновах. Хорошие результаты дает метод бинарной оппозиции, основанный на универсальном для топонимической системы существовании антонимических пар названий, в совокупности с использованием топографии, а также этимологической методикой. Так, повторяемость в топонимии вепсского этноязыкового ареала пары озерных наименований *Enarv* — *Vähärv*, притом что первое закреплено за относительно крупным, а второе — более маленьким по размерам озером, дает основания для восстановления исторических вепсских прилагательных **enä* ‘большой’ и **vähä* ‘маленький’.

известных в других прибалтийско-финских языках, но утраченных вепскими говорами. Этимология соотносилась каждый раз с реальным обликом водного объекта, его формой, размером, расположением на местности и внутри водной системы. Так, название реки *Кулгола* (Пуд) кажется убедительным возводить к приб.-фин. *koukelo* ‘кривой, изогнутый’, поскольку в месте впадения ее в Водлу русло последней делает четко выраженный поворот. Таковы же истоки названия старинного села *Колголема* (Л, Паш) на бывшей вепской территории, расположенного при крутом повороте реки Паши. Реконструированы и некоторые доприбалтийско-финские лексемы, которые могут быть интерпретированы, с одной стороны, как древнесаамские, с другой — как относящиеся к древнему утраченному языку / языкам, занимавшему промежуточное положение между прибалтийско-финскими, саамскими и мордовскими языками.

Проведенное исследование предлагает новые материалы, а также возможности анализа для понимания природы и функции топоформантов, актуальных для гидронимии. Оно подтверждает переход суффиксов (например, диминутивных) в маркеры собственных имен. Именно по этой причине топонимы, оформленные суффиксами, как правило, являются простыми по своей структуре — формант берет на себя роль детерминанта. В наших материалах такими формантами выступают изначально диминутивные *-kka* и *-ččy ~ -č*: *Pielikkä, Pyörykkä, Vähäč, Viäräččy*. Особенно перспективны реминисценции древнего уральского суффикса **-ŋče*, который представлен в гидронимах в виде *-ise- ~ -iže-, -ine-, -nž*. Его продуктивность обусловлена диминутивной семантикой, продуктивной в топонимии, а также функционированием в роли суффикса прилагательного. В последнем случае он наращивался еще и показателем превосходной степени, и комплекс **-maŋče*, преобразовавшись в ходе длительной языковой истории в *-mantsi / -манча, -mas, -mus*, скрыт в целом ряде гидронимов севера. В результате возможно выстраивание разветвленных рядов топонимов, в которых основа, выраженная прилагательным, выступает в комплексе с целым набором формантов, восходящих в конечном счете к суффиксу прилагательного. К примеру, такой ряд образований от основы *ylä-* ‘верх(ний)’ представлен в топонимии Карелии и смежных территорий: *Илас ~ Илакса* (здесь переход на другой тип основы), *Ylinijärvi, Иленжа, Илень(зуба), Ilmeŋjoki, Ilmas, Ильмаж, Ильмеж, Ильмеш, Elmus, Ylimäini, Ильмень, Ilomantsi / Иломанча, Илемозеро* и др. Такая продуктивность — свидетельство востребованности модели на протяжении длительного времени в топосистемах ряда уральских языков этой территории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

англ.	—	английский
вепс.	—	вепсский
диал.	—	диалектный
заон.	—	заонежский диалект русского языка
ин.	—	диалект Инари саамского языка
карел.	—	карельский
кильд.	—	кильдинский диалект саамского языка
колт.	—	диалекты колтта саамского языка
лат.	—	латинский
ливв.	—	ливвиковское наречие карельского языка
люд.	—	людиковское наречие карельского языка
мар.	—	марийский
морд.	—	мордовский
позднепрасаам.	—	позднепрасаамский
прагерм.	—	прагерманский язык
праприб.-фин.-саам.	—	праприбалтийско-финско-саамский
прасаам.	—	прасаамский
праслав.	—	праславянский
приб.-фин.	—	прибалтийско-финский
раннепрасаам.	—	раннепрасаамская форма слова
рус.	—	русский
саам.	—	саамский
северносаам.	—	северносаамский диалект саамского языка
ск.	—	собственно карельское наречие карельского языка
субстр.	—	субстратный
укр.	—	украинский
фин.	—	финский
фин.-угор.	—	финно-угорский
цслав.	—	церковнославянский
эрзя-морд.	—	эрзя-мордовский
эст.	—	эстонский

области, районы, сельсоветы

Сокращенные названия районов Карелии
(по административному членению 1926 г.):

Велик	—	Великогубский
Видл	—	Видлицкий
Канд	—	Кандалакшский
Кем	—	Кемский
Кемир	—	Кемирецкий
Кест	—	Кестеньгский
Конд	—	Кондопожский
Лоух	—	Лоухский
Медв	—	Медвежьегорский
Олон	—	Олонецкий
Петр	—	Петровский
Повен	—	Повенецкий
Прион	—	Прионежский
Пуд	—	Пудожский
Реб	—	Ребольский
Ругоз	—	Ругозерский
Свят	—	Святозерский
Сегеж	—	Сегежский
Сегоз	—	Сегозерский
Сорок	—	Сорокский
Сямоз	—	Сямозерский
Тунг	—	Тунгудский
Ухт	—	Ухтинский
Шал	—	Шальский
Шелт	—	Шелтозерский
Шунг	—	Шунгский

Сокращенные названия районов Архангельской области:

А	—	Архангельская область
В-Тоем	—	Верхнетоемский
Вин	—	Виноградовский
Карг	—	Каргопольский
Кон	—	Коношский
Лен	—	Ленский
Лешук	—	Лешуконский
Мезен	—	Мезенский
Нянд	—	Няндомский
Онеж	—	Онежский

Пин	—	Пинежский
Плес	—	Плесецкий
Прим	—	Приморский
Северодвин	—	Северодвинский
Уст	—	Устьянский
Холм	—	Холмогорский
Шенкур	—	Шенкурский

**Сокращенные названия районов Ленинградской области
(по административному членению 1933 г.):**

Л	—	Ленинградская область
Бор-Суд	—	Борисово-Судский
Вапк	—	Вапкинский
Винниц	—	Винницкий
Выт	—	Вытегорский
Ефим	—	Ефимовский
Капш	—	Капшинский
Опгт	—	Оптинский
Оят	—	Оятский
Паш	—	Пашский
Подп	—	Подпорожский
Шол	—	Шольский

**Ф — Финляндия (территория Финляндии и Приладожья, входившего
в 1917–1940 гг. в состав Финляндии)**

Илом	—	Иломантеи
Имп	—	Импилахти
Корп	—	Корписелькя
Соан	—	Соанлахти
Суйст	—	Суйстамо
Суом	—	Суомуссалми
Суояр	—	Суоярви

географические термины

басс.	—	бассейн
бол.	—	болото
г.	—	гора
дер.	—	деревня
зал.	—	залив
о.	—	остров

оз.	—	озеро
пос.	—	поселок
р.	—	река
руч.	—	ручей
рыб. уг.	—	рыбачье угодье
с.	—	село
уг.	—	угодье
ур.	—	урочище
хут.	—	хутор

прочие

ГИС «Топонимия Карелии»	—	Географическая информационно-аналитическая система «Топонимия Карелии» (создана в ИЯЛИ КарНЦ РАН; ГИС ПетрГУ при поддержке РФНФ)
ИЯЛИ КарНЦ РАН	—	Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук
КТК	—	Научная картотека топонимов Карелии и сопредельных областей (хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН, г. Петрозаводск)
КТЭ	—	Картотека Топонимической экспедиции (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ, г. Екатеринбург)
НАРК	—	Национальный архив Республики Карелия
СПбГУ	—	Санкт-Петербургский государственный университет
УрФУ	—	Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Ф.	—	фонд
букв.	—	буквально
бывш.	—	бывший
вар.	—	вариант
ген.	—	падеж генитив
зд.	—	здесь
метаф.	—	метафорический
ср.	—	сравни

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Словари и источники

- АКЦ — Атлас «Карелия. Центральная часть». Масштаб: в 1 см — 1 км. [М.]: Ультра Экстент: Арбалет, 2005.
- АТУЛО 1933 — *Рышкин П. Е.* Административно-территориальное устройство Ленинградской области. Л.: Изд-во Ленингр. облисполкома и Ленсовета, 1933.
- Даль — *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- Дуров 2011 — *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011.
- КОРК — Каталог озер и рек Карелии / Под ред. Н. Н. Филатова, А. В. Литвиненко. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2001.
- КТК — Научная картотека топонимов Карелии и сопредельных областей (хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН, г. Петрозаводск)
- ПКОП — Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г. // Материалы по истории народов СССР / Подг. к печ. А. М. Андрияшев; под ред. М. Н. Покровского. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 57–254.
- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. СПб., 1972.
- СГС — *Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С.* Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья (бассейн реки Свири) / Под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997.
- СНМ 1933 — Список населенных мест Карельской АССР (по сведениям 1933 г). Петрозаводск, 1935.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СТЗ — *Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С.* Свод топонимов Заонежья / Под ред. А. С. Герда. Петрозаводск, 2013.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. Т. 1–4. М., 1986–1987.
- ЭРС — Эрзянско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М., 1993.

- KA — Kansallisarkisto, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. 1–6 / Toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI. Helsinki: SUS, 1968–2005.
- LMS — Lyydiläismurteiden sanakirja. Ainekset keränneet K. Donner, J. Kalima, L. Kettunen, J. Kujola, H. Ojansuu, E. Pakarinen, Y. H. Toivonen & E. A. Tunkelo. Toim. ja julk. J. Kujola. Lexica Societatis Fenno-Ugricae IX. Helsinki: SUS, 1944.
- NA — Nimiarkisto, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1–7. Helsinki: SKS, 1958–1981.
- SMS — Suomen murteiden sanakirja. Seitsemäs osa. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36. Helsinki, 2003.
- SN — *Mikkonen P., Paikkala S.* Sukunimet. Keuruu, 1992.
- SP — Suomalainen paikannimikirja. Päätoimittaja Sirkka Paikkala. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 146. Jyväskylä, 2007.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja I–III. SKST 556, KKTJ 62. Helsinki, 1992–2000.
- UEW — Károli Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Wiesbaden, 1988.
- Электронный ресурс: karttaipaikka.fi
- Электронный ресурс: retkikartta.fi

Литература

- Агапитов, Логинов 1992 — *Агапитов В. А., Логинов К. К.* Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 61–76.
- АК — Археология Карелии / Отв. ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочкуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996.
- Березович 1998 — *Березович Е. Л.* Топонимия Русского Севера. Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998.
- Березович 2009 — *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М.: Либроком, 2009.
- Березович 2010 — *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М.: КомКнига, 2010.
- Бубрих 1947 — *Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск: Госиздат К-ФССР, 1947.
- Витов 1962 — *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962.

- Герд 1988 — *Герд А. С.* Прибалтийско-финские названия рыб в свете вопросов этнолингвистики // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 4–22.
- Жуков 2013 — *Жуков А. Ю.* Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013.
- Зайцева 1981 — *Зайцева Н. Г.* Именное словоизменение в велском языке. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1981.
- Захарова 2015 — *Захарова Е. В.* Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2015.
- Захарова, Муллонен 2012 — *Захарова Е. В., Муллонен И. И.* Карельский след XVII века в топонимии Восточного Обонежья // XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольской научной конференции (Каргополь, Каргопольский гос. историко-архитектурный и художественный музей, 14–16 августа 2012 г.) / Науч. ред. Н. И. Решетников; сост. Н. И. Тормосова. Каргополь: Каргопольский гос. историко-архитектурный и художественный музей, 2012. С. 146–154.
- Кабинина 2011 — *Кабинина Н. В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011.
- Кабинина 2011а — *Кабинина Н. В.* Метафорические названия в топонимии Архангельского Поморья // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (15). 2011. С. 17–24.
- Кабинина 2013 — *Кабинина Н. В.* Народная топонимическая геометрия (на материале названий озер Архангельской области) // Вопросы ономастики. № 2 (15). 2013. С. 60–90.
- Керт 2002 — *Керт Г. М.* Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии. Петрозаводск, 2002.
- Кочкуркина 2012 — *Кочкуркина С. И.* Этническая карта и территориально-административные границы Карелии на рубеже I–II тыс. н. э. (новгородское время) // Труды КарНЦ РАН. № 4: Гуманитарные исследования. Вып. 3. 2012. С. 3–12.
- Кочкуркина 2017 — *Кочкуркина С. И.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017.
- Кузьмин 2005 — *Кузьмин Д. В.* Топооснова Lappi- в топонимии беломорских карел // Прибалтийско-финское языкознание: лингвогеографические исследования: сб. ст. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. С. 126–141.
- Кузьмин 2007 — *Кузьмин Д. В.* К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: мат-лы науч. симп. / Сост. И. И. Муллонен. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. С. 20–89.

- Кузьмин 2011 — *Кузьмин Д. В.* Наследие саволаксов в топонимии Карелии // Труды КарНЦ РАН. № 6: Гуманитарные исследования. Вып. 2. 2011. С. 45–56.
- Макарова 2012 — *Макарова А. А.* Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012.
- Макарова, Захарова 2016 — *Макарова А. А., Захарова Е. В.* Оппозиция топонимических моделей как маркер границы: названия островов леса на болоте в Белозерье // Финно-угорская мозаика: сб. ст. к юбилею И. И. Муллонен. STUDIA NORDICA I / Отв. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 194–203.
- Мамонтова 1982 — *Мамонтова Н. Н.* Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск: Карелия, 1982.
- Матвеев 1986 — *Матвеев А. К.* Методы топонимических исследований. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1986.
- Матвеев 1995 — *Матвеев А. К.* Апеллятивные заимствования и стратиграфия субстратных топонимов // Вопросы языкознания. № 2. 1995. С. 29–42.
- Матвеев 2001 — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001.
- Матвеев 2004 — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. II. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004.
- Матвеев 2006 — *Матвеев А. К.* Образное народное видение и проблемы этимологической интерпретации топонимов // *Матвеев А. К.* Ономатология. М.: Наука, 2006. С. 112–132.
- Матвеев 2007 — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. III. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2007.
- Матвеев 2015 — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. IV. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015.
- Материалы 1941 — Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941.
- Муллонен 1988 — *Муллонен И. И.* Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988.
- Муллонен 1994 — *Муллонен И. И.* Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994.
- Муллонен 2001 — *Муллонен И. И.* История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 12–38.
- Муллонен 2002 — *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002.

- Муллонен 2007 — *Муллонен И. И.* Этнокультурный потенциал вепсской топонимии // Вепсы и этнокультурные перемены XX века. *Studia Slavica Finlandensia*. Т. XXIV. Хельсинки, 2007. С. 39–56.
- Муллонен 2008 — *Муллонен И. И.* Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.
- Муллонен 2012 — *Муллонен И. И.* Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Труды КарНЦ РАН. № 4: Гуманитарные исследования. 2012. С. 13–24.
- Муллонен 2013 — *Муллонен И. И.* Большие озера маленького народа: идентификация по размеру в вепсской топонимии // Вепские ареальные исследования: сб. ст. / Науч. ред. Н. Г. Зайцева, С. А. Мызников. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 130–144.
- Мызников 2003 — *Мызников С. А.* Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.
- Образование... 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по мат-лам лингвистической географии / К. Ф. Захарова и др. М.: Наука, 1970.
- Подольская 1978 — *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.
- Попов 1981 — *Попов А. И.* Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Рут 1994 — *Рут М. Э.* Образная ономастика в русском языке: ономастологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1994.
- Смирнов 2017 — *Смирнов О. В.* Основы со значением ‘верхний’ — ‘нижний’, ‘малый’ — ‘большой’ в субстратной топонимии исторических мерянских земель // В созвездии слов и имен: сб. науч. тр. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / Редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), Т. Н. Дмитриева, Н. В. Кабинина и др. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017. С. 222–244.
- Смолицкая 1976 — *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер. М. 1976.
- Соболев 2015 — *Соболев А. И.* Географическое подтверждение топонимических этимологий (на примере Юго-Восточного Обонежья) // Рябининские чтения–2015. Мат-лы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 570–572.
- Цыганкин 1993 — *Цыганкин Д. В.* Память земли. Саранск, 1993. С. 120.
- Ahlqvist 1998 — *Ahlqvist A.* Merjalaiset — suurten järvien kansaa // *Virittäjä*. № I. 1998. S. 41–42.
- Aikio 2000 — *Aikio A.* Suomen kauka // *Virittäjä*. № 4. 2000. S. 612–614.

- Aikio 2003 — *Aikio A.* Suomen saamelaisperäisistä paikannimistä // *Virittäjä*. 107. S. 99–106.
- Aikio 2007 — *Aikio A.* The Study of Saami Substrate Toponyms in Finland // *Borrowing of Place Names in the Uralian Languages*. Debrecen–Helsinki. 2007. P. 159–198.
- Aikio 2009 — *Aikio A.* The saami Loanwords in Finnish and Karelian. Oulu, 2009.
- Aikio 2012 — *Aikio A.* An essay on Saami ethnolinguistic prehistory // *ALinguistic Map of Prehistoric Northern Europe* / Ed. by R. Grünthal, P. Kallio. SUST 266. Helsinki, 2012. P. 63–118.
- Collinder 1964 — *Collinder B.* Ordbok till sveriges lapska ortnamn. Uppsala, 1964.
- Franz 1908 — *Franz Ä.* Lappalaisia lainasanoja suomen murteissa // *SUSA*. 25. 1908. S. 51.
- Hakulinen 1968 — *Hakulinen L.* Suomen kielen rakenne ja kehitys. 1968.
- Hämynen 2011 — *Hämynen T.* Omal maal vierahal maal. Suojärven historia III. Toim. Tapio Hämynen. Saarijärvi, 2011.
- Itkonen 1948 — *Itkonen T. I.* Suomen lappalaiset vuoteen 1945. Porvoo; Helsinki, 1948.
- Kalima 1919 — *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.
- Keränen 1984 — *Keränen J.* Kainuun asuttaminen. *Studia Historica Jyväskylänensis* 28. Jyväskylän yliopisto, Jyväskylä 1984.
- Keränen 1986 — *Keränen J.* Uudisraivauksen ja rajasotien kausi // *Kainuun historia*. Kajaani: Kainuun Sanomain kirjapaino OY, 1986. S. 203–597.
- Kettunen 1940 — *Kettunen L.* Suomen murteet. III. A. Murrekartasto. Helsinki, 1940.
- Kiviniemi 1977 — *Kiviniemi E.* Väärät vedet. Tutkimus mallien osuudesta nimemuodostuksessa. Helsinki, 1977.
- Kiviniemi 1990 — *Kiviniemi E.* Perustietoa paikannimistä. Suomi 149. Helsinki: SKS, 1990.
- Klemettinen 2010 — *Klemettinen R.* Suurella sydämellä — tai isolla // *Kielikello*. № 2. 2010.
- Korhonen 1981 — *Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
- Kuokkala 2012 — *Kuokkala J.* Jälkitavun labiaalivokaalit saamessa ja itämerensuomessa. Helsinki: s. n., 2012.
- Kuzmin 2014 — *Kuzmin D.* Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki: Unigrafia OY, 2014.
- Kuzmin 2015 — *Kuzmin D.* Vienan Karjalan asutus perimätiedon ja sukunimiaineiston valossa // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja* 95, 2015. S. 145–199.

- Lehtinen 2007 — *Lehtinen T.* Kielen vuosituhanet. Suomen kielen kehitys kantaauralista varhaisuuteen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007. (Tietolipas 215.)
- Lehtiranta 1989 — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. MSFOu 200. Helsinki, 1989.
- Luukko 1954 — *Luukko A.* Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin keskiaika sekä 1500-luku. — Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia II. Oulu, 1954.
- Meri 1943 — *Meri A.* Vanhan Vehmaan kihlakunnan pitäjien ja kylien nimet I. Entisten Laitilan, Lapin ja Uudenkirkon pitäjien alue. Helsinki, 1943.
- Nielsen 1979 — *Nielsen K.* Lapp Dictionary. Vol. 1–5. Oslo, 1979.
- Nissilä 1964 — *Nissilä V.* Pihtiputaan vanhaa nimitystä // Pihtiputaan kirja. Pieksämäki. S. 78–79.
- Nissilä 1967 — *Nissilä V.* Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. SKST. 144. Helsinki, 1967.
- Nissilä 1975 — *Nissilä V.* Suomen Karjalan nimitys. Joensuu, 2005.
- Rahkonen 2009 — *Rahkonen P.* The Linguistic Background of the Ancient Meschera Tribe and Principal Areas of Settlement // Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd 60. Heft 1–3. P. 160–200. Helsinki, 2009.
- Rahkonen 2011 — *Rahkonen P.* Finno-Ugrian hydronyms of the River Volkhov and Luga catchment areas // Journal de la Société Finno-Ougrienne 93. Helsinki, 2011. P. 205–266.
- Rahkonen 2013 — *Rahkonen P.* South Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics. Jyväskylä, 2013.
- Rapola 1947 — *Rapola M.* Kieli elää. Pakinoita ja tutkielmia. Porvoo; Helsinki, 1947. S. 181–222.
- Räisänen 1982 — *Räisänen A.* Kainuun murteiden ja nimityksen opas. Kajaani: Kainuun sanomain kirjapaino OY, 1982. S. 83–87.
- Räisänen 1990 — *Räisänen A.* Zur Entstehung des Namengutes in der Einöde Kainuus // Namenkunde in Finnland. Pieksämäki: Studia Fennica 34, 1990. S. 91–108.
- Räisänen 2003 — *Räisänen A.* Nimet mieltä kiehtovat. Etymologista nimitystutkimusta. Helsinki 2003. SKST 936.
- Räisänen 2007 — *Räisänen A.* Kainuun kieltä ja paikannimiä. Studia Carelica Humanistica 21. Joensuu: Joensuun yliopiston humanistinen tiedekunta, 2007. S. 117–120.
- Räisänen 2007a — *Räisänen A.* Pielisen Karjalan saamelaisperäisiä paikannimiä // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 253. Helsinki, 2007. S. 319–324.
- Saar 2008 — *Saar E.* Võrumaa kohanimede analüüs enamlevinud nimeosade põhjal ja traditsioonilise kogukonna nimesüsteem. Dissertationes philologiae estonicae Universitatis Tartuensis 22. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 2008.

- Saarikivi 2004 — *Saarikivi J.* Über die saamischen Substratennamen des Nordrusslands und Finnlands // *Finnisch-Ugrische Forschungen* 58. Helsinki, 2004. P. 162–234.
- Saarikivi 2006 — *Saarikivi J.* On the Uralic substrate toponymy of Arkhangelsk region: problems of research methodology and ethnohistorical interpretation // *Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in Northern Russian dialects*. Tartu: Tartu University Press, 2006.
- Saarikivi 2014 — Reconstruction of culture and ethnicity. Remarks on the methodology of the historical-comparative linguistics (on the basis of Western Uralic languages) // *New focus on retrospective methods. Folklore Fellow's communications*. 307 / E. Heide, K. Bek-Pedersen (eds). Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2014. P. 186–216.
- Saloheimo 1971 — *Saloheimo V.* Pohjois-Karjalan asutusmuodot 1600-luvulla. Joensuu, 1971.
- Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical phonology of the Uralic languages // *The Uralic languages. Description, history and foreign influences* / Ed. by D. Sinor. Leiden; New York; København; Köln: Brill, 1988.
- Tunkelo 1946 — *Tunkelo E. A.* Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946. SKST. 228.
- Vahtola 1980 — *Vahtola J.* Torniojoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty. Niimistötieteellinen ja historiallinen tutkimus. Rovaniemi, 1980.
- Vilkuna 1972 — *Vilkuna K.* Hangas: vanhan pyyntikulttuurin jälkiä paikannimisessä // *Nimikirja*, 1972. S. 231–255.

УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ

А

Алахта 190

Б

Бережная Малья 127
Ближняя Реперзя 168
Большекорельское 20
Большое 39, 43, 106, 135
Большое Вирозеро 106
Большое Кукозеро 68
Большое Хангозеро 135
Большой Яниш 46

В

Вазарукса 140
Варзанга 140
Вачозеро 135
Великая 43
Великая Грязь 50
Великая Губа 50, 190, 226
Великая Лядина 50
Великая Нива 50
Великая Орга 50
Великая Щельга 50
Великий бор 50
Великий камень 50
Великий Мох 50
Великое 43, 46, 70
Венишостров 43
Вера 107

Вералядина 107
Веранда 180
Вераручей 107
Верхнее Кукьярви 68
Верхние Тагамы 157
Верхняя Коверница 92
Вехкозеро 15
Вехкучей 15
Виксинда 180
Винницы 22
Вирозеро 89, 106, 107, 110, 113
Вироручей 106
Вирручей 106
Вируй 106
Виручей 107
Войбожа 196
Войбозеро 195
Войбуч 195
Войван 196
Войвож 196
Войвожа 196
Войвонец 195
Вонозеро 41, 43, 45
Воренжа 180
Выраручей 107
Вырозеро 107, 108, 109, 110, 111,
112, 113, 114, 224
Вырручей 106
Вязозеро 42
Вязкий 53, 54
Вязостров 54
Вянегуба 43
Вянишполе 43
Вяньостров 43

Вяньрека 43

Вянярека 43

Г

Гангасгуба 140

Гангасламба 134

Гангболото 135

Гангозеро 134, 135, 136

Ганьковский наволоок 109, 110

Ганьковское 107, 109

Гение 41

Генинский 41

Генуя 41

Глебова Ковериха 92

Гойпахта 77

Гольий 211

Голяши 211

Гоморовичи 22

Гулкозеро 69

Д

Дальний Угол 109, 113

Дальняя Реперзя 168

Денесье 43

Добинжа 180

Долгая Губа 67

Долгая Ламбина 67

Долгая Лахта 67

Долгий 67

Долгий Мох 67

Долгий Наволок 67

Долгое 67, 68, 69, 89

Долгое озеро 67, 69, 71

Долгозеро 67, 71, 89, 224

Долгуша 70

Е

Елай 37

Елайрека 37

Елайручей 37, 39

Елаш 177

Елезеро 177

Елема 177

Еленьга 177

Елоземка 177

Ельма 185

Ельмозеро 177

Ендрека 43

Ендручей 41, 43

Енекорга 43

Енесполе 43

Еников Угол 113

Енисейские поля 43

Еновское 41

Еное 41

Енойское 41

Еноручей 41

Енручей 41, 54

Енуя 41

Енякорга 43, 47

Ж

Железные Ворота 18, 195

Житницкая 107

Жоплахта 168

З

Залапач 201

Залебежский Мох 109

Залебежское 109

Залебяжий Мох 109, 111

Залебяжье 109

И

Иваньков 195
Иваньков остров 54
Игинжа 180
Илакса 188, 189, 227
Илас 189, 227
Илеза 189
Илезболото 189
Илекозеро 188
Илекручей 188
Илекса 186, 187, 188, 189, 198, 215
Илексинское 188
Илексозеро 188
Илеменза 182, 223
Илемозеро 179, 227
Иленьгуба 179, 227
Илес 188, 189
Илесига 189
Илеслахта 188
Илесозеро 188
Илесручей 189
Илиммайнен 179
Илинен 179
Илокса 188, 189
Иломанси 182
Иломанча 227
Илос 189
Илосгора 188
Ильвама 179
Ильма 185
Ильмаж 183, 227
Ильмаз 183
Ильмаза 183
Ильмакса 183, 223
Ильмас 183
Ильматозеро 185
Ильмеж 183, 227
Ильмень 185, 186, 227
Ильмеш 183, 227
Ильмозеро 177, 185

Илюхта 189, 190
Иля Куккаусярви 178
Иля Тарасярви 178
Иляярви 178
Иманъярви 182
Инарка 48
Инелей 48
Инема 43
Инерка 48
Инеры 48
Инилай 48
Инобожь 48
Инокша 48
Инорка 48
Инорское 48
Инотынка 48
Иночь 48
Инсар 48
Инсара 48
Инюха 48

К

Кавгостров 163
Кавераозеро 91
Кадимох 138
Кадозеро 138
Кадьгуба 138
Кадьмох 138
Кадьское 138
Каин наволок 212
Кайнестров 212
Кайнос 212
Калей 109, 112
Калейгуба 58, 59
Калейручей 109, 112, 114
Кальезеро 112
Каля 112
Кандело 131
Кандель 220

- Канделье 131, 224
Кандольское 131
Каргиничи 22
Карелин лес 20
Карелы 20
Карельская деревня 20
Карельские острова 20
Карельский Конец 20
Карельский ручей 20
Карельское озеро 20
Карельщина 20
Карсолово 25
Катозеро 138
Катьгуба 138
Катьмох 138
Кача 196
Качезеро 196
Квадзеро 138
Квадинское озеро 138
Кейбосолово 25
Кекозеро 89
Керака 193
Керакское 193
Керацкое 193
Керкозеро 193
Кескозеро 193
Кехкозеро 89, 224
Кехозеро 89
Кивручей 112
Кобака 70, 71
Кобжа 70
Кобожа 70
Кобьяка 71
Ковакса 71
Ковера 92
Ковербонга 92
Ковереска 94
Коверешка 94
Коверихи 92
Коверни 92
Коверница 92
Коверозеро 91, 94
Ковшозеро 126
Койкагора 77
Койкозеро 77
Койкручей 77
Койсарь 25
Кокой 129
Кокостров 128, 129
Кокуй 129
Кокшаконда 190
Колголема 227
Колмисоппи 119
Колмисоппинен 119
Колмозеро 142
Коничек 140
Корелка 20
Корелова гора 20
Корелово 20
Кореловщина 20
Корельский бор 20
Корельский островок 20
Короткий 73
Короткий Наволок 73
Кортяха 112
Кривая пожня 94
Кривец 95
Кривое 94, 106
Кривое Колено 94
Кривое Озеро 94
Кривозерская губа 94
Кривой 94
Кривой Каменный остров 94
Кривой наволок 94
Кривой Стреж 94
Кривуха 95
Кривые горки 94
Круглый мыс 80, 81
Кубань 70
Кубена 70, 206, 207
Кубенское 70, 71
Кубжа 70

Кубицкое 70
Кубыча 70
Кувак 70, 71
Кувакужка 71
Кувацкой 71
Кувековской 71
Кувяка 70
Кувякино 70
Кужа 197
Кужала 197
Кужан 197
Кужозеро 197, 198
Кужома 197
Кузерка 112
Кузозеро 197
Кузьма 197
Куйвакса 190
Куйвас 190
Куйвахда 190
Куйвахта 190
Кукагора 67
Куказое 69
Кукас 72
Кукаса 69
Кукаское 69
Кукат 68
Кукимасозеро 192
Куккаскара 69
Куккозеро 68
Куков родник 186
Кукозеро 69
Кукойгора 67
Кукойнаволок 67
Кукомозеро 68
Кукумасозеро 69
Кукша-Мокса 192
Кулгола 227
Кумбышка 112
Куннаволок 109, 110
Куреки 140
Курик 220

Кучематка 60
Кушкамокса 192
Кушкимус 192
Кушлега 197

Л

Ладбозеро 193
Ладвозеро 193
Ладвуши 57
Ладгозеро 193
Ладмозеро 193
Ладручей 193
Ландыш 46
Лапа 203
Лапасть 201
Лапатозеро 200, 201
Лапачь 200, 203
Лапачья буква 201
Лапач 203
Лаписарь 201
Лаповец 201
Лаповка 203
Лапозеро 200, 201
Лапостров 201
Лапотное 201
Лапоть 200, 201
Лапручей 201
Лапцарское 201
Левые Тагазны 157
Лейнаволок 81, 82
Линжозеро 180
Липки 195
Лобинжа 180
Лодейгуба 58
Лопакково 20
Лопач 203
Лужанда 180
Лухта 57
Лухтозеро 196

Люлезеро 132
Люлезрека 132
Люль 132
Люльостров 132
Люля 132
Люлярека 132

М

Малля 127, 220
Малое 46
Малое Вирозеро 106
Малое Кукозеро 68
Малое озеро 134
Малокорельское 20
Малый Яниш 46
Маля 127
Маляйки 127, 140
Малян 127
Маляха 127
Малячки 127
Маньковская 113
Марья 127
Марьячки 127
Мирон 48
Морская Маля 127
Муромох 209
Мурый мох 209

Н

Нерль 48
Неро 48
Нерон 48
Нижнее Кукъярви 68
Нижние Тагамы 157
Нижняя Коверница 92
Никольское 109
Нутренная дорожка 167

Нутренний 167
Нутренний Мох 167
Нутренник 167
Нутренница 167
Нутрище 167
Нутро 167
Няра 56

О

Ойба 195
Онежское озеро 45
Ореховщина 112
Орловец 130

П

Павшезеро 186
Палежма 209
Палеостров 209, 210, 211, 212
Палий остров 209, 210
Палшезеро 209
Палшемское 209
Палье озеро 211
Пальяк 211
Пальяостров 209, 211
Пейлека 208
Пелега 206
Пележма 207
Пелейка 208
Пеленга 206
Пелецкое 206
Пелозеро 205
Пелонч 192
Пельма 206, 207
Пельчужень 208
Пененаволок 62
Пеньнаволок 62
Перболото 159

- Пергуба 160
Перзак 168
Перинос 160
Перозеро 159
Перпалда 159
Перпорог 160
Персарь 25
Першлахта 168
Перый наволок 209
Перя 160
Песьянец 195
Петозеро 168
Печеняра 56
Печуя 56
Пиай 52
Пиайболото 52
Пикая 52
Пикаяболото 52
Пикиболото 52
Пиккозеро 52
Пиккомох 52
Пиккорекка 52
Пиккоручей 52
Пикоболото 52
Пикозеро 52, 67
Пикоусуо 52
Пилежма 206
Пилемка 207
Пилозеро 207
Пилосозеро 207
Пильма 206, 207
Пильмасозеро 192, 207
Пильпахта 207
Пильпацкое болото 207
Пинегга 56, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 218
Пиньгуба 39
Питкозеро 67
Питозеро 67
Пихкамох 52
Пичаручей 56
Пичесельга 56
Пичиняра 56
Пичозеро 56
Пичручей 56
Пичуское 56
Пичуя 56
Плещеево 48
Повшозеро 209
Подкарельская деревня 20
Подковериха 92
Пойгозеро 171
Пойкручей 171
Пойлухта 171
Полотенце 77, 130
Польшемское 209
Польшма 209
Попов ручей 186
Порточное 140
Посула 109
Посульское 109
Правые Тагазны 157
Пялезеро 211
Пялнозеро 192
Пялозеро 206, 207
Пяльма 207
Пялосьярви 192
Пярсельга 160
- Р**
- Ребовичи 22
Ремболото 111
Рим 111
Римская 111
Римский Мох 111
Римское 111
Роменьжа 180
Рямега 111
Рямик 111
Рямода 111
Рямручей 111

С

Сайпелда 82
Сальников 195
Саранжа 37, 180
Саранзя 37
Сонго 225
Сосарь 25
Средний Яниш 46
Суданское болото 167
Суйнаволок 82
Сургуба 33, 215
Сурнаволок 33
Сухона 70

Т

Тагангуба 157
Тагома 157
Тагостров 157
Таракшино 212
Таруевская 113
Тервиничи 22
Тобий 36
Тобийручей 36
Тобот 36
Тобручей 36
Толстая губа 80
Толстая щельга 80
Толстик 80
Толстой 80
Толстой мыс 80, 81
Толстой наволок 80
Толстый наволок 80, 81
Толстый нос 80, 81
Толстяк 80
Тонкая Ламбина 77
Тонкий наволок 81
Тонкое 77, 224
Топорное 215

Торозеро 212
Торосозеро 212, 213
Тупой нос 81
Турий остров 209

У

Угольское озеро 109
Улеламби 178
Уля Латваярви 178
Уфтога 26
Ухта 26
Ухтинжа 26
Ухтозеро 181
Ухтома 26
Ухтомица 26
Ухтомка 26
Ухтомский волок 26
Ухтынгирь 26

Х

Хангасдярви 135
Худое 77
Худое Зимнее 77
Худое Летнее 77

Ч

Чёлсолово 25

Ш

Шаньшолово 25
Шексна 70
Шигеренжа 180
Широкая губа 81
Широкая нива 81

Широкий бор 81
 Широкий наволок 81
 Широкое поле 81
 Широкуша 81
 Ширый наволок 209

Э

Элиозеро 184
 Энема 43

Ю

Юлеозеро 178
 Юлозеро 178
 Юлонда 180
 Юля Вуотгярви 178
 Юля Толваярви 178
 Юляярви 178

Я

Явосьма 37
 Ялгуба 39, 40
 Ялега 39, 226
 Ялиозеро 40
 Ялиярви 40
 Ялойская Кара 39
 Ялойское болото 39
 Ялокорга 40
 Ялоручей 40
 Ялосарь 39
 Яна 43
 Янасарь 43
 Яндеба 226
 Яндема 43
 Яндозеро 42, 45, 226
 Яндома 42, 43
 Яндомозеро 43

Яндручей 43
 Янега 43
 Янежполе 43
 Янемох 43
 Янеозеро 43
 Янестрова 43
 Яниостров 43
 Янискорга 43, 47
 Янисъеки 47
 Янисъярви 46
 Яниш 43, 46
 Янишевка 46
 Янишево 43, 46
 Янишевское 43, 46
 Янишполе 43
 Яннаволок 54
 Янозеро 43
 Яностров 43
 Янострова 43
 Янручей 54
 Янсорка 43
 Янцостров 43
 Янчозеро 43
 Яньдозеро 42, 56
 Яргыш 46

А

Akiman Peräpelto 158
 Alagianperä 159
 Alainejärvi 179
 Alaižjärvi 179
 Alajärvi 175
 Alanejärvi 179
 Alanijärvi 179
 Alažjärvi 179
 Alimaini Uhutjärvi 181
 Alimažed 182
 Alinedärvi 179

- B**
- Brillinniemi 133
 Bukkari 133
 Bul'unlambi 133
 Bul'unniemi 133
- Č**
- Čikkeli 133
 Čikkeri 133
 Čoukunpiä 193
 Čuranijärvi 179
- D**
- D'alaid'ogi 37
 D'allaht' 39
 D'allahtenguba 39
 D'aloizd'ärvi 40
 D'ial'joki 40
 D'yrkänoče 161
- E**
- Edu Pohjapiä 162
 Edupuoli 162
 Eduskal'1' 162
 Eimjogi 45
 Elijoki 177
 Elijärvi 177
 Eli(t)lambi 177
 Elimo 183
 Elimonjärvi 183
 Elimysjärvi 178, 183, 190
 Elind'ogi 177
 Elindärvi 177
 Elinjärvi 177, 185
 Elinlaksi 177
- Elinlambi 177
 Elinlammit 177
 Elinlampi 177, 185
 El(1)inlampi 177
 Elinoja 177
 Elinsuo 177
 El(1)insuo 177
 Ellinlambi 177
 El'middärvi 183
 Elmilambi 183
 Elmisjärvi 183
 Elmus 227
 El'muz 185
 Elmüsjärvi 183
 El'müz 183
 Elojärvi 178, 190
 Elämyö 183
 Elämyönjärvi 183
 Elämäinen 183
 Elämäjärvi 183
 Enarv 41, 226
 Enar'v 45
 Eningilambi 47
 Eninginjogi 48
 Enin(g)järvi 48
 Enoja 41
 Enojogi 41
 Enäjogi 43
 Ezi Hiizisuari 161
 Ezilakši 161
 Ezi Lietelakši 161
 Ezi Pahalambi 161
 Ezipeldo 161
 Ezisuo 161
 Ezi-Valloi 161
 Ezivuaru 161
 Etelärinne 153
 Etelä Šalmiemi 53
 Eturanta 162

F	I
Farkenooe 160	Iivanan Oeëapeldo 160
	Ilajärvi 178
	Ilinzar' 180
G	Ilmajärvi 178, 184, 223
G'aloja 39	Ilmanëisuari 182
	Ilmas 178, 183, 227
	Ilmee(joki) 182
H	Ilmerjoki 223
	Ilmetjoki 182, 227
Hamaral 22	Ilomantsi 178, 182, 185, 227
Hammaskoski 133	Iltaliete 153
Hammašluvvot 133	Imanëarvi 182
Hangaisjärvi 135	Ipaëu 102
Hangamuslambi 134, 135	Isoäarkkä 34
Hangaslambi 134	Iso-Hosko 34
Hangašniemi 134	Iso-Juortana 34
Hangazoja 134	Iso Kauluumägi 34
Hangazselgy 134	Isokorbi 34
Hangdärv 135	Isokul'lu 34
Hangolambi 134, 135	Isokylä 34
Hanka(i)šjärvi 134	Iso-Nilo 34
Hankajärvi 134	Iso-opota 34
Hankašlakši 134	Iso Särkilampi 34
Harittanan Suvipeldo 149	Iso-Vihkamoi 34
Hattaraini 179	Isovuaara 33
Hattaraisjärvi 179	Issakan Luopelto 149
Haukilahenperä 159	Itäjoki 153
Hepolampi 64	Itä Kaidasuo 153
Hevonperze 133, 167	Itälakši 153
Hiirenkorva 133	
Hilipän Peräpeldo 158	J
Hoikanperä 159	Jakon Tagaveräi 155
Hoikkajärvi 75, 79, 224	Jalaam 37
Hoikkalampi 75, 79	Jalaamonpeedod 37
Homan Oeëapeldo 160	Jalam 37
Hovvonlahtenväli 169	Jalažm 37
Humalikontaga 156	Jallaht' 39
Huumarselgy 125	
Hypiëy 102	

Jallahti 40

Jaloizjärvi 40

Jaloizsaari 40

Jaloja 40

Jalojoki 40

Jalonniška 40

Jalo-oja 40

Janaslahti 47

Janatsuar' 47

Jelilampi 177

Jenjogi 41

Jennem 41

Jiäl'joki 40

Jiäl'järvi 40

Jiäl'niemi 40

Joužarvi 125

Jovenpoikki 170

Jovenpolvensuo 95

Jovenpolvi 95

Joventaka 156

Juamanpoikki 171

Juohdegensuvineabai 152

Jyölambi 152

Jyöselgy 153

Jäljijärvi 40

Jändärv 42, 56

Jänine 43

Jänisjoki 47

Jänisjärvi 43, 46, 47

Jäniskorvat 133

Jäniskoški 47

Jänislakši 47

Jänisniemi 47

Jänissalmi 47

Jänissuari 47

Jänizjärvi 43

Jänjäv 41

Jänomägi 41

Järventaga 156

Järventagazet 156

Järventaguine 156

K

Kaatiolampi 136, 220

Kačjarv 196

Kahenjärvenväli 169

Kahenkallivonväli 169

Kahenlamminväli 169

Kahen Naizjärvenväli 169

Kaidadärvi 79

Kaidajärvi 78

Kaidalaksi 85

Kaidalambi 77, 78

Kaidalampi 78

Kaidani 78

Kaidd'är' 79

Kaidojärvi 79

Kaidzeri 79

Kaidulambi 79

Kaidulampi 78, 79

Kaijanperä 159

Kaijatlammit 78

Kaitajärvi 77, 78, 79

Kaitalaksi 85

Kaitalammet 78

Kaitalammit 78

Kaitalampi 77, 78

Kaitaniemi 85

Kakkaralampi 128

Kakkaravengi 128

Kakkarlambi 128

Kalačunsaari 128

Kalakukkovuara 127

Kalavakkakorgo 127

Kalkačču 128

Kal'l'onperä 159

Kanačču 102

Kandelehlakši 131

Kandelehlambi 131, 215

Kandelehniemi 131

Kandelehselgy 131

Kandelehsuo 131

- Kandleoja 130
 Kandelniemi 131
 Kannanperä 159
 Kanneljärvi 130
 Kannellampi 130
 Kannelniemi 130
 Kannikazlambi 128
 Kansikassaari 127
 Kantelejärvi 130
 Kantelelahti 130
 Kanteleniemi 130
 Kantelesaari 130
 Kapustajärvi 126
 Kapustalambi 126
 Karango 158
 Karangoniityt 158
 Karhil 22
 Karjalainilaksi 179
 Karjalaislaksi 179
 Kaššalikallivo 127
 Kaššalimägi 127
 Kattilaguba 126
 Kattilaine 126
 Kattilakoski 126
 Kattilalampi 126
 Kattilluodo 126
 Kattiluhuuhtu 126
 Kattilumägi 126
 Kaugoid'ärvi 163
 Kaugoiliete 163
 Kaugoiniemi 163
 Kaugoi(randu) 163
 Kaugoisuo 163
 Kaugojogi 163
 Kaugolambi 163
 Kaugoniemi 163
 Kauhhalambi 126
 Kauhavarrenlakši 126
 Kauhavarzi 126
 Kauhiejärvet 158
 Kaukoranta 163
 Kehragarf 89
 Kel'l'anočču 160
 Kerežniemi 133
 Keronliete 133
 Keskimäinen 192
 Keskimäinjärvi 181, 182
 Keskimäizenoja 182
 Keskučču 102
 Keššelikivi 127
 Keššelimua 127
 Keššeliniemi 127
 Keššelinniemi 127
 Keššelišuari 127
 Ketsalampi 197
 Ketsaoja 197
 Ketsunlampi 197
 Ketsusuo 197
 Kevätperä 159
 Kiehkerlambi 89, 222
 Kiehradärvi 89
 Kiehransuar' 89
 Kielikallivo 133
 Kiiskoilanvälisuo 169
 Kirvesjärvi 124
 Kirvezjärvi 124
 Kirvezlambi 124
 Kirvezniemi 124
 Kizakohta 174
 Kivikeššelinurmi 127
 Kober 91
 Kodi-Koverjärvi 91
 Kohta 174
 Kohtadorogat 174
 Kohtajogi 173
 Kohtajoki 173
 Kohtakorgo 173
 Kohtalakši 173
 Kohtalambi 173
 Kohtalammit 173
 Kohtalampi 173
 Kohtaluodo 173

- Kohtamoiz(en)lambi 173
Kohtamua 173, 174
Kohtanaidu 172
Kohtančura 174
Kohtanguba 173
Kohtanhieru 174
Kohtaniemi 173
Kohtankaivo 174
Kohtankangahat 173
Kohtankorbi 173
Kohtankuara 173
Kohtankujo 174
Kohtanlammit 173
Kohtanluod 173
Kohtanluodo 173
Kohtanluodonabai 173
Kohtanmečat 173
Kohtanmägi 173
Kohtanniemi 173
Kohtanniitty 172
Kohtanpeldo 172
Kohtanrajakko 172
Kohtanrandu 173
Kohtanselgy 173
Kohtansildu 174
Kohtansuari 173
Kohtansuo 174
Kohtanuoru 173
Kohtanurmi 172
Kohtanvongu 173
Kohtaoja 173
Kohtapeldo 172
Kohtaranda 173
Kohtarinne 173
Kohtašelkä 173
Kohtašuari 173
Kohtašuo 174
Kohtavuara 173
Kohtemägi 173
Kohtisvuara 173
Kohtišalmi 173
Kohtivalgamo 173
Kohtkal'ŋ'o 173
Kohtkangaz 173
Kohtmägi 173
Kohtobod 172
Kohtoboda 172
Kohtpeldo 174
Kohttrand 173
Kohtu 173, 174
Kohtučura 174
Kohtudorogu 174
Kohtujogi 173
Kohtujärvi 173
Kohtukangahačču 173
Kohtukangas 173
Kohtuluodo 173
Kohtumua 174
Kohtunurmi 172
Kohtupaikku 172
Kohtupeldo 172
Kohturajakko 172
Kohtuselgy 173
Kohtusuari 173
Kohtusuo 174
Kohtutroppu 174
Koidjärvi 78, 79
Koilinoja 151
Koilishuuhta 149
Koilisoja 151
Koillispiä 148
Kokkomägi 130
Kokkosaari 128, 129
Kokkoselgy 130
Kokkosuari 128, 129
Kokkovuara 130
Kokkovuori 130
Kokoihalme 128
Kokoinmägi 128
Kokoinpergo 128
Kokoisuari 128, 129
Kokonsaari 129

- Kokonsuari 128, 129
 Kolmekanda 122
 Kolmekandane 119, 122
 Kolmekannanselgy 122
 Kolmihaara 119
 Kolmikanda 122
 Kolmikandane 122
 Kolmikannanjogi 122
 Kolmikanta 119, 122
 Kolmikokkane 119
 Kolmikolkka 66, 119
 Kolminurkka 119
 Kolmisoppi 66, 117, 119, 219
 Kondienperže 133, 167
 Korbentaguine 156
 Korgievuaranočča 160
 Korkojenväli 169
 Koronkohta 174
 Korventaga 156
 Korventagaine 156
 Kožoli 197
 Kovažinjogi 125
 Kovažinsuari 125
 Koveraine 91
 Koverajärvi 91, 92
 Koverakoški 91
 Koveralakši 91
 Koveralambi 91, 92
 Koverane 91
 Koveranjärvi 91, 92
 Kover(an)kal'l'o 91
 Koverankoski 91
 Koveranlambi 91
 Koveranlampi 91
 Koveranliebie 91
 Koveranniemi 91
 Koveransuo 91
 Koveransuot 91
 Koveranšuo 91
 Koveraoja 91
 Koveraranda 91
 Kovereižet 94
 Koverilambi 90
 Koverinjogi 91
 Koverinkoski 90
 Koverinlambi 91
 Koverinoja 91
 Koverit(lammit) 90
 Koverjärvi 90, 91, 215
 Koverkoski 91
 Koverlambi 91
 Koverniemi 91
 Kovero 91, 92
 Koverojärvi 91, 92
 Koverolakši 91
 Koverolambi 91, 92
 Koveronkoski 92
 Koveronselkä 92
 Koveronsärkkä 92
 Koveropuro 92
 Koverosuo 91
 Koverošuo 91
 Koversuo 90
 Krantin-Petrin Takaranta 155
 Kringel'suor 128
 Kuadielambi 136, 220, 221
 Kuadilambi 142
 Kuivažjärvi 180
 Kujonočče 161
 Kukasjärvi 68
 Kukatsuari 68
 Kukei 67
 Kukoimägi 67
 Kukoimättaz 67
 Kukoinhar'j 18
 Kukoiniemi 67
 Kukoinočča 161
 Kulhonlampi 127
 Kuorda(i)ni 179
 Kuordaizlambi 179
 Kupanperä 159
 Kurenpolvi 95, 133

Kurikanlammit 125
 Kurikkalambi 125
 Kurikkašuo 125
 Kurikniemi 125
 Kumikkuluodo 128
 Kušleg 197
 Kuššal' 197
 Kuššeļ' 197
 Kuukajärvi 68
 Kuukanlahti 69
 Kuukanlampi 68
 Kuukinsalmi 68
 Kuukjärvi 68
 Kuukkasuari 68
 Kuuzennuorunväli 169
 Kylviviäraččy 102
 Kylvivääraččy 102
 Kytöperä 159
 Käzipaikansuo 130
 Käzipaikkusuo 130

L

Labiejärvi 125
 Labiekorgo 125
 Labiešuo 125
 Lad'järv 193
 Ladvujärvi 193
 Lahenperä 159
 Lahentaga 156
 Lahentagazet 156
 Lahtenperä 159
 Lambienväli 169
 Lambintaguine 156
 Lamminperä 159
 Lammintaga 156
 Lammintagalized 156
 Lapiešuo 125
 Lapinhauta 198
 Lapinkiukua 198

Lapinlaksi 198
 Lapinlampi 198
 Lapinranta 198
 Lapinraunivo 198
 Lapinsaari 204
 Lapinsuari 198
 Lapjärv 200
 Lappalaislaksi 180
 Lappusuari 201
 Lap'arv 200
 Latvajärvi 193
 Lehmänperže 133, 167
 Lemenočča 161
 Levedguba 85
 Levielaksi 85
 Levielakši 17
 Levieniemi 85
 Levieperze 133, 167
 Levontiensuvi 148
 Lid'žmanpera 159
 Liejunperä 159
 Lieteperä 159
 Liettienperä 159
 Liettienpiä 193
 Ligočču 102
 Liidalambi 151
 Liidečura 148
 Liidegenniem 151
 Liidekal'1' 151
 Liide-Linnoinabai 152
 Liidemägi 151
 Liideniem 151
 Liiden`uoru 151
 Liideobod 149
 Liideorgo 149
 Liiderand 151
 Liidetienobod 149
 Liponpolvi 95
 Livočču 102
 Livončinoja 180
 Lohisuarensuvižeen`okkaaabai 152

Loitoineniemi 162
 Loitonepiä 162
 Loitonihuuhta 162
 Loitonilambi 162
 Loitonišuo 162
 Loittoizēdpeldod 162
 Loittonijogi 162, 179
 Loittonipeldo 162
 Lounakoški 153
 Lounaniemi 153
 Lounatlammit 153
 Lounatvuara 153
 Luhanperä 159
 Luhantagani 156
 Luodehabai 151
 Luodehlogo 151
 Luodehobod 149
 Luodehpeldo 149
 Luodehrand 151
 Luodontaguine 156
 Luonahansuo 153
 Luopuoli 149
 Luotehine 148
 Luzikkusuo 127
 Luuv(v)ehpiä 148
 Luuvvehselkä 149
 Luuvvenšuari 151
 Lyhydabai 73
 Lyhytkuar 73
 Lyhytniemi 73
 Lyhytsaari 73
 Lyhytšuari 73
 Lylikoski 132
 Lylisuari 132
 Lylyjärvi 132
 Lylylampi 131
 Lylyniemi 132
 Lylyvengi 132
 Lyylikakši 132
 Läheini Hirvasjärvi 162
 Lähembäine Ojansuu 162

Lähembäne Keidoja 162
 Lähineniemi 162
 Lähineobod 162
 Lähine Šadd'arv' 162
 Lähinijogi 162, 179

M

Maksiman Oččapelto 160
 Maksimanojan Pohjoispiä 149
 Maksimanojanšuvipiä 148
 Mal'ġ'ajärvi 126
 Mal'ġ'akka 126
 Mal'ġ'akorko 127
 Mal'ġ'avaara 126
 Mal'ġ'avuara 126
 Mal'ġ'ukka 127
 Malviešperä 159
 Manikanväli 169
 Marttil'an Välipelto 169
 Matala-Kauhie 158
 Matkačču 102
 Mellicāntaga 156
 Meri 151
 Merijoki 151
 Merijärvi 151
 Merikorgo 151
 Merikoški 151
 Merilakši 151
 Merilampi 151
 Meri-Mannanlakši 152
 Merimatanšuo 151
 Meri-Neitijärvi 152
 Meripiä 148
 Meripuoli 149
 Merisuo 151
 Merišelkä 149
 Merišuo 151
 Merivuara 151
 Mihheinväli 169

Mihheisen Takapelto 155
 Miikkulan Oččapeldo 160
 Mikitän Koilispelto 149
 Mikitän Takapelto 155
 Mišanočča 161
 Mokonperä 159
 Mujehjärvenšuvipiä 148
 Munasuari 215
 Munasuo 133
 Murtsuorensuvizenn`okanabai 152
 Muštaperä 159
 Mutaperä 159
 Mäenočču 161
 Mäentagaine 156
 Mägenočča 161
 Mägentaga 156
 Mäkkälä 117
 Mäkkäläniemi 119
 Mölkönkohta 174
 Mönkämönočča 161

N

Naitikanväli 169
 Navetanperä 159
 Niemenočča 161
 Nouzemuannurmet 165
 Nuozarvenperäine 159
 Nurmizjogi 180
 Nurmizjärvi 180

O

Oččaoboda 161
 Oččapeldo 160
 Oččapelto 160
 Oččašärkkä 161
 Očč(e)mägi 161
 Oččepeldo 160

Oččipeldo 160
 Oččujärvi 161
 Oččukaivo 161
 Oččukorbi 161
 Oččukoski 161
 Oččuniitty 161
 Oččupeldo 160
 Oččupellot 160
 Oččuselgy 161
 Oččusuo 161
 Ojalanperä 159
 Ojanperä 159
 Ol`kontakavuara 155
 Ozroil 17

P

Padalambi 127
 Padarvi 127
 Padasuari 127
 Padasuo 127
 Pahnoisuarenpohd`aizenn`okk 152
 Pajanpera 159
 Paksuniemi 17, 82, 141, 223
 Pal`Tarvi 211
 Palukkaisensuari 63
 Pedäjänkohta 174
 Peldomperä 159
 Peldonperä 159
 Pen`Ahvjär`v 51
 Pen`Čuhu 51
 Pen`ed L`etkuded 51
 Pen`gär`v 51
 Pen`kal`l`iin`e 51
 Pen`oja 51
 Pen`so 51
 Perzedärv 168
 Pertinočču 160
 Pertintagane 156
 Peräagd`e 158

- Peräaidu 157
 Peräaijanpeldo 158
 Peräbolota 158
 Perä-Griisanpeldo 158
 Peräguba 157
 Perähauta 157
 Peräjärvi 157
 Peräkaivo 158
 Peräkangaz 158
 Perä-Kecčerinniityt 158
 Peräkedo 157
 Peräkorbi 158
 Per(ä)kosk 157
 Peräkujo 158
 Perä(kylä) 158
 Perälakši 157
 Perälambi 157
 Perälampi 157
 Peräluodo 157
 Perämbäinelambi 157
 Perämuankorbi 158
 Perämuamečča 158
 Perämäinen'okku 157
 Peräniit(ty) 158
 Peränniityt 158
 Peränoja 157
 Peräntagazet 156, 157
 Peränurmed 158
 Peräobod 157
 Peräoja 157
 Peräojannurmi 158
 Peräpeldo 157, 158
 Peräpelto 157, 158
 Peräperoš 158
 Peräpol'anku 158
 Peräranda 158
 Perä-Ruppu 158
 Peräselgy 158
 Peräsuo 158
 Perä-Suuriaidu 158
 Perä-Šallut 158
 Peräsalmi 157
 Peräsuo 158
 Peräzienpeldo 157
 Perä-Tagalambi 158
 Peräveräi 157
 Perävuara 158
 Perävuaru 158
 Peťdärv 168
 Petusjärvi 168
 Pičar 42, 56
 Piččukangas 56
 Piččulambi 56
 Piččupiä 56
 Piččusuo 56
 Pičinkuuru 133
 Pičoi 56
 Pičoiiguba 56
 Pičoilambi 56
 Pičugärv 56
 Pičuin'e Sepatg'ar'v 56
 Pidžinlahti 133
 Pielavesi 205
 Pielekkä 208
 Pielekänluoto 208
 Pielekänniemi 208
 Pielikänluoto 208
 Pielinen 205
 Pielisenjärvi 205
 Pienanjärvi 59
 Pienapelto 62
 Pienisuvi 148
 Piihtlahti 125
 Pikanlambi 52
 Pikanniemi 52
 Pikkarainekangaš 52
 Pikkaraine Lavoizlambi 52
 Pikkaraineniemi 52
 Pikkarainepeldone 52
 Pikkarainesolmovane 52
 Pikkarainesuo 52
 Pikkarainešuoht 52

- Pikkarainišuari 52
 Pikkukoski 52
 Pikkukoški 51
 Pikkukylä 52
 Pikkulambi 51
 Pikkulammit 52
 Pikkulampi 51, 52, 215
 Pikkuluvvot 52
 Pikkuniemi 51
 Pikkuoja 51
 Pikkupala 51
 Pikkupalsta 52
 Pikkupeldo 52
 Pikkupelto 51
 Pikkurandu 52
 Pikkusuari 52
 Pikkusuari 51
 Pikkutöyry 52
 Pikoijärvi 52
 Pikoisuo 52
 Pikoosuo 52
 Pikuinekylä 52
 Pikunabajat 52
 Pikunniemi 52
 Pikuo 52
 Pikuoinekylä 52
 Pirtinperä 159
 Pizančajärvi 180
 Pitkjärv 67
 Pit'kjärv 71
 Pit'ksuar 72
 Pitkäguba 72
 Pitkäjärvi 67, 71, 72
 Pitkälähti 72
 Pitkälakši 72
 Pitkälampi 72
 Pitkäniemi 72
 Pitkäperä 159
 Pitkäsuari 72
 Pitkäsuari 73
 Piäjärvi 133, 194, 195
 Piälambi 133
 Pohd'agd' 148, 149
 Pohd'agd'anniem 148
 Pohd'agju 147
 Pohd'aineabai 150
 Pohd'ained'ogi 150
 Pohd'aineguba 150
 Pohd'aine(kylä) 147
 Pohd'aine Manderabai 152
 Pohd'aineoboda 149
 Pohd'aineorg 149
 Pohd'ainerand 150
 Pohd'ainestolnik 150
 Pohd'aine Variglamb 152
 Pohd'aizenbokanabai 152
 Pohd'aizenniemak 150
 Pohd'aižilagd'oilnurmed 149
 Pohd'aižisagd'oisnurmed 149
 Pohd'anguba 150
 Pohd'anlahti 150
 Pohd'anlambi 150
 Pohd'anniityt 149
 Pohd'anoboda 149
 Pohd'ansuari 150
 Pohd'aoboda 149
 Pohd'apiän lambi 151
 Pohd'asuor' 150
 Pohd'ažedobodad 149
 Pohd'ažguba 180
 Pohd'elambi 150
 Pohd'kylä 147
 Pohd'lambi 150
 Poh(d')d'ogi 150
 Pohd'uoisuo 151
 Pohjaizlaksi 180
 Pohjaizlakši 150
 Pohjaizoja 150
 Pohjalakši 150
 Pohjančura 149
 Pohjane 147, 148
 Pohjanepiä 150

- Pohjanilambi 150
 Pohjanlahenpeldo 149
 Pohjanmeäcy 150
 Pohjanpiä 147, 194
 Pohjaperä 159
 Pohjapiä 147
 Pohjaspalte 149
 Pohjaspaltehiityt 149
 Pohjazenkujo 149
 Pohjazensuo 148
 Pohjazranda 150
 Pohjois-Hattamajärvi 147
 Pohjois-Heinäjärvi 152
 Pohjois-Kaidašuo 147
 Pohjois-Keltavuara 152
 Pohjoiskobrakko 150
 Pohjois-Kobrakko 147
 Pohjois-Köyryniemi 152
 Pohjoislakši 150
 Pohjois-Pirttijoki 147, 152
 Pohjoispiä 147, 150
 Pohjoispuoli 149
 Pohjoisranta 147, 150
 Pohjoisrinne 149
 Pohjois-Salminiemi 152
 Pohjoisšuo 151
 Pohjoizenpellot 149
 Pohjoizpiä 147
 Pohjoni Kynzijärvi 147
 Pohjoni Pinkašalmi 152
 Pohjoni Šuurijärvi 147
 Pohjupiälambi 151
 Pohpiellambi 151
 Poikasaari 63
 Poikelline 170
 Poikellinesuor 170
 Poikellizeniemi 170
 Poikkešlambi 170
 Poikkid'ärvenehätyš 171
 Poikkid'ärvenniitut 171
 Poikkid'ärvi 170, 171
 Poikkijoki 170, 171
 Poikkijovenkorbi 171
 Poikkijovenpuoli 171
 Poikkijovenvuarat 171
 Poikkijärvenkangas 171
 Poikkijärvenkoivikko 171
 Poikkijärvenlato 171
 Poikkijärvenniityt 171
 Poikkijärvennurmet 171
 Poikkijärvenpelto 171
 Poikkijärvenšuo 171
 Poikkijärvi 170, 171
 Poikkilahenpellot 171
 Poikkilahenšuo 171
 Poikkilakši 170, 171
 Poikkiliete 170
 Poikkiliettienpeldo 171
 Poikkiloma 170, 171
 Poikkilomanpellot 171
 Poikkiniemi 170
 Poikkioboda 170
 Poikkiojanrissit 171
 Poikkipalo 170
 Poikkipeldo 171
 Poikkipelto 170
 Poikkipuolini 170
 Poikkiranta 170
 Poikkisuo 170
 Poikkisuonselgy 171
 Poikkisuonsildu 171
 Poikkišalmi 170
 Poikkišuari 170
 Poikojanpeldo 171
 Poiksuaret 170
 P'olajärv 205
 P'ofč 208
 P'ofčut 208
 Polosuontaga 156
 P'oluzjärv 205
 Polvijärvi 114, 116, 222
 Polvilampi 114, 116, 222

Poukkamanniemenkohtah 174
 Poušjärv 209
 Puankoški 127
 Puavon Šuvirinne 148
 Pukšajärvi 138
 Pukšalambi 138
 Pukšujärvi 138
 Pukšulambi 138
 Pukšunkoški 138
 Pukšusu 138
 Puzuguba 127
 Puzusel'g 127
 Puzusuo 127
 Puukkokoški 127
 Puukkonurmi 127
 Pyörie Den`gasuari 86
 Pyörieislambi 86
 Pyörielaksi 86
 Pyörielambi 86, 222, 223
 Pyörielampi 86
 Pyöriesuari 86
 Pyörikkölambi 86
 Pyörissuari 86
 Pyöriäisjärvi 86
 Pyörzy 86
 Pyörzyjärvi 86
 Pyörzylambi 86
 Pyörzänjärvi 86
 Pyörykkä 86, 227
 Pyörykkälambi 86, 222, 223
 Pyörykänlampi 86
 Pyöryzlambi 86
 Pyöryzäjärvi 86
 Pyöryžlambi 86
 Pyöryžylambi 222, 223
 Pyöräkkö 128
 Pyöräkkölambi 86, 128
 Pyöräkköpellot 128
 Pyöräkönpellot 128
 Pyöräkönsuo 128
 Pyörälampi 86

Pyöröilambi 86
 Päijjärvi 194, 195
 Päivinočča 161
 Pälizjärvi 192
 Pälizjärv 206
 Päl'järvi 211
 Pälärvi 206
 Pääjärvi 194, 195
 Päälampi 194

R

Rahkoil 17
 Rajanperä 159
 Rajavanlambi 135
 Rantatien Šuvipuoli 146
 Raukujärvenperä 159
 Reboil 22
 Revonkoipi 133
 Riehtilälampi 127
 Riihenperä 159
 Riihentaga 156
 Riihikoronperä 159
 Riikonpiä 194
 Riukanočče 161
 Rokonlambintaga 156
 Rovehsuo 127
 Ruočinkohta 174

S

Savikontaga 156
 Savilambi 179
 Savinilambi 179
 Selgäntaga 156
 Sepänsuontaga 156
 Seänkangas 164
 Seänsuo 164
 Sildantaga 156

- Sildantagaine 156
 Silmikkäine 179
 Silmikäzlämbi 179
 Siänd'ogi 166
 Siänlämbi 164
 Siänsellät 164
 Songodärvi 225
 Songoi 225
 Sorkančuppu 133
 Suareksenočču 160
 Suarenočča 161
 Suarenočče 161
 Suarentagavoine 156
 Suarentua 156
 Suontaga 156
 Suontagaizet 156
 Suontaguine 156
 Suoperä 159
 Sur' Ahvjär'v 51
 Sur' Čuhu 51
 Sur'jogi 41
 Sur'kal'1' 51
 Sur'so 51
 Suujärvi 133
 Suurimägi 34
 Suurisuvi 148
 Suvempöudod 149
 Suvenheinmatk 148
 Suvenhieru 165
 Suvenkari 150
 Suvenkujo 149
 Suvenluodo 150
 Suvennurmed 149
 Suvenpellot 148
 Suvi 148, 149
 Suviagd'a 147
 Suviguba 150
 Suvihaudanabajad 152
 Suvikylä 147
 Suviliete 150
 Suvimadal 150
 Suvineagd' 147
 Suvineguba 150
 Suvinekal'1' 151
 Suvine Kard'aguba 152
 Suvine Kondiiniem 152
 Suvine(kylä) 147
 Suvinelah 150
 Suvine Manderabai 152
 Suvine Matlamb 152
 Suvineniemi 150
 Suvinen'okk 150
 Suvineobod 149
 Suvinepeldo 149
 Suvinestolnik 150
 Suvine Toralah 152
 Suvine Void'ärv 152
 Suvioja 150
 Suvipeldo 148
 Suvipellot 148
 Suvisuo 151
 Suvizedpeldod 149
 Suvizenobodanpellot 149
 Suvizenagd'annurmed 149
 Suvizennurmed 149
 Suvivuaranselgy 151
 Sydämennurmed 164
 Sydämoja 164
 Sydänhuhta 164
 Sydänorgo 164
 Sydänso 167
 Syrd'änperä 159
 Syrd'äntaga 156
 Syväčcy 102
 Syväinčuppu 163
 Syväindorogu 164
 Syväinkorbi 163
 Syväinselgä 163
 Syvänpeldo 164
 Syväperze 133, 167
 Syväperä 159
 Syänjärvi 164

Syänlambi 166
 Syänoja 164
 Syänsuo 164
 Šaberonperä 159
 Šalmenpoikki 170
 Šalmentaga 156
 Šalmentagane 156
 Šalmestapoikki 170
 Šantaperä 159
 Šavilahenperä 159
 Šuarenkohta 174
 Šuarenperä 159
 Šuarentagane 156
 Šuarenvälinoja 169
 Šuarilahenperä 159
 Šuariperä 159
 Šuolahen Takaranta 155
 Šuonpoikki 170
 Šuontakani 156
 Šuoperä 159
 Šuškendorogal Luodehnmurmed 149
 Šuurenpiänočča 161
 Šuurijärvi 147
 Šuvenagja 147, 148
 Šuvenguba 148
 Šuvenhieru 147
 Šuvenkaivo 148
 Šuvenkujo 148
 Šuvenkylä 147, 148
 Šuvenpiä 148
 Šuvensuo 148
 Šuvenšalmi 150
 Šuvi 147
 Šuvi-Hattamajärvi 147, 152
 Šuvi-Haugilambi 152
 Šuvi-Heinäjärvi 151
 Šuvi-Huhtijärvi 152
 Šuvi-Kaidasuo 152
 Šuvi-Kaidašuo 147
 Šuvi-Keltavuara 152
 Šuvikobrakko 150

Šuvi-Kobrakko 147
 Šuvikupa 150
 Šuvi-Kynzijärvi 152
 Šuvi Kynzijärvi 147
 Šuvilakši 148, 150
 Šuvi-Lohilakši 152
 Šuvine Šuurijärvi 147
 Šuviniemi 150
 Šuvi(peldo) 148
 Šuvi-Pirttijoki 147, 152
 Šuvipiä 147, 148
 Šuvi-Pohjanjogi 152
 Šuvipuoli 147
 Šuviranda 150
 Šuviranta 147, 150
 Šuvirinne 148, 151
 Šuvisammal 151
 Šuvišelkä 150
 Šuvišuari 150
 Šuvišuo 151
 Šuvivuara 151
 Šyvä-Kauhie 158
 Šyväloma 170
 Šyvälomanpoikki 170
 Šärgiperä 159
 Šärkänočča 160

T

Taembaine Ojansuu 162
 Taembane Keidoja 162
 Tagad'ogi 154
 Taga Hiizišuari 155, 156
 Tagahuutu 154
 Tagaine 154
 Tagainepeldo 154
 Tagaizensuo 155
 Tagajogi 154
 Tagakylä 155
 Tagalakši 154

- Tagalambi 154
 Tagalambizet 154
 Tagamägi 155
 Tagamuannurmi 155
 Taganiemi 154
 Tagaoboda 161
 Tagaoja 154
 Tagapaikku 154
 Tagapeldo 154
 Tagaperä 159
 Tagapuoli 154
 Taga Põrõnlakši 155
 Tagarandu 154
 Tagasargu 154
 Tagaselgy 155
 Tagasuo 155
 Tagašuari 154, 156
 Tagašuo 155
 Tagazienpeldo 154
 Tagazed Peränurmed 155
 Tagaveräi 155
 Tagaveräipeldo 155
 Tagaveräisuo 155
 Tagaveräjänlammit 155
 Tagaveräjänpeldo 155
 Tagavongu 154
 Tagavuara 155
 Taginesilda 179
 Taguižinkujo 155
 Taivallahti 59
 Takajoki 154
 Takajovenurmet 155
 Takajovenpelto 155
 Takalampi 154
 Takaleikut 155
 Takaloma 155
 Takaniemen Šavihauta 155
 Takaniemenšuu 155
 Takaniemi 154
 Takanurmi 155
 Takaoja 154
 Takapalo 155
 Takapelto 154
 Takapuoli 155
 Takaranta 154
 Takariäty 155
 Takašelkä 154
 Takašuo 155
 Takatunturi 155
 Takavuara 155
 Takavuaranoja 155
 Takavuaranpellot 155
 Talojenväli 169
 Talvijärvi 180
 Talvizjärvi 180
 Talvizoja 180
 Tapparaguba 125
 Tapparalambi 125
 Tapparaoja 125
 Tapparasuaret 125
 Tapparasuo 125
 Tapparavuara 125
 Tarasjoki 212
 Tarasjärvi 212
 Tarasmo 192, 212
 Tarazmaini 192, 212
 Tarazmane 192
 Tarazmazendärvi 192
 Terl 22
 Tervaparčča 125
 Tientaga 156
 Tihoinočča 161
 Timoškan Tagaveräi 155
 Tobd'adnurmed 34
 Tobd'asuo 34
 Tobd'atsuaired 34
 Tobd'(e)mägi 34
 Tobd'Hadarmägi 34
 Tobd'Haugilambi 34
 Tobd'Heinmatkobod 34
 Tobd'kivi 34
 Tobd'kylä 34

Tobd'luodo 34
 Tob(d')luodo 34
 Tobd' Murtsuor' 34
 Tobd'obod 34
 Tobd' Pertlambi 34
 Tobd' Rugižlambi 34
 Tobd'sild 34
 Tobd'suo 34
 Tobd'-Voronou 34
 Tobie Kallivokoski 36
 Tobiesuari 34
 Tobjed'ärv 34
 Tobjepaltege 34
 Tol'l'onočča 161
 Toraššuaarenkohta 174
 Torazjärv 212
 Torazjärvi 17
 Tužunpiä 194
 Tyräoja 133
 Tyttösaari 64

U

Ukonsaari 63
 Ul'čči 172
 Ulgoni Ristilakši 163
 Ulko Nukkiniemi 163
 Ulkošalmi 163
 Ulkošuo 163
 Ulko Šuusalmi 163
 Uomančijärvi 180

V

Varsalampi 64
 Varsanhäntä 133
 Vasaralakši 125
 Vasaralampi 125
 Vasarapelto 125

Veiččilahti 127
 Veiččilakši 127
 Veiččilambi 127
 Veiččiorgo 127
 Veiččišuari 127
 Vepsäjärvi 166
 Vepsälambi 166
 Vepsävuara 166
 Viikatehjärvi 125
 Vingl 22
 Viningānočanābrāz 161
 Virčlambi 133
 Virmukanniityt 128
 Viärykoivu 105
 Viärypolvi 106
 Viärä 105
 Viäräččy 102, 227
 Viäräččyjärvi 102
 Viäräččykoivu 105
 Viäräččylambi 102
 Viäräččymäki 102
 Viäräččyniemi 102
 Viäräččynlambi 102
 Viäräeno 105
 Viäräjärvi 97, 105
 Viäräkoski 17, 97, 98, 100
 Viäräkoški 97, 102, 105
 Viärälambi 97, 102
 Viärälampi 101
 Viäräliete 105
 Viäränpedäjänmägi 105
 Viäränpiä 105
 Viäräoja 102, 105
 Viäräsilta 106
 Viäräsuunguba 106
 Viäräšuo 105
 Viärätlammit 101
 Viärätsuaret 105
 Voivonči 195
 Vuaranočanpelto 160
 Vuaranočča 160

Vähäc 53, 227
 Vähärv 42, 53, 226
 Vähärvi 53
 Väliaho 169
 Välihuhta 169
 Välijoki 169
 Välikoivikko 169
 Välikoški 169
 Väлилampi 169
 Väлililaine 169
 Väлинурми 169
 Välinäinepeldo 169
 Välipeldo 169
 Välipellot 169
 Välipelto 169
 Välisuo 169
 Välišuo 169
 Värzjärv 106
 Värjärv 102
 Vääräcčy 102
 Vääräjärvi 102, 103, 105
 Vääräkkä(koski) 100
 Vääräkoski 98, 100
 Väärälampi 101, 103, 105
 Vääräsaari 105

Yličinhieru 172
 Yličinpeldod 172
 Yličlahti 172
 Ylilampi 177
 Ylimmäinen 185, 186
 Ylimäine 181, 185, 186
 Ylimäinen 182
 Ylimäini 182, 227
 Ylimäini Petrajärvi 181
 Ylimäini Pirttijärvi 181
 Ylimäini Uhutjärvi 181
 Ylimäisjärvi 182
 Ylinedärvi 179
 Ylinejärvi 179
 Ylinijärvi 179
 Ylizjärvi 179
 Yläjärvi 175, 197
 Ylärventaga 156
 Yöabaja 152
 Yöjoki 152
 Yölambi 152
 Yölampi 152
 Yöluoto 152
 Yöselgy 153

Y

Ylččilakši 172
 Yl'ččišuo 172
 Ylččinsuo 172
 Yličči 172
 Yliččiranda 172
 Yliččind'erein' 172

Ä

Äim(ä)jogi 45
 Änine 41, 42, 43, 44, 46
 Än'järvi 41, 42, 53
 Änoja 41
 Ääninen 43
 Äänisjärvi 43

СПИСОК ДЕТЕРМИНАНТОВ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ТОПОНИМОВ

agja, agju, agd'a, agd' 'конец, край'

aho 'бывшая подсека, заросший пожог'

aita, aidu, aid 'забор'

araja, abaja, abaju, abai 'тоня (участок водоема для лова рыбы неводом)'

bong(e), vong(e) 'водоворот; омут; глубокое, с медленным течением место в реке; излучина реки'

čurru 'угол'

čura 'сторона, край'

dorogu 'дорога'

ehätys, ehätys' 'место переправы, перевоза (через озеро, реку)'

hauta, hauda, haudu, haud 'яма; тоня'

hieru 'деревня'

huuhta, huuhhti, huughtu, huught 'пожог; (засеянная) подсека; поле, пашня; место бывшей подсеки'

joki, jogi 'река'

järvi, järv, dārvī, dārve, dārv 'озеро'

kaivo, kaiv 'колодец'

kalli, kallivo, kal'l'o, kal'l' 'скала; груда камней в лесу'

kangas, kangaš, kankaš, kangaz 'бор'

kari 'порог, перекат'

keto, kedo 'заросшая подсека, залежь'

kohta, kohtu, koht 'место'

korgo 'мель; мыс'

korpi, korbi, korb 'глухой лес, обычно еловый, растущий на низком сыром месте'

koski, koški, kosk 'порог, водопад'

kuara, kuare, kuag 'залив'

kujo 'прогон'

кура, guba 'залив'

kylä 'деревня, поселение'

lahti, lakši, laht 'залив'

lampi, lambi, lamb 'небольшое лесное озеро'

lato 'сарай'

leikku 'вырубка, делянка'

liete(h), liettie, lieto, liedo 'песок; песчаный берег'

logo 'сырая низина'

loma 'овраг, ложбина'

luoto, luodo 'луда'

matka, matku, matk 'путь, дорога, волок'

meččä, mečču, meč(č), meс 'лес'

mua, ma 'земля'

mäki, mägi 'гора'

niemi, nieme, nem 'мыс, полуостров'

nitty, niittu, niit 'покос'

n'okka, n'okku, n'ok 'мыс, конец мыса'

nuogu, n'uogu 'подводная песчаная отмель вытянутой формы, риф'

nurmi, nurm 'луг; покос'

obod, oboda, obodu 'огороженное поле или группа полей; выгон'

oja 'ручей'

orgo, orgo, org 'сырая низина; ложбина между двумя возвышенностями; глухой лес (ельник) на сыром низинном месте'

raikka, raikku, raik 'место, местность'

ralo 'выгоревшее место; сожженная подсека, пожога'

ralte, palde, raldie 'склон, косогор'

pelto, peldo 'поле'

peros, peroš, pergivõ 'расчищенный, раскорчеванный под поле или покос участок в лесу или на болоте; новина; вырубка'

perä, pera 'конец, задняя часть; дальний угол'

peä, piä, pää, pä 'конец, край; вершина'

puoli, pol' 'сторона'

rajakko 'заросшая подсека'

ranta, randa, randu, rand 'берег'

rinne(h), rinde, rindie 'склон, откос, косогор'

risti, rist 'крест'

riäty 'ряд домов'

salmi, šalmi, sal'm 'пролив'

selkä, šelgā, šelkā, selgy, sel'g, 'кряж, (пологая) возвышенность, гряда, гора'
selkä, šelgā, šelkā, 'середина озера, водный простор вдали от берега, водная
гладь'

silta, silda, sildu, sild 'мост'

saari, šaari, saar 'остров'

suo, so 'болото'

särkkä 'крутой берег (реки); возвышенность (вытянутой формы), кряж; при-
горок'

tropu 'тропа'

tunturi 'безлесая сопка'

vaara, vuara, vuagu 'лесистая возвышенность'

valkamo, valgamo 'пристань, причал'

vonga, vongu 'излучина реки; бухта, залив; омут, плес'

Научное издание

*Екатерина Владимировна Захарова,
Денис Викторович Кузьмин, Ирма Ивановна Муллонен,
Нина Леонидовна Шибанова*

ТОПОНИМНЫЕ МОДЕЛИ КАРЕЛИИ
В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Печатается по решению

Ученого совета Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Корректор О. Круподер
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета И. Богатыревой

Подписано в печать 13.09.2018. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 17. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ государственной регистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

